

экономические и социальные перемены

№ 2 (186)
март — апрель 2025

ПРАКТИКИ
ГОВОРЯТ

СОЦИОЛОГИЯ
МОЛОДЕЖИ

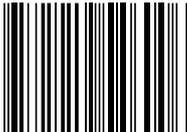
МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ

РЕЦЕНЗИЯ
НА КНИГУ

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
руководитель научно-методического департамента ВЦИОМ
Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Бирюкова Светлана Сергеевна —
кандидат экономических наук, главный научный сотрудник
Института социальной политики НИУ ВШЭ

M77 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2025. — № 2 (186). — 265 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

В. А. Кондратенко

Потребление алкоголя российской молодежью: как предпочтения родителей определяют поведение детей..... 3

И. В. Лисовская, А. Р. Гарифзянова

«Ты ощущаешь себя другим, чужим...»: иногородняя молодежь в большом городе в поисках устойчивости 22

МЕДИАСОЦИОЛОГИЯ

А. А. Линченко, О. В. Головашина, Д. А. Аникин, А. С. Сысоев, В. А. Калитвин

Память о Великой Отечественной войне в комментариях к региональным интернет-СМИ: опыт комбинации машинного обучения и критического дискурс-анализа 45

СОЦИОЛОГИЯ ЭКОЛОГИИ

А. Н. Щербак, Н. С. Зубарев, Е. С. Семушкина

Почвенники — за почву! Консервативные установки и проэкологическое поведение в России..... 66

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: март — апрель 2025..... 90

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

А. В. Демьяненко, О. А. Демидова, Д. В. Громов

Влияние региональных государственных расходов на удовлетворенность россиян жизнью..... 101

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

Д. С. Попов

Потенциал использования параданных в качественных исследованиях (на примере полуструктурированных интервью)..... 126

О. Р. Михайлова

Существует ли социология психологического здоровья и болезни в диссертациях российских социологов? 145

С. В. Жучкова, В. Ю. Девятников, А. П. Казун, М. Д. Белов, О. И. Сидорова
Тексты судебных приговоров как источник данных для эмпирических исследований права в России 170

О. L. Chernozub, L. Yu. Shuraeva
Are Implicit Attitudes “Implicit” for their Holders?
Testing GATA Construct Validity..... 193

ПРАКТИКИ ГОВОРЯТ

А. В. Гаврилов, С. В. Львов, Е. Н. Минченко, Е. В. Стулова, В. В. Федоров
Четыре России: опыт эмпирической проверки экспертной модели сегментации политических аудиторий в контексте СВО 212

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

О. А. Оберемко, Т. С. Смак
Официальные опросы по комбинированным выборкам: дизайн и анализ.
Рец. на кн.: Schouten B., van den Brakel J., Buelens B., Giesen D., Luiten A.,
Meertens V. (2022) Mixed-Mode Official Surveys: Design and Analysis.
Boca Ranton, FL: CRC Press..... 243

И. В. Павлюткин
От фундамента к облицовочному камню. О судьбе христианского брака
в разговорах с молодыми людьми.
Рец. на кн.: Regnerus M. (2020) The Future of Christian Marriage.
Oxford: Oxford University Press 252

DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2772](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2772)

В. А. Кондратенко

**ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ:
КАК ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ ОПРЕДЕЛЯЮТ
ПОВЕДЕНИЕ ДЕТЕЙ**

Правильная ссылка на статью:

Кондратенко В. А. Потребление алкоголя российской молодежью: как предпочтения родителей определяют поведение детей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 3—21. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2772>.

For citation:

Kondratenko V. A. (2025) Alcohol Consumption Among Russian Youth: How Parental Preferences Determine Children's Behavior. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 3—21. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2772>. (In Russ.)

Получено: 16.10.2024. Принято к публикации: 11.03.2025.

ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ: КАК ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ ОПРЕДЕЛЯЮТ ПОВЕДЕНИЕ ДЕТЕЙ

КОНДРАТЕНКО Валерия Александровна — младший научный сотрудник, Лаборатория экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: vkondratenko@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4760-7814>

ALCOHOL CONSUMPTION AMONG RUSSIAN YOUTH: HOW PARENTAL PREFERENCES DETERMINE CHILDREN'S BEHAVIOR

Valeriia A. KONDRATENKO¹ — Junior Research Fellow, Laboratory for Studies in Economic Sociology

E-MAIL: vkondratenko@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4760-7814>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. Исследования подтверждают важную роль родителей в алкогольной социализации молодежи, однако мало изучено, как они влияют на предпочтения детей в выборе конкретных видов алкогольных напитков. В статье анализируется связь между видами алкогольных напитков, употребляемых молодыми людьми, и видами алкогольных напитков, выбираемых их родителями. В основе исследования — данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS—HSE) за 2012—2019 гг. Выборка — 3095 респондентов 14—22 лет, потреблявших алкоголь в последние 30 дней.

С помощью кластерного анализа выделено пять групп молодежи по составу потребляемых алкогольных напитков: «только пиво», «коктейли и другие напитки», «вино и пиво», «водка/самогон и другие напитки» и «коньяк, виски, ликер и другие напитки». Для оценки связи между потреблением различных алкогольных напитков молодыми людьми и их родителями использовалась мультиномиальная регрессия, где зависимая переменная — типология потребления алкоголя молодежью, а ключевые независимые переменные — виды потребляемого алкоголя хотя бы одним из родителей. Результаты показывают, что влияние родителей распространяется не только на факт употребления

Abstract. Existing research highlights the role of parents in the alcohol socialization of youth. However, little is known about how parents influence children's preferences in choosing specific types of alcoholic beverages. This study explores the relationship between the alcohol preferences of youth and their parents using data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS—HSE) from 2012 to 2019. The sample includes 3,095 respondents aged 14 to 22 who consumed alcohol in the 30 days preceding the survey.

The author uses cluster analysis to identify five groups of young people based on the composition of alcoholic beverages consumed, namely: «only beer», «cocktails and other beverages», «wine and beer», «vodka, moonshine, and other beverages», and «cognac, whiskey, liqueur, and other beverages». To assess the relationship between the types of alcohol consumed by youth and their parents' choices, the author estimates multinomial regression model, with typology of alcohol consumption among youth as the dependent variable and the types of alcoholic beverages consumed by at least one parent as key independent variables. The results show that parental influence extends not only to the fact of alcohol consumption, which has been identified in previous studies, but also to the choice of specific alcoholic beverage.

алкоголя, что было выявлено в исследованиях ранее, но и на выбор конкретных алкогольных напитков. Например, употребление вина одним из родителей увеличивает вероятность того, что их взрослый ребенок будет привержен типу потребления, включающему вино. Аналогичная ситуация наблюдается и для более крепких напитков, таких как водка, самогон и коньяк.

Ключевые слова: потребление алкоголя, типы потребления алкоголя, потребление алкоголя молодежью, потребление алкоголя родителями, РМЭЗ ВШЭ

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, проект «Повседневные поведенческие практики россиян в условиях внешних шоков». Автор выражает особую благодарность Я. М. Роциной и коллективу Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ за помощь в работе над статьей.

Введение

С начала 2000-х годов в России снижается доля населения, которое относит себя к пьющим, а также сокращаются объемы потребления алкоголя [Кондратенко, 2021; Роцина, Белова, 2024; Роцина, Кондратенко, 2024]. Эти изменения сопровождаются структурными изменениями в потреблении алкоголя россиянами [Радаев, 2022]. В стране наблюдается переход от северной модели потребления алкоголя, характеризующейся нечастым, но обильным потреблением крепкого алкоголя, к южной модели, которая подразумевает более частое потребление алкоголя низкой крепости в умеренных количествах [Porova et al., 2007].

Ученые отмечают, что наибольший «вклад» в снижение доли пьющих в разных странах вносит молодежь. Как показывают последние исследования в России [Radaev, Roshchina, 2019; Radaev, Roshchina, 2021; Кондратенко, 2021] и в других странах [Vashishtha et al., 2021], молодые люди действительно демонстрируют снижение интереса к потреблению алкоголя по сравнению с другими возрастными когортами, среди них увеличивается доля трезвенников. Например, по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS — HSE) за 2006—2018 гг. [Кондратенко, 2021], наиболее заметные изменения в приросте доли трезвенников произошли среди молодежи до 25 лет, доля непьющих увеличилась на 30 п. п. (выросла с 25

ages. For example, wine consumption by one of the parents increases the likelihood that their adult child will be committed to a type of consumption that includes wine. For instance, parental consumption of wine increases the likelihood that a young person will belong to a group that includes wine. A similar pattern is observed for stronger beverages such as vodka, moonshine, and cognac.

Keywords: alcohol consumption, types of alcohol consumption, youth alcohol consumption, parental alcohol consumption, RLMS—HSE

Acknowledgments. The study was supported by the HSE University Fundamental Research Program, project «Russians' Daily Social Practices under Exogenous Shocks». The author expresses special gratitude to Yana Roshchina and the HSE Laboratory of Economic and Social Research staff for their assistance in working on the article.

до 55 %). Для сравнения, среди людей 26—40 лет данный показатель изменился за этот же промежуток времени в положительную сторону только на 14 п. п., среди россиян 41—60 лет уже на 12 п. п., среди пожилых людей старше 61 года — только на 9 п. п.

Несмотря на позитивные тенденции, молодежь представляет собой социальную группу, подверженную рискам, особенно во времена экономических и социальных кризисов. Исследования показывают [Tran et al., 2020; Wardell et al., 2020], что в такие периоды может быть повышен риск употребления алкоголя в качестве механизма преодоления трудностей. Недавнее исследование [Радаев и др., 2023] подтверждает это, показывая, что с начала 2022 г. молодые люди в России чаще увеличивали потребление алкоголя по сравнению со средним по выборке (8 % против 4 %).

Потребление алкоголя обусловлено широким спектром факторов, связанных с индивидуальными чертами человека и с его окружением. Согласно систематическому обзору литературы [Khamis et al., 2022], паттерны потребления алкоголя во многом определяются демографическими факторами, такими как возраст и доступность мест продажи алкоголя. Помимо этого, важную роль играют социальные факторы, такие как социально-экономический статус семьи и религиозная принадлежность. Так, исследования демонстрируют, что существуют различия в потреблении алкоголя в зависимости от социально-экономического положения человека. Например, выявлена связь между видами алкогольных напитков, которые предпочитают люди, и их социальным классом: представители высших слоев общества отдают предпочтение шампанскому, коньяку и другим статусным напиткам, а пиво и водку склонны выбирать менее обеспеченные и образованные группы населения [Рощина, Мартыненко, 2014]. В свою очередь, религия и вовлеченность в религиозные практики влияют на восприятие и отношение к алкоголю, выполняя сдерживающую функцию [Khamis et al., 2022].

Для молодежи ключевыми признаются факторы, связанные с близким окружением [Windle et al., 2008]. Согласно концепции социального научения А. Бандуры [Bandura, 1969], в молодом возрасте навыки приобретаются через наблюдение за окружающими и анализ последствий их поступков. Особенность данного подхода заключается во взаимном детерминизме, который описывал А. Бандура: поведение человека формируется под влиянием окружающей среды, а также само поведение человека оказывает воздействие на его окружение. Эта особенность отличает данный подход от бихевиористских теорий, в которых доминирует идея о влиянии только окружения человека на его поведение [Smith, 2021].

Используя теорию социального научения, можно подчеркнуть, что одной из ключевых групп влияния на молодежь оказываются их друзья и сверстники. Молодые люди могут менять свое поведение по отношению к употреблению алкоголя и других веществ в соответствии с их кругом общения [Patrick, Schulenberg, 2010]. Исследования демонстрируют, что молодежь, которая проводит больше времени с друзьями, может чувствовать социальное давление к потреблению алкоголя и быть более склонной к его эпизодическому употреблению [Watts et al., 2024]. Важно отметить, что молодые люди по-разному поддаются влиянию своих сверстников в зависимости от их генетики и черт характера [Allen et al., 2022].

Однако наиболее значимым фактором, связанным с потреблением алкоголя молодежью, остаются родители, особенно если рассматривать младшие возрастные группы. Родители в этом случае выступают для подростков первичными агентами алкогольной социализации и формируют нормы потребления алкоголя, которые во многом определяют паттерны потребления алкоголя в более зрелом возрасте [Coffelt et al., 2006; Randolph et al., 2018; Vermeulen-Smit et al., 2012]. Утверждается, что потребление алкоголя родителями не только влияет на первую пробу алкоголя подростком, но и во многом определяет его практики потребления алкоголя в течение всего периода взросления [Poelen et al., 2007, 2009; Power et al., 2005; Vermeulen-Smit et al., 2012]. Передача практик потребления алкоголя может происходить как через прямые, так и через косвенные процессы социализации. Прямая социализация включает в себя явные обсуждения и правила, установленные родителями в отношении алкоголя, в то время как косвенная социализация происходит через моделирование поведения, наблюдение и усвоение привычек родителей в отношении употребления алкоголя, включая выбор напитков [Jackson, Henriksen, Dickinson, 1999; Van der Vorst, Burk, Engels, 2010].

В зарубежной литературе существует значительный объем исследований, посвященных изучению взаимосвязи практик потребления алкоголя молодежью и их родителями. Например, в работах анализируются гендерные различия [Coffelt et al., 2006; Espinosa-Hernandez, 2022; Green et al., 1991]; рассматривается влияние друзей, братьев и сестер [Poelen et al., 2007, 2009; Power et al., 2005; Randolph et al., 2018]; учитываются ситуации чрезмерного потребления алкоголя подростками и родителями [Bryant, MacKintosh, Bauld, 2020; Stephenson et al., 2023].

Однако результаты этих работ неоднозначны. Продолжается дискуссия о том, кто из родителей — мать или отец — оказывает большее влияние на практики потребления спиртного молодыми людьми. Помимо этого, остается не до конца изученной зависимость влияния пола и возраста молодежи. Н. Коэффельт с соавторами [Coffelt et al., 2006] предполагает, что противоречивость результатов может быть связана с разной методологией и размерами выборки в исследованиях. Помимо этого, важную роль могут играть культурный контекст и особенности потребления алкоголя в разных странах [Green et al., 1991]. В России, как было отмечено ранее, модель потребления алкоголя в последние несколько десятилетий претерпевала значительные изменения и имеет свои особенности. В связи с этим взаимосвязь между практиками потребления алкоголя молодежью и их родителями в России необходимо изучать отдельно.

Большинство отечественных исследований концентрируют внимание на чрезмерном потреблении алкоголя, а влияние родителей на детей выступает одним из многих факторов, которые обуславливают отношение ребенка к алкоголю в будущем [Одинокова, 2018; Пономарева, 2013]. Такая тенденция в исследованиях объяснима общей озабоченностью проблемой чрезмерного потребления алкоголя среди населения как в России [Горячева, 2003; Радаев, Котельникова, 2016], так и в других странах [Ророва et al., 2007]. Однако с середины 2000-х годов в России начала проводиться активная антиалкогольная политика: были введены акцизные марки и система контроля ЕГАИС, создана Федеральная служба по контролю за алкогольным и табачным рынками [Радаев, Котельникова, 2016], запрещена

продажа алкоголя несовершеннолетним, а также продажа в вечерние часы, введен учет крепости напитков и т. д. Эти меры повлекли за собой заметное снижение доли пьющих в России [Рощина, Белова, 2024], в том числе среди молодежи [Кондратенко, 2022]. В связи с этим исследовательский фокус может быть смещен с изучения чрезмерного потребления алкоголя и алкоголизма в сторону других форм потребления алкоголя.

Хотя общеизвестно, что родители влияют на потребление алкоголя своих детей, мало что известно о том, распространяется ли это влияние на конкретные виды потребляемого алкоголя. Основываясь на теории социального научения, выдвинем гипотезу, что виды алкогольных напитков, потребляемых родителями, связаны с видами спиртного, предпочитаемого их детьми. Эта гипотеза основана на идее о том, что родители, употребляющие определенные виды напитков, создают среду, в которой этот выбор нормализуется и, вероятно, будет имитироваться детьми. Сосредоточившись на взаимосвязи между видами алкогольных напитков, предпочитаемых молодежью и родителями, это исследование призвано заполнить пробел в литературе и внести вклад в понимание социализации алкоголя в семьях.

Данные и выборка исследования

Эмпирическую базу исследования составляют данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ)¹. В работе использовался объединенный массив репрезентативных данных, собранный в период с 2012 по 2019 г. Выбор начальной точки обусловлен тем, что именно с 2012 г. в анкету был добавлен важный для нашего анализа вопрос о потреблении напитков категории «коньяк, виски, ликер». Период завершен на 2019 г., поскольку данные, собранные начиная с 2020 г., могут отражать искажения, вызванные пандемией COVID-19 [Колосницына, Золотарева, 2024] и последующими социально-экономическими кризисами, что требует отдельного анализа. Объединенный массив данных использован для увеличения количества кейсов, так как выборка с данными о родителях недостаточно велика за отдельные годы. Кроме того, данный период характеризуется относительной социально-экономической стабильностью и имеет общий тренд на снижение потребления алкоголя среди молодежи, что подтверждается анализом данных.

Так как в качестве объекта исследования выступает молодежь, важно описать критерии ограничения возраста. При изучении потребления алкоголя в качестве нижней границы в России обычно выбирают возраст 14—16 лет. Например, В. Радаев с коллегами рассматривают респондентов с 14 лет [Radaev, Roshchina, 2019; Radaev, Roshchina, Salnikova, 2020]; З. Котельникова с 15 лет [Котельникова, 2015]; Я. Рощина и П. Мартыненко ограничивают выборку респондентами старше 16 лет [Рощина, Мартыненко, 2014]. В нашем исследовании мы рассматриваем молодежь в возрасте от 14 до 22 лет, исходя из того, что с 14 лет фиксируется потребление алкоголя, а к 22 годам многие респонденты все еще прожива-

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>.)

ют с родителями, что важно для анализа семейного влияния. Влияние родителей на поведение, связанное со здоровьем, наиболее выражено при совместном проживании, и снижается по мере отделения ребенка от родительского дома, например, при поступлении в университет и переезде [Lau et al., 1990; Patrick et al., 2020].

Исходная база данных, охватывающая молодежь в возрасте от 14 до 22 лет за период с 2012 по 2019 г., содержала 14 965 респондентов. Для нашего исследования мы отобрали тех, кто употреблял алкоголь в последние 30 дней перед опросом, что составило 3095 респондентов. Среди респондентов незначительно больше юношей (51%), чем девушек (49%). 14% проживают в Москве или Санкт-Петербурге, 39% — в областных центрах, 24% — в городах, и 23% — селах. Большую часть выборки (89%) составляют молодые люди в возрасте от 18 до 22 лет. Среди всей молодежи 39% респондентов учатся, но не работают, 28% работают, но не учатся, 21% совмещают учебу и работу, 13% только работают. Этнический состав был следующим: 94% респондентов идентифицировали себя как славяне, 2% — как представители мусульманских народов, 4% относились к другим этническим группам. 24% респондентов состоят в формальном или неформальном браке.

Методы измерения и анализа данных

Молодежь часто отдает предпочтение сразу нескольким видам алкогольных напитков, поэтому для более точного анализа мы решили не ограничиваться изучением отдельных напитков, а разработать типологию потребления. Для построения типологии мы использовали блок вопросов из анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ «Сейчас я буду перечислять разные спиртные напитки, а Вы скажите мне, пожалуйста, какие из них Вы пили в течение последних 30 дней». Для этого был использован двухэтапный кластерный анализ на данных 2012—2019 гг. Данный метод выбран за его способность обрабатывать большие массивы данных с бинарными переменными и автоматически определять оптимальное количество кластеров на основе ВИС (Байесовского информационного критерия). Для повышения репрезентативности данных и ввиду малонаполненности некоторые категории схожих между собой категорий напитков были объединены: «пиво промышленного производства», «домашнее пиво» и «брага» — в «пиво, брага»; различные виды вина — в «вино»; «водка» и «самогон» — в «водка или самогон». Категория «пили что-то другое» была исключена из-за малой наполненности.

С помощью кластерного анализа были выделены пять типов потребления алкоголя: «только пиво», «коктейли и другие напитки», «вино и пиво», «водка/самогон и другие напитки» и «коньяк, виски, ликер и другие напитки». Полученные кластеры, продемонстрировали оптимальное распределение респондентов и наилучшую интерпретируемость. Выделенные типы потребления алкоголя также оказались устойчивыми при тестировании модели с рандомным стартом кластерных центров, что указывает на надежность полученной типологии.

Для оценки связи потребления различных алкогольных напитков молодыми людьми и их родителями мы использовали мультиномиальную регрессию, где зависимая переменная — разработанная типология потребления молодежью с базовой категорией «только пиво», ключевые независимые переменные — виды алкогольных напитков, которые употребляли хотя бы один из родителей. С помощью

домохозяйственного идентификатора мы добавили в базу данных информацию о потреблении алкоголя родителями, включая пиво, вино, крепленое вино, са-могон, водку, виски, коктейли. Чтобы уменьшить количество переменных и снизить риск переобучения модели, мы решили учитывать только факт употребления каждого из этих напитков хотя бы одним из родителей. В модель также были включены контрольные переменные молодежи (пол, возраст, семейное положение, этническая принадлежность, статус занятости, доход, состав семьи, тип места жительства и норму температуры в январе как показатель климатических условий региона проживания). Выбор этих переменных основывался на обзоре литературы по аналогичным темам, а также с учетом специфики российского контекста и данных, доступных в РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Тренды в потреблении алкоголя среди молодежи

Анализ данных, представленных в таблице 1, демонстрирует явную тенденцию к снижению потребления алкоголя российской молодежью в период с 2012 по 2019 г. За это время доля молодых людей, которые употребляют алкоголь хотя бы иногда, сократилась с 47 % до 27 %. Особенно заметным оказалось снижение регулярного потребления: если в 2012 г. за последние 30 дней употребляли алкоголь 31 % респондентов, то к 2019 г. этот показатель снизился до 16 %.

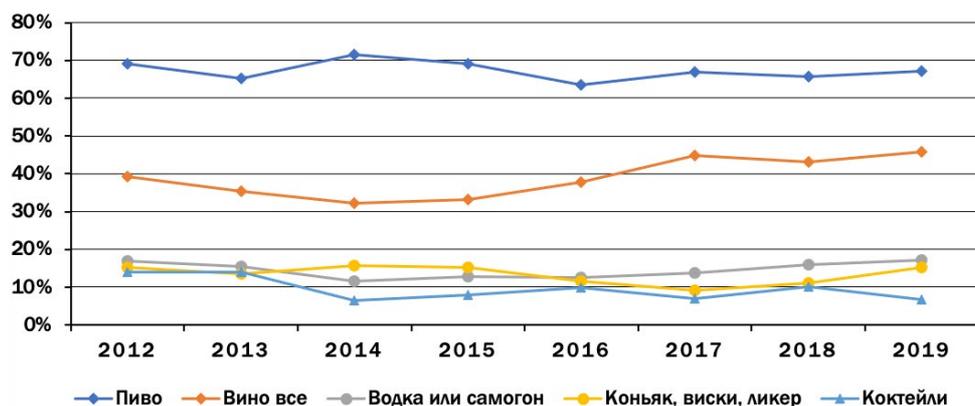
Данные также указывают на сокращение гендерного разрыва в практиках потребления алкоголя. В 2012 г. 33 % юношей и 29 % девушек сообщили об употреблении алкоголя в течение последних 30 дней (разница 4 п. п.). К 2019 г. этот разрыв уменьшился: 16 % юношей и 15 % девушек пили спиртное за 30 дней до проведения опроса (разница 1 п. п.). Кроме того, тенденция к снижению потребления алкоголя среди девушек, по-видимому, более быстрая. Схожий тренд прослеживается при анализе данных по возрастным группам. Среди старшей молодежи в возрасте 18—22 лет доля пьющих за последние 30 дней снизилась с 45 % до 27 % (18 п. п.). Для молодежи в возрасте 14—17 лет этот показатель также уменьшился, с 9 % до 4 % (на 5 п. п.), однако снижение было менее выраженным по сравнению с группой молодых людей 18—22 лет.

Таблица 1. Динамика доли молодежи в возрасте 14—22 лет, употребляющих алкоголь (в %), 2012—2019 гг. (данные РМЭЗ НИУ ВШЭ)

Годы	За последние 30 дней					Хотя бы иногда
	Юноши	Девушки	14—17 лет	18—22 года	Всего	
2012	33	29	9	45	31	47
2013	28	23	7	39	26	40
2014	22	18	4	33	20	36
2015	20	17	4	30	18	30
2016	19	18	4	30	18	33
2017	16	18	3	30	17	30
2018	17	16	4	27	16	30
2019	16	15	4	27	16	27
Всего	22	20	5	34	21	35

Динамика предпочтений алкогольных напитков молодыми людьми (см. рис. 1) также изменилась. На протяжении всего периода самым популярным напитком среди молодежи оставалось пиво, при этом потребление немного колебалось, но в среднем составляло 67 %. В свою очередь, доля молодежи, которая предпочитала вино, снизилась с 39 % до 32 % в 2014 г., затем стабильно росла, достигая максимума в 2019 г., когда почти половина (46 %) пьющей молодежи выбирала этот напиток. Водка и самогон были менее распространены среди молодых людей, их потребление варьировалось от 12 % до 17 %. Доля молодежи, предпочитающих «коньяк, виски, ликер» незначительно колебалась, оставаясь на уровне примерно 15 % в течение всего периода. Коктейли показали значительное падение потребления: с 14 % в 2012 г. до 7 % к 2019 г. В целом доминировали пиво и вино, в то время как более крепкие спиртные напитки и коктейли употреблялись меньшим количеством респондентов.

Рис. 1. Доля молодежи, употреблявшей различные виды алкогольных напитков в течение последних 30 дней перед опросом (в %) 2012—2019 гг. (данные РМЭЗ НИУ ВШЭ)

Типология потребления алкоголя молодежью

На основе данных за 2012—2019 гг. определено пять типов потребления алкоголя среди молодежи. Мы выделили один «чистый» тип, в котором присутствует потребление только пива. В четырех остальных типах выделяется один доминирующий напиток, который молодые люди сочетают с другими видами алкоголя. Эти типы различаются не только сочетаниями напитков, но и социально-демографическими характеристиками их представителей². Таблицы с центрами кластеров, распределением типов потребления алкоголя по социально-демографическим характеристикам и динамикой изменений типологии по годам могут быть предоставлены автором по запросу.

Самый распространенный тип потребления алкоголя среди молодежи — «только пиво» (38 % выборки). Этот тип отличается высокой долей юношей (66 %), прожи-

² Таблицы с центрами кластеров, распределением типов потребления алкоголя по социально-демографическим характеристикам и динамикой изменений типологии по годам могут быть предоставлены автором по запросу.

вающих в поселках городского типа (26%), состоящих в браке (26%), с высоким уровнем здоровья (69%), которые относят себя к славянским национальностям (94%). Интересно, что здесь выше доля младшей молодежи в возрасте 14—17 лет (13%), но этот тип не является самым «молодым». В группе статистически значимо выше доля редко пьющей молодежи, которая потребляет алкоголь раз в месяц (36% по сравнению с 33% в среднем по выборке).

Тип «коктейли и другие напитки» (11% выборки) представляет молодежь, которая потребляет самые разные алкогольные напитки: почти все (97%) пьют коктейли, 58% пьют пиво, 35% — вино, 16% — водку и самогон, 16% — коньяк, ликер и виски. Этот кластер по описанию портретов молодежи близок к представителям типа «вино и пиво» (29% выборки), в котором все (100%) пьют вино и 31% пьют пиво. Оба типа являются самыми «молодыми» (доля молодежи 14—17 лет — по 13%) и самыми женскими (доля девушек — 62% и 78%). В этих кластерах выше по сравнению со средним по выборке процент респондентов из столиц (по 18%). Различаются они тем, что в типе «коктейли и другие напитки» выше доля молодых людей, не состоящих в браке (80%), а в кластере «вино и пиво» данный показатель практически равен среднему и составляет 76%. Важное различие наблюдается в частоте потребления алкоголя: в группе «коктейли и другие напитки» выше доля тех, кто пьет алкоголь чаще двух-трех раз в неделю (19% по сравнению с 9% средним по выборке); в типе «вино и пиво», наоборот, преобладают те, кто пьет алкоголь реже — раз в неделю (47% против 34% в среднем по выборке).

Тип «водка, самогон и другие напитки» (13% выборки) включает молодежь, употребляющую водку, самогон (100%), пиво (70%), вино (21%), коньяк, виски и ликер (16%). Этот тип является самым «мужским» (доля юношей — 78%), самым взрослым (доля молодежи 18—22 лет — 96%). Также среди представителей этого типа самая высокая доля мужчин, состоящих в браке (доля респондентов в браке — 26%). Здесь также больше тех, кто живет в городах (29%) и в поселках городского типа / селах (34%). Также отличается этот кластер по сравнению со всей пьющей молодежью тем, что здесь выше процент респондентов, которые не учатся и не работают (20%) и тех, которые не учатся, но работают (37%). По частоте, в данной группе молодежи выше доля тех, кто пьет алкоголь раз в неделю или два-три раза за 30 дней (71% против 58% в среднем по выборке), и тех, кто пьет алкоголь чаще двух-трех раз в неделю (19% против 9% в среднем по выборке).

Схожим типом, но со своими отличительными особенностями, является тип «коньяк, виски, ликер и другие напитки» (9% выборки). Его представляет молодежь, которая также потребляет пиво (55%) и вино (31%), но при этом потребляет коньяк, виски или ликер (100%). Данное сочетание присуще скорее юношам (57%), более взрослой молодежи 18—22 лет (95%), а также тем, у кого хорошее здоровье (66%). Отличие от предыдущего типа наблюдается в том, что здесь больше молодежи, которая не учится, но работает (31%). По месту жительства также наблюдается отличие: в данном случае выше доля респондентов из столиц (17%) и областных центров (44%). Помимо этого, здесь выше доля тех, кто не состоит в браке, по сравнению со всей пьющей молодежью (80%). По частоте потребления алкоголя данный тип схож с предыдущим, но его отличие со средним менее

выражено: в этой группе выше доля тех, кто употребляет алкоголь раз в неделю или два-три раза за 30 дней (65%), и тех, кто пьет два-три раза в неделю (10%).

Связь типов потребления алкоголя молодежью и употребляемых родителями видов напитков

На основе мультиномиального регрессионного анализа (см. табл. 2) мы проанализировали связь между потреблением алкоголя родителями и типами алкоголя, предпочитаемыми молодыми людьми. Референтной категорией в этом анализе выступает группа «только пиво», что облегчает сравнение того, как различные факторы связаны с вероятностью молодежи сочетать виды алкогольных напитков.

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа связи между типами потребления алкоголя молодежью и видами алкогольных напитков, потребляемых родителями, 2012—2019 гг.

Переменные	Типы потребления			
	Коктейли и др.	Водка, самогон и др.	Коньяк, виски, ликер и др.	Вино и пиво
Пиво	1,064	0,832	0,599***	0,582***
	(0,187)	(0,131)	(0,108)	(0,0789)
Вино	1,603***	1,104	1,708***	3,096***
	(0,267)	(0,190)	(0,307)	(0,416)
Крепленое вино	1,921**	0,965	1,058	2,079***
	(0,498)	(0,264)	(0,349)	(0,421)
Самогон	1,083	2,501***	0,797	1,215
	(0,392)	(0,707)	(0,355)	(0,352)
Водка	1,057	1,555***	1,151	1,157
	(0,188)	(0,242)	(0,207)	(0,163)
Виски, коньяк, ликер	1,395	0,921	2,531***	1,451**
	(0,303)	(0,215)	(0,562)	(0,268)
Коктейли	1,479	0,682	0,662	0,553
	(0,799)	(0,474)	(0,579)	(0,305)
Возраст	1,068	1,211***	1,273***	1,077**
	(0,0486)	(0,0519)	(0,0586)	(0,0371)
Логарифмированный душевой доход	1,140**	0,999	1,209*	1,159***
	(0,0586)	(0,0377)	(0,125)	(0,0560)
Есть бабушка и/или дедушка в домохозяйстве	1,066	0,976	1,177	1,322*
	(0,204)	(0,198)	(0,237)	(0,215)
Количество братьев и/или сестер, включая сводных (в семье)	1,163*	0,996	0,899	0,957
	(0,107)	(0,101)	(0,103)	(0,0796)
Мусульманские этносы (база — славяне)	0,715	1,192	0,394	1,186
	(0,398)	(0,378)	(0,243)	(0,409)
Другие этносы	1,736*	1,179	1,211	2,068***
	(0,549)	(0,367)	(0,491)	(0,528)

Переменные	Типы потребления			
	Коктейли и др.	Водка, самогон и др.	Коньяк, виски, ликер и др.	Вино и пиво
Учится, но не работает (база — не учится и не работает)	1,734**	0,660**	1,699**	2,945***
	(0,405)	(0,133)	(0,423)	(0,541)
Не учится, но работает	1,253	0,824	1,550*	1,843***
	(0,293)	(0,146)	(0,405)	(0,355)
Учится и работает	1,581*	1,306	2,237***	2,712***
	(0,398)	(0,268)	(0,623)	(0,549)
Не замужем	1,613***	0,957	2,044***	1,340**
	(0,298)	(0,161)	(0,399)	(0,181)
Юноши	0,276***	1,848***	0,597***	0,120***
	(0,0412)	(0,296)	(0,0954)	(0,0150)
Областной центр (база — Москва, Санкт-Петербург)	0,673*	0,897	0,963	0,846
	(0,148)	(0,227)	(0,235)	(0,156)
Город областного подчинения	0,696	1,508	0,746	0,768
	(0,164)	(0,390)	(0,192)	(0,152)
Село, поселок городского типа	0,468***	1,430	0,651	0,629**
	(0,122)	(0,360)	(0,178)	(0,125)
Норма температуры в январе	1,011	1,004	1,045***	1,034***
	(0,0108)	(0,0101)	(0,0132)	(0,00868)
Константа	0,0390***	0,00513***	0,000335***	0,0593***
	(0,0462)	(0,00516)	(0,000487)	(0,0511)
R2	0,1329			
Количество наблюдений	3 089			

Примечание. Значимость: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$, модели значимы на уровне 95%. В скобках приведены стандартные ошибки. Для экономии места данные по годам исключены из таблицы. Таблица средних значений и полная таблица с результатами регрессионного анализа предоставляются автором по запросу.

Как показывает анализ, потребление пива одним из родителей снижает вероятность того, что молодые люди будут относиться к типам «коньяк, виски, ликер и другие напитки» и «вино и пиво», в которых одним из напитков как раз является пиво. Это может свидетельствовать о том, что потребление пива родителями повышает вероятность предпочтения пива молодежью, ограничивая склонность к сочетанию данного вида алкоголя с другими напитками.

В свою очередь, потребление вина родителями увеличивает вероятность того, что молодежь будет чаще оказываться в категории «коктейли и другие напитки» (в 1,6 раза), «коньяк, виски, ликер и другие напитки» (1,7 раза) и «вино и пиво» (в 3 раза), в которых одним из напитков является вино. Аналогичные результаты наблюдаются для крепленого вина, но только для типов «коктейли и другие напитки» (в 1,9 раза) и «вино и пиво» в (2,1 раза). Получается, что молодые люди с большей вероятностью будут употреблять вино, если это входит в привычки их

родителей. Причем стоит отметить, что показатели выше для типа, где вино сочетается только с пивом.

Схожую логику мы можем наблюдать для типа «водка, самогон и другие напитки». Например, употребление «северных» крепких алкогольных напитков (водки и самогона) хотя бы одним из родителей значительно повышает вероятность того, что молодежь будет относиться к типу «водка, самогон и другие напитки». В частности, употребление родителями самогона увеличивает эту вероятность в 2,5 раза, а водки — в 1,6 раза. Потребление хотя бы одним из родителей коньяка, виски или ликера в 2,5 раза увеличивает шансы молодежи относиться к типу «коньяк, виски, ликер и другие напитки» и в 1,5 раза — к типу «вино и пиво».

При прочих равных условиях значимыми остаются такие социально-демографические характеристики, как логарифм душевых доходов, возраст, статус занятости, пол и тип места жительства, что также вносит вклад в объяснение выбора алкогольных напитков молодежью.

Заключение

Цель исследования заключалась в изучении взаимосвязи между видами алкогольных напитков, которые потребляют молодые люди, с теми видами алкогольных напитков, которые предпочитают их родители. На основе базы данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2012—2019 гг. мы разработали типологию потребления алкоголя молодежью, выделив пять типов: «только пиво», «коктейли и другие напитки», «вино и пиво», «водка, самогон и другие напитки» и «коньяк, виски, ликер и другие напитки». В целом выделенные нами типы соответствуют тем, что описаны в исследованиях о потреблении алкоголя россиянами [Рощина, Кондратенко, 2024; Рощина, Мартыненко, 2014; Кондратенко, 2021; Котельникова, 2015]. Например, можно отметить типы с доминированием вина, представителями которых являются скорее девушки из «столиц»; «мужские» типы для юношей из сел с доминированием водки и самогона. При этом особенностью молодежной типологии потребления алкоголя является то, что пиво присутствует во всех типах.

Ранее исследования фокусировались на влиянии родителей на сам факт потребления алкоголя или объем потребления среди молодежи, не учитывая выбор конкретных напитков. В рамках нашего исследования с помощью мультиномиальной логистической регрессии мы оценили, как потребление различных видов алкогольных напитков хотя бы одним из родителей связано с выбором алкогольных напитков молодыми людьми. Результаты демонстрируют, что употребление спиртных напитков молодежью существенно зависит от привычек потребления алкоголя родителями. Например, мы выявили, что употребление винных напитков одним из родителей увеличивает вероятность молодежи относиться к тем типам, в которые входит вино. Аналогичная ситуация наблюдается с потреблением родителями «северных напитков», таких как водка или самогон, и потребление коньяка, виски, ликера. Таким образом, исходя из концепции социального научения [Bandura, 1969] мы можем подтвердить гипотезу о том, что виды спиртного, которые выбирают родители, положительно связаны с видами алкогольных напитков, которые предпочитают их дети. Это исследование, с одной стороны, продолжает изучение взаимосвязи потребления алкоголя между молодыми людьми и их

родителями в России; с другой — расширяет предыдущие зарубежные исследования, показывая, что родительское влияние выходит за рамки факта и объема потребляемого алкоголя и включает выбор определенных напитков.

Нами также дополнительно были проанализированы социально-демографические характеристики молодежи. Выявлено, что с возрастом увеличивается вероятность быть представителем всех типов по сравнению с базой «только пиво», кроме типа «коктейли и другие напитки», который характерен скорее для более молодых групп. Это может быть связано с тем, что молодые люди более склонны к эклектичному потреблению алкоголя и отдают предпочтение разным спиртным напиткам [Кондратенко, 2021]. Логарифм душевых доходов положительно связан с принадлежностью к типам «коктейли и другие напитки» и «вино и пиво», что соотносится с тем, что более дорогие и статусные напитки, такие как вино и коктейли, чаще предпочитают люди с более высоким уровнем дохода, в то время как крепкие напитки остаются популярными среди менее обеспеченных групп населения [Рощина, Кондратенко, 2024]. Анализ также показывает, что для юношей выше вероятность быть представителями типа «водка, самогон и другие напитки», что согласуется с традиционными гендерными ролями в потреблении алкоголя. В свою очередь, обучение в общеобразовательном учреждении, в том числе если учеба сочетается с работой, увеличивает шансы молодежи быть представителями типов «коньяк, виски, ликер и другие напитки» и «вино и пиво». Как показывают исследования, «винные» напитки предпочитают по большей части образованные люди [Рощина, Мартыненко, 2014; Кондратенко, 2021; Котельникова, 2015]. Отдельно стоит отметить, что проживание в селе / поселке городского типа снижает вероятность относиться к типам «коктейли и другие напитки» и «вино и пиво». Это может быть связано с большей распространенностью и доступностью крепких «северных» алкогольных напитков в сельских районах.

Основные ограничения нашего исследования связаны с базой данных РМЭЗ НИУ ВШЭ. Во-первых, мы используем данные по потреблению различных видов алкогольных напитков за последние 30 дней до проведения опроса, но респонденты (особенно молодежь) могут потреблять алкогольные напитки не регулярно, соответственно, данный показатель демонстрирует заниженные данные. Во-вторых, изменения в методологии опроса, связанные с видами алкогольных напитков, ограничили период исследования с 2012 г. Несмотря на это, база данных РМЭЗ НИУ ВШЭ лучше всего подходит для цели нашего исследования. Также важно отметить ограничения, связанные с методами анализа данных и спецификациями эмпирических моделей. Например, мы решили не включать данные по потреблению алкоголя старшими братьями/сестрами респондента ввиду трудоемкости процесса и небольшого количества кейсов как таковых. По этой же причине мы не включали данные и по потреблению алкоголя бабушек/дедушек. Помимо этого, мы не включили в итоговые модели цены на пиво, так как эта переменная нивелировала значимость типа места жительства. Дополнительно в связи с малой наполненностью отдельных категорий алкогольных напитков нам пришлось укрупнить переменные, фокусируясь не на детализации (например, пиво или брага), а на более общих категориях (пивные или винные напитки и т. д.).

В перспективе будущие исследования могут сфокусироваться на сравнении влияния потребления алкогольных напитков родителями и друзьями молодежи, сверстниками. Кроме того, представляется важным отдельно рассмотреть гендерные различия, чтобы всесторонне изучить механизмы передачи предпочтений в выборе алкогольных напитков от родителей к детям. Представляется целесообразным проведение исследований с использованием качественных методов для более глубокого изучения механизмов семейного влияния на потребление алкоголя молодежью.

Список литературы (References)

1. Горячева Н. В. Модель потребления алкоголя в России // Социологический журнал. 2003. № 4. С. 101—107.
Goryacheva N. V. (2003) Alcohol Consumption Pattern in Russia. *Sociological Journal*. No. 4. P. 101—107. (In Russ.)
2. Колосницына М. Г., Золотарёва А. Влияние внешних шоков на нездоровое поведение: пандемия COVID-19 и потребление алкоголя // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1. С. 148—175. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2510>.
Kolosnitsyna M. G., Zolotareva A. (2024) Impact of External Shocks on Unhealthy Behavior: COVID-19 Pandemic and Alcohol Consumption. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 148—175. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2510>. (In Russ.)
3. Кондратенко В. А. Структура и типы потребления алкоголя в России в 1994—2018 гг. // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). 2021. № 11. С. 153—174. <https://doi.org/10.19181/rlms-hse.2021.4>.
Kondratenko V. A. (2021) The Structure and Types of Alcohol Consumption in Russia in 1994—2018. *Bulletin of the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE)*. No. 11. P. 153—174. <https://doi.org/10.19181/rlms-hse.2021.4>. (In Russ.)
4. Кондратенко В. А. Структура и типы потребления алкоголя российской молодежью и их родителями в 2006—2019 гг. // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). 2022. № 12. С. 150—177. <https://doi.org/10.19181/rlms-hse>.
Kondratenko V. A. (2021) Alcohol Consumption by Russian Youth and Their Parents in 2006—2019. *Bulletin of the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE)*. Vol. 12. P. 150—177. <https://doi.org/10.19181/rlms-hse>. (In Russ.)
5. Котельникова З. В. Взаимосвязь практик потребления алкоголя с социальной структурой современной России // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 105—112.
Kotelnikova Z. V. (2015) The Relationship Between Alcohol Consumption Practices and The Social Structure of Modern Russia. *Sociological Studies*. No. 4. P. 105—112. (In Russ.)

6. Одинокова В. А. Влияние родителей и сверстников на частоту употребления алкоголя подростками // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10. С. 169—185. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.v6ca-1c18>.
Odinokova V. A. (2018). The Influence of Parents and Peers on the Frequency of Alcohol Consumption among Adolescents. *St. Petersburg Sociology Today*. No. 10. P. 169—185. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.v6ca-1c18>. (In Russ.)
7. Пономарева М. С. Оценка микроэкономических факторов потребления алкоголя молодыми людьми: автореф. ... дисс. канд. экон. наук. М.: ВШЭ, 2013.
Ponomareva M. S. (2013). Assessment of Microeconomic Factors of Alcohol Consumption by Young People. Abstract of Dissertation of Candidate of Economic Sciences. Moscow: HSE. (In Russ.)
8. Радаев В. В. Алкогольные циклы: динамика потребления алкоголя в советской и постсоветской России, 1980—2010-е годы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 327—351. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2180>.
Radaev V. V. (2022) Alcohol Cycles: Trends in the Alcohol Consumption in the Soviet and Post-Soviet Russia, 1980—2010. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 327—351. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2180>. (In Russ.)
9. Радаев В. В., Котельникова З. В. Изменение структуры потребления алкоголя в контексте государственной алкогольной политики в России // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 5. С. 92—117.
Radaev V. V., Kotelnikova Z. V. (2016) Changes in Alcohol Consumption and Governmental Alcohol Policy in Russia. *Economic Policy*. Vol. 11. No. 5. P. 92—117. (In Russ.)
10. Рощина Я. М., Белова Ю. Ю. Кто перестает пить алкоголь в России? // Экономическая социология. 2024. № 1. С. 11—57. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-1-11-57>.
Roshchina Y. M., Belova Y. Y. (2024) Who Stops Drinking Alcohol in Russia? *Journal of Economic Sociology*. No. 1. P. 11—57. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-1-11-57>. (In Russ.)
11. Рощина Я. М., Кондратенко В. А. «Скажи мне, что ты пьешь, и я скажу тебе, кто ты»: как изменялась взаимосвязь между социальным классом и типом потребления алкоголя в России // Мир России: Социология, этнология. 2024. Т. 33. № 1. С. 56—83. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-56-83>.
Roshchina Y. M., Kondratenko V. A. (2024) 'Tell Me What You Drink, and I Will Tell You Who You Are': How the Interrelation Between Social Class and Type of Alcohol Consumed in Russia has Changed. *Universe of Russia*. Vol. 33. No. 1. P. 56—83. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-56-83>. (In Russ.)
12. Рощина Я. М., Мартыненко П. А. Структура потребления алкоголя как индикатор социальной группы в современных российских городах // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 1. С. 20—42.

- Roshchina Y. M., Martynenko P. A. (2014) Structure of Alcohol Consumption as an Indicator of Social Group in Modern Russian Cities. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 15. No. 1. P. 20—42. (In Russ.)
13. Радаев В. В., Ибрагимова Д. Х., Казун А. Д., Карабчук Т. С., Кондратенко В. А., Котельникова З. В., Косалс Л. Я., Кузина О. Е., Куракин А. А., Моисеева Д. В., Пашков С. Г., Пилипенко Е. С., Поплавская А. А., Рощина Я. М., Стребков Д. О. Как россияне справляются с новым кризисом: Социально-экономические практики населения. М.: Издательский дом ВШЭ, 2023. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2756-6>.
Radaev V. V., Ibragimova D. Kh., Kazun A. D., Karabchuk T. S., Kondratenko V. A., Kotelnikova Z. V., Kosals L. Y., Kuzina O. E., Kurakin A. A., Moiseeva D. V., Pashkov S. G., Pilipenko E. S., Poplavskaya A. A., Roshchina Y. M., Strebkov D. O. (2023) How Russians are Coping with the New Crisis: Socio-Economic Practices of the Population. Moscow: HSE Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2756-6>. (In Russ.)
14. Allen J. P., Loeb E. L., Kansky J., Davis A. A. (2022) Beyond susceptibility: Openness to Peer Influence is Predicted by Adaptive Social Relationships. *International Journal of Behavioral Development*. Vol. 46. No. 3. P. 180—189. <https://doi.org/10.1177/0165025420922616>.
15. Bandura A. (1969) Social-learning Theory of Identificatory Processes. In: D. A. Goslin (ed.) *Handbook of Socialization Theory and Research*. Boston, MA: Houghton Mifflin Co. P. 213—262.
16. Bryant L., MacKintosh A. M., Bauld L. (2020) An Exploration of the Impact of Non-Dependent Parental Drinking on Children. *Alcohol and Alcoholism*. Vol. 55. No. 1. P. 121—127. <https://doi.org/10.1093/alcalc/agz086>.
17. Coffelt N. L., Forehand R., Olson A. L., Jones D. J., Gaffney C. A., Zens M. S. (2006) A Longitudinal Examination of the Link Between Parent Alcohol Problems and Youth Drinking: The Moderating Roles of Parent and Child Gender. *Addictive Behaviors*. Vol. 31. No. 4. P. 593—605. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2005.05.034>.
18. Espinosa-Hernandez G., Noel N. E., Vasilenko S. A., McCrimmon J., Moran A. H. (2022) Associations Between Parental and Adolescent Alcohol Use: The Role of Gender and Familism Support. *Journal of Adolescence*. Vol. 94. No. 7. P. 1035—1040. <https://doi.org/10.1002/jad.12077>.
19. Green G., Macintyre S., West P., Ecob R. Like Parent Like Child? (1991) Associations Between Drinking and Smoking Behaviour of Parents and Their Children. *British Journal of Addiction*. Vol. 86. No. 6. P. 745—758. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.1991.tb03100.x>.
20. Jackson C., Henriksen L., Dickinson D. (1999) Alcohol-Specific Socialization, Parenting Behaviors and Alcohol Use by Children. *Journal of Studies on Alcohol*. Vol. 60. No. 3. P. 362—367. <https://doi.org/10.15288/jsa.1999.60.362>.

21. Khamis A. A., Salleh S. Z., Ab Karim M. S., Mohd Rom N. A., Janasekaran S., Idris A., Abd Rashid R. B. (2022) Alcohol Consumption Patterns: A Systematic Review of Demographic and Sociocultural Influencing Factors. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. No. 13. Art. 8103. <https://doi.org/10.3390/ijerph19138103>.
22. Lau R. R., Quadrel M. J., Hartman K. A. (1990) Development and Change of Young Adults' Preventive Health Beliefs and Behavior: Influence from Parents and Peers. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 31. No. 3. P. 240—259.
23. Patrick M. E., Schulenberg J. E. (2010) Alcohol Use and Heavy Episodic Drinking Prevalence and Predictors Among National Samples of American Eighth- and Tenth-Grade Students. *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*. Vol. 71. No. 1. P. 41—45. <https://doi.org/10.15288/jsad.2010.71.41>.
24. Patrick M. E., Terry-McElrath Y. M., Evans-Polce R. J., Schulenberg J. E. (2020) Negative Alcohol-Related Consequences Experienced by Young Adults in the past 12 Months: Differences by College Attendance, Living Situation, Binge Drinking, and Sex. *Addictive Behaviors*. Vol. 105. Art. 106320.
25. Popova S., Rehm J., Patra J., Zatonski W. (2007) Comparing Alcohol Consumption in Central and Eastern Europe to Other European Countries. *Alcohol & Alcoholism*. Vol. 42. No. 5. P. 465—473. <https://doi.org/10.1093/alcalc/agl124>.
26. Power T. G., Stewart C. D., Hughes S. O., Arbona C. (2005) Predicting Patterns of Adolescent Alcohol Use: A Longitudinal Study *Journal of Studies on Alcohol*. Vol. 66. No. 1. P. 74—81. <https://doi.org/10.15288/jsa.2005.66.74>.
27. Poelen E. A., Engels R. C., Scholte R. H., Boomsma D. I., Willemsen G. (2009) Predictors of Problem Drinking in Adolescence and Young Adulthood: A Longitudinal Twin-Family Study. *European Child & Adolescent Psychiatry*. Vol. 18. No. 6. P. 345—352. <https://doi.org/10.1007/s00787-009-0736-x>.
28. Poelen E. A., Scholte R. H., Willemsen G., Boomsma D. I., Engels R. C. (2007) Drinking by Parents, Siblings, and Friends as Predictors of Regular Alcohol Use in Adolescents and Young Adults: A Longitudinal Twin-Family Study. *Alcohol and Alcoholism*. Vol. 42. No. 4. P. 362—369. <https://doi.org/10.1093/alcalc/agm042>.
29. Radaev V., Roshchina Y. (2019) Young Cohorts of Russians Drink Less: Age — Period — Cohort Modelling of Alcohol Use Prevalence 1994—2016. *Addiction*. Vol. 114. No. 5. P. 823—835. <https://doi.org/10.1111/add.14535>.
30. Radaev V., Roshchina Y. (2021) Decline in Alcohol Consumption in Russia: Collectivity or Polarisation? *Drug and Alcohol Review*. Vol. 40. No. 3. P. 481—488. <https://doi.org/10.1111/dar.13253>.
31. Radaev V., Roshchina Y., Salnikova D. (2020) The Decline in Alcohol Consumption in Russia From 2006 to 2017: Do Birth Cohorts Matter? *Alcohol and Alcoholism*. Vol. 55. No. 3. P. 323—335. <https://doi.org/10.1093/alcalc/agaa017>.

32. Randolph K. A., Cheatham L. P., Weiss U. K., Williams J. (2018) Exposure to Parent and Peer Alcohol Use and the Risk of Drinking Onset and Escalation Among Adolescents. *Child and Adolescent Social Work Journal*. Vol. 35. P. 97—106. <https://doi.org/10.1007/s10560-017-0516-2>.
33. Smith M. A. (2021) Social Learning and Addiction. *Behavioural Brain Research*. Vol. 398. Art. 112954. <https://doi.org/10.1016/j.bbr.2020.112954>.
34. Stephenson M., Heron J., Bountress K., Hickman M., Kendler K. S., Edwards A. C. (2023) The Effect of Parental Alcohol Use on Alcohol Use Disorder in Young Adulthood: Exploring the Mediating Roles of Adolescent Alcohol Expectancies and Consumption. *Journal of Adolescence*. Vol. 95. No. 4. P. 716—728. <https://doi.org/10.1002/jad.12148>.
35. Tran T. D., Hammarberg K., Kirkman M., Nguyen H. T. M., Fisher J. (2020) Alcohol Use and Mental Health Status During the First Months of COVID-19 Pandemic in Australia. *Journal of Affective Disorders*. Vol. 277. P. 810—813. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.09.012>.
36. Van Der Vorst H., Burk W. J., Engels R. C. (2010) The Role of Parental Alcohol-Specific Communication in Early Adolescents' Alcohol Use. *Drug and Alcohol Dependence*. Vol. 111. No. 3. P. 183—190. <https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2010.03.023>.
37. Vermeulen-Smit E., Koning I. M., Verdurmen J. E., Van der Vorst H., Engels R. C., Vollebergh W. A. (2012) The Influence of Paternal and Maternal Drinking Patterns Within Two-Partner Families on the Initiation and Development of Adolescent Drinking. *Addictive Behaviors*. Vol. 37. No. 11. P. 1248—1256. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2012.06.005>.
38. Vashishtha R., Pennay A., Dietze P., Marzan M. B., Room R., Livingston M. (2021) Trends in Adolescent Drinking Across 39 High-Income Countries: Exploring the Timing and Magnitude of Decline. *European Journal of Public Health*. Vol. 31. No. 2. P. 424—431. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckaa193>.
39. Wardell J. D., Kempe T., Rapinda K. K., Single A., Bilevicius E., Frohlich J. R., Keough M. T. (2020) Drinking to Cope During COVID-19 Pandemic: The Role of External and Internal Factors in Coping Motive Pathways to Alcohol Use, Solitary Drinking, and Alcohol Problems. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*. Vol. 44. No. 10. P. 2073—2083. <https://doi.org/10.1111/acer.14425>.
40. Watts L. L., Hamza E. A., Bedewy D. A., Moustafa A. A. (2024) A Meta-Analysis Study on Peer Influence and Adolescent Substance Use. *Current Psychology*. Vol. 43. No. 5. P. 3866—3881. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04944-z>.
41. Windle M., Spear L. P., Fuligni A. J., Angold A., Brown J. D., Pine D., Smith G. T., Giedd J., Dahl R. E. (2008) Transitions into Underage and Problem Drinking: Developmental Processes and Mechanisms Between 10 and 15 Years of Age. *Pediatrics*. Vol. 121. Suppl. 4. P. S273—S289. <https://doi.org/10.1542/peds.2007-2243C>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2563](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2563)

И. В. Лисовская, А. Р. Гарифзянова

«ТЫ ОЩУЩАЕШЬ СЕБЯ ДРУГИМ, ЧУЖИМ...»: ИНОГОРОДНЯЯ МОЛОДЕЖЬ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ В ПОИСКАХ УСТОЙЧИВОСТИ**Правильная ссылка на статью:**

Лисовская И. В., Гарифзянова А. Р. «Ты ощущаешь себя другим, чужим...»: иногородняя молодежь в большом городе в поисках устойчивости // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 22—44. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2563>.

For citation:

Lisovskaya I. V., Garifzianova A. R. (2025) "You Feel Different, like an Outsider...": Non-Local Youth in a Big City in Search of Stability. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 22–44. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2563>. (In Russ.)

Получено: 28.01.2024. Принято к публикации: 21.02.2025.

«ТЫ ОЩУЩАЕШЬ СЕБЯ ДРУГИМ, ЧУЖИМ...»: ИНОГОРОДНЯЯ МОЛОДЕЖЬ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ В ПОИСКАХ УСТОЙЧИВОСТИ

ЛИСОВСКАЯ Ирина Викторовна — научный сотрудник Центра молодежных исследований, доцент департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: ilisovskaya.hse@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6495-1970>

ГАРИФЗЯНОВА Альбина Раисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
E-MAIL: albina.garifzyanova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8399-8205>

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии социальной включенности иногородних студентов, в первую очередь посредством университетских программ и городских активностей. Авторы определяют связь между стратегиями социальной включенности, приобретением социального капитала и устойчивостью положения студенческой молодежи в большом городе. Эмпирическую базу исследования составили 63 биографических интервью с иногородними студентами, обучающимися в Казанском федеральном университете (Казань) и Высшей школе экономики (Санкт-Петербург).

Исследователи анализируют барьеры, с которыми сталкивается иногородняя студенческая молодежь, переезжая в большой город, и которые не ограничиваются бытовыми трудностями обустройства на новом месте. Изучая нарративы студентов, их практики использования ресурсов университета, спо-

“YOU FEEL DIFFERENT, LIKE AN OUTSIDER...”: NON-LOCAL YOUTH IN A BIG CITY IN SEARCH OF STABILITY

Irina V. LISOVSKAYA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Research Fellow at the Center for Youth Studies; Associate Professor at the Department of Sociology

E-MAIL: ilisovskaya.hse@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6495-1970>

Albina R. GARIFZIANOVA² — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Department of General and Ethnic Sociology, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications

E-MAIL: albina.garifzyanova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8399-8205>

¹ HSE University in St. Petersburg, Russia

² Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article examines the strategies of social inclusion of non-local students, primarily through university programs and city activities. The authors determine the connection between social inclusion strategies, the acquisition of social capital, and the sustainability of the position of student youth in a large city. Empirically, the study bases on 63 biographical interviews with non-local students studying at Kazan Federal University (Kazan) and at HSE University (St. Petersburg).

The authors analyze the barriers that non-local students face when moving to a large city, and which are not limited to the everyday difficulties of settling in a new place. While studying the students' narratives, their practices of using university resources, and ways of expanding social ties and mastering the city's opportunities, the authors identified several strategies of social inclusion in new living conditions. Namely, they are using the universi-

собы расширения социальных связей, а также освоения возможностей города, авторы выделили несколько стратегий социального включения в новые условия жизни: использование ресурса университета, жизнь внутри «университета-теплицы», включенность в городскую жизнь без поддержки университета, университет — посредник вовлеченности студентов в городскую среду. Работа вносит вклад в исследования образовательной миграции и углубляет понимание процессов, происходящих со студенческой молодежью после переезда внутри страны.

Ключевые слова: социальное включение, образовательная миграция, иногородние студенты, молодежь, социальный капитал, университет

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге «Зеркальные лаборатории» совместно с КФУ (Казань) на основе исследования «Сценарии социального включения иногородней молодежи в условиях образовательной миграции». Также выражаем благодарность Гариной К. А. и Омельченко Е. Л. за помощь в подготовке статьи.

ty's resources, living inside the «greenhouse university», participating in city life without the support of the university, seeing university as a mediator of students' involvement in the urban environment. The study contributes to research on educational migration and deepens understanding of the processes occurring with student youth after moving within the country.

Keywords: social inclusion, educational migration, non-resident students, youth, social capital, university

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the HSE University in St. Petersburg program «Mirror Laboratories» with Kazan Federal University (Kazan), the study «Scenarios for the social inclusion of nonresident youth in conditions of educational migration». The authors express their gratitude to Karina Garina and Elena Omelchenko their help in preparing the article.

Образовательная миграция и университеты как точки притяжения человеческого капитала

Современные студенты, переезжающие в рамках образовательной миграции на новое место жительства, сталкиваются с трудностями не только образовательной адаптации, но и с барьерами, связанными как с бытовыми условиями жизни вне родительского дома, так и с поиском устойчивых связей, выстраиванием коммуникаций с новым окружением в чужом городе. Речь идет о переезде молодежи из небольших населенных пунктов в большие города с целью получения высшего образования. Во всех смыслах иногородние студенты оказываются в сложной ситуации, порой в одиночестве, и нуждаются в большей поддержке. При этом они стараются выработать новые стратегии преодоления этих барьеров с помощью городских или университетских ресурсов, создавая благоприятную среду для своей жизни самостоятельно. В фокусе внимания статьи то, как иногородняя студенческая молодежь преодолевает барьеры, которые встречает на своем пути, переезжая учиться в другой город, и какие при этом она выраба-

тывает стратегии социального включения, используя городские ресурсы или возможности университета. Структура статьи состоит из обзора академической дискуссии по рассматриваемой проблеме, далее дан подробный анализ барьеров, с которыми сталкиваются приезжие студенты, и в завершении статьи представлены несколько стратегий, которые выбирают иногородние студенты в поисках устойчивости на основе серии проведенных интервью.

Одна из центральных причин образовательной миграции молодежи, а значит, переезда чаще всего в крупный город — это ощущение бесперспективности родного города/поселка и отсутствие чувства безопасности [Мкртчян, 2017; Карачурина, Флоринская, 2019; Омельченко, Омельченко, 2022]. Академическая дискуссия об образовательной миграции сегодня строится вокруг миграционных стратегий молодежи и определения мотивов выбора вузов и городов [Дожди-ков, Корнилова, 2023; Замятина, 2012]. Главным мотивом миграции большинство исследователей считают получение качественного образования [Мкртчян, 2017]. Образовательная межрегиональная миграция по определению А. Дожди-кова и Е. Корниловой представляет собой «институализированный процесс перемещения молодежи (15—35 лет) через университеты и государственные структуры между территориями с целью получения образования для улучшения своих экономических возможностей в современном мире, важный „транзитный“ этап современных миграционных процессов» [Дожди-ков, Корнилова, 2023: 69]. При этом для студентов университет и город являются важными причинами для образовательной миграции: студенты имеют свои образы и ассоциации, предопределяющие переезд и дальнейшие стратегии социального включения молодежи [Габдрахманова, 2023]. Адаптировавшись в принимающем крупном городе, молодежь предпочитает строить свою дальнейшую жизненную траекторию в городе, где протекали студенческие годы, и большинство обычно не возвращаются в место, откуда они родом. Согласно нашему исследованию, обратная миграция происходит значительно реже. Такое случается, если молодые люди после переезда сталкиваются с еще более серьезными выталкивающими факторами, чем в родном городе, или, напротив, сильная связь с регионом побуждает вернуться в свой регион [Варшавская, Чудиновских, 2014; Карцева, Мкртчян, Флоринская, 2021].

После переезда на новое место молодые люди оказываются перед множеством жизненных вызовов в большом городе. Миграция молодежи из малонаселенных сел и небольших городов тесно связана с рисками социальной изоляции и одиночества, разрыва прежних связей и трудностями установления новых. Это подтверждают современные исследования миграции, сфокусированные на изучении социальных связей международных мигрантов, изоляции, одиночества и других рисков, с которыми студент может столкнуться в принимающем вузе [Neto, Pinto, 2022]. Внутренние мигранты могут испытывать не меньшие проблемы, связанные с разным опытом и социальным капиталом жизни в небольшом населенном пункте и в большом городе, чем иностранные студенты [Grant, Kniess, 2023; Лисовская, Омельченко, Гарифзянова, 2024]. Исследования внутренней миграции реже подсвечивают эти проблемы. Несмотря на риски изоляции и возвращения в родной город или село, образ жизни в большом городе кажется привлекательным не только с точки зрения карьерных возможностей, но и благодаря развитым

сетям молодежных мест [Омельченко, 2020; Кузинер, Петрунина, 2022], разнообразию гражданских инициатив и проектов, в которые можно включиться даже в пределах своего района [Нартова, 2019].

В современном мире образовательная миграция играет ключевую роль не только в самореализации молодежи, но и в развитии городов. Студенческая молодежь участвует в городских проектах, включается в городское пространство, а значит, меняет образ города. При этом миссия университета заключается в том, чтобы создать экосистемы для студентов, которые помогут достичь этих целей и помочь интегрировать студентов таким образом, чтобы их креативный потенциал был полезен городу [Штыхно и др., 2022: 32].

Значительный пласт исследований посвящен темам межкультурной коммуникации и адаптации, социальной включенности преимущественно международных студентов [Wachyupni et al., 2023], особому подходу университета к ним [Абрамова, Филькина, Сухушина, 2021], обсуждению эффективных моделей и лучших практик обучения кросс-культурных студентов [Аржанова, Дыдзинская, Мусина, Селезнев, 2019]. Проблематика социального включения российских иногородних студентов в особые бережные университетские экосистемы, ориентированные именно на региональных приезжих, затрагивается реже. Поворот к теме российского студенчества происходит на фоне кризиса, отчасти сократившего или вовсе изменившего международные студенческие потоки. В новых исследованиях активнее поднимается вопрос об адаптации иногородних студентов в университете, подчеркивается ценность внутрироссийской образовательной миграции для развития городов [Маяковская, 2022; Ефлова, Максимова, Озерова, 2023; Габдрахманова, 2023].

Чаще всего социологи исследуют студентов как целостную группу, не отмечая разницу между иногородними студентами и местными. Ученые замечают, что для всех студентов важны неформальные университетские пространства (студенческие инициативы «снизу», например, кружки, объединения, созданные самими студентами, имеющие неофициальный характер). При этом объединения студентов, созданные при участии вуза, также могут использоваться студентами как инструмент для поиска своего места в вузе и за его пределами (например, на каждом факультете или направлении создаются кружки внеучебной деятельности, которые курируются преподавателем, куратором, или руководством) [Романенко, 2018]. Важным звеном в успешном примере социальной включенности становится повседневное общение в университетских сообществах среди сверстников (общеежитские «тусовки», активности, как киновечера или вечера настольных игр) [Валеева, Польдин, Юдкевич, 2014; Grant, Roberts, 2022], а развитый социальный капитал и хорошие результаты в учебе сказываются на общем жизненном успехе [Креховец, Польдин, 2016]. В то же самое время учеба в университете может быть сопряжена с рядом сложностей для иногородних студентов, в особенности для тех, кто приехал из небольших населенных пунктов. Приезжие студенты чувствуют себя обремененными отсутствием социальных связей на новом месте и подвержены рискам изоляции [Grant, Kniess, 2023].

Современный российский университет может создавать такие локальные экосистемы, которые помогут учащимся справляться с барьерами и реализовывать

творческий, профессиональный потенциал в новом городе, и это тоже путь приобретения социального капитала, что позитивно отражается на процессе адаптации в целом [Зиневич, Мелёхина, 2023]. Большие города способствуют накоплению человеческого капитала не только через создание рабочих мест, но и через обучение молодежи в университетах [Glaeser, 1999], в которые устремляется основной поток талантливых, креативных юношей и девушек.

В зарубежных исследованиях часто идет речь о развитии предпринимательских экосистем в университете — как на уровне кампусов, так и на уровне студенческих стартапов. Для этого важны особенности университетской среды, способные интегрировать студенческий потенциал в город, к примеру, привлекая студентов к проектам городского характера через волонтерство [Wright, Siegel, Mustar, 2017]. Более того, фундамент хорошо развитой экосистемы в университете дает молодежи возможность накопить социальные связи, почувствовать себя своим в данной среде, то есть университет выполняет роль своеобразного проводника, через которого студенческий потенциал «вытекает» в город [Longva, 2021]. Креативная молодежь становится основой развития городов исключительно при благоприятных условиях для вовлечения студентов во внеучебную жизнь в университетах [Попов, Глухов, 2020], создавая молодежные пространства и рабочие места, развивая туризм [Адашова, 2016; Tsekoura, 2016]. В целом стратегии поддержки, направленные на устранение механизмов исключения «внутренних» приезжих студентов, должны быть приоритетными в университете [Tavares, 2021: 18], потому что формируют чувство причастности и способствуют накоплению социального капитала. Барьеры, с которыми сопряжено включение иногородней молодежи, преодолеваются студентами в рамках учебы и внеучебной активности, однако так происходит не всегда. В этой статье мы ставим задачу реконструировать неочевидные барьеры, с которыми сталкивается молодежь после переезда, и определить, какими стратегиями и при помощи каких ресурсов молодежь «обращает» новыми знакомствами и связями.

Социальное включение, капитал и устойчивость

Поиск своего места в новом городе связано с участием молодежи в разного рода активностей, проектах, инициативах. Чаще всего социальное включение интерпретируется с помощью теории социокультурной адаптации. Например, модели многих авторов [Black, Stephens, 1989; Ward, Searle, 1991; Ward, Kennedy, 1999; Bierwiazzonek, Waldzus, 2016] затрагивают много контекстов, включая психологические, социально-психологические и карьерные причины адаптации. Эти модели имеют много уровней, поэтому их использование предполагает комплексное изучение феномена с несколькими фокусами, что характерно (и чаще используется) для кросс-культурной миграции. Подход социокультурной адаптации требует большего внимания к психологическим аспектам и контекстам их проживания. В нашем исследовании мы больше фокусируемся на участии молодежи в активностях университета и города, которые дают связи, чувство защиты, сопричастности, идейной самореализации, что помогает справляться с возникающими трудностями. Поэтому в понимании того, какую роль играют университетские и городские ресурсы в процессе адаптации и социального включения, наиболее подходящей

видится теория социального капитала П. Бурдьё в сочетании с подходами к пониманию устойчивости.

Социальный капитал П. Бурдьё определяет как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью (durable networks) более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе» [Бурдьё, 2002: 66]. В этой статье мы не будем различать культурный, экономический и символический капиталы, но учтем, что социальный капитал существует неотъемлемо от них [там же]. Нам важно общее значение ресурсов, связей и возможностей, которые получает молодой человек в университете или городе, чтобы реализовывать свой жизненный проект и преодолевать разные барьеры. Не менее важно для нас учитывать, что социальный капитал позволяет не только накопить связи, но и при необходимости мобилизовать их, что отсылает нас к интерпретациям устойчивости. В рамках академической дискуссии некоторые исследователи рассматривают «устойчивость» как процесс мобилизации ресурсов молодежи для поддержания благополучия [Southwick et al., 2014]. Другие социальные исследователи [Ungar et al., 2008; Ungar, 2012] отмечают, что устойчивость формируется в двух контекстах: она связана с усилиями молодежи по прокладыванию себе пути к ресурсам, и с возможностями социальной среды эти ресурсы предоставить. Мы имеем в виду, что для формирования устойчивости очень важна благоприятная среда. Под такими средами и «ресурсными базами» мы будем рассматривать университет и город в целом.

В некоторых российских исследованиях проблематизирована студенческая молодежь, обладающая низким уровнем устойчивости. Авторы С. Резник и М. Черниковская связывают устойчивость с организованностью, экономической самостоятельностью, готовностью обучаться в вузе и управлять своей жизнью [Резник, Черниковская, 2019: 95]. Мы не ставим задачи реконструировать те или иные типы устойчивости, конкретные составляющие или измерить ее уровень. Нам важно понять, какая существует связь и в чем она выражается между устойчивостью, социальным капиталом и стратегиями, с помощью которых молодежь включается в новый город.

Под социальной включенностью мы понимаем приобретение связей, сетей поддержки и получаемых молодежью университетских и городских ресурсов (социальный капитал), а также чувство стабильности или уверенности иногородних студентов (устойчивость) как важную характеристику благополучия жизни в новом городе, возникающую с истечением времени.

Методология

Статья основана на данных биографических интервью со студенческой молодежью в двух крупных городах — Санкт-Петербурге и Казани. Выбор этих городов обусловлен тем, что талантливая молодежь, как показывают статистические исследования, устремляется в конкурентные университеты, расположенные в больших городах [Мкртчян, 2017; Карцева, Мкртчян, Флоринская, 2021], но это не всегда Москва. В фокусе нашего внимания популярные, но все же условно «нестоличные» маршруты образовательной миграции молодежи. Санкт-Петербург и Казань выбраны как достаточно привлекательные маршруты образовательной миграции

согласно исследованию А. Дождикова и Е. Корниловой. Санкт-Петербург является регионом-реципиентом по числу приезжающих абитуриентов, Республика Татарстан — транзитным регионом. Это означает, что в обоих регионах число приезжих студентов либо превышает количество местных, либо примерно равно ему [Дождиков, Корнилова, 2023: 73—75].

Мы остановились на двух типах университетов: классическом опорном университете Республики Татарстан (Казанский федеральный университет) и молодом, динамично развивающемся университете (Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге). Оба университета привлекают достаточное число иногородних студентов. В КФУ в 2020 г. (на момент выбора географии исследования нашего проекта) обучалось 46 % приезжих студентов [там же]. В Петербургской Вышке такая статистика отсутствует, но результаты приемной кампании в 2020 г. показали широкий региональный охват абитуриентов (были представлены 84 региона)¹.

В ходе исследования в 2021—2022 гг. было собрано 63 полуформализованных биографических интервью с иногородними студентами в КФУ (Казань) и НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), имеющими опыт участия, организации или включения в университетские активности или городские проекты во время обучения в вузе. Чаще всего наши информанты участвовали в волонтерстве ситуативно или организовано, имели опыт организации мероприятий, участия в студенческих формализованных структурах, деловых играх и хакатонах, творческих, научно-исследовательских, спортивных организациях, а также неформальных студенческих объединениях. Этот опыт участия разнообразен — единичный, систематический, иногда юноши и девушки руководили собственными проектами. Такой критерий рекрутинга респондентов был сделан для того, чтобы у студентов в целом было представление о внеучебной жизни в университете и в городе. Также важно, что в квотную выборку вошла студенческая молодежь разных уровней подготовки: старшекурсники бакалавриата разных направлений подготовки, студенты магистратуры и выпускники бакалавриата или магистратуры, выпустившиеся один-два года назад. На каждую квоту по критерию ступени образования приходится по 10—11 интервью в каждом городе. Это сделано с целью отразить все многообразие социального опыта и включенности иногородних студентов. Разные степени образования (бакалавриат, магистратура) выбраны неслучайно: опыт проживания, имеющиеся социальные связи, уровень адаптации на каждом этапе обучения могут различаться, что по-разному отражается на степени включенности студентов в университетскую жизнь и самочувствии студентов. Такой подход дает большее разнообразие случаев. Также мы брали интервью у студентов как гуманитарных специальностей, так и технического направления, чтобы сохранить разнообразие. Гайд интервью включал в себя несколько основных блоков вопросов. Они касались социально-экономического бэкграунда респондента, особенностей жизни до переезда в большой город; трудностей адаптации, в том числе бытового толка, с которыми столкнулись респонденты; степени их социальной включенности во время учебы в университете, а также специфики образова-

¹ Кампусы НИУ ВШЭ подвели итоги приемной кампании 2020 года: как она прошла в Питере // НИУ ВШЭ. 2020. 4 сентября. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/396488925.html?ysclid=m9tpvfekj6751550746> (дата обращения: 23.04.2025).

тельной траектории информанта, студенческой жизни, (не)вовлечения в активности университета и города, работы и подработок.

В общей сложности были взяты биографические интервью с 33 девушками и 30 юношами². С точки зрения парадигмы качественного исследования этого вполне достаточно, чтобы понять специфику изучаемого процесса. Согласно Е. Рождественской, если выборка слишком велика по объему и данные становятся повторяющимися, то, в конце концов, они излишни [Рождественская, 2012]. В среднем интервью занимало от 60 до 90 минут.

Разбор полученных данных строится на тематическом анализе, который предполагает кодирование и выделение тем в каждом интервью. Тематический анализ отличается разнообразием подходов, мы остановились на следующих этапах анализа, предлагаемых Е. Полухиной, которая ссылается на А. Браймана [Bryman, 2016]: внимательное прочтение анализируемых материалов, открытое кодирование данных интервью, соединение кодов в темы, оценивание ключевых кодов и тем, демонстрация связи между темами и описание основных исследовательских открытий, возникших во время анализа [Полухина, 2023: 85]. Для тематического анализа в этой статье выделены следующие темы в интервью: выбор направления образовательной миграции и университета, жизнь после переезда и ключевые проблемы и барьеры, образовательная среда и опыт внеучебной активности.

Результаты исследования: барьеры социальной включенности — это «не только жилье, прописка и транспорт»

Бытовые трудности кажутся достаточно ожидаемыми барьерами в новом городе. Они вызывают тревожность, вынуждают тратить время, энергию на их решение, а не на «новую» жизнь. Чаще всего «первичные» (бытовые) барьеры решаются достаточно оперативно. Это проблемы с заселением в общежитие или поиском жилья, получением временной регистрации и постановкой на воинский учет, обращением за медицинской помощью. Иногородние студенты теряются в новом городе, испытывают проблемы с транспортной ориентацией, что вызывает серьезный дискомфорт, особенно если нет знакомых, с которыми можно осваивать город «за компанию». Молодежь из ближайших локаций сталкивается с меньшими трудностями, потому что родительский дом недалеко и остается для них ресурсом поддержки.

«Вторичные» барьеры, которые мы затронем дальше, актуальны для многих студентов: такие барьеры, как ощущение собственной инаковости, отсутствие связей, знакомств, возникают по прошествии нескольких месяцев обучения, могут ухудшать самоощущение в новом городе. Поэтому в целом можно говорить, что вторичные барьеры часто являются следствием первичных и возникают на их фоне. Важная особенность вторичных барьеров, отличающая их от первичных, выражается в том, что эти проблемы имеют преимущественно структурный, субъективный или институциональный характер.

Структурные вторичные барьеры возникают в результате столкновения с неравенством возможностей. В данном случае возможны экономические и соци-

² Список информантов с их ключевыми характеристиками см. в Приложении. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submissionFileId?fileId=16616&hash=a0a19949e9e5205b2c567d1c4ece9fd0>.

альные аспекты. После первых месяцев обучения иногородние студенты понимают, что они или их семьи не могут обеспечить тот уровень жизни, который имеют их одногруппники.

Получилось так, что мои подружки оказывались коренными петербурженками. И ощущался такой культурный разрыв. В финансовом состоянии в основном, потому что... Потому что разный бэкграунд все-таки создает некоторые такие, ну, не помехи, но все равно, когда ты ощущаешь себя другим, чужим несколько. (Девушка, 20, бакалавриат, НИУ ВШЭ)

Кроме того, молодежь на первых курсах обучения остро переживает ощущение разницы социального опыта с местными. Разница может выражаться в практиках культурного потребления, манере разговора, незнании культурных особенностей уклада городской жизни. Показательна история, произошедшая с девушкой из НИУ ВШЭ г. Санкт-Петербург, которая пыталась изменить свой южный диалект, чтобы не привлекать особое внимание в компании местных друзей.

И я никогда не замечала [южного акцента]... Но добрый мальчик обратил внимание при всей компании, когда мы все собрались в одной комнате. Это была боль... И ты потом начинаешь себя контролировать очень, проделала большую работу, чтобы контролировать себя. Вот, и замечать каждое слово... (Девушка, 24, выпускник, НИУ ВШЭ)

Несмотря на то что крупные города имеют разнообразные этнические профили, являются точками, в которые стекается молодежь со всей страны, в них молодежь может сталкиваться с исключением по национальному признаку. В Санкт-Петербурге молодежь, переехавшая из национальных республик (особенно юноши), имела дело с ксенофобными настроениями со стороны работников городских сервисов или государственных организаций (военкоматов, больниц, метро).

Если только говорить то, что было, знаешь, что-то не очень приятное, по типу в какой-то момент меня постоянно проверяли, когда ходил с портфелем в метро. Еще было такое, что, когда я вставал на воинский учет в Санкт-Петербурге на Васьеке, там женщина начала кричать, что мы приехали типа из других уголков России, и тут нашим местным парням, пацанам типа не даете места, места их забираете. (юноша, 23, бакалавриат, НИУ ВШЭ)

В Казани информанты так называемой «нетатарской» национальности говорили о похожих этнических предрассудках:

В Казани, если ты русский, то ты ничего не добьешься, ты должен быть татарин, но мне говорят, что я внешне похож на татарина, поэтому вот легче. (Юноша, 24, выпускник, КФУ)

К наиболее чувствительным барьерам можно отнести переживания молодежью одиночества и изоляции. Молодежь из других городов ощущает инаковость соб-

ственного социального опыта, сталкивается с финансовым неравенством, ксенофобными настроениями. Часто эти аспекты социального неравенства препятствуют быстрому вовлечению в университетские или городские сообщества. Особенно остро такие ситуации переживаются, если юноши и девушки не проживают в университетских общежитиях, которые являются площадкой для знакомства с другими людьми. Экономическое неравенство вызывает у студентов комплексы, значительно ограничивая спектр возможностей привыкания к городу, а также вовлечения в городские компании и тусовки.

Кроме того, одиночество часто становится последствием того, что студенты плохо ориентируются не только в городе, но и в самом университете, часто не знают, к кому можно обратиться в сложной ситуации за помощью. Резкий отрыв юношей и девушек от родительских семей часто воспринимается болезненно, что обостряет многие переживания.

Было тяжело, потому что я одна сама вот так не ездила, это было с родителями либо с кем-то, а тут я просто одна с чужими людьми на такси, немного тяжело, я приехала, меня встретили друзья здесь, но все равно был такой момент потерянности. (Девушка, 19, бакалавр, КФУ)

Приезжие студенты постоянно находятся в потоке новой информации, источниками которой становятся город и университет одновременно. Нахождение в динамичной среде мегаполиса после жизни в сравнительно небольшом городе непривычно, поэтому у молодежи возникают проблемы расстановки приоритетов в подборе занятий и хобби. Юноши и девушки выбирают слишком много внеучебных проектов, стараются подрабатывать и одновременно учиться (среди опрошенных студентов КФУ было больше тех, кто подрабатывает, чем среди опрошенных студентов НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге).

Также мы считаем, что сам университет часто оказывается не только источником поддержки, но барьеров, которые можно назвать «институциональными», т. е. связанными с организацией образовательной среды, в которой обучаются студенты. Во-первых, для иностранных студентов существуют более развитые экосистемы помощи и адаптации, чем для иногородних. Поэтому потребности иногородних студентов теряются на фоне общей массы студентов [Лисовская, Омельченко, Гарифзянова, 2023]. Во-вторых, слишком активная, динамичная и амбициозная среда как учебы, так и внеучебной жизни, отличающаяся конкурентностью, образно говоря, выталкивает некоторых студентов на обочину студенческой жизни. Иногда среда слишком разнообразна и среди большого количества активностей сложно найти то, что окажется близким тебе. Поэтому молодежь идет путем проб и ошибок, перебирая разные активности, проходя отборы и разочаровываясь. Кроме того, в университетах бывают «элитные» организации (например, кураторские активности, студсоветы с жесткими требованиями), в которых к кандидатам предъявляются серьезные требования, соответствовать им бывает очень сложно, если недостает жизненного или культурного опыта. Также в университете может не быть интересного студенту направления активности. На фоне всего этого у иногородней молоде-

жи может возникать чувство неудовлетворения и недооцененности, разочарованности в университете. Университет в таких случаях становится источником барьеров как раз из-за того, что во внеучебной жизни сложно сориентироваться: она не оправдывает ожиданий, а порой неудачный опыт участия, например непройденный отбор в престижное студенческое сообщество, формирует чувство исключенности.

У нас на доске почета висят плясуны, массовики-затейники, у которых просто двойки сплошные по учебе, а те, кто реально занимаются научной деятельностью, [недооценены]. (Девушка, 23, магистр, КФУ)

Таким образом, указанные барьеры демонстрируют, с какими трудностями приходится сталкиваться студенческой молодежи после поступления в вуз. Они довольно разнообразны и не сводятся исключительно к бытовым. Многие барьеры невозможно преодолеть, но можно нивелировать их негативное влияние. Для этого молодежь обращается к ресурсам университета или города, чтобы обзавестись более широкими сетями знакомств и поддержки, получить от этого бонусы.

Стратегии социального включения студенческой молодежи в городские сообщества: через университет или напрямую в город?

Студенческая жизнь дает доступную базу, поэтому кажется логичным, что многие студенты осваивают сначала ее. Студенческие активности обеспечивают новыми связями и опытом как в университете, так и за его пределами. Однако так происходит не всегда, поэтому можно говорить о разных стратегиях социального включения на основании анализа биографических интервью с иногородними студентами двух университетов.

Первая стратегия: использование ресурса университета-проводника. Эта стратегия, как мы считаем, наиболее «мягкая», обеспечивающая плавное вовлечение молодежи в университет и за его пределы. Университет воспринимается как место, где можно получить новый жизненный опыт, обзавестись социальными связями, включаясь в студенческие организации в стенах учебного заведения. Согласно нашему материалу на основе биографических интервью со студентами, информанты ближе к старшим курсам выходят за пределы университетской внеучебной деятельности или устраиваются на работу благодаря приобретенным связям и навыкам в вузе, они чувствуют себя более уверенными и защищенными в большом городе с очерченными горизонтами будущего.

И в конце третьего курса, и на четвертом курсе мы решили участвовать в таких профессиональных мероприятиях с моей подругой, чтобы собирать портфолио о себе, чтобы потом куда-то прийти на стажировку и на работу. (Девушка, 22, выпускник бакалавр, НИУ ВШЭ).

На младших курсах студенты пробуют разные активности, в итоге выбирают что-то одно, чаще какие-то организаторские проекты, и через них включаются, будучи уже на старших курсах в другие городские инициативы или проходят ста-

жировки в компаниях/мэрии города. На первых этапах могут сказываться «субъективные» барьеры, потому что молодежь не всегда может грамотно расставлять приоритеты, выбирая слишком много активностей в начале пути. В дальнейшем студенты определяются с выбором одной или двух активностей.

Студенты, использующие эту стратегию, сохраняют теплое отношение к городу и университету.

Мне действительно удобно и комфортно в этом городе на данный момент, потому что я реально чувствую себя в безопасности. (Девушка, 22, магистратура, КФУ)

В Казани и Санкт-Петербурге студенчество мыслит достаточно прагматично, выбирая «полезные» мероприятия в том числе и для будущей карьеры. Другие воспринимают насыщенную студенческую жизнь как приключенческий путь, который позволит не только накопить связи, но и получить разносторонний опыт, который так или иначе будет востребован.

Вторая стратегия: внутри «университета-теплицы». Для некоторых студентов университет может быть «теплицей», в которой сосредоточена вся академическая и внеучебная жизнь. Университет становится таковым, если юноши и девушки, стараясь справиться с чувством изоляции и одиночества, пытаются включиться почти во все университетские активности, тем самым быстрее завести знакомства и справиться с переживаемым дискомфортом. Также это случается, даже если молодые люди включаются только в одно сообщество, чаще всего творческой направленности. Студенты находят в нем свое безопасное место и ближний круг общения, поэтому вся жизнь начинает строиться вокруг университета. Показательно, что при этом сам город для некоторых наших информантов остается малоизвестным пространством, в котором сложно сориентироваться после окончания или отчисления из университета. Поэтому некоторые молодые люди все равно остаются в университетской среде, используя все возможности, которые дает социальный капитал, приобретенный за годы учебы в университете:

Музыкальный клуб стал очень близким моим безопасным местом, моим safe place в моей жизни. В такой меняющейся в основном жизни... Потому что в HSE Music я хожу все четыре года, даже после вот отчисления. (Девушка, 20, бакалавр, НИУ ВШЭ).

Плотная вовлеченность студентов в университете создает чувство устойчивости и значимости, но весь социальный капитал сконцентрирован внутри него, за пределами учебного заведения он работает слабо либо пока не нашел своего применения.

В своем институте я не последний человек, я чего-то достигла. Это, возможно, призвание какое-то... (Девушка, 26, КФУ, выпускник бакалавр/магистр).

В данном случае сохраняется романтизация университета, город остается отчасти неизведанной средой. Университет дает пространство защищенности, создавая для студента «тепличные» условия. В этом замкнутом мире как будто не су-

ществует особых барьеров. Однако, когда учеба заканчивается, все барьеры возникают снова.

В двух исследуемых университетах эта стратегия иногородней молодежи сопряжена со стремлением участвовать в большом количестве студенческих мероприятий внутри университета, проявлять активность только в знакомой вузовской среде. И речь может идти в данном случае необязательно об иногородних студентах. Эта стратегия распространяется и на ту часть студенческой молодежи, которая долго ищет «свое» безопасное место внутри университета, находясь вдали от родного дома. Мы считаем, что эта стратегия более характерна для петербургских студентов, нежели для казанских, так как в НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге имеет место эффект «пузыря» на основе сильной внеуниверситетской солидарности. Условный «пузырь» может быть барьером социального включения в городе, ограничивая контакты за пределами университета. Молодежь сама стремится погрузиться в жизнь университета, не замечая, как все замыкается на нем. Студенты из Казани сравнительно быстрее выходили на рынок труда, чем информанты из Санкт-Петербурга, поэтому их социальный капитал разнообразнее.

Третья стратегия: социальное включение без поддержки университета. По разным причинам у некоторых студентов не получается с помощью университета обзавестись нужными связями и сетями поддержки. Наше исследование показало, что это может происходить, например, когда студент сталкивается с болезненным опытом исключения из интересующих его проектов. Например, не справляется с отбором из-за недостатка навыков.

Все крупные организации, которые занимаются какой-то деятельностью для студентов, — мне всегда не нравился очень сильный дифференциальный социально значимый отбор, из которого просто раздувалось ого-го что. Чтобы попасть туда, нужно пройти десять этапов собеседования, и так далее. (Девушка, 24, магистратура, НИУ ВШЭ)

Подобные клубы привлекают, потому что открывают новые возможности, но в результате провала студент может не захотеть пользоваться ресурсами университета и постарается искать их самостоятельно, без посредничества и «мягкого старта».

Также приоритеты университета могут не совпадать с интересами студентов. К примеру, поощряются организаторская деятельность (участие в студенческих советах), творческие или спортивные клубы, за участие в которых студенты могут получить привилегии (лучшие условия проживания, повышенные стипендии, несмотря на низкие результаты в учебе). Иная деятельность (чаще всего низовая) в университете на последних позициях. Из-за этого часть студентов не могут применить свой потенциал в стенах вуза и начинают искать каналы для самореализации в городе. Зачастую это достаточно сложно, потому что иногородние студенты чаще не обладают связями и достаточным опытом, что усложняет самостоятельную траекторию, делает ее более «стрессовой». В итоге город и университет становятся источниками трудностей и испытаний. Подобные исходы встречались и в ВШЭ, и в КФУ. В некоторых случаях у студентов рушились романтические образы сначала университета, а затем из-за неразрешенных трудностей (барьеров включения) они разочаровывались и в городе:

Мне очень не нравился этот город, если честно. До сих пор я центр не люблю, я туда не езжу. Я живу на окраине, мне нормально, тут примерно ритм такой, как вот у нас в Челнах. (Девушка, 23, магистр, КФУ).

В то же время это не безуспешная стратегия. Мы полагаем, что она требует больших усилий и активных действий со стороны студенческой молодежи, которая пока еще не обладает достаточным социальным капиталом.

Говоря о специфике конкретных университетов, стоит отметить, что студенческая жизнь в Казани и Петербурге, несмотря на общие черты, различается в некоторых аспектах. В Казани, судя по субъективным оценкам студентов, уклон делается на инициативы «сверху», что подходит не всем. Поэтому казанская молодежь старается найти что-то для себя за пределами университета (в том числе раньше начинает искать подработку), развиваясь больше самостоятельно. В Петербургском случае студенты были вовлечены в низовые университетские инициативы, созданные студентами для студентов при поддержке университета, и имели большую популярность (что также затрудняло вход в них).

Четвертая стратегия: университет становится посредником. Иногда университет может сыграть роль посредника в дальнейшем включении иногородних студентов в социальные связи. Например, стать источником или агрегатором информации о полезных активностях вне университета.

На втором курсе была у меня лекция по теории литературы. И в какой-то момент лектор такой говорит, вот, пришли к нам люди из отряда [студенческие поисковые отряды]. И выходят ребята, ребята в красивых зеленых куртках... И я такая: «О Боже мой! Я тоже хочу быть крутой девчонкой в крутой зеленой куртке!» (Девушка, 22, бакалавр, НИУ ВШЭ)

Кроме информационной поддержки университет мало помогает молодежи формировать чувство устойчивости и накапливать социальный капитал. В городских активностях (и других формах участия) студенты находят опору и увеличивают свой социальный капитал.

В новом городе новые люди появляются... изменяется компания в целом, она более многогранной становится. Вообще с разных областей у меня появились товарищи кардинально с разных отраслей. То есть раньше я не особо дружил с ребятами из творческой стези, сейчас у меня их просто тьма... (Юноша, 25, выпускник магистр, КФУ)

Стратегия характерна в равной степени для случаев Казани и Петербурга, ее выбирает молодежь, ищущая в своих действиях рациональное зерно (больше связей и возможностей), либо те, кто хочет найти «свое безопасное место» за пределами университета. Источниками информации становились медиа университета, в том числе в социальных сетях, а также отдельные преподаватели.

Дискуссия

Изучая образовательную миграцию, важно обращать внимание на то, что происходит со студентами после переезда в новый город и каким образом они его

осваивают. В этой статье мы уточняем процессы, которые происходят после переезда молодежи внутри страны. Мы анализировали стратегии, которыми молодежь накапливает социальный капитал и становится более устойчивой в новом городе, другими словами, возникает чувство благополучия, уверенности, отсутствия социальной изолированности. Выделенные нами стратегии можно назвать социальным включением студенческой приезжей молодежи, под которым мы понимаем социальный капитал как совокупность связей, сетей поддержки и получаемых ресурсов, а также чувство стабильности или уверенности у молодежи как важную характеристику благополучия жизни в новом городе, возникающую со временем. Мы считаем, что осознание устойчивости своего положения и социальный капитал связаны, когда речь идет о социальном включении молодежи. Кажется, что устойчивость — конечный результат, достигаемый с помощью накопленного социального капитала или через университет, или город, или одновременно используя оба источника приобретения связей и знакомств. Чтобы молодым людям стать уверенными в новом городе, где для них все ново и даже чуждо, нужно обзавестись значимыми и полезными связями. Когда новое окружение становится более дружелюбным, молодежь открывает себе доступ к более ценным ресурсам и улучшает качество жизни, комфорта. Выделенные нами стратегии социальной включенности показывают, каким образом студенческая иногородняя молодежь повышает устойчивость своего социального положения и как накапливает социальный капитал. Ответственность за успешную адаптацию и вовлеченность молодежи в жизнь университета и города ложится не только на самих юношей или девушек, но и на окружающую среду, которая обеспечивает их ресурсами, как отмечают исследователи [Ungar et al., 2008; Ungar, 2012]. В нашем случае университет — та самая первичная и доступная ресурсная база, которая может помочь студентам обзавестись социальным капиталом. Включаться быстро в городские инициативы и проекты, направленные на молодежь, сразу же после переезда несколько сложнее в силу отсутствия связей, компании, информации, чем в университете. Тем не менее, как показывает наше исследование, вуз отнюдь не всегда «смягчает» социальное включение молодежи. Выделенные стратегии социальной включенности представляют собой континуум. На краях континуума находятся те самые жизненные стратегии без поддержки университета и, наоборот, сконцентрированные только в нем. Эти точки — своеобразные крайности, в которых студенты имеют больше всего сложностей с нахождением своего места в новом городе.

Этой статьей мы также вносим дополнения в наши предыдущие исследования о сценариях социального включения молодежи в большом городе [Лисовская, Омельченко, Гарифзянова, 2024]. Ранее мы выделяли три группы сценариев социальной адаптации молодежи: приключенческие, драматические и стратегические. Здесь мы кратко дополняем эти типы характерными стратегиями социальной включенности.

Молодежь, не использующая университет как ресурсную базу, по разным причинам острее переживает трудности, в том числе связанные с одиночеством. Юноши и девушки стараются с первых дней исследовать город, не имея для этого ресурсов. Речь идет о драматичных студенческих сценариях, когда возникает разочарование и в городе, и в университете, нередки отчисления.

Другая крайность континуума — когда внеучебная жизнь протекает в стенах учебного заведения, а после выпуска студентам приходится искать себя заново уже за пределами университета, и снова они сталкиваются с барьерами, преодоление которых было отложено на период студенчества. В таких случаях, опять же, складываются драматичные сценарии, но могут быть и приключенческие, когда юноши и девушки активно вовлекаются в студенческую жизнь внутри университета и не участвуют в жизни города, не подрабатывают.

Стратегия включенности через информационную поддержку университета (без активного участия) не решает проблемы студента, однако немного сглаживает поиск себя в городе, что становится важным ресурсом для преодоления многих трудностей. Эта стратегия соответствует драматичным и стратегическим сценариям, когда молодежь ищет единомышленников за пределами университета в городском пространстве.

Наиболее «мягкой» мы считаем стратегию использования молодежью ресурсной базы университета на младших курсах, а затем с помощью полученного опыта вовлечение (или устройство на работу) за пределами университета. Эту стратегию выбирает молодежь, которая либо рассматривает свою студенческую жизнь как приключение в поисках многогранного опыта и сетей поддержки, либо находится в поиске полезного опыта (приключенческие и драматические сценарии).

Несмотря на то, что для исследования мы выбрали разные университеты, выделенные стратегии работают и для ВШЭ, и для КФУ. Различия кроются преимущественно в особенностях организации студенческой жизни в университетах, а также более раннем (в Казани) или более позднем (в Санкт-Петербурге) выходе на рынок труда для подработок. Мы не считаем серьезным ограничением для полученных выводов отличия среды, потому как стратегии не меняют своего содержания. Последние сопряжены с выбором молодежи использования ресурсной базы университета либо города напрямую или косвенно. Это может быть ограничением исследования, так как мы не рассматриваем персональные стратегии студентов в поисках устойчивости. Соответственно, дальнейшие исследования могут быть сфокусированы на более детальном анализе того, что дает чувство уверенности иногородней молодежи, какие этапы формирования иногородние студенты должны пройти, чтобы снизить социальную уязвимость, и какие персональные стратегии для этого нужно выработать.

Список литературы (References)

1. Абрамова М. О., Филькина А. В., Сухушина Е. В. Вызовы интернационализации для российского высшего образования: влияние пандемии COVID-19 на образовательный опыт иностранных студентов // Вопросы образования. 2021. Вып. 4. С. 114—146.
Abramova M. O., Filkina A. V., Sukhushina E. B. (2021) Challenges of Internationalisation for Russian Higher Education: The Impact of the COVID 19 Pandemic on the Educational Experience of Foreign Students. *Educational Studies*. Vol. 4. P. 114—146. (In Russ.)

2. Адашова Т. А. Развитие креативного потенциала молодежи как фактора эффективного развития российского туризма // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. № 1. С. 43—51.
Adashova T. A. (2016) Development of Creative Potential of Youth as a Factor of Effective Development of Russian Tourism. *Russian Regions: A Look Into the Future*. No. 1. P. 43—51. (In Russ.)
3. Аржанова И. В., Дыдзинская Д. В., Мусина Е. А., Селезнев П. С. Обучение иностранных граждан в опорных вузах Российской Федерации в интересах использования «мягкой силы» // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 8—9. С. 9—20. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-8-9-9-20>.
Arzhanova I. V., Dydzinskaya D. V., Musina E. A., Seleznev P. S. (2019) Education of Foreign Citizens in the Support Universities of the Russian Federation in the Interests of Using “Soft Power”. *Higher Education in Russia*. Vol. 28. No. 8—9. P. 9—20. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-8-9-9-20>. (In Russ.)
4. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60—74. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2002-5-60-74>.
Bourdieu P. (2002) Forms of Capital. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 3. No. 5. P. 60—74. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2002-5-60-74>. (In Russ.)
5. Варшавская Е. Я., Чудиновских О. С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. № 3. С. 36—58.
Varshavskaya E. Ya., Chudinovskikh O. S. (2014) Migration Plans of Graduates of Regional Universities in Russia. *Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics*. No. 3. P. 36—58. (In Russ.)
6. Валеева Д. Р., Польшин О. В., Юдкевич М. М. Связи дружбы и помощи при обучении в университете // Вопросы образования. 2014. Вып. 4. С. 70—84. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-4-70-84>.
Valeeva D., Poldin O., Yudkevich M. (2014) Friendly Relationships and Relationships of Assistance at a University. *Voprosy Obrazovaniya. Educational Studies*. No. 4. P. 70—84. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-4-70-84>. (In Russ.)
7. Габдрахманова Г. Ф. Образы университета и города в миграции иногородних студентов: региональный кейс // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 6. С. 116—138. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-6-116-138>.
Gabdrakhmanova G. F. (2023) Images of the University and the City in the Migration of Nonresident Students: A Regional Case. *Higher Education in Russia*. Vol. 32. No. 6. P. 116—138. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-6-116-138>. (In Russ.)
8. Дождиков А. В., Корнилова Е. В. Образовательная миграция абитуриентов между регионами Российской Федерации как источник данных для планирования развития системы высшего образования // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 3. С. 67—83. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-67-83>.

- Dozhdikov A. V., Kornilova E. V. (2023) Educational Migration of Applicants Between Regions of the Russian Federation as a Source of Data for Planning the Development of Higher Education. *Higher Education in Russia*. Vol. 32. No. 3. P. 67—83. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-67-83>. (In Russ.)
9. Ефлова М. Ю., Максимова О. А., Озерова К. А. Ценностные ориентации и практики социальной активности иногородних студентов Казани и Санкт-Петербурга // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 123—135.
Eflova M. Y., Maksimova O. A., Ozerova K. A. (2023) Value Orientations and Practices of Social Activity of Non-resident Students of Kazan and St. Petersburg. *Sociological Studies*. No. 6. P. 123—135. (In Russ.)
10. Замятина Н. Ю. Метод изучения миграций молодежи по данным социальных интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной интернет-сети «ВКонтакте») // Региональные исследования. 2012. № 2. С. 15—28.
Zamyatina N. Y. (2012) Method of Studying Youth Migrations According to Data from Social Internet Networks: Tomsk State University as a “Center of Production and Distribution” of Human Capital (According to the Social Internet Network “Vkontakte”). *Regional Studies*. No. 2. P. 15—28. (In Russ.)
11. Зиневич О. В., Мелёхина Е. А. Высшее образование для глобального и локального устойчивого развития // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 3. С. 84—102. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-84-102>.
Zinevich O. V., Melekhina E. A. (2023) Higher Education for Global and Local Sustainable Development. *Higher Education in Russia*. Vol. 32. No. 3. P. 84—102. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-84-102>. (In Russ.)
12. Калугина Т. А. Социальная адаптация иногородних студентов к вузовской среде // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 279—286.
Kalugina T. A. (2018) Social Adaptation of Nonresident Students to the University Environment. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. Vol. 18. No. 3. P. 279—286. (In Russ.)
13. Карачурина Л. Б., Флоринская Ю. Ф. Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского университета. 2019. Сер. 5. География. № 6. С. 82—89.
Karachurina L. B., Florinskaya Y. F. (2019) Migration Intentions of Graduates of Schools in Small and Medium-Sized Cities of Russia. *Bulletin of Moscow University. Ser. 5. Geography*. No. 6. P. 82—89. (In Russ.)
14. Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 4. С. 162—180.
Kartseva M. A., Mkrtychyan N. V., Florinskaya Y. F. (2021) Interregional Migration of Young People in Russia and Building Life Strategies. *Journal of the New Economic Association*. No. 4. P. 162—180. (In Russ.)

15. Креховец Е. В., Польдин О. В. Социальный капитал студентов сквозь призму социальных сетей: анализ структуры и ключевых акторов // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 59—79.
Krekhovets E. V., Poldin O. V. (2016) Social Capital of Students Through the Prism of Social Networks: Analyzing the Structure and Key Actors. *Educational Studies Moscow*. No. 3. P. 59—79. (In Russ.)
16. Кузинер Е. Н., Петрунина Д. С. Креативные пространства как «третьи места» в регионах России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 333—355. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2316>.
Kuziner E. N., Petrunina D. C. (2022) Creative Hubs as Third Places in Russian Regions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 333—355. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2316>. (In Russ.)
17. Лисовская И. В., Омельченко Е. Л., Гарифзянова А. Р. Молодежь едет учиться в мегаполис: как не остаться в одиночестве // Вопросы образования. 2024. Т. 2. № 3. С. 136—170. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17283>.
Lisovskaya I. V., Omelchenko E. L., and Garifzianova A. R. (2024) Youth Is Going to Study in a Metropolis: How Not to Stay Alone. *Educational Studies Moscow*. Vol. 2. No. 3. P. 136—170. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17283>. (In Russ.)
18. Маяковская А. В. Образовательная миграция и практики социальной адаптации иногородних студентов (на примере города Казань) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 5. С. 46—51. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.4.46-51>.
Mayakovskaya A. V. (2022) Educational Migration and Practices of Social Adaptation Nonresident Students (By the Example of the City of Kazan). *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. No. 5. P. 46—51. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.4.46-51>. (In Russ.)
19. Мкртчян Н. В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225—242.
Mkrtchyan N. V. (2017) The Youth Migration from Small Towns in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 225—242. (In Russ.)
20. Нартова Н. А. Гражданственность в представлении петербургской молодежи и их родителей // Социологические исследования. 2019. Т. 45. № 12. С. 38—47. <https://doi.org/10.31857/S013216250007742-9>.
Nartova N. A. (2019) Citizenship in Understanding of St. Petersburg Young People and Their Parents. *Sociological Studies*. Vol. 45. No. 12. P. 38—47. <https://doi.org/10.31857/S013216250007742-9>. (In Russ.)
21. Омельченко Д. А., Омельченко Е. Л. В поисках дома. Региональная идентичность молодых калининградцев: жизненные стратегии и миграционные намерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 309—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2317>.

- Omelchenko D. A., Omelchenko E. L. (2022) In Search of Home. The Regional Identity of Young Kaliningraders: Life Strategies and Migration Intentions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 309—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2317>. (In Russ.)
22. Омельченко Е. Л. Вместо введения. 25 лет молодежных исследований: глобальные имена — локальные тренды // Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности / сост.: Е. Омельченко. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. С. 29—91. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2128-1>.
Omelchenko E. L. (2020) Instead of Introduction. 25 Years of Youth Studies: Global Names — Local Trends. In: Omelchenko E. (eds.) *Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarity*. Moscow: HSE Publishing House. P. 29—91. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2128-1>. (In Russ.)
23. Практики анализа качественных данных в социальных науках / отв. ред. Е. В. Полухина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 2023. <https://doi.org/10.31857/S013216250026388-9>.
Polukhina E. V. (eds.) (2023) The Practices of Qualitative Data Analysis in Social Sciences. Moscow: HSE Publishing House. <https://doi.org/10.31857/S013216250026388-9>. (In Russ.)
24. Попов А. А., Глухов П. П. Роль университетов в конкурентности городов и городских агломераций // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 11. С. 75—87. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-11-75-87>.
Popov A. A., Glukhov P. P. (2020) The Role of Universities in the Competitiveness of Cities and Urban Agglomerations. *Higher Education in Russia*. Vol. 29. No. 11. P. 75—87. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-11-75-87>. (In Russ.)
25. Резник С. Д., Черниковская М. В. Социальная устойчивость студенческой молодежи России: как оценивают ее сами студенты // Интеграция образования. 2019. № 1. С. 85—99.
Reznik S. D., Chernikovskaya M. V. (2019) Self-Assessment of Russian Students' Social Resistance. *Integration of Education*. No. 1. P. 85—99. (In Russ.)
26. Рождественская Е. Ю. Размер выборки в качественном исследовании // Современная социология — современной России: Сборник статей памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А. О. Крыштановского. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 271—276. URL: <https://goo.su/BV8J37>.
Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012) Sample Size in Qualitative Research. In: *Contemporary Sociology — for Contemporary Russia: A Collection of Articles in Memory of the First Dean of the Faculty of Sociology at the National Research University Higher School of Economics A. O. Kryshtanovsky*. P. 271—276. URL: <https://goo.su/BV8J37> (accessed: 27.01.2025). (In Russ.)
27. Романенко К. Р. Университетские объединения: что меняется для студентов // Вопросы образования. 2018. № 1. С. 154—173. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-1-154-173>.

- Romanenko K. R. (2018) University Associations: What is Changing for Students. *Educational Studies Moscow*. No. 1. P. 154—173. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-1-154-173>. (In Russ.)
28. Штыхно Д. А., Константинова Л. В., Гагиев Н. Н., Смирнова Е. А., Никонова О. Д. Трансформация моделей университетов: анализ стратегий развития вузов мира // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 6. С. 27—47. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-6-27-47>.
Shtykhno D. A., Konstantinova L. V., Gagiev N. N., Smirnova E. A., Nikonova O. D. (2022) Transformation of University Models: Analysis of Development Strategies of Higher Education Institutions in the World. *Higher Education in Russia*. T. 31. No. 6. P. 27—47. (In Russ.) <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-6-27-47>.
29. Bierwiazzonek K., Waldzus S. (2016) Socio-Cultural Factors as Antecedents of Cross-Cultural Adaptation in Expatriates, International Students, and Migrants. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 47. No. 6. P. 767—817. <https://doi.org/10.1177/0022022116644526>.
30. Black J. S., Stephens G. K. (1989) The Influence of the Spouse on Expatriate Adjustment and Intent to Stay in Overseas Assignments. *Journal of Management*. Vol. 8. No. 1. P. 101—105. <https://doi.org/10.1177/0022022116644526>.
31. Bryman A. (2016) *Social Research Methods*. 5th ed. Oxford: Oxford University Press. P. 588—589. <https://doi.org/10.4236/oalib.1104376>.
32. Glaese E. (1999) Learning in Cities. *Journal of Urban Economics*. Vol. 46. No. 2. P. 254—277. <https://doi.org/10.4236/oalib.1104376>.
33. Cooke T. J., Boyle P. (2011) The Migration of High School Graduates to College. *Educational Evaluation and Policy Analysis*. T. 33. No. 2. P. 202—213. <https://doi.org/10.3102/0162373711399092>.
34. Grant P. D. & Kniess D. (2023) “I Just Kind of Felt like Country Come to Town”: College Student Experiences for Rural Students at one Flagship University. *The Rural Educator*. Vol. 44. No. 3. P. 1—16. <https://doi.org/10.55533/2643-9662.1357>.
35. Grant P. D., Roberts J. K. (2022) “You’re Poor, So You’re Not Going to Do Anything:” Socioeconomic Status and Capital Accumulation as a Means to Access Higher Education. *Rural Sociology*. Vol. 87. No. 4. P. 340—1369. <https://doi.org/10.1111/ruso.12451>.
36. Henriksen K., Storm L. K., Kuettel A., Linnér, L., Stambulova, N. (2019) A Holistic Ecological Approach to Sport and Study: The Case of an Athlete Friendly University in Denmark. *Psychology of Sport and Exercise*. Vol. 47. Art. 101637.
37. Linnér L., Stambulova N., Henriksen K. (2017) Holistic Approach to Understanding a Dual Career Environment at a Swedish University. In: G. Si, J. Cruz, J. C. Jaenes (eds.) *Sport Psychology — Linking Theory to Practice: Proceedings of the XIV ISSP World Congress of Sport Psychology*. P. 243—244.

38. Longva K. K. (2021) Student Venture Creation: Developing Social Networks Within Entrepreneurial Ecosystems in the Transition from Student to Entrepreneur. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. Vol. 27. No. 5. P. 1264—1284. <https://doi.org/10.1108/IJEBR-09-2020-0661>.
39. Neto F., Pinto M. (2022) Loneliness among African Migrants Living in Portugal. *OBM Neurobiology*. Vol. 6. No. 2. Art. 125. <https://doi.org/10.21926/obm.neurobiol.2202125>.
40. Readings B. (1996) *The University in Ruins*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
41. Southwick S. M., Bonanno G. A., Masten A. S., Panter-Brick C., Yehuda R. (2014) Resilience Definitions, Theory, and Challenges: Interdisciplinary Perspectives. *European Journal of Psychotraumatology*. Vol. 5. No. 1. Art. 25338. <https://doi.org/10.3402/ejpt.v5.25338>.
42. Tavares V. (2021) Feeling Excluded: International Students Experience Equity, Diversity and Inclusion. *International Journal of Inclusive Education*. Vol. 28. No. 8. P. 1551—1568. <https://doi.org/10.1080/13603116.2021.2008536>.
43. Tsekoura M. (2016) Spaces for Youth Participation and Youth Empowerment: Case Studies from the UK and Greece. *Young*. Vol. 24 No. 4. P. 326—341. <http://dx.doi.org/10.1177/1103308815618505>.
44. Ungar M. (2012) Researching and Theorizing Resilience Across Cultures and Contexts. *Preventive Medicine: An International Journal Devoted to Practice and Theory*. Vol. 55. No. 5. P. 387—389. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2012.07.021>.
45. Ungar M., Liebenberg L., Boothroyd R. et al. (2008) The Study of Youth Resilience Across Cultures: Lessons from a Pilot Study of Measurement Development. *Research in Human Development*. Vol. 5. No. 3. P. 166—180. <https://doi.org/10.1080/15427600802274019>.
46. Wachyunn S., Abrar M., Istifada I., Harjono H. S., Hendra R. (2023) Challenges Faced by International Students: A Case Study of Jambi's Institute of Higher Learning. *Dinamika Ilmu*. Vol. 23. No. 1. P. 37—52. <https://doi.org/10.21093/di.v23i1.5995/>.
47. Ward C., Kennedy A. (1999) The Measurement of Sociocultural Adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 23. No. 4. P. 659—677. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(99\)00014-0](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(99)00014-0).
48. Ward C., Searle W. (1991) The Impact of Value Discrepancies and Cultural Identity on Psychological and Sociocultural Adjustment of Sojourners. *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 15. No. 2. P. 209—224. [https://doi.org/10.1016/0147-1767\(91\)90030-K](https://doi.org/10.1016/0147-1767(91)90030-K).
49. Wright M., Siegel D. S., Mustar P. (2017) An Emerging Ecosystem for Student Start-Ups. *The Journal of Technology Transfer*. Vol. 42. No. 4. P. 909—922. <https://doi.org/10.1007/s10961-017-9558-z>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2552](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2552)

**А. А. Линченко, О. В. Головашина, Д. А. Аникин,
А. С. Сысоев, В. А. Калитвин**

**ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
В КОММЕНТАРИЯХ К РЕГИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРНЕТ-СМИ:
ОПЫТ КОМБИНАЦИИ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ
И КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА**

Правильная ссылка на статью:

Линченко А. А., Головашина О. В., Аникин Д. А., Сысоев А. С., Калитвин В. А. Память о Великой Отечественной войне в комментариях к региональным интернет-СМИ: опыт комбинации машинного обучения и критического дискурс-анализа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 45—65. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2552>.

For citation:

Linchenko A. A., Golovashina O. V., Anikin D. A., Sysoev A. S., Kalitvin V. A. (2025) Memory of the Great Patriotic War in Comments to Regional Media: An Experience of Combining Machine Learning and Discourse Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 45–65. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2552>. (In Russ.)

Получено: 29.12.2023. Принято к публикации: 11.02.2025.

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В КОММЕНТАРИЯХ К РЕГИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРНЕТ-СМИ: ОПЫТ КОМБИНАЦИИ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ И КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА

ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович — кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия
 E-MAIL: linchenko1@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6242-8844>

ГОЛОВАШИНА Оксана Владимировна — доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
 E-MAIL: ovgolovashina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9911-175X>

АНИКИН Даниил Александрович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия; доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия
 E-MAIL: dandee@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6232-6557>

СЫСОЕВ Антон Сергеевич — кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной математики, Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия
 E-MAIL: sysoev_as@stu.lipetsk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0866-1124>

MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN COMMENTS TO REGIONAL MEDIA: AN EXPERIENCE OF COMBINING MACHINE LEARNING AND DISCOURSE ANALYSIS

Andei A. LINCENKO^{1,2} — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Researcher; Associate Professor, Department of Philosophy and Social Communication
 E-MAIL: linchenko1@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6242-8844>

Oksana V. GOLOVASHINA³ — Dr. Sci. (Philos.), Associate Professor, Senior Researcher, Ural Humanitarian Institute
 E-MAIL: ovgolovashina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9911-175X>

Daniil A. ANIKIN^{4,5} — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Associate Professor, Department of Theoretical and Social Philosophy; Associate Professor, Department of Comparative Political Science
 E-MAIL: dandee@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6232-6557>

Anton S. SYSOEV² — Cand. Sci. (Tech.), Associate Professor, Head of the Department of Applied Mathematics
 E-MAIL: sysoev_as@stu.lipetsk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0866-1124>

¹ Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russia

² Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia

³ Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

⁴ Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

⁵ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

КАЛИТВИН Владимир Анатольевич — кандидат физико-математических наук, доцент, Липецкий государственный педагогический университет, Липецк, Россия
E-MAIL: kalitvin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2069-7074>

Vladimir A. KALITVIN⁶ — Cand. Sci. (Phys.-Math.), Associate Professor
E-MAIL: kalitvin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2069-7074>

⁶ Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia

Аннотация. Цель статьи — провести сравнительный анализ комментариев к региональным СМИ в Калининградской, Тульской и Томской областях, посвященных общественной коммеморации Великой Отечественной войны в контексте комбинации исследовательских возможностей методов машинного обучения и критического дискурс-анализа. Источниками выступили комментарии пользователей медиа Калининградской, Тульской и Томской областей в период с 2015 по 2021 г., посвященные коммеморации Дня Победы и Дня памяти и скорби, акции «Бессмертный полк», а также семейной памяти о событиях войны. Авторы комбинировали методы критического дискурс-анализа и машинного обучения.

Анализ выборочной совокупности комментариев методами машинного обучения показал, что в трех избранных российских регионах в течение исследуемого периода доля положительных комментариев снижалась, а негативных — росла. Наибольшая доля критических комментариев в отношении всех изученных коммеморативных акций была зафиксирована в Томской области. Изучение избранной совокупности комментариев при помощи критического дискурс-анализа позволило раскрыть внутреннюю неоднородность этой тенденции, выявив взаимосвязь использования образов Великой Отечественной войны с оценкой актуальной социально-политической обстановки. Результаты дискурс-анализа показали, что использование памяти о событиях Великой Отечественной войны как варианта гражданской религии в современной России

Abstract. This article is devoted to the study of the comments to regional media of Kaliningrad, Tula, and Tomsk regions about commemorations of the Great Patriotic War of 1941—1945 in light of a combination of Machine Learning (ML) methods and critical discourse analysis (CDA) methodology. The sources used were the comments of regional media users in the period from 2015 to 2021, dedicated to commemorations of June 22 and May 9, the “Immortal Regiment” action, as well as family memory of the war events. The analysis of a sample set of the comments using ML methods showed that in three selected Russian regions, regardless of anniversaries, the number of positive comments is decreasing, and the number of negative comments is growing. The Tomsk region showed the highest percentage of critical comments regarding all studied commemorations. The study made it possible to reveal the internal heterogeneity of this trend, showing the relationship between the use of images of the war and the assessment of the current socio-political situation. The analysis showed that the use of memory of the events of the Great Patriotic War as a variant of civil religion in modern Russia faces the sacralization of individual heroes and images of family memory of the war, which are increasingly contrasted with the official narratives about the Great Patriotic War. At the same time, the study showed that criticism of commemorative events is more related to current regional socio-economic problems and is extremely emotional and situational. This conclusion made it possible to reveal in more detail and substantiate the thesis about the presence of tendencies of polarization and fragmentation of mass

сталкивается с сакрализацией отдельных героев и образов семейной памяти о войне, которые все чаще противопоставляются официальным нарративам о Великой Отечественной войне. Вместе с тем исследование показало, что критика коммеморативных мероприятий в большей мере связана с текущими региональными социально-экономическими проблемами, является предельно эмоциональной и ситуативной. Этот вывод позволил подробнее раскрыть и обосновать тезис о наличии тенденций поляризации и фрагментации массового исторического сознания в региональном интернет-пространстве. В контексте изученных примеров были сформулированы принципы комбинирования методов машинного обучения и критического дискурс-анализа при изучении восприятия населением региональной политики памяти.

Ключевые слова: День Победы, память о Великой Отечественной войне, историческая память, критический дискурс-анализ, машинное обучение

historical consciousness in the regional Internet space. Based on the examples studied, the principles for combining ML methods and CDA were formulated.

Keywords: Victory Day, memory of the Great Patriotic War, historical memory, critical discourse analysis, machine learning

Введение

Великая Отечественная война остается одним из важнейших событий современного российского исторического сознания, а память о ней продолжает восприниматься как мировоззренческий ориентир [Головашина, Линченко, Аникин, 2017]. В социальных науках уже неоднократно высказывалась мысль о том, что по своему символическому значению память о Великой Отечественной войне становится краеугольным камнем гражданской религии, определяющей идентичность и способствующей консолидации российского общества. Гражданская религия, как отмечал еще Р. Белла, в рамках современного национального государства использует образы коллективной памяти, как правило, связанные с трагическими или героическими событиями прошлого, для выстраивания коллективной идентичности. В результате воспроизводятся механизмы сакрализации, только они переносятся с трансцендентной реальности на события национальной истории, что вполне вписывается в дюркгеймианскую трактовку религии как механизма обеспечения коллективной солидарности [Bellah, 1967].

Вместе с тем применительно по отношению к Великой Отечественной войне этот тезис нуждается в дополнении, поскольку здесь мы можем говорить о двух стадиях формирования гражданской религии. Первая стадия (1960—1980-е годы)

связана с постепенной, хоть и неполной заменой дискурса Октябрьской революции в качестве основы советской гражданской религии на дискурс Великой Отечественной войны, что позволило не только трансформировать пантеон героев, но и предложить обществу символическую формулу для преодоления негативных аспектов первых десятилетий складывания советской государственности. Вторая стадия (с конца 1990-х годов) — повторное обращение к данной тематике в качестве фактора консолидации российского общества, при этом определенное наложение символических контекстов: с одной стороны, это память о Великой Отечественной войне, а с другой — память о периоде, когда эта память уже выполняла аналогичную функцию. Таким образом, можно говорить о своеобразной конфигурации гражданской религии, которая базируется на двух исторических периодах, воспринимающихся как неразрывная и преемственная символическая конструкция [Аникин, Беклямишев, 2024]. На наш взгляд, именно сложность этой конфигурации способствует дроблению и размыванию единого дискурса о Великой Отечественной войне (при понимании относительности подобного единства) в российском обществе, причем это дробление проявляется как в поколенческом, так и в региональном измерении.

Исследования последних явно указывают на то, что в региональном измерении коллективная память о войне может фрагментироваться и трансформироваться [Политика памяти..., 2020; Символические аспекты..., 2021]. Возможность изучения региональных дискурсов коллективной памяти о войне напрямую связана со спецификой современных цифровых технологий, которые не только предлагают новые способы коммеморации, но и дают ценный материал о восприятии и оценке Великой Отечественной войны современными интернет-пользователями. Вместе с тем без эмпирического исследования региональной специфики памяти о войне само утверждение о существовании локальных мемориальных дискурсов представляется недостаточно обоснованным. Это обстоятельство диктует необходимость обращения к опыту отдельных регионов с целью выделения специфики локальных дискурсов на основании представленных в интернет-пространстве высказываний и комментариев пользователей новостных интернет-сайтов, что и определило исследовательский фокус данной статьи. В статье на материале Тульской, Калининградской и Томской областей будет проанализирована рецепция официального нарратива и коммеморативных практик, связанных с Днем Победы.

Источники

В качестве источников были использованы реакции пользователей интернет-ресурсов к записям, тематически связанным с 9 Мая, 22 Июня, подготовкой и проведением акции «Бессмертный полк», личными и семейными воспоминаниям о Великой Отечественной войне. Для целей исследования были выбраны три региона — Тульская, Томская и Калининградская области. Эти регионы сходны по численности населения, однако различаются включенностью в события 1941—1945 гг. Это дало нам основания полагать, что реакции на соответствующие коммеморативные мероприятия будут также различаться. Если Томская область находилась в глубоком тылу, то в Тульском регионе шли активные боевые действия. Внимание к Калининградской области связано с особенностями ее ис-

тории — регион стал частью Советского Союза уже после окончания Великой Отечественной войны.

Хронологические рамки исследования (2015—2021 гг.) обусловлены социально-политическими факторами: во-первых, с 2015 г. набирает популярность акция «Бессмертный полк», во-вторых, мы предполагали, что «крымский консенсус» 2014 г. должен был отразиться в реакциях комментаторов в том числе и по отношению к Великой Отечественной войне как главному элементу консолидации российского общества с точки зрения образов прошлого [Морев, 2018]. Необходимо также заметить, что мы не стремились к целостному исследованию отношения населения Томской, Тульской, Калининградской области к официальным коммеморативным мероприятиям вокруг Дня Победы, что потребовало бы привлечения более широкого спектра количественных и качественных социологических методов. В нашей работе речь идет только об анализе актов сетевой коммуникации, которые имеют свои особенности и которые нельзя спроецировать без существенных оговорок на более широкую аудиторию, находящуюся за пределами коммуникативного процесса. Вместе с тем авторы статьи исходят из того, что дискурсивные практики, разворачивающиеся в социальных сетях, на новостных сайтах, в блогах и т. д., выступают в качестве одного из факторов конструирования социальной реальности, а также способа репрезентации политики памяти в регионах. После февраля 2022 г. конфигурация акторов социальной памяти изменилась из-за переосмысления ценностных приоритетов, эмиграции, активизации маркирования отдельных лиц, организаций, СМИ в качестве экстремистских и иностранных агентов, усиления мнемонической повестки на международном уровне. В этих условиях память о Великой Отечественной войне оказалась одним из важнейших символических ресурсов: «на данном этапе она стала нашим ключевым нарративом»¹. Более того, высказываемые представителями власти параллели между СВО и Великой Отечественной войной², призванные способствовать сближению целей обоих военных конфликтов в массовом сознании россиян, также принципиально изменяли информационный фон вокруг коммемораций Великой Отечественной войны, что могло существенно повлиять на репрезентативность нашего исследования.

Методология исследования

Предлагаемая статья продолжает работу авторского коллектива над анализом практик коммеморации и коллективной памяти о Великой Отечественной войне. Ранее авторы уже обращались к материалам, представленным в интернете [Головашина, Линченко, Аникин, 2017; Линченко, 2022], обосновав, что в ситуации перехода памяти о Победе из коммуникативной в культурную (в соответствии с замечаниями Я. Ассмана) увеличивается противоречивость в оценке события, а обращение к нему может быть обусловлено необходимостью поиска символи-

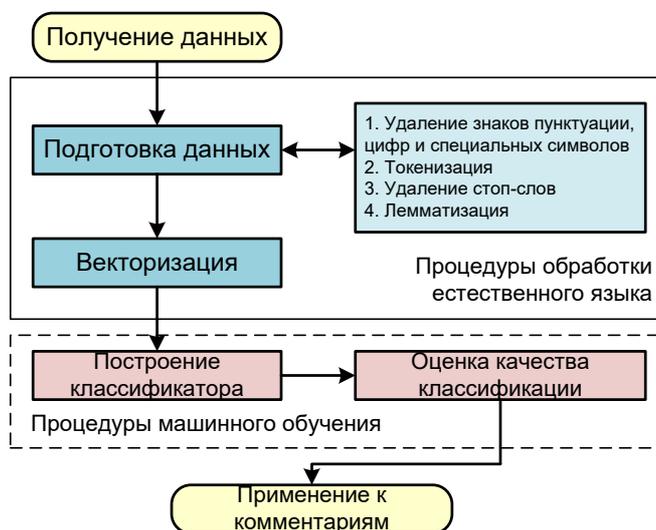
¹ Попова П. В Крыму рассказали о смысловой связи Великой Отечественной войны и СВО // ForPost. 2023. 22 июня. URL: <https://sevastopol.su/news/v-krymu-rasskazali-o-smyslovoy-svyazi-velikoy-otechestvennoy-voyny-i-svo> (дата обращения: 03.01.2025).

² Владимир Васильев: В День памяти и скорби встретились поколения, которые воевали, и герои СВО // Фракция «Единая Россия» в Государственной Думе. 2023. 22 июня. URL: <https://er-gosduma.ru/news/vladimir-vasilev-v-den-pamyati-i-skorbi-vstretilis-pokoleniya-kotorye-voevali-i-geroi-svo/> (дата обращения: 03.01.2025).

ческих ресурсов для критики актуальной социальной, политической или экономической ситуации [Ассман, 2004].

Исходя из популярности темы Великой Отечественной войны, разнообразных эмоций, которые вызывает эта тема, а также интенсивного развития методов машинного обучения, мы посчитали корректным использование машинной обработки имеющегося материала. Пока существует лишь несколько тематических исследований в области анализа настроений (сентиментов), применяемых к русскоязычным коротким текстам, таким как твиты или комментарии в социальных сетях [Viksna, 2018; Smetanin, 2020]. Список наборов данных и их подробное описание представлены в исследованиях, содержащих также обзор методов для представления и векторизации слов и предложений [Rodina, 2019, Malykh, 2019; Smetanin, Komarov, 2021], начиная от простых Bag-of-Words [Smetanin, Komarov, 2019] и Word2Vec [Alekseev, Nikolenko, 2017] моделей до предварительно обученных языковых моделей, таких как ELMO или BERT. В еще одном отечественном исследовании приводятся особенности определения языковой окраски русскоязычных коротких текстов [Loukachevitch, 2021]. В нашей статье мы использовали традиционную схему, включающую сбор данных, их подготовку, создание классификатора, оценку классификатора и, наконец, его применение для классификации новых текстов (см. рис. 1). Для подготовки данных к обучению модели и дальнейшим процедурам оценки использовались NLP-подходы, а для построения модели и классификации новых текстов применялись методы машинного обучения.

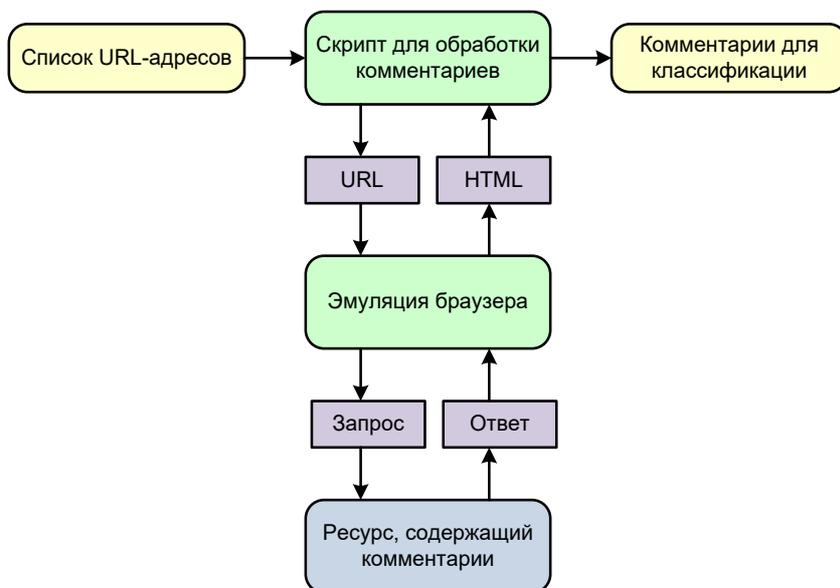
Рис. 1. Схема обработки комментариев и применения методов машинного обучения

Поставленная задача потребовала определения конкретного набора обучающих данных. Поскольку целью исследования было выявление реакции людей на долговременное влияние официально организованных коммеморативных ак-

ций и отражающих их медиасобытий, то в рамках изучения регионов предполагалось маркировать комментарии двумя доступными классами — положительным или негативным. Наилучшие результаты были получены при использовании набора данных русскоязычных «токсичных» комментариев, доступных на платформе Kaggle³. Для автоматической выгрузки комментариев в рамках репрезентативной выборки был разработан программный код на языке программирования Python, автоматически подключающийся к ресурсу из списка, перехватывающий данные и конвертирующий их в файл формата csv. В данном случае было использовано два подхода. В первом случае для получения html-документа с комментариями достаточно было выполнить запрос по заданному адресу, проанализировать структуру документа и извлечь данные. Для страниц, содержащих комментарии, загруженные с помощью фрагментов javascript-кода, была разработана версия парсера, эмулирующая работу браузера, что позволило получить все комментарии с заданных адресов. При разработке программного кода использовались библиотеки lxml, bs4, selenium (см. рис. 2).

Рис. 2. Схема процесса автоматической выгрузки комментариев

Для бинарной классификации коротких полярных текстов рассматривались модели случайного леса, логистической регрессии, сверточных и рекуррентных (LSTM и GRU) глубоких нейронных сетей [Sysoev et al., 2021]. Сравнительные результаты применения построенных моделей для классификации текстов тестового множества представлены в таблице 1.

³ Belchikov A. Russian Language Toxic Comments // Kaggle. 2019. URL: <https://www.kaggle.com/blackmoon/russian-language-toxic-comments> (дата обращения: 27.12.2023).

Таблица 1. Сравнительный анализ использованных моделей

	Точность	Полнота	F-мера
Логистическая регрессия	0,59	0,85	0,58
Случайный лес	0,70	0,83	0,72
Сверточная нейронная сеть	0,85	0,85	0,85
LSTM	0,88	0,88	0,88
GRU	0,85	0,84	0,84

Как и ожидалось, наибольшую точность среди нейросетевых моделей демонстрируют LSTM-сети. Однако во время их обучения используется больше параметров, что заметно уменьшает скорость выполнения операций. На основании этих результатов был сделан вывод, что LSTM-модель, предварительно обученная на размеченном наборе данных, наиболее пригодна для использования при решении поставленной в нашем исследовании задачи.

Принимая во внимание односторонность использования методов машинного обучения и сложность исследуемой тематики, мы также постарались проанализировать совокупности комментариев в рамках качественных методов. На наш взгляд, хорошим дополнением к проведенному машинному анализу является методология критического дискурс-анализа. В отечественной и зарубежной науке уже предпринимались попытки теоретических исследований комбинирования методов машинного обучения и критического дискурс-анализа⁴ [Aranda et al., 2021; O'Neill et al., 2021], а также их применения к изучению интернет-дискурсов [Filatova, Volkovskii, Begen, 2020]. Особо подчеркивается, что «данные социальных сетей <...> позволяют исследователям анализировать большое количество данных об опыте пользователей, включая информацию о демографии, местоположении, времени и ключевых словах, что может создавать тематические нити. Вместе эти подходы к данным представляют собой эволюцию анализа дискурса в количественную сферу. Используя количественные аналитические возможности программного обеспечения, исследователи могут получить новые качественные сведения о сложных взаимодействиях»⁵.

Попытаемся сформулировать ряд базовых теоретических принципов, которые позволяют нам говорить о возможности комбинирования методов машинного обучения и критического дискурс-анализа. Во-первых, такая возможность имплицитно содержится уже в самом дискурс-анализе, методология которого изначально была направлена на междисциплинарный подход. Во-вторых, и машинное обучение, и критический дискурс-анализ ориентированы на работу с массивами текстов, которые рассматриваются как структурированные данные. При этом увеличение

⁴ Scott H. Critical Discourse Analysis: Artificial Intelligence, Social Network, & Social Media Analysis // Explainer. 2023. April 7. URL: <https://www.sesync.org/resources/critical-discourse-analysis-artificial-intelligence-social-network-social-media-analysis> (дата обращения: 15.04.2025).

⁵ Ibid.

объема текстовой информации в интернете открывает интересные перспективы именно для методов машинного обучения (ML) и методов работы с большими данными (Big Data). В-третьих, методы машинного обучения и методология критического дискурс-анализа представляют собой последовательность процедур кодирования, системного анализа и последующей интерпретации данных / фрагментов текстов, что предполагает возможность согласования параметров обработки информации. В-четвертых, если методы машинного обучения позволяют проанализировать общие тренды в распределении комментариев и проследить их динамику, то критический дискурс-анализ на основе тщательного изучения избранной совокупности текстов и их фрагментов дает возможность увидеть различные смысловые оттенки высказываний, а также стоящий за ним идеологический дискурс, недоступный исследовательской оптике искусственного интеллекта.

Мы обратились к методологии З. Йегера, исследовавшего способы появления легитимного знания и его функции в социальных отношениях. Дефиниции знания у немецкого теоретика связаны прежде всего с формами содержания сознания и теми значениями, которые люди используют для интерпретации социальной реальности [Jäger, 2001: 33]. В рамках предлагаемой статьи мы не будем останавливаться на описании метода З. Йегера, который довольно подробно описан как самим автором [ibid.], так и отечественными исследователями [Зевелева, 2014; Переверзев, 2009]. Этот метод подходит для исследования отдельных текстовых фрагментов, в которых есть какие-либо отсылки на одну и ту же тему. По мысли З. Йегера, данная тема интерпретируется как дискурсивная нить (discursive strand), то есть набор фрагментов материала на определенную тему [Jäger, 2001: 38]. Для нашего исследования дискурсивная нить определялась связью с темой Великой Отечественной войны или соответствующими коммеморативными практиками.

Источниками для нашего дискурс-анализа выступили совокупности комментариев посетителей интернет-страниц, посвященных общественным коммеморациям 9 Мая и 22 Июня, а также акции «Бессмертный полк» (в последнем случае учитывались в том числе новостные сообщения о личных и семейных воспоминаниях о Великой Отечественной войне). Каждая такая совокупность комментариев рассматривалась нами как единое текстовое сообщение, которое являлось общей реакцией посетителей интернет-страницы на представленный на сайте информационный материал. Для нашей репрезентативной выборки было отобрано 189 информационных материалов, представляющих собой новостные сообщения и, соответственно, совокупности комментариев о коммеморациях 9 Мая, 22 Июня и акции «Бессмертный полк» в обозначенных хронологических рамках (2015—2021 гг.). Первоначально мы предполагали отбор минимум одного информационного материала, посвященного каждой коммеморации, с минимум трех новостных порталов Калининградской, Тульской и Томской областей за соответствующий год. Однако в процессе изучения региональных СМИ мы выявили недостаток информационных порталов Калининградской области, предоставляющих возможность посетителям сайта оставлять комментарии. В связи с этим, если в Тульской и Томской областях, как и предполагалось, нами были отобраны информационные материалы минимум с трех информационных порталов за каж-

дый год, то в Калининградской области публикации, необходимые для общего числа информационных материалов нашей выборки, были получены с двух информационных порталов и информационного канала «Русский Запад», размещенного на видеохостинге YouTube. Общее число избранных информационных материалов по каждой области при этом осталось неизменным (минимум 63 материала). В итоге нами были проанализированы совокупности комментариев к новостным сообщениям с порталов <https://newstula.ru/>, <https://myslo.ru>, <https://vk.com/tsn24.news> (Тульская область); <https://news.vtomske.ru>, <https://www.tomsk.ru>, <https://www.tomsk.kp.ru> (Томская область); <https://www.kaliningrad.kp.ru>, <https://newchernyahovsk.ru>, www.youtube.com/@ruwest39 (Калининградская область). Анализируя данные интернет-ресурсы, мы ориентировались на отдельные результаты наших предшествующих исследований [Линченко, 2022]. На следующем этапе проводился тематический (изучение содержания комментариев) и структурный анализ (выявление связей внутри совокупности материалов, типичных тем и т. д.), в ходе которого в первую очередь внимание обращалось на ключевые риторические фигуры, используемые комментаторами. Это позволило проанализировать и сравнить существующие тенденции и изменения в содержании комментариев в исследуемых областях.

Результаты обработки комментариев методами машинного обучения

Анализ комментариев при помощи методов машинного обучения позволил прийти к некоторым предварительным выводам.

Было замечено, что дополнительные коммеморативные мероприятия, связанные с «юбилейными» годами, приводят к повышению интереса интернет-пользователей. Таблица 2 позволяет увидеть заметный рост количества комментариев в 2015 и 2020 гг. в Тульской и Томской областях на фоне юбилейных коммемораций. Однако эту корреляцию нельзя назвать абсолютной: пользователи из Калининградской области демонстрируют устойчивый интерес к событию, но этот интерес не связан с юбилейными датами. Для выявления данной особенности необходимо внимательнее рассмотреть особенности локальной политики памяти и работу местных СМИ. Также нельзя говорить о прямой корреляции юбилейных дат и количества положительных/отрицательных комментариев: в 2020 г. вырастает (по сравнению с 2019 и 2021 гг.) число негативных оценок в Калининградской и Томской области, но падает во фронтовой Тульской (см. рис. 3, 4).

Таблица 2. Количество проанализированных комментариев по регионам

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Всего
Тула	503	461	288	234	348	560	201	2595
Томск	118	86	203	120	126	300	126	1079
Калининград	49	96	81	107	441	774	1429	3018

Рис. 3. Динамика распределения положительных комментариев по областям (в %)

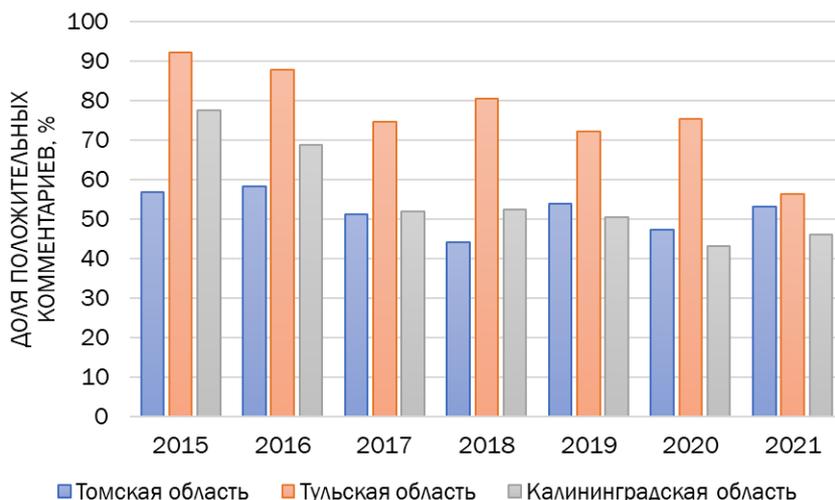
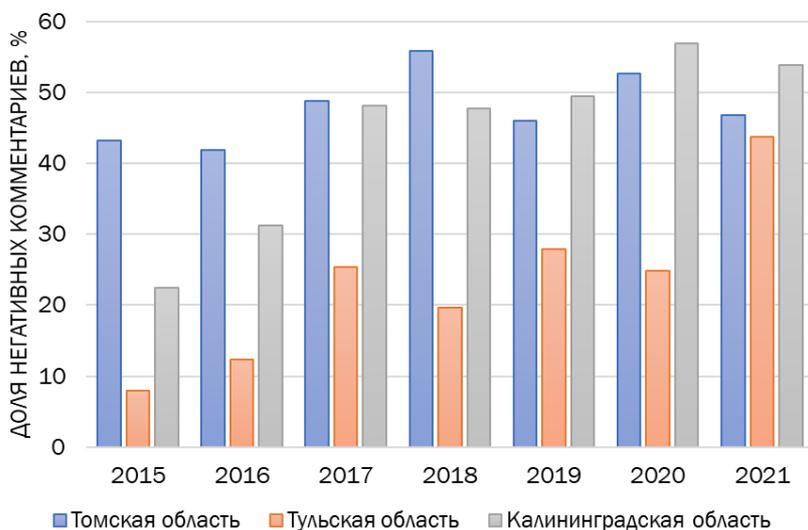

Рис. 4. Динамика распределения негативных комментариев по областям (в %)

Мы можем предположить, что отношение к Великой Отечественной войне достаточно устойчиво, поэтому дополнительные коммеморативные мероприятия не оказывают на него серьезного влияния. Независимо от юбилеев количество положительных комментариев снижается, а негативных — растет (см. рис. 3, 4).

Полученные данные подтверждают наше предположение о разнообразии памяти о Великой Отечественной войне в региональном измерении. В Тульской области активнее комментируют новости, связанные с коммеморацией Великой Отечественной войны, несмотря на увеличение доли негативных комментариев, их сильно меньше, чем в других исследуемых регионах, а доля положительных комментариев — выше. Положительные оценки в комментариях в Томской области довольно стабильны и даже немного выросли в 2021 г., доля негативных комментариев остается также стабильно высоким, однако рост не такой интенсивный, как в Калининградской и тем более Тульской области. Заметим, что проведение дальнейшего сравнительного анализа в контексте других регионов, находящихся в 1941—1945 гг. в тылу, и учет специфики работы местных СМИ позволили бы сделать вывод о том, типична ли такая картина для тыловых регионов или характерна только для определенных областей. В ходе исследования зафиксирован рост доли негативных комментариев в Томской и Калининградской областях (и снижение в Тульской) в 2018 г., несмотря на отсутствие каких-либо особенных мероприятий в официальной политике памяти. При этом в сравнении с Тульской областью обозначенные выше регионы показывают менее резкий рост числа негативных комментариев. Проанализированная ситуация с комментариями в трех избранных областях не может в полной мере репрезентировать особенности культуры памяти о Великой Отечественной войне каждого региона, включающей в себя не только официальную региональную политику памяти, но и память групп, институтов, общественных движений и организаций, но полученные нами выводы вполне соответствуют общероссийским тенденциям [Колосова, 2020].

Наше исследование показало продуктивность применения методов машинного обучения в рамках обращения к комментариям посетителей интернет-сайтов, что в свою очередь оказывается одним из источников для расширения знаний о коллективных воспоминаниях о событиях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и Дне Победы в интернет-пространстве отдельных российских регионов. Вместе с тем исследование также показало, что опора исключительно на количественные данные способна дать только информацию о распределении комментариев по степени негативности и не позволяет выявить смысловую направленность и контекст высказываний, степень их ироничности, особенности выражения эмоций. Другими словами, применение методов машинного обучения в отношении больших совокупностей комментариев должно дополняться изучением дискурсивной среды российского регионального интернет-пространства. Для решения этой задачи перспективным представляется комбинирование методов машинного обучения и методологии критического дискурс-анализа, который как раз направлен на изучение смысловых аспектов формирования и воспроизводства социальных дискурсов, ориентирован на работу с большими массивами текстов, а также позволяет увидеть за изучаемыми совокупностями комментариев влияние официальной политики. В нашем случае такой политикой оказывается федеральная и региональная политика памяти.

Результаты дискурс-анализа комментариев

Дискурс-анализ комментариев, вошедших в нашу выборку, выявил факт радикализации в оценках пользователей. Как правило, комментаторы либо активно под-

держивали официальные коммеморативные мероприятия и выражали восхищение ими, либо выступали резко против. Несмотря на разную роль регионов в событиях Великой Отечественной войны, в Томской и Тульской областях негативные замечания преобладали над позитивными. При этом поводы для критики менялись: отрицательные эмоции в Тульской области вызывали изменения маршрутов общественного транспорта и перекрытия дорог (2015 и 2019 гг.), неподходящая для массовых мероприятий погода и повторы давно известных фильмов (2017 г.), проблемы благоустройства общественного пространства (2018 и 2021 гг.). В Томской области недовольство пользователей было связано с другими темами: проблемами в организации мероприятий (2015 г.), большим количеством среди участников представителей УФСИН, МВД (2016 и 2019 гг.), активность коммеморативных практик в других сибирских регионах (2017 и 2018 гг.). То есть, несмотря на разные темы, мы отмечаем ситуативность и поверхностность высказанных пользователями оценок. Можно предположить, что пользователи рассматривают коммеморативные практики как символическую рамку для своих оценок, высказываний мнений, не связанных непосредственно с тематикой событий. В Калининградской области, наоборот, доля апологических и положительных комментариев чуть превышала критические, которые также носили ситуативный характер и были связаны с критикой организации общественных мероприятий, ковидными ограничениями или разницей в экономическом развитии России и Германии. В качестве примера обратим внимание на комментарий, в котором один из пользователей, ссылаясь на празднование 9 Мая, оценивает инфраструктуру родного города: «Наш губернатор объявил, что область к 9 мая готова!!! Скажу честно, я с ним полностью согласен! Фронтонные дороги построены, противотанковые ямы равномерно распределены, оборонительные траншеи по тротуарам выкапываются!!! Враг — не пройдет!!!»⁶.

Помимо комментариев, где коммеморативные мероприятия региональных властей выступали фоном для критики текущих проблем, нами были проанализированы комментарии, содержащие непосредственную критику самих общественных коммеморативных акций по поводу Великой Отечественной войны и Дня Победы. Как правило, негатив вызывали следующие факторы: 1) преобладание праздничных мероприятий вместо трансляции скорби, траура; 2) популярность милитаристской символики, особенно в учреждениях образования; 3) необходимость поддержки ветеранов вместо расходов на коммеморативные мероприятия. Показательно также, что во всех случаях критических замечаний комментаторы апеллировали к семейному опыту памяти о Великой Отечественной войне⁷. В качестве иллюстрации приведем несколько наиболее ярких высказываний: «Зачем только деньги на эту показуху потратили. Лучше бы раздали эти деньги участникам войны и пенсионерам!»⁸, «У каждого из моих дедушек была своя вой-

⁶ Гришина Ю. В Туле завершается подготовка ко Дню Победы // Myslo.ru. 2018. 27 апреля. URL: <https://myslo.ru/news/tula/2018-04-27-v-tule-zavershaetsya-podgotovka-ko-dnyu-pobedy#comments> (дата обращения: 27.12.2023).

⁷ Алексеева Т. Тульские единороссы предложили ввести звание «Город воинской доблести» // Myslo.ru. 2015. 25 мая. URL: <https://myslo.ru/news/tula/2015-05-25-tulskie-edinorossi-predlozhili-vvesti-zvanie-gorod-voinskoy-doblesti#comments> (дата обращения: 27.12.2023).

⁸ Королева Ю. Туляков возмутили многоцветные маски с символикой Дня Победы // Myslo.ru. 2020. 27 апреля. URL: <https://myslo.ru/news/tula/2020-04-27-tulyaki-vozmusheny-v-internet-magazinah-prodayut-mnogorazovye-maski-ko-dnyu-pobedy#comments> (дата обращения: 27.12.2023).

на. Один мой дед дошел до Берлина и умер от ран и болезней в 1946 году, другой дед вместе с бабушкой и моим отцом (еще юношей) всю войну пробыли в концлагере и выжили. Когда мой покойный отец увидел на современных машинах лозунг „Можем повторить“, он спросил: Они что, предлагают мне повторить четыре года пребывания в концлагере?»⁹.

Несмотря на преобладание негативных комментариев в Тульской и Томской областях, мы считаем необходимым обратить внимание и на положительные оценки официальных коммеморативных акций, приуроченных к 9 Мая или Дню памяти и скорби. Как правило, их содержание было связано с поддержкой всех мероприятий вне зависимости от их формата, либо авторы рассказывали о своих родственниках, участвовавших в Великой Отечественной войне. Во втором случае обращает на себя внимание тенденция сакрализации родственников-героев. Довольно редкими могут быть названы комментарии, в которых положительные оценки официальных коммеморативных мероприятий были связаны с образом И. В. Сталина, красным флагом или положительной оценкой политических решений в современной России. Примечательно, что наибольшее количество положительных реакций и эмоциональных откликов во всех трех областях регулярно занимают новостные сообщения о спонтанных коммеморативных акциях, связанных с исполнением советских песен и флешмобами реконструкторов. Например, флешмоб с исполнением фронтовой песни «Смуглянка-молдаванка» в одном из торговых центров Калининграда в 2021 г. вызвал не только множество положительных эмоциональных откликов, но и стал причиной целой серии комментариев, выделяющих в советских песнях высоконравственную ценностную основу, проявление особой роли славян в историческом процессе¹⁰.

Интересно, что комментарии к записям, относящимся к акции «Бессмертный полк», гораздо менее поляризованы, чем оценки пользователей официальных мероприятий. Мы не обнаружили негативных тенденций при анализе комментариев в Тульской и Калининградской области. Формат мероприятия предопределил содержание комментариев: как правило, пользователи рассказывали о своих родственниках — участниках войны, в том числе используя факты из их биографии в качестве аргументации в различных спорах. Негативные комментарии были связаны с завышенным количеством участников в официальных сводках (2016 г.), портретами участников локальных военных конфликтов (2018 г.), невозможностью очного формата акции во время карантина (2020 г.), критикой внутренней политики правительства (2021 г.). Это показывает, что и в случае с акцией «Бессмертный полк» мы можем констатировать влияние актуальной повестки на оценку коммеморативного мероприятия. Вместе с тем подчеркнем, что комментаторы не ставили под сомнение необходимость сохранения памяти о ветеранах Великой Отечественной войны, хотя зачастую образы семейной памяти рассматривались комментаторами как более значимые для них в сравнении с официальными коммеморациями.

⁹ Королева Ю. Туляков возмутили многоцветные маски с символикой Дня Победы // Myslo.ru. 2020. 27 апреля. URL: <https://myslo.ru/news/tula/2020-04-27-tulyaki-vozmusheny-v-internet-magazinah-prodayut-mnogorazovye-maski-kodnyu-pobedy#comments> (дата обращения: 27.12.2023).

¹⁰ Внезапно! В ТЦ хором поют «Смуглянку-молдаванку» // Русский Запад. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wf10o6UFjw0> (дата обращения: 27.12.2023).

В Томской области в течение исследуемого периода преобладали негативные комментарии к постам и новостям об акции «Бессмертный полк». Анализ комментариев выявил, что одной из важнейших причин устойчивой критики был тот факт, что сама акция возникла именно в Томске и, по мнению многих пользователей, федеральный статус навредил «настоящему» духу мероприятия: «Бессмертный полк появился как альтернатива нарастающей помпезности и пафосности праздника, которым новая антинародная в сущности власть прикрывала свое истинное лицо акулы капитализма. В первые годы даже пытались его запретить, если кто в курсе. Но число участников возрастало и наверху мудро решили не мешать, а даже снова присоединиться. Бюджетников нагнали»¹¹. Однако, как и в случае с другими официальными коммеморативными мероприятиями, критика акции «Бессмертный полк» и здесь выступает скорее в качестве символической рамки для критических оценок действий власти. Также отметим, что сакрализация родственников — участников войны была характерна и для пользователей из Томской области¹².

Не менее важные результаты дал дискурс-анализ совокупности комментариев пользователей, посвященных биографиям или новостям об отдельных ветеранах или семейной памяти о Великой Отечественной войне. Сакрализация ветеранов и участников войны в этой совокупности комментариев была особенно заметна. Обращает на себя внимание то, что ни в одной из рассматриваемых областей не было негативных оценок подобной информации. Пользователи размещали фотографии старших родственников, писали про их награды, описывали сохранившееся личные вещи. Интересно, что комментарии к комментариям также содержали только положительные оценки — восхищение подвигом ветеранов и благодарность поколению участников войны в целом. Распространенная в комментариях к материалам об официальных коммеморативных мероприятиях практика критиковать действия властей в этом блоке замечена не была. В Тульской и Калининградской области, на территории которых проходили боевые действия, замечен устойчивый интерес к информации о местных ветеранах и их подвигах. Обсуждая имеющиеся материалы о земляках, принявших участие в Великой Отечественной войне, комментаторы вновь возвращались к разговорам о своих родственниках-ветеранах. В тыловой Томской области среди комментариев встречались негативные, связанные с вопросами о денежных выплатах ветеранам. Пользователи замечали, что ветеранов необходимо поддерживать не только 9 мая¹³, а также не соглашались с романтизацией войны¹⁴.

¹¹ Лобиков Н. Более 25 тысяч человек прошли в строю «Бессмертного полка» в Томске // News.VTomske.ru. 2019. 9 мая. URL: <https://news.vtomske.ru/news/163298-bole-25-tysyach-chelovek-proshli-v-stroyu-bessmertnogo-polka-v-tomske> (дата обращения: 27.12.2023).

¹² Газизов М. Томичей приглашают поучаствовать в конкурсе семейных снимков и писем времен ВОВ // News.VTomske.ru. 2020. 13 марта. URL: <https://news.vtomske.ru/news/172028-tomichei-priglasheyut-pouchastvovat-v-konkurse-semeinyh-snimkov-i-pisem-vremen-vov> (дата обращения: 27.12.2023).

¹³ Меркушева К. Ветеранам войны к 75-летию Победы вы платят по 75 тыс. руб. // News.VTomske.ru. 2020. 7 февраля. URL: <https://news.vtomske.ru/news/170954-veteranam-voyny-k-75-letiyu-pobedy-vyplatyat-po-75-tys-rub> (дата обращения: 27.12.2023).

¹⁴ Глас народа: туляки про День Победы // Myslo.ru. 2016. 9 мая. URL: <https://myslo.ru/news/tula/2016-05-09-glas-naroda-tulyaki-pro-den-pobedi#comments> (дата обращения: 27.12.2023).

Заключение

Наше исследование выявляет тенденции изменения смыслового поля мемориальной культуры и уход в партикулярные версии исторической памяти (семья, локальная группа). Анализ комментариев к материалам, связанным с коммеморативными мероприятиями, посвященными Великой Отечественной войне, указывает на усиление поляризации исторического сознания и фрагментацию представлений о военных событиях восьмидесятилетней давности.

Количественный анализ показал рост интереса к событию, вызванный коммеморативными акциями в 2015 и 2020 гг. Однако эти мероприятия не оказали серьезного влияния на положительные или отрицательные оценки. В избранных российских регионах, независимо от юбилеев, количество положительных комментариев снижается, а количество негативных комментариев растет. Также мы обнаружили разницу в коммеморативных культурах исследуемых регионов, которая может быть связана с их историческим опытом. Наибольшая доля критических комментариев в отношении всех изученных коммеморативных акций показала Томская область. Проведенное исследование выявило важную роль методов машинного обучения для изучения проблемы восприятия воспоминаний о событиях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и Дне Победы в интернет-пространстве отдельных регионов. Использование данных методов позволяет ввести в научный оборот большие совокупности комментариев в качестве источника для изучения коллективных представлений об исторических событиях и их коммеморациях. При этом следует иметь в виду, что в случае обращения к комментариям интернет-пользователей речь идет только об анализе актов сетевой коммуникации, которые имеют свои собственные особенности, что, безусловно, ограничивает возможности полученных выводов на более широкую аудиторию, находящуюся за пределами коммуникативного процесса. Также исследование показало, что опора исключительно на количественные данные способна дать только распределение комментариев по степени негативности и не позволяет выявить смысловую направленность и контекст высказываний, степень их ироничности, особенности выражения эмоций. Другими словами, применение методов машинного обучения в отношении больших совокупностей комментариев должно дополняться изучением дискурсивной среды российского регионально-интернет-пространства. Не менее важным в таком случае является и обращение к результатам актуальных исследований в области социологии и культурной истории эмоций, позволяющими увидеть новые практики конструирования баланса Я-идентичности и Мы-идентичности [Воробьева, Николаи, 2021] на национальном и локальном уровне политического пространства.

Обращение к методологии критического дискурс-анализа З. Йегера позволило расширить интерпретацию отмеченных выше тенденций на материале массива текстовых фрагментов. Сравнительный анализ дискурсивных нитей избранных совокупностей комментариев в трех регионах России показал, что использование памяти о событиях Великой Отечественной войны как варианта гражданской религии в современной России сталкивается с сакрализацией отдельных героев и образов семейной памяти о войне, которые все чаще противопоставляются официальным нарративам о Великой Отечественной войне. Более того, материалы Тульской,

Калининградской и Томской областей показали тенденцию использования официальных коммеморативных мероприятий как рамки для критического обсуждения внутренней и внешней политики власти. Как правило, эти обсуждения ситуативны и отражают некоторые проблемные моменты в социально-экономическом положении рассматриваемых регионов. Положительные комментарии показывали согласие пользователей с официальными коммеморативными мероприятиями и поддержку их или представляли собой краткую информацию о родственниках, также принимавших участие в Великой Отечественной войне. Мы не обнаружили в массиве проанализированных комментариев апеллирования к каким-либо научным фактам или источникам; обсуждение носило скорее эмоциональный характер. Проведенный дискурс-анализ подтвердил выявленную при помощи методов машинного обучения тенденцию роста доли негативных комментариев к материалам об официальных коммеморативных мероприятиях, показывая возникновение некоторых сложностей с дальнейшим восприятием событий Великой Отечественной войны как мировоззренческой рамки исторического сознания россиян.

Исследование также намечает новые перспективы дальнейшего изучения динамики памяти о Великой Отечественной войне, которая представлена на различных уровнях: семейном, групповом, институциональном. Результаты указывают на появление и закрепление нового уровня коллективных репрезентаций памяти в виде онлайн-СМИ и присутствующих на их страницах комментариев пользователей, причем данные комментарии создают особое пространство взаимодействия различных уровней памяти, позволяют выявить более личностное измерение актуальных и противоречивых аспектов памяти о Великой Отечественной войне, увидеть новые грани пересечения рациональных и эмоциональных сторон восприятия коммеморации военных событий в современном быстрменяющемся поле коллективной памяти. Несмотря на то, что память о Великой Отечественной войне присутствует в различных контекстах, анализ комментариев позволяет увидеть зону пересечения этих контекстов, где сходится, с одной стороны, официальный дискурс памяти, проявляющийся в комментируемых новостях, и варианты локальной памяти, существенно трансформирующие данный дискурс. В этом смысле проведенное исследование может стать базой для последующего анализа памяти о войне с точки зрения выявления локальных дискурсов, их переплетения и взаимовлияния с официальными трактовками.

Представленный анализ, фиксирующий динамику комментариев в региональном интернет-пространстве в период с 2015 по 2021 г., нуждается в сравнении с тенденциями последних лет, когда, как можно предположить, дополнительным фактором актуализации образов Великой Отечественной войны стали аналогии с событиями специальной военной операции. Именно этот ракурс исторических аналогий, как нам кажется, способен оказать существенное влияние на репрезентацию образов Великой Отечественной войны в интернет-пространстве.

Список литературы

1. Аникин Д. А., Беклямишев В. О. Образы полководцев в гражданской религии постсоветской России: история канонизации и особенности теологического

дискурса // История. 2024. Т. 15. № 4. <https://doi.org/10.18254/S207987840031109-8>.

Anikin D., Bekliamishev V. (2024) Images of Generals in the Civil Religion of Post-Soviet Russia: The History of Canonization and Features of Theological Discourse. *History*. Vol. 15. No. 4. <https://doi.org/10.18254/S207987840031109-8>. (In Russ.)

2. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. Assman Y. (2004) *Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.)
3. Воробьева О. В., Николаи Ф. В. История эмоций и nationalism studies: когнитивный поворот в современной историографии // История. 2021. Т. 12. № 8. <https://doi.org/10.18254/S207987840016459-3>.
Vorobieva O. V., Nicolai F. V. (2021) The History of Emotions and Nationalism Studies: A Cognitive Turn in Contemporary Historiography. *History*. Vol. 12. No. 8. <https://doi.org/10.18254/S207987840016459-3>. (In Russ.)
4. Головашина О. В., Линченко А. А., Аникин Д. А. Память о Великой Отечественной войне: День Победы в историческом сознании россиян // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 123—133.
Golovashina O. V., Linchenko A. A., Anikin D. A. (2017) Memory of the Great Patriotic War: Victory Day in the Historical Consciousness of Russians. *Sociological Studies*. No. 3. P. 123—133. (In Russ.)
5. Зевелева О. И. Биографический метод и дискурс-анализ: перспективы сочетания // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). 2014. № 39. С. 7—39.
Zeveleva O. I. (2014) Biographical Method and Critical Discourse Analysis: Prospects for Combination. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*. No. 39. P. 7—39. (In Russ.)
6. Колосова Е. А. Динамика сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне у современных детей и подростков // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 69—80.
Kolossova E. A. (2020) The Dynamics in the Remembrance Work and the Memory Actualization of the Great Patriotic War Among Modern Children and Adolescents. *RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. No. 2. P. 69—80. (In Russ.)
7. Линченко А. А. Память о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. в региональном Интернет-пространстве: опыт дискурс-анализа // Социодинамика. 2022. № 5. С. 38—49. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.5.37965>.
Linchenko A. A. (2022) Memory of the Great Patriotic War of 1941—1945 in the Regional Internet Space: An Experience of Discourse Analysis. *Sociodynamics*. No. 5. P. 38—49. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.5.37965>. (In Russ.)

8. Морев М. В. «Крымский консенсус»: значение и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4. № 2. С. 150—113.
Morev M. V. (2018) “Crimean Consensus”: Significance and Prospects. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*. Vol. 4. No. 2. P. 150—113. (In Russ.)
9. Переверзев Е. В. Критический дискурс-анализ: от теории к практике // Язык. Текст. Дискурс. 2009. № 7. С. 105—116.
Pereverzev E. V. (2009) Critical Discourse Analysis: From Theory to Practice. *Language. Text. Discourse*. No. 7. P. 105—116. (In Russ.)
10. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.
Miller A. I., Efremenko D. V. (eds.) (2020) *The Politics of Memory in Modern Russia and the Countries of Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives*. Saint Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)
11. Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сборник статей / под ред. В. В. Лапина, А. И. Миллера. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.
Lapin V. V., Miller A. I. (eds.) (2021) *Symbolic Aspects of the Politics of Memory in Modern Russia and Eastern Europe*. Saint Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)
12. Alekseev A., Nikolenko S. (2017) User Profiling in Text-Based Recommender Systems Based on Distributed Word Representations. In: Ignatov D. et al. (eds.) *Analysis of Images, Social Networks and Texts. AIST 2016. Communications in Computer and Information Science*. Vol 661. Cham: Springer. P. 196—207. https://doi.org/10.1007/978-3-319-52920-2_19.
13. Aranda A. M. Sele K., Etchanchu H., Guyt J. Y., Vaara E. (2021) From Big Data to Rich Theory: Integrating Critical Discourse Analysis with Structural Topic Modeling. *European Management Review*. Vol. 18. No. 3. P. 197—214. <https://doi.org/10.1111/emre.12452>.
14. Bellah R. (1967) Civil Religion in America. *Daedalus*. Vol. 96. No. 1. P. 1—21.
15. Filatova O., Volkovskii D., Begen P. (2020) Usage of Artificial Intelligence in Internet Discourse Analysis: from Manual Mechanisms of Data Processing to Electronic Ones. In: *Proceedings of the 22nd Conference on Scientific Services & Internet (SSI-2020)*. Novorossiysk-Abrau (online), Russia, September 21—25, 2020. Novorossiysk-Abrau: CEUR. P. 352—360.
16. Jäger S. (2001) Discourse and Knowledge: Theoretical and Methodological Aspects of a Critical Discourse and Dispositive Analysis. In: Wodak R., Meyer M. (eds.) *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: SAGE. P. 32—63.

17. Loukachevitch N. (2021) Automatic Sentiment Analysis of Texts: The Case of Russian. In: Gritsenko D., Wijermars M., Kopotev M. (eds.) *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 501—516.
18. Malykh V., Alekseev A., Tutubalina E., Shenbin I., Nikolenko S. (2019) Wear the Right Head: Comparing Strategies for Encoding Sentences for Aspect Extraction. In: van der Aalst W. et al. (eds.) *Analysis of Images, Social Networks and Texts. AIST 2019. Lecture Notes in Computer Science*. Vol. 1832. Cham: Springer. P. 166—178. https://doi.org/10.1007/978-3-030-37334-4_15.
19. O'Neill L., Anantharama N., Buntine W., Angus S. D. (2021) Quantitative Discourse Analysis at Scale — AI, NLP and the Transformer Revolution. *SoDa Laboratories Working Paper Series*. No. 2021-12. Melbourne: Monash Business School. URL: <http://soda-wps.s3-website-ap-southeast-2.amazonaws.com/RePEc/ajr/sodwps/2021-12.pdf> (дата обращения: 15.04.2025).
20. Rodina J., Bakshandaeva D., Fomin V., Kutuzov A., Touileb S., Velldal E. (2019) Measuring Diachronic Evolution of Evaluative Adjectives with Word Embeddings: The Case for English, Norwegian, and Russian. In: N. Tahmasebi, L. Borin, A. Jaktowt, Y. Xu (eds.) *Proceedings of the 1st International Workshop on Computational Approaches to Historical Language Change*. Florence: Association for Computational Linguistics. P. 202—209.
21. Smetanin S. (2020) The Applications of Sentiment Analysis for Russian Language Texts: Current Challenges and Future Perspectives. *IEEE Access*. Vol. 8. P. 110693—110719.
22. Smetanin S., Komarov M. (2021) Deep Transfer Learning Baselines for Sentiment Analysis in Russian. *Information Processing and Management*. Vol. 58. No. 3. Art. 102484. <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2020.102484>.
23. Smetanin S., Komarov M. (2019) Sentiment Analysis of Product Reviews in Russian Using Convolutional Neural Networks. In: K. Kramer (ed.) *Proceedings — 21st IEEE Conference on Business Informatics, CBI 2019*. Moscow: The Institute of Electrical and Electronics Engineers. P. 482—486.
24. Sysoev A., Linchenko A., Kalitvin V., Anikin D., Golovashina O. (2021) Studying Comments on Russian Patriotic Actions: Sentiment Analysis Using NLP Techniques and ML Approaches. In: A. Sysoev (ed.) *Proceedings-2021 3rd International Conference on Control Systems, Mathematical Modeling, Automation and Energy Efficiency, SUMMA*. Lipetsk: LSTU. P. 494—499.
25. Vīksna R., Jēkabsons G. (2018) Sentiment Analysis in Latvian and Russian: A Survey. *Applied Computer Systems*. Vol. 23. No. 1. P. 45—51. <https://doi.org/10.2478/acss-2018-0006>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2801](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2801)

А. Н. Щербак, Н. С. Зубарев, Е. С. Семушкина

ПОЧВЕННИКИ — ЗА ПОЧВУ! КОНСЕРВАТИВНЫЕ УСТАНОВКИ И ПРОЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Щербак А. Н., Зубарев Н. С., Семушкина Е. С. Почвенники — за почву! Консервативные установки и проэкологическое поведение в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 66—89. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2801>.

For citation:

Shcherbak A. N., Zubarev N. S., Semushkina E. S. (2025) 'Pochvenniki' – For the Soil! Conservative Attitudes and Pro-Environmental Behavior in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 66–89. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2801>. (In Russ.)

Получено: 12.11.2024. Принято к публикации: 31.03.2025.

ПОЧВЕННИКИ — ЗА ПОЧВУ! КОНСЕРВАТИВНЫЕ УСТАНОВКИ И ПРОЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РОССИИ

ЩЕРБАК Андрей Николаевич — кандидат политических наук, заместитель заведующего Лабораторией сравнительных социальных исследований имени Рональда Франклина Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
 E-MAIL: ascherbak@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1756-1122>

ЗУБАРЕВ Никита Сергеевич — стажер-исследователь, Лаборатория сравнительных социальных исследований имени Рональда Франклина Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
 E-MAIL: nzubarev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2214-4457>

СЕМУШКИНА Екатерина Сергеевна — стажер-исследователь, Лаборатория сравнительных социальных исследований имени Рональда Франклина Инглхарта, «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
 E-MAIL: esemushkina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6916-0534>

Аннотация. В работе изучается связь между консервативными установками и проэкологическим поведением в России. Обычно считается, что детерминантами проэкологического поведения являются постматериалистические (согласно теории Р. Инглхарта), или эмансипативные (согласно теории К. Вельцеля), ценности. Многие исследования показывали, что «либералы» значительно менее равнодушны к вопросам охраны окружающей среды по сравнению с «консерваторами». Однако относительно недавно стал заметен интерес консервативных активистов, правых популистов, националистов

'POCHVENNIKI' – FOR THE SOIL! CONSERVATIVE ATTITUDES AND PRO-ENVIRONMENTAL BEHAVIOR IN RUSSIA

Andrey N. SHCHERBAK¹ — Cand. Sci. (Polit.), Deputy Head at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research
 E-MAIL: ascherbak@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1756-1122>

Nikita S. ZUBAREV¹ — Research Assistant at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research
 E-MAIL: nzubarev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2214-4457>

Ekaterina S. SEMUSHKINA¹ — Research Assistant at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research
 E-MAIL: esemushkina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6916-0534>

¹ HSE University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. This article aims to explore the relationship between conservative attitudes and pro-environmental behavior in Russia. It is generally believed that pro-environmental behavior is determined by post-materialistic values (according to R. Inglehart's theory) or emancipative values (according to K. Welzel's theory). Many studies have shown that "liberals" are significantly less indifferent to environmental issues than "conservatives". However, relatively recently, conservative activists, right-wing populists, and nationalists have become interested in the "green agenda", including in Russia, which inevitably affected the environmen-

к «зеленой повестке», в том числе и в России, что неизбежно отразилось на проводимой экологической политике. При этом не до конца изучено, в какой степени изменения на уровне дискурса элит в области экологии влияют на установки и поведение населения. Можно ли на массовом уровне найти положительную связь между консервативными и проэкологическими установками и поведением?

Цель статьи — выявить наличие экоконсерватизма на массовом уровне в России, протестировать его связь с проэкологическими установками и поведением. Мы используем данные опроса «Экологические ценности и экологическое поведение в регионах России», который проводился в шести регионах России весной — летом 2024 г. ($N = 1950$). Применяв методы корреляционного и регрессионного анализа, мы обнаружили, что один из видов экоконсерватизма — «экотрадиционализм» — значимо и положительно связан с чувством личной ответственности за природу, экopotреблением и экологическим участием. Эти выводы важны с точки зрения понимания ценностных детерминант проэкологического поведения в современной России.

Ключевые слова: экологические установки, проэкологическое поведение, консерватизм, ценности

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00661 «Региональные и этнические идентичности как фактор низовой политизации и формирования экологической культуры: кросс-региональный анализ ценностных установок и стратегий поведения», <https://rscf.ru/project/23-18-00661/>.

tal policy being pursued. At the same time, the question of the extent to which changes at the level of elite discourse in the field of environment protection lead to changes in attitudes and behavior on the mass level has not been fully studied. Is it possible to find a positive relationship between conservatism and pro-environmental attitudes and behavior at the mass level: in other words, is it possible to identify a pattern of “environmental conservatism” (eco-conservatism) in Russia? The goal of this work is to identify the presence of eco-conservatism at the mass level in Russia and to test its connection with pro-environmental attitudes and behavior. We use data from the survey “Environmental Values and Environmental Behavior in the Regions of Russia”, which was conducted in 6 regions of Russia in the spring-summer of 2024 ($N = 1950$). Using the methods of correlation and regression analysis, we found that one of the types of eco-conservatism, “eco-traditionalism”, is significantly and positively associated with a sense of personal responsibility for nature, eco-consumption, and environmental participation. These findings are important in terms of understanding the value determinants of pro-environmental behavior in modern Russia.

Keywords: environmental attitudes, pro-environmental behavior, conservatism, values

Acknowledgments. This research was carried out with the support of the Russian Scientific Foundation grant No. 23-18-00661 “Regional and Ethnic Identities as a Factor in Grassroots Politicization and the Formation of Ecological Culture: Cross-Regional Analysis of Value Attitudes and Behavioral Strategies”, <https://rscf.ru/project/23-18-00661/>.

Введение

Британская энциклопедия определяет «энвайронментализм» как «политическое и этическое движение, направленное на улучшение и защиту качества природной среды путем изменения экологически вредной деятельности человека»¹. Совокупность проблем в сфере экологии, или «зеленая повестка», становится ключевой темой для глобального политического процесса, ей посвящаются как политические дебаты, так и академические дискуссии (см., например, [Яницкий 2011]). «Зеленая повестка» артикулируется на разных уровнях — страновом, региональном, индивидуальном. Необходимо не только менять политику, законы и институты, но и стиль жизни каждого отдельного человека, его отношение к экологии и, в конце концов, поведение. На заре появления «зеленой повестки» высказывалось мнение, что защита окружающей среды станет внеидеологической, объединяющей общество целью. Однако довольно скоро исследования стали показывать, что поддерживать «зеленый курс» более склонны либеральные политики и граждане [Dunlap, Xiao, McCright, 2001]. Немного спустя «зеленая повестка» из потенциально объединяющей проблемы сама превратилась в фактор политического противостояния. Если условно «либеральные» политики признают всю тяжесть экологических проблем и призывают к более решительным действиям, то условно «консервативные» или стараются преуменьшить остроту проблем, или, как происходит в последние годы, представляют альтернативные взгляды на ключевые экологические проблемы [Carter, 2013; Forchtner, 2019]. Поиск и объяснение различий между «консерваторами» и «либералами» в их отношении к вопросам защиты окружающей среды оказываются важным направлением исследований в данной области (например, [Dunlap et al., 2001; McCright, Dunlap, 2011b]). Общепринятый взгляд состоит в том, что «либералы» в значительно большей степени склонны к проэкологическим установкам и поведению, чем «консерваторы».

Одно из возможных объяснений такого расхождения между «либералами» и «консерваторами» дает эволюционная теория модернизации [Инглхарт, Вельцель, 2011]. Распространение постматериалистических ценностей приводит к смещению фокуса от вопросов выживания и безопасности к вопросам идентичности, заботы о других. В данной парадигме довольно часто экологический активизм ассоциировался с постматериалистическими ценностями: природа воспринимается как общее нематериальное благо. Согласно данному подходу, граждане с прогрессивными установками должны проявлять равнодушие к экологическим проблемам и соответствующим образом менять свое поведение, образ жизни [Смигельски и др., 2024]. Также предположить, что люди с консервативными установками будут чаще игнорировать вопросы защиты окружающей среды.

Однако есть основания полагать, что ситуация более сложная [Rootes, 2004]. Как показывают исследования, связь между консервативными убеждениями и поддержкой охраны природы сильно варьируется по странам и зависит от контекста [McCright, Dunlap, 2011a; Nawrotzki, 2012]. Наиболее сильная оппозиция консерваторов защите природы наблюдается в самых развитых странах, в то время как в менее развитых, в том числе посткоммунистических, странах консервато-

¹ Environmentalism // Britannica. 2025. March. URL: <https://www.britannica.com/topic/environmentalism> (дата обращения: 02.05.2025).

ры более склонны поддерживать природоохранные меры по сравнению с либералами. Консерватизм как идеология многогранен и содержит разные ценностные ориентации. Экономическая установка на поддержку свободы бизнеса отрицательно связана с проэкологическими установками и поведением, а такие установки социального консерватизма, как закон и порядок, традиционная мораль, — положительно [Nawrotzki, 2012].

Многочисленные эмпирические работы свидетельствуют, что консерватизм не противоречит охране окружающей среды. Консервативно настроенные граждане в разных странах совершенно не чужды идеям защиты природы, заботы о ней, практикам проэкологического поведения и экологическому активизму (например, [Fochtner, 2019; Kuzmina, 2023; Тулаева, Снарский 2022]). В литературе фиксируется заметное «правение» экологической повестки, в том числе по причине перехвата ее многочисленными правопопулистскими и консервативными силами [Beeson, 2019]. Так происходит и в России: местные консерваторы активно продвигают свое видение решения экологических проблем и экологической политики [Щербак, Зубарев, Семушкина, 2024]. Основной фокус смещается на решение локальных экологических проблем за счет ухода от обсуждения глобальной «зеленой повестки».

Исследования на российском материале показывают, что ряд проэкологических установок и некоторые виды проэкологического поведения также положительно связаны с определенными консервативными установками, хотя некоторые из них — предсказуемо отрицательно [Сауткина и др., 2022; Иванова, Агисова, Сауткина, 2020]. Несмотря на полученные результаты, все равно остается неясным, в какой степени можно говорить о наличии «консервативного» паттерна проэкологического участия, равно как и «консервативного» профиля экоактивизма в России. Этот вопрос остается недоизучен и особенно актуален с учетом как «консервативного поворота» в российской политике [Shcherbak, 2023; Мельвиль, 2017], так и восприятия консервативной идеологии как метарамки для анализа всего поля публичной политики в России [Bluhm, 2019]. Является ли экоактивизм консерваторов лишь имитацией экологического участия или нет?

Российский консерватизм неоднороден в том числе в отношении экологической проблематики — зеленой повестки, экологических установок, экологического поведения. Разным видам консерватизма соответствуют разные виды установок и поведения [Щербак и др., 2024]. Менее понятно, как уживаются консерватизм и экологический активизм на низовом уровне. Как разнообразие консервативной идеологии соотносится с экологическими установками? Кто такие консервативные экоактивисты? Соответственно, наш исследовательский вопрос мы формулируем так: каким образом проявляется консервативное проэкологическое поведение на низовом уровне в России?

Цель данной статьи — выявить разнообразие форм консервативного экологического сознания и поведения. Не отрицая разнообразие подходов к определению проэкологических установок и поведения вообще [Schultz, 2011] и в России в частности [Сауткина и др., 2022], мы понимаем их как *чувство личной ответственности за сохранение природы, экопотребление и экологическое участие*. Это позволит нам ответить на ряд вопросов: думают ли консерваторы о природе? заботятся ли они о природе? действуют ли в защиту природы? Мы ожидаем выявить профили кон-

сервативных экоактивистов, что серьезно расширит наши представления как о мотивации экоактивизма в России, так и о возможных направлениях его развития.

Для ответа на поставленные вопросы мы используем данные социологического опроса «Экологические ценности и экологическое поведение в регионах России», который был проведен в шести регионах весной — летом 2024 г. ($N = 1\,950$). Помимо вопросов про экологическое сознание, экологическое потребление и экологическое поведение опросник включал в себя вопросы о консервативных экологических установках, на основе которых мы выделяем различные эконосервативные профили. Используя методы регрессионного анализа, мы проверяем, как консервативное отношение к природе связано с проэкологическими установками и поведением.

Структура работы выглядит следующим образом. Первая часть посвящена обзору литературы по проблеме консервативных установок и проэкологического поведения. Во второй части мы представляем наши данные и методы. В третьей части содержатся результаты анализа. Четвертая часть — заключение с общими выводами исследования.

Обзор литературы

Рассмотрим несколько групп исследований. Первая посвящена взаимосвязи партийно-идеологической принадлежности и проэкологических установок и поведения как за рубежом, так и в России. Вторая группа изучает воззрения российских охранителей на экологические проблемы. В конце раздела мы формулируем наши теоретические ожидания о связи консерватизма и проэкологических установок и поведения на низовом уровне в России.

Партийно-идеологическая принадлежность и проэкологическое участие. С самого начала изучения отношения людей к «зеленой повестке» исследователи стремились выяснить, какие индивидуальные характеристики определяют склонность к проэкологическим установкам и поведению. Полученные результаты свидетельствовали, что профиль «зеленого» активиста — это молодой возраст, женщина, более высокий уровень образования и доходов, преимущественно с «левыми» политическими взглядами [Beiser-McGrath, Huber, 2018]. Важно дополнить, что значение политических ориентаций и идеологических установок сильнее, чем социально-демографических характеристик [Hornsey et al., 2016]. Уже ранние исследования взаимосвязи политических предпочтений и отношения к «зеленой повестке» в зарубежных странах показали, что партийно-идеологическая принадлежность играет важную роль [Dunlap et al., 2001]. Если изначально было распространено мнение, что решение вопросов защиты окружающей среды базироваться на консенсусе всех политических сил (ведь загрязнение воздуха касается всех), то совсем скоро такие надежды исчезли. Какие бы шкалы для измерения условного «либерализма» и «консерватизма» ни использовались, результаты оказывались примерно схожими: «консерваторы» придавали заметно меньше значения экологической проблематике [Dunlap et al., 2001; McCright, Dunlap, 2011b].

Помимо консерватизма фактором меньшего интереса к «зеленой повестке» оказывается еще и правый популизм [Fochtner, 2019; Veeson, 2019]. Популистам свойственен высокий уровень климат-скептицизма, низкий уровень интереса к «зеленой

повестке» и низкий уровень экологического активизма. Исследования показывают отрицательную связь между поддержкой экологической повестки и различными индикаторов социального консерватизма [Nawrotzki, 2012; McCright, Dunlap, 2011a].

Возникает и иной вопрос: почему консерваторы отрицают энвайронментализм? Один ответ заключается в восприятии «зеленой повестки» как «проекта элит» [Huber, 2020]. Кроме того, вопрос глобального изменения климата может выглядеть как слишком абстрактный и сложный. Третий вариант предполагает, что вовлеченность в поддержку «зеленой повестки» требует смены убеждений, поведения, стиля жизни, тогда как консерваторы выступают за сохранение статус-кво. Иными словами, они не желают принимать новое. В универсальных ценностных системах консерватизм часто противопоставляется «открытости изменениям» (*openness to change*) [Schwartz et al., 2014]. В том числе он противостоит получению нового знания, что приводит к нежеланию усваивать новую информацию о состоянии окружающей среды, растущих экологических проблемах, препятствуя накоплению экологических знаний [Agissova, Ivanova, Sautkina, 2023].

Полученные результаты в определенной мере противоречивы. С одной стороны, они показывают довольно четкую связь между политической ориентацией и проэкологическими установками и поведением: более «либерально» настроенные люди показывают большую склонность к проэкологическому поведению, чем более «консервативные». С другой стороны, сама по себе выявленная дихотомия мало что говорит о проэкологических установках и поведении внутри «консерваторов». С учетом данных о росте внимания правых популистов к «зеленой повестке» во многих странах [Dickson, Nobolt, 2024] возникает вопрос как о разнообразии отношения к проблемам экологии внутри данного идеологического лагеря, так и о «профиле» консервативного экоактивиста.

Исследования экологических установок были проведены и в России, в том числе с фокусом на консервативные ценности. В недавно опубликованном метаобзоре 49 исследований проэкологического поведения в России были выявлены его основные детерминанты [Сауткина и др., 2022]. Под проэкологическим поведением понималось поведение, направленное на минимизацию вреда, причиненного окружающей среде, а также оказывающее на нее благоприятное воздействие. Его подвидами являются личное и социальное, управление бытовыми отходами, экопотребление, ресурсосбережение, пользование транспортом; при этом последние два вида можно отнести к «климатическому поведению» [там же: 174]. Среди основных детерминант оказались пол (женщины более склонны к проэкологическому поведению), возраст (смешанные результаты), образование (чем выше уровень, тем выше склонность к проэкологическому поведению), уровень дохода (смешанные результаты), социально-психологические и личностные переменные. Ценности самотрансцендентности (ориентация на благополучие и интересы других людей, а не приватные потребности индивида), самоутверждения и самостоятельности, индивидуалистическое избегание чувства стыда положительно ассоциировались с некоторыми видами проэкологического поведения, а внешняя мотивация, эгоистические ценности, гедонистические ценности — отрицательно ассоциировались с определенными видами проэкологического поведения [Сауткина и др., 2022]. Авторы также отметили, что «эгоистические ценности и политическая ценность тра-

диционной морали выступили предикторами экопокупок» [там же: 180]. Влияние традиционализма на проэкологическое поведение сильно зависит от контекста; положительная связь может усиливаться за счет привычки «традиционалистов» самим выращивать еду, которая воспринимается как «натуральная», «экологически чистая» и противопоставляется еде из супермаркетов. Такой подход будет близок многим пенсионерам-дачникам. Полученные результаты интересны с той точки зрения, что они указывают как на отрицательные, так и на положительные связи между консервативными установками и проэкологическим поведением. Значит, можно сделать осторожный вывод, что «консерваторы» интересуются вопросами охраны окружающей среды и готовы к определенным видам проэкологического поведения.

Мы хотим поставить вопрос несколько иначе: не с точки зрения ценностных детерминант проэкологического поведения и участия в России, а с точки зрения выявления социально-демографических профилей «экоконсерваторов» и альтернативных паттернов их экологического участия и поведения. Нас интересует не столько вопрос принятия или непринятия «зеленой повестки» условными «консерваторами», мы смотрим на данную проблему иначе. Есть ли у «консерваторов» иные экоустановки, что они понимают под экологическим участием? Есть ли альтернативные паттерны проэкологического поведения, основанные на таких представлениях? Мы предлагаем не сравнивать условных «либералов» и «консерваторов» между собой, а сфокусироваться именно на последних.

Взгляды отечественных консерваторов на экологию. В какой степени экологические установки консерваторов на низовом уровне могут отражать существующий в обществе консервативный дискурс по экологической проблематике? Отечественные охранители уже давно вовлечены в обсуждение экологических проблем и поиска своего варианта «зеленой повестки» (см. обзор [Щербак и др., 2024]). Забота об окружающей среде перестала быть нишевой темой «зеленых» движений. Как только стало очевидно, что вопросы экологии превратились в один из ключевых пунктов не только глобальной, но и внутренней политической повестки, консерваторы, правые популисты во многих обществах стали вовлекаться в их обсуждение. К слову, охранительное течение присутствовало в экологическом движении еще во время перестройки, когда поводом массовой мобилизации стала катастрофа на Чернобыльской АЭС. Консервативная «зеленая повестка» давно разрабатывается в зарубежной литературе. В оборот исследователей вошли такие термины, как «энвайронменталистский популизм» [Beeson, 2019], «экофашизм» [Taylor, 2019], «эконационализм» [Dawson, 1996], «ресурсный национализм» [Kohl, Farthing, 2012; Тулаева, Снарский, 2022]². Отмечается, что воззрения консервато-

² «Энвайронменталистский популизм» можно определить как использование дискурса об окружающей среде политиками-популистами, так и как популистские подходы к риторике со стороны организаций и индивидов, работающих в сфере окружающей среды [Buzogány, Mohamad-Klotzbach, 2021]. «Экофашизм» не имеет общепринятой концептуализации. Одни определяют его как «культурное воображение, выражающее себя через культурные артефакты и символические жесты земного политического насилия» [Bryant, Farrel, 2024: 276], а другие — как «последовательную революционную идеологию, способствующую возрождению воображаемого сообщества путем возвращения к романтизированному, этноплюралистическому видению природного порядка» [Bryant, Farrel, 2024: 276]. Эконационализм как идеология «легитимизирует социальное воображение, которое приоритизирует права граждан страны на экологические, сельскохозяйственные, энергетические и природоохранные блага» [Aronczyk 2023: 26—27]. Ресурсный национализм смотрит на формирование национальной идентичности через перспективу «потребления природных ресурсов и освоения природных территорий» [Тулаева, Снарский, 2022: 7].

ров на экологию неоднородны в силу разнообразия самой консервативной мысли. Применительно к вопросам охраны окружающей среды можно выделить два течения: либертарианцы (сторонники свободного рынка) и традиционалисты. Первые считают, что защита природы должна основываться на принципах свободного рынка с минимальным государственным вмешательством. Традиционалисты же отвергают материальное и ставят во главу угла духовность; для них важнее сохранение природы, а не экономический рост. Исходя из этого они подчеркивают преемственность поколений, для которой главная задача — сберечь природное наследие и передать его потомкам [Bliese, 1997; Nawrotzki, 2012].

Российский консервативный дискурс также неоднороден. В нем часто выделяются два течения: «государственно-охранительное» и «национал-консервативное» [Агеева, 2017; Работяжев, 2009]. Первое течение превозносит роль сильного государства, указывает на историческую преемственность между Российской империей, СССР и современной Россией и видит решение многих проблем в укреплении государства во всех сферах. Часто этот консерватизм называют «красным», так как он представляет себя продолжателем советской традиции. Другое течение — «национал-консервативное» — подчеркивает особую роль русского народа, его уникальной культуры, истории, а государство рассматривает как проводник и защитник его интересов. Этот консерватизм иногда называется «белым». Отчасти это отражает интерес к досоветской традиции, ее символам и институтам, например православию, монархии, национальному возрождению. Изучение экологического дискурса отечественных консерваторов выявило ряд сходств и различий между «белыми» и «красными». К сходствам можно отнести роль государства в решении экологических проблем, негативное отношение к «либералам-западникам» (чьи реформы и привели к множеству экологических кризисов), необходимость возрождения духовности ради спасения природы и негативное отношение к эоактивистам. Среди различий стоит выделить отношение к природе и к урбанизации. Если «красные» консерваторы рассматривают природу как источник ресурсов для возрождения промышленности, экономики и величия государства, то для «белых» консерваторов сохранение русской природы — это самоцель. Ровно так же если для «красных» консерваторов развитие больших, мощных городов связано с подъемом государства, то для «белых» это угроза деревне, которая, по их мнению, является хранителем традиций, духовности, истинной культуры [Щербак и др., 2024].

На основании ранее выявленного разделения на «красных» и «белых» консерваторов мы предполагаем наличие и двух схожих типов на низовом уровне, условно «традиционалистов» (почвенников) и «государственников». Первые подчеркивают важность духовности, возрождения села как прочной связи человека и природы, патриотизма. Вторые склонны считать, что только государство, но никак не бизнес или НКО, способно решить экологические проблемы. Далее мы будем называть их эоонсерваторами, понимая под ними индивидов, которые придерживаются «консервативных» воззрений на ряд экологических проблем. Важно отметить, что «консерватизм» не тождественен отрицанию значимости экологической повестки, а является скорее ее альтернативным пониманием. В фокусе нашего внимания — три элемента проявления энвайронментализма.

Во-первых, это *чувство личной ответственности за природу*. Литература про «энвайронменталистский популизм» говорит, что граждане, склонные к популизму и консерватизму, в большей степени озадачены локальными, а не глобальными проблемами [Fochtner, 2019]. Мы хотим проверить, так ли это. Переживают ли «почвенники» только о родной почве или их волнуют и более глобальные проблемы?

Во-вторых, это *экопотребление*. Думать об экологии — это одно, но принимать тот или иной вид проэкологического поведения — уже другое. Быть «зеленым» может быть довольно затратно, часто в исследованиях вопросы про отношение к экологии формулируются как «готовы ли Вы платить за...?» [Inglehart, 1995; Nawrotzki, 2012]. Как «консерваторы» описывают свое экопотребление?

В-третьих, это *экологическое участие*. Переживать за природу, быть «зеленым» на личном уровне — конечно, замечательно, но готовы ли экоконсерваторы к совместным действиям по охране природы? Какие виды экологического участия они предпочитают? С одной стороны, это может быть протест против решений властей. С другой стороны, консерватизм же предполагает лояльность власти, подчинение иерархии, уважение авторитетов [Jost et al., 2003]. Есть немало свидетельств, что экологические протесты последних лет фреймировались в традиционалистском, консервативном ключе [Туровец, 2014].

По результатам нашего анализа мы ожидаем выявить несколько профилей экоконсерваторов с различными паттернами проэкологического поведения (включает чувство личной ответственности, экопотребление и экоучастие). Мы формируем следующие гипотезы:

H₁: существует более чем один экоконсервативный профиль;

H₂: экоконсерватизм (как минимум один профиль) положительно связан с чувством личной ответственности за природу;

H₃: экоконсерватизм (как минимум один профиль) положительно связан экопотреблением;

H₄: экоконсерватизм (как минимум один профиль) положительно связан с экологическим участием.

Данные и методы

Для ответа на поставленные вопросы мы используем данные социологического опроса «Экологические ценности и экологическое поведение в регионах России», который был проведен по нашему заказу исследовательской организацией ЦЕССИ в рамках данного проекта. География опроса — шесть регионов России (Свердловская, Костромская области, Красноярский и Забайкальский края, Республика Чувашия и Москва). Эти регионы представляют собой значительную долю федеральных округов (исключениями стали Северо-Западный, Южный и Северо-Кавказский федеральные округа), разные типы субъектов федерации (области, края, республика, город федерального значения), с разным экономическим весом и разным характером экологических проблем (условно более «грязные» и более «чистые»).

Метод опроса — телефонные интервью с использованием автоматизированной системы дозвона и организации данных (CATI). Выборка — 300 человек на каждый регион, в Москве — 450 человек; в итоге — 1 950 респондентов. Выборка

строилась независимо для каждого региона по единой случайной вероятностной модели на основе случайной генерации телефонов, генеральная совокупность — все население старше 18 лет. Опрос проводился в мае — июле 2024 г.

Опросник преимущественно содержал вопросы про отношение респондентов к экологическим проблемам: важность различных экологических проблем, личную ответственность за возникновение экологических проблем, отношение к экологии и природе, паттерны проэкологического поведения и его мотивы, экологическое участие и его мотивы и др. Дополнительно в опросник были включены вопросы про ценности, политическое участие, региональную идентичность, доверие, счастье, а также социально-демографические контроли.

Важнейшая для нас переменная — «экологический консерватизм» — отражает разнообразие взглядов консерваторов на решение экологических проблем в российском контексте, отчасти полученное из литературы и консервативной публицистики [Щербак и др., 2024]. Предложенные утверждения включают связь природы с духовностью, жизнью на селе, патриотизмом, равно как и маркируют отношение к «либеральным» реформам, государству, крупному бизнесу, международным организациям. Этот вопрос был сформулирован следующим образом: «Послушайте еще несколько утверждений и скажите мне по каждому — Вы с ним полностью согласны; скорее согласны, чем нет; скорее не согласны или совершенно не согласны?» (1 — полностью согласен, 4 — совершенно не согласен). Переменная была перекодирована в обратном порядке:

А) если возродится духовность, то и природа будет спасена;

Б) существующие экологические проблемы в стране — порождение либеральных экономических реформ;

В) эоактивисты — марионетки крупного бизнеса;

Г) причина усугубления экологических проблем — чрезмерный рост городов;

Д) за сохранением села — сохранение природы России;

Е) экология — арена геополитической борьбы между странами;

Ж) только государство может решать экологические проблемы;

З) защищать природу — значит защищать Родину.

Далее мы провели анализ главных компонент (с ротацией Варимакс), чтобы проверить, извлекаются ли факторы (то есть разные виды консерватизма) из данного вопроса.

Анализ показал наличие двух факторов эококонсерватизма (см. табл. 1). Фактор 1 делает акцент на духовность, возрождение села, воинственность (патриотизм) в деле защиты природы, отрицание города и рыночных реформ. Решение экологических проблем предполагается в близости к природе, почве. Мы называем данный фактор «экотрадиционализмом».

Фактор 2 делает акцент на роли государства, отрицании роли крупного бизнеса и неверии в экологическое движение. Решение экологических проблем должно быть отдано на откуп государству, но не бизнесу или НКО. Название данного фактора — «экодирижизм».

Также было обнаружено, что пропущенные значения по полученным переменным составляют порядка 25,9%. При этом они равномерно распределены между регионами. Респонденты, ответы которых неизвестны, старше (51,5 в сравнении

с 47,5), имеют несколько более низкий уровень образования (3,20 в сравнении с 3,36), чаще доверяют государственным институтам, но не доверяют незнакомым людям. Пропущенные значения для обеих переменных было решено возместить на основе средних значений по наблюдениям, которые присутствовали в выборке.

Таблица 1. **Виды экоконсерватизма (анализ главных компонент)**

Переменные	Фактор 1	Фактор 2
Если возродится духовность, то и природа будет спасена	,743	,114
Существующие экологические проблемы в стране — порождение либеральных экономических реформ	,561	,442
Экоактивисты — марионетки крупного бизнеса	,016	,758
Причина усугубления экологических проблем — чрезмерный рост городов	,565	,014
За сохранением села — сохранение природы России	,744	,123
Экология — арена геополитической борьбы между странами	,310	,672
Только государство может решать экологические проблемы	,056	,629
Защищать природу — значит защищать Родину	,632	,137
% объясненной вариации	28%	20,8%

Примечание. Метод ротации — Варимакс, с нормализацией Кайзера.

Мы сохранили факторные нагрузки как регрессионные коэффициенты для каждого респондента. Полученные переменные — «экотрадиционализм» и «экодириджизм» — мы используем как независимые переменные для измерения разных видов экоконсерватизма. Отметим, что в определенной степени такое разделение видов экоконсерватизма соотносится с уже упомянутым делением на «красный» и «белый» консерватизм, что для нас является дополнительной валидизацией полученных результатов.

В качестве зависимых переменных мы берем вопросы про а) *чувство личной ответственности за возникновение экологических проблем*, б) *экопотребление* и в) *экологическое участие*.

«Чувство личной ответственности» включает в себя перечисление ряда экологических проблем, причем как локального характера, так и глобального³.

³ «Если говорить о Вас лично, в какой мере Вы чувствуете личную ответственность за возникновение экологических проблем, которые я буду называть?» (1 — не чувствую никакой ответственности; 2 — скорее не чувствую; 3 — скорее чувствую; 4 — определенно чувствую; 5 — чувствую максимальную ответственность):

- А) глобальное изменение климата,
- Б) загрязнение воздуха, земель, воды,
- В) сокращение биоразнообразия,
- Г) лесные пожары,
- Д) озоновые дыры,
- Е) рост выброса парниковых газов,
- Ж) утилизация мусора,
- З) затопление территорий,
- И) вырубка лесов,
- К) захоронение химических, ядерных отходов,
- Л) жилая, промышленная застройка природных территорий, заповедников.

Переменная «экопотребление» включает в себя различные аспекты индивидуального проэкологического поведения — ресурсосбережение, переработку мусора/отходов, ответственное потребление и др.⁴

Переменная «экологическое участие» включает стандартный репертуар действий политического участия с указанием «на защиту окружающей среды»⁵.

Также мы включили социально-демографические контрольные переменные — возраст (количество лет), пол (1 — М, 2 — Ж), образование (1 — начальное или меньше, 2 — законченное среднее, 3 — среднее специальное или профессиональное, 4 — высшее или научная степень), субъективный доход (1 — очень трудно жить на такой доход, 2 — довольно трудно, 3 — этого дохода Вам в принципе хватает, 4 — живете на этот доход, не испытывая материальных затруднений), религиозность (1 — религиозный, 2 — нерелигиозный, 3 — атеист), субъективное благополучие (среднее между нормализованными ответами — шкала от 0 до 1 — про счастье и удовлетворенность жизнью). Кроме этого мы добавили такие переменные, как генерализованное доверие («Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?»: 1 — Большинству можно доверять, 2 — Нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми; применена обратная кодировка) и институциональное доверие («Насколько Вы доверяете каждому из институтов, которые я сейчас назову: а) Правительство России б) политические партии, в) Государственная Дума, г) президент России, д) выборы: 1 — полностью доверяю, 4 — совсем не доверяю; была использована обратная кодировка, затем все переменные были сведены в аддитивный индекс).

Результаты анализа

Свой анализ мы разделили на несколько этапов. Сначала мы проводим корреляционный анализ между выявленными видами (факторами) эконосерватизма и рядом переменных, измеряющих различные аспекты проэкологического поведения. Далее для проверки выдвинутых гипотез проводим серию регрессий с указанными выше зависимыми переменными.

⁴ «Как часто за прошедшие 12 месяцев Вы делали то, что я буду называть, — всегда, часто, иногда, редко или никогда?» (1 — всегда, 2 — часто, 3 — иногда, 4 — редко, 5 — никогда). Для последующего анализа переменная была перекодирована в обратном порядке (1 — никогда, 5 — всегда):

А) искали способы повторного использования вещей,
Б) сортировали мусор,
В) отказывались от использования пластиковой посуды или пакетов,
Г) экономили бензин, электричество или отопление,
Д) лично делали что-то полезное для природы,
Е) ездили на велосипеде или общественном транспорте вместо поездки на автомобиле,
Ж) сами выращивали экологически чистые продукты.

⁵ «Сейчас я буду называть Вам действия, направленные на защиту окружающей среды, а Вы скажите мне по каждому, участвовали Вы в этом за последние два года или нет» (1 — да, 2 — нет). Была применена обратная кодировка (0 — нет, 1 — да):

А) участвовали в благоустройстве района или города, где Вы живете,
Б) участвовали в подписании петиций, коллективных писем, в том числе в интернете,
В) участвовали в согласованных акциях протеста, пикетах, демонстрациях,
Г) участвовали в несогласованных акциях протеста,
Д) делали посты и репосты в интернете,
Е) делали материальные пожертвования на экологические акции,
Ж) работали волонтером,
З) подписывались на информационную рассылку.

Результаты, представленные в таблице 2, указывают на два немаловажных аспекта. Во-первых, профили экоконсерваторов заметно различаются: «экотрадиционалисты» на все вопросы о важности проблем отвечают положительно, в то время как «экодирижисты» одни вопросы считают важными, другие — неважными, а к третьим равнодушны (нет статистически значимой связи). Во-вторых, мы видим, что для «экотрадиционалистов» одинаково важны и локальные, и глобальные проблемы, в то время как для «экодирижистов» они либо не важны, либо связь отсутствует.

Таблица 2. **Корреляции между типами экоконсерватизма и «важностью экологических проблем»**

Насколько важна для вас проблема:	Ф1 («экотрадиционализм»)	Ф2 («экодирижизм»)
Глобальное изменение климата	,251**	–,069**
Загрязнение воздуха, земель, воды	,152**	–,053*
Сокращение биоразнообразия	,178**	,012
Лесные пожары	,216**	,063*
Озоновые дыры	,209**	–,091**
Рост выброса парниковых газов	,184**	–,096**
Утилизация мусора	,145**	,000
Затопление территорий	,219**	,011
Вырубка лесов	,236**	,072**
Захоронение химических, ядерных отходов	,148**	–,033
Жилая, промышленная застройка природных территорий, заповедников	,194**	–,023

Примечание. Корреляция Спирмена. * — 0,05 значимость (двусторонняя), ** — 0,01 значимость (двусторонняя). Серым фоном выделены условно глобальные экологические проблемы.

Корреляция типов экоконсерватизма и показателей личной ответственности (см. табл. 3) показывает схожую картину. Для «экотрадиционалистов» характерно чувство личной ответственности за все экологические проблемы. «Экодирижисты» чувствуют ответственность за сокращение биоразнообразия и захоронение химических ядерных отходов, а также явно не чувствуют ответственности за рост выброса парниковых газов. По всем другим проблемам значимой связи нет.

Корреляции между типами экоконсерватизма и видами экопотребления показывают, что опять «экотрадиционалисты» оказываются более вовлеченными (см. табл. 4). У них больше значимых положительных связей: они признавались в экономии топлива, поездках на велосипеде или общественном транспорте, выращивании экологически чистых продуктов, в том, что делали что-то полезное для природы. При этом у них нет ни одного значимого отрицательного значения по другим видам экопотребления. «Экодирижисты» отвечали, что они ездили на велосипеде, также маргинально положительно значима связь с «лично делали что-то полезное для природы». В случае способов повторного использования вещей, отказа от использования пластиковой посуды и пакетов, выращивания экологически

чистых продуктов у «экодирижистов» была обнаружена отрицательная значимая связь: они отказываются от таких видов экопотребления.

Таблица 3. *Корреляции между типами эконосерватизма и «личной ответственностью за экологические проблемы»*

В какой мере Вы чувствуете личную ответственность за:	Ф1 («экотрадиционализм»)	Ф2 («экодирижизм»)
Глобальное изменение климата	,215**	-,014
Загрязнение воздуха, земель, воды	,197**	-,023
Сокращение биоразнообразия	,244**	,052*
Лесные пожары	,222**	,033
Озоновые дыры	,150**	-,032
Рост выброса парниковых газов	,130**	-,052*
Утилизация мусора	,118**	-,043 ⁺
Затопление территорий	,210**	,036
Вырубка лесов	,213**	,027
Захоронение химических, ядерных отходов	,202**	,064**
Жилая, промышленная застройка природных территорий, заповедников	,191**	,031

Примечание. Корреляция Спирмена. ⁺ — 0,1 значимость (двусторонняя), * — 0,05 значимость (двусторонняя), ** — 0,01 значимость (двусторонняя).

Таблица 4. *Корреляции между типами эконосерватизма и экопотреблением*

Как часто за прошедшие 12 месяцев Вы:	Ф1 («экотрадиционализм»)	Ф2 («экодирижизм»)
Искали способы повторного использования вещей	-,022	-,058**
Сортировали мусор	,027	-,035
Отказывались от использования пластиковой посуды или пакетов	-,016	-,085**
Экономили бензин, электричество или отопление	,084**	,005
Лично делали что-то полезное для природы	,172**	,039 ⁺
Ездили на велосипеде или общественном транспорте вместо поездки на автомобиле	,204**	,096**
Сами выращивали экологически чистые продукты	,140**	-,061**

Примечание. Корреляция Спирмена. ⁺ — 0,1 значимость (двусторонняя) * — 0,05 значимость (двусторонняя), ** — 0,01 значимость (двусторонняя).

Анализ значимости экологического участия (см. табл. 5) показывает, что только «экотрадиционалисты» положительно отвечают на вопросы о некоторых видах экологического участия (благоустройство и материальные пожертвования), к некоторым видам они относятся отрицательно (подписка на информационную рассылку). «Экодирижисты» либо отрицательно относятся к некоторым видам (под-

писание петиций, посты и репосты в интернете, пожертвования, волонтерство, информационная рассылка), либо значимая связь отсутствует.

Таблица 5. **Корреляции между типами экоконсерватизма и экологическим участием**

Приходилось ли Вам за последние два года:	Ф1 («экотрадиционализм»)	Ф2 («экодирижизм»)
Участвовать в благоустройстве района или города, где Вы живете	,082**	,031
Подписывать петиции, коллективные письма, в том числе в интернете	-,007	-,078**
Участвовать в согласованных акциях протеста, пикетах, демонстрациях	,033	,018
Участвовать в несогласованных акциях протеста	,000	,033
Делать посты и репосты в интернете	,028	-,091**
Делать материальные пожертвования на экологические акции	,062**	-,059**
Работать волонтером	,039 ⁺	-,090**
Подписываться на информационную рассылку	-,076**	-,110**

Примечание. Корреляция Спирмена. ⁺ — 0,1 значимость (двусторонняя), * — 0,05 значимость (двусторонняя), ** — 0,01 значимость (двусторонняя).

Корреляционный анализ показывает, что два вида экоконсерваторов довольно заметно различаются между собой в своем проэкологическом поведении. «Эко-традиционалисты» более активны, чем «экодирижисты». Важно отметить, это этот вид экоконсерватизма положительно связан с проэкологическим поведением.

Далее с помощью регрессионного анализа мы проверяем наши гипотезы о наличии связи между разными типами экоконсерватизма и видами проэкологического поведения.

На основе переменных «чувство личной ответственности», «экопотребление» и «экологическое участие» мы строим аддитивные индексы (сумма всех ответов согласно оригинальным шкалам), которые используем как зависимые переменные. Список используемых переменных приведен в таблице 6.

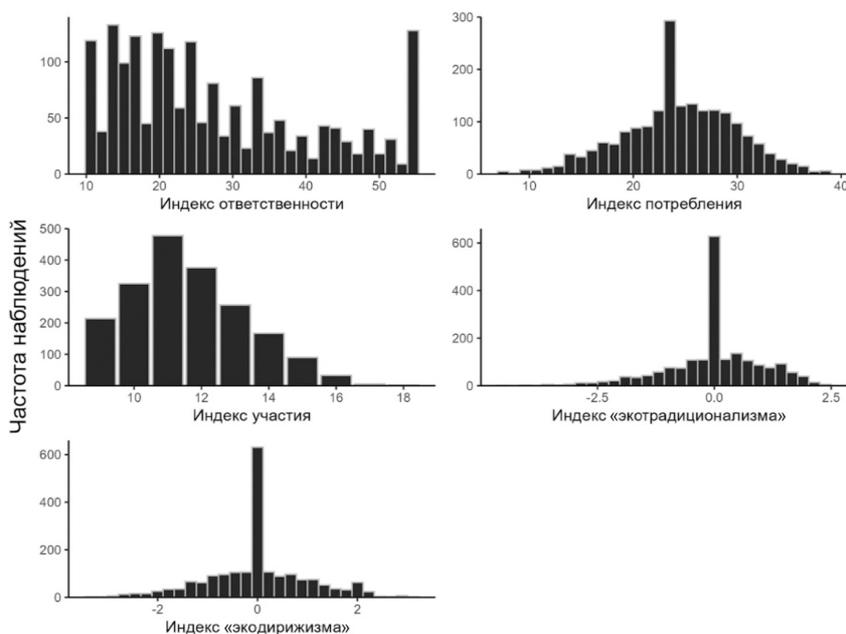
Таблица 6. **Описательные статистики по используемым переменным**

Переменная	N	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Индекс потребления	1922	24,376	5,456	25,000	8,000	39,000
Индекс участия	1947	11,620	1,739	11,000	9,000	18,000
Индекс личной ответственности	1814	27,750	13,263	24,000	11,000	55,000
Консерватизм 1 («экотрадиционализм»)	1972	0,000	0,860	0,000	-3,822	2,107
Консерватизм 2 («экодирижизм»)	1972	0,000	0,860	0,000	-2,801	2,748

Переменная	N	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Возраст	1972	48,543	16,810	47,000	18,000	93,000
Образование	1966	3,317	0,754	3,000	1,000	4,000
Доход	1915	2,495	0,860	3,000	1,000	4,000
Генерализованное доверие	1918	0,31	0,46	0	0	1
Религиозность	1895	0,55	0,50	1	0	1
Индекс институционального доверия	1825	10,484	3,453	12,000	4,000	16,000
Субъективное благополучие	1922	0,699	0,188	0,708	0,000	1,000
Оценка мэра/губернатора	1 757	2,773	0,764	3,000	1,000	4,000

Рисунок 1 отображает распределения значений зависимых переменных, включенных в регрессионный анализ ниже, а также двух индексов консерватизма, которые мы рассматриваем в качестве ключевых предикторов. Как можно заметить, форма распределения у всех них отличается от ожидаемого при нормальном распределении «колокола». Однако такое распределение не критично для оценки линейной регрессии, для которой ключевым допущением в отношении зависимых переменных является их измерение на интервальной (или близкой к интервальной) шкале. Именно такая шкала использована для оценки экологических установок и поведения среди россиян.

Рис. 1. Распределения ключевых зависимых и независимых переменных

Далее мы делаем регрессионный анализ (см. табл. 7). Во всех моделях, представленных ниже, мы оценивали параметры с помощью взвешенного метода наименьших квадратов со стандартными ошибками, кластеризованными на уровне регионов. Взвешивание данных было использовано для того, чтобы скорректировать расхождения по размеру выборки между регионами.

Таблица 7. Регрессионный анализ влияния экоконсерватизма на проэкологические установки и поведение

	Модель 1 ЗП — Чувство личной ответственности	Модель 2 ЗП — Экопотребление	Модель 3 ЗП — Экологическое участие
(Intercept)	26,89***	24,28***	11,40**
Пол: Женщины	0,61	1,44*	0,40**
«Экотрадиционализм»	2,83**	0,83**	0,18*
«Экодирижизм»	-0,01	-0,08	-0,05
Возраст	0,71	-0,16	-0,43***
Религиозность: религиозный(-ая)	1,31	0,41	0,06
Образование	-0,90	0,33	0,15+
Доход (субъективный)	-1,65*	-0,45*	-0,00
Субъективное благополучие	1,61**	0,70*	0,10+
Генерализованное доверие: нужно быть осторожным	0,21	-1,19**	-0,21*
Институциональное доверие	1,71**	-0,08	-0,07*
N	1547	1621	1647
Скорректированный R ²	0,13	0,09	0,09

Примечание. *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$. Во всех моделях коэффициенты были стандартизованы.

Все результаты показывают, что фактор «экотрадиционализма» оказывается положительно значимым, а фактор «экодирижизма» — незначимым (только в модели 2 он маргинально значим на уровне 0,1, с отрицательным знаком). Мы интерпретируем эти результаты как наличие положительной связи между консервативными установками и проэкологическим поведением. Консерваторы-«традиционалисты» переживают за природу, придерживаются некоторых видов проэкологического поведения.

Пол незначим для чувства личной ответственности, но в случае проэкологического поведения женщины более склонны к экопотреблению и экологическому участию. **Возраст** показывает разные эффекты: для чувства личной ответственности значим более старший возраст, а для экологического участия — более молодой; для экопотребления возраст незначим. Разнонаправленность характерна и для **образования**: чувству личной ответственности свойственен более низкий

уровень образования, экологическому участию — высокий; для экопотребления образование незначимо. **Религиозность**, по сути, незначима ни в одной модели; только для чувства личной ответственности она маргинально положительно значима. Проэкологические установки и поведение ассоциируются с более низким субъективным **доходом** во всех моделях, хотя в случае экологического участия эффект дохода незначим. Во всех моделях положительно значим эффект **субъективного благополучия**; о природе думают и заботятся довольные люди. Переменная **«генерализованное доверие»** значимо и отрицательно связана с экопотреблением и экологическим участием; с чувством личной ответственности — положительно, но не значимо. **Институциональное доверие** положительно значимо только для чувства личной ответственности, для других видов проэкологического поведения значимость пропадает с изменением знака.

Анализ также показывает, что немного разные социально-демографические профили наблюдаются при переходе от чувства личной ответственности к экологическому участию. Для чувства личной ответственности нет разницы в поле, характерны более старший возраст, низкое образование, низкие доходы, более высокое институциональное доверие. Для экопотребления и экологического участия это женщины, люди с более высоким образованием, но более низкими доходами и более низким генерализованным доверием.

В целом мы видим подтверждение наших гипотез. Во-первых, можно выделить два вида экоконсерватизма, которые различаются отношением к решению экологических проблем: «экотрадиционализм» и «экодирижизм». Если «экодирижизм», как правило, ассоциируется либо с равнодушным, либо с отрицательным отношением к экологическим проблемам, то «экотрадиционализм» *положительно* ассоциируется с экологическими установками и проэкологическим поведением. Хотя доля объясненной вариации (R-квадрат) во всех моделях невысока — от 9% до 11%, для моделей с данными индивидуального уровня это не столь критично. Наш основной тезис получает подтверждение: как минимум один из видов экоконсерватизма положительно связан с проэкологическим сознанием и поведением.

В анкете было несколько открытых вопросов, один из которых позволил респондентам назвать свои формы экологического участия. Примечательно, что мы получили довольно много (несколько сотен) ответов, но большинство из них однотипны. Самый популярный ответ — «участие в субботнике», за ним следуют «высадка деревьев», «уборка мусора»; буквально считанные ответы про сортировку различного вторсырья и тушение лесных пожаров. На наш взгляд, это довольно показательно: экотрадиционализму могут соответствовать «традиционные» виды участия, такие как субботники, уборка мусора и высадка деревьев. Это также требует от граждан затрат времени, средств, координации совместных действий. В то же время это явно социально и политически одобряемые практики, в какой-то степени восходящие к советским, являющиеся, таким образом, частью «традиции». Нет сомнений, что этот паттерн проэкологического поведения помогает делу охраны природы, вопрос в том, какие экологические проблемы он позволяет решить. Это отчасти уже уровень коллективных действий, создания экологических движений/организаций и влияния на экологическую политику; в рамках данной статьи мы ограничились индивидуальным уровнем поведения.

Заключение

Мы попытались продемонстрировать, что понимание и объяснение индивидуального уровня заботы о природе не ограничивается размежеванием между условными «либералами» и «консерваторами». Не только россияне с постматериалистическими установками переживают за природу и готовы менять свое поведение ради ее сохранения. Представители консерватизма также готовы к действиям ради защиты природы. Мы их обозначили как экоконсерваторов и выявили среди них как минимум две группы — «экотрадиционалистов» и «экодирижистов». Первые видят путь к сохранению природы через более тесную связь с «почвой» (духовность, возрождение села, патриотизм, отрицание города и рыночных реформ), вторые — через «сильное государство». Наши результаты показали, что если «экодирижисты» ведут себя чаще в соответствии с концепцией постматериализма (отношение к экологическим проблемам либо отрицательное, либо равнодушное), то «экотрадиционалисты», наоборот, показывают высокий уровень вовлеченности в решение экологических проблем как на уровне установок, так и на уровне поведения. Почвенникам есть дело до состояния почвы.

Результаты анализа позволяют осторожно обрисовать профиль «экотрадиционалиста», активно вовлеченного в дело охраны природы. Как правило, это женщина, с высоким образованием, низкими доходами, высоким уровнем субъективного благополучия, низким уровнем доверия властям. Насколько такой тип отличается от наших ожиданий? В литературе отмечалось, что в низовой экомобилизации женщины играют порой более важную роль, так как часто они сильнее вовлечены в дела местных сообществ. Кроме того, этот факт может отражать уверенность в возможности на что-то повлиять на местном уровне, в отличие от более «сложного» уровня региональной или национальной политики. Барьер участия на уровне местного сообщества заметно ниже [Rootes, 2004].

Наше исследование также позволяет продолжить дискуссию о «консервативном повороте» в России [Shcherbak, 2023; Мельвиль, 2017] и его экологическом измерении. Вопрос в том, насколько консервативный дискурс, ведущийся на уровне политических элит и СМИ, смог «просочиться» на массовый уровень. Ранее уже отмечалось, что низовая экологическая мобилизация часто происходила с использованием консервативных, традиционалистских фреймов [Тулаева, Снарский, 2022; Туровец, 2014; Kuzmina, 2023], однако эти работы фокусировались на шоковых событиях — экологических протестах. Наличие консервативного дискурса могло быть оправдано тем, что протестующие были с ним знакомы из официальных СМИ, поэтому его и ретранслировали. Но устойчив ли он в «спокойной фазе», вне протестов? Наши выводы говорят — довольно устойчив; экоконсерваторы выражают как минимум один из преобладающих консервативных дискурсов (традиционализм). Рано говорить, что охранители транслируют свою повестку в массы, вполне возможно, что они рефлексировали устоявшиеся экологические практики населения.

У нашего исследования есть ограничения, связанные как с выборкой, так и с полнотой полученных ответов. Предложенная шкала измерения экоконсерватизма требует дальнейшей апробации и более глубокого теоретического обоснования. Хотя мы отбирали шесть регионов для исследования таким образом, чтобы они максимально полно отражали как географию, так и разнообразие экологиче-

ских проблем, полученные результаты не стоит экстраполировать на всю страну. К тому же в дальнейшем они требуют подтверждения исследованием на основе качественных методов. Характер нашего исследования носит во многом разведочный характер, без установления причинно-следственных связей между изучаемыми установками. Тем не менее мы считаем, что внесли важный вклад как в изучение детерминант проэкологического поведения в России, так и в понимание многообразия паттернов подобного поведения. «Консервативное» общество не отказывается решать многие проблемы, оно по-своему подходит к их решению.

Список литературы (References)

1. Агеева В. Д. Между популистами и консерваторами // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 2. С. 142—152.
Ageeva V. D. (2017) Between Populists and Conservatives. *Russia in Global Affairs*. Vol. 15. No. 2. P. 142—152. (In Russ.)
2. Иванова А., Агисова Ф., Сауткина Е. Проэкологическое поведение в России: адаптация шкалы Кэмерона Брика и связь с экологической обеспокоенностью // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 70. <https://doi.org/10.54359/ps.v13i70.199>.
Ivanova A., Agisova F., Sautkina E. (2020) Pro-Environmental Behavior in Russia: Adaptation of the Cameron Brick Scale and Connection with Environmental Concerns. *Psychological Research*. Vol. 13. No. 70. <https://doi.org/10.54359/ps.v13i70.199>. (In Russ.)
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство. 2011.
Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernization, Cultural Change, and Democracy*. Moscow: Novoe Izdatel'stvo. (In Russ.)
4. Мельвил А. Ю. Неоконсервативный консенсус в России? Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии // Политика. 2017. № 1. С. 29—45. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-84-1-29-47>.
Melvil A. Y. (2017) The Neoconservative Consensus in Russia? Main Components, Sustainability Factors, Erosion Potential. *Politeia*. No. 1. P. 29—45. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-84-1-29-47>. (In Russ.)
5. Работяжев Н. В. Консервативная геополитическая мысль в России: преемственность и обновление // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 5. С. 74—94.
Rabotyazhev N. V. (2009) Conservative Geopolitical Thought in Russia: Continuity and Renewal. *Moscow State University Bulletin. Series 12. Political Science*. No. 5. P. 74—94. (In Russ.)
6. Сауткина Е. В., Агисова Ф. Б., Иванова А. А., Иванде К. С., Кабанова В. С. Проэкологическое поведение в России. Систематический обзор исследований // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 2. С. 172—193. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150213>.

- Sautkina E. V., Agisova F. B., Ivanova A. A., Ivande K. S., Kabanova V. S. (2022) Environmental Behavior in Russia. A Systematic Review of Research. *Experimental Psychology*. Vol. 15. No. 2. P. 172—193. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150213>. (In Russ.)
7. Смигельски А., Соколов Б. О., Немировская А. В. Экологические установки и эмансипативные ценности: анализ данных Европейского исследования ценностей // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 2. С. 283—310. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-283-310>.
Smigelsky A., Sokolov B. O., Nemirovskaya A. V. (2024) Environmental Attitudes and Emancipative Values: Analysis of Data from the European Values Survey. *Sociological Review*. Vol. 23. No. 2. P. 283—310. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-283-310>. (In Russ.)
8. Тулаева С. А., Снарский Я. А. Зеленый национализм в сырьевом государстве: экологическая повестка и национальная идентичность в российских регионах // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2022. № 3. С. 4—33. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33>.
Tulaeva S. A., Snarskiy Y. A. (2022) Green Nationalism in a Resource-Based State: Environmental Agenda and National Identity in Russian Regions. *Laboratorium: Journal of Social Research*. No. 3. P. 4—33. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33>. (In Russ.)
9. Туровец М. 2014. Противостояние деполитизации: движение против добычи никеля в Воронежской области // *Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011—2013 годов / отв. ред. Ерпылева С., Магун А. М.: НЛО*. С. 351—385.
Turovets M. 2014. Opposition to Depoliticization: The Movement Against Nickel Mining in the Voronezh Region. In: Erpyleva S., Magun A. (ed.) *Politics of the Apolitical: Civil Movements in Russia 2011—2013*. Moscow: New Literary Observer. P. 351—385. (In Russ.)
10. Щербак А. Н., Зубарев Н. С., Семушкина Е. С. «Зеленые» охранители: взгляды российских консерваторов на решение экологических проблем // *Мир России*. 2024. Т. 33. № 1. С. 84—114. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-84-114>.
Shcherbak A. N., Zubarev N. S., Semushkina E. S. (2024) “Green Guardians”: Russian Conservatives’ Views on Solutions to Environmental Problems. *Universe of Russia*. Vol. 33. No. 1. P. 84—114. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-84-114>. (In Russ.)
11. Яницкий О. Н. Экомодернизация России: теория, практика, перспектива. М.: Институт социологии РАН. 2011.
Yanitskiy O. N. (2011) *Ecomodernization of Russia: Theory, Practice, Perspective*. Moscow: Sociological Institute of the RAS. (In Russ.)
12. Agissova F., Ivanova A., Sautkina E. (2023) Political Values, Patriotism, Institutional Trust and Connectedness to Nature Predict Environmental Attitudes and Pro-Environmental Behavior. *PsyEcology*. Vol. 14. No. 2. P. 244—296. <https://doi.org/10.1080/21711976.2023.2204012>.

13. Aronczyk M. (2024) Branding the Nation in the Era of Climate Crisis: Eco-Nationalism and the Promotion of Green National Sovereignty. *Nations and Nationalism*. Vol. 30. No. 1. P. 25—38.
14. Beeson M. (2019) *Environmental Populism: The Politics of Survival in the Anthropocene*. London: Palgrave Macmillan.
15. Beiser-McGrath L. F., Huber R. A. (2018) Assessing the Relative Importance of Psychological and Demographic Factors for Predicting Climate and Environmental Attitudes. *Climatic Change*. Vol. 149. P. 335—347. <https://doi.org/10.1007/s10584-018-2260-9>.
16. Bliese J. R. (1997) Conservative Principles and Environmental Policies. *Kansas Journal of Law & Public Policy*. Vol. 7. No. 1.
17. Bluhm K. (2019) Postmodernity and Modernity as Political Terms in Russia's New Conservatism. In: Suslov M., Uzlaner D. (ed.) *Contemporary Russian Conservatism*. Leiden: Brill. P. 128—150.
18. Bryant J. C., Farrell J. (2024) Conservatism, the Far Right, and the Environment. *Annual Review of Sociology*. Vol. 50. No. 1. P. 273—296. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-083023-035225>.
19. Buzogány A., Mohamad-Klotzbach C. (2022) Environmental Populism. In: Oswald M. (ed.) *The Palgrave Handbook of Populism*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 321—340.
20. Carter N. (2013) Greening the Mainstream: Party Politics and the Environment. *Environmental Politics*. Vol. 22. No. 1. P. 73—94. <https://doi.org/10.1080/09644016.2013.755391>.
21. Dawson J. I. (1996) *Eco-Nationalism: Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania and Ukraine*. Dares: Duke University Press.
22. Dickson Z. P., Hobolt, S. B. (2024) Going Against the Grain: Climate Change as a Wedge Issue for the Radical Right. In: *Comparative Political Studies*. 001041402 41271297.
23. Dunlap R. E., Xiao C., McCright A. M. (2001) Politics and Environment in America: Partisan and Ideological Cleavages in Public Support for Environmentalism. *Environmental Politics*. 2001. Vol. 10. No. 4. P. 23—48. <https://doi.org/10.1080/714000580>.
24. Forchtner B. (2019) *The Far Right and the Environment: Politics, Discourse and Communication*. London: Routledge.
25. Hornsey M. J., Harris E. A., Bain P. G., Fielding K. S. (2016) Meta-Analyses of the Determinants and Outcomes of Belief in Climate Change. *Nature Climate Change*. No. 6. P. 622—626. <https://doi.org/10.1038/nclimate2943>.
26. Huber R. A. (2020) The Role of Populist Attitudes in Explaining Climate Change Skepticism and Support for Environmental Protection. *Environmental Politics*. Vol. 29. No. 6. P. 959—982. <https://doi.org/10.1080/09644016.2019.1708186>.

27. Inglehart R. (1995) Public Support for Environmental Protection: Objective Problems and Subjective Values in 43 Societies. *PS: Political Science & Politics*. Vol. 28. No. 1. 57—72. <https://doi.org/10.2307/420583>.
28. Jost J. T., Glaser J., Kruglanski A. W., Sulloway F. J. (2003) Political Conservatism as Motivated Social Cognition. *Psychological Bulletin*. Vol. 129. No. 3. P. 339—375. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.129.3.339>.
29. Kohl B., Farthing L. (2012) Material Constraints to Popular Imaginaries: The Extractive Economy and Resource Nationalism in Bolivia. *Political Geography*. Vol. 31. No. 4. P. 225—235. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2012.03.002>.
30. Kuzmina Y. (2023) The Defenders of Shiyes: Traditionalism as a Mobilisation Resource in a Russian Protest Camp. *East European Politics*. Vol. 39. No. 2. P. 260—280. <https://doi.org/10.1080/21599165.2022.2092842>.
31. McCright A. M., Dunlap R. E. (2011a) Cool Dudes: The Denial of Climate Change Among Conservative White Males in the United States. *Global Environmental Change*. Vol. 21. No. 4. P. 1163—1172. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2011.06.003>.
32. McCright A. M., Dunlap R. E. (2011b) The Politicization of Climate Change and Polarization in the American Public's Views of Global Warming, 2001—2010. *The Sociological Quarterly*. Vol. 52. No. 2. P. 155—194. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2011.01198.x>.
33. Nawrotzki R. J. (2012) The Politics of Environmental Concern: A Cross-national Analysis. *Organization & Environment*. Vol. 25. No. 3. P. 286—307. <https://www.jstor.org/stable/27068855>.
34. Rootes C. (2004) Environmental Movements. In: David T., Snow A., Soule S., Hanspeter K. (eds.) *Blackwell Companion to Social Movements*. Hoboken: Blackwell Publishing Ltd. P. 608—640.
35. Schultz P. W. (2011) The Structure of Environmental Concern: Concern for Self, Other People, and the Biosphere. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 21. No. 4. P. 327—339. <https://doi.org/10.1006/jevps.2001.0227>.
36. Schwartz S. H., Caprara G. V., Vecchione M., Bain P., Bianchi G., Caprara M. G., Zaleski Z. (2014) Basic Personal Values Underlie and Give Coherence to Political Values: A Cross National Study in 15 Countries. *Political Behavior*. No. 36. P. 899—930. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1007/s11109-013-9255-z>.
37. Shcherbak A. (2023). Russia's "Conservative Turn" after 2012: Evidence from the European Social Survey. *East European Politics*. Vol. 39. No. 2. P. 194—219. <https://doi.org/10.1080/21599165.2022.2084077>.
38. Taylor B. (2019) Alt-Right Ecology: Ecofascism and Far-Right Environmentalism in the United States. In: Forchtner B. (ed.) *The Far Right and the Environment*. London: Routledge. P. 275—292.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): март — апрель 2025 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 90—100.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): March — April 2025. (2025) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 90–100.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: МАРТ — АПРЕЛЬ 2025

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5%. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

«КРЫМСКАЯ ВЕСНА»: 11 ЛЕТ СПУСТЯ	91
НОВЫЕ РЕГИОНЫ РОССИИ	93

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ЗАВОД В ГОРОДЕ: ЗА И ПРОТИВ	94
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ШКОЛЕ: ДОБРО ИЛИ ЗЛО?	96

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ЖИЗНЬ В СТИЛЕ СОЛО	98
МАЙСКИЕ ПРАЗДНИКИ И КАК МЫ ИХ ПРОВЕДЕМ	100

ПОЛИТИКА

«КРЫМСКАЯ ВЕСНА»: 11 ЛЕТ СПУСТЯ..... 91
 НОВЫЕ РЕГИОНЫ РОССИИ..... 93

«КРЫМСКАЯ ВЕСНА»: 11 ЛЕТ СПУСТЯ

2 марта 2025 г.

Воссоединение Крыма с Россией прочно закрепилось в сознании наших соотечественников как знаковое событие в современной истории страны. Динамика ответов демонстрирует устойчивую поддержку этого решения — сохранение «крымского» консенсуса спустя 11 лет после референдума (уровень поддержки на протяжении всего периода мониторинга колебался в пределах 81—93%). Среди респондентов неизменно доминирует мнение, что вхождение Крыма и Севастополя в состав России принесло обоюдную пользу: 73% говорят о пользе для России, 74% — об успешном развитии Крыма в составе РФ.

Возвращение Крыма домой стало мощным символом возрождения России как державы, способной решительно отстаивать свои интересы на мировой арене (с этим согласны 84% опрошенных), и решением, мотивированным необходимостью восстановить историческую справедливость (о правильности выбранного пути говорят 85%). Вероятно, именно поэтому доминирующим чувством россиян по отношению к этому событию на протяжении всего мониторинга (с 2018 г.) выступает гордость (48—57%).

Большая часть россиян верит в потенциал полуострова и уже сегодня готова назвать его неприступной крепостью: 75% согласны, что Крым и Севастополь играют ключевую роль в обеспечении обороноспособности страны. А в будущем они должны стать жемчужиной туризма: 66% согласны, что в ближайшее время Крым может стать курортом мирового уровня.

Рис. 1. Сегодня как Вы оцениваете присоединение Крыма к России — безусловно положительно, скорее положительно, скорее отрицательно или безусловно отрицательно? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

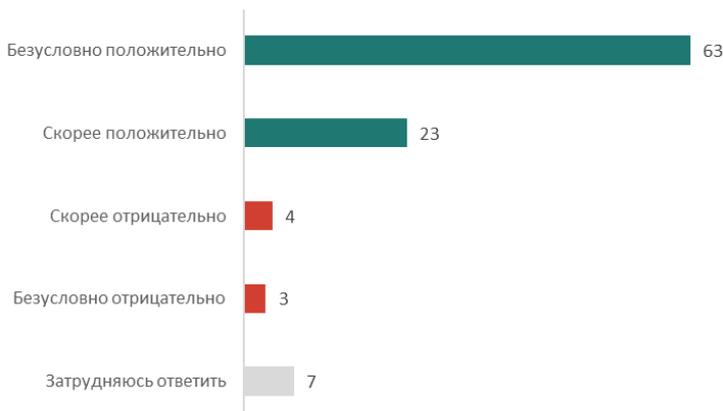
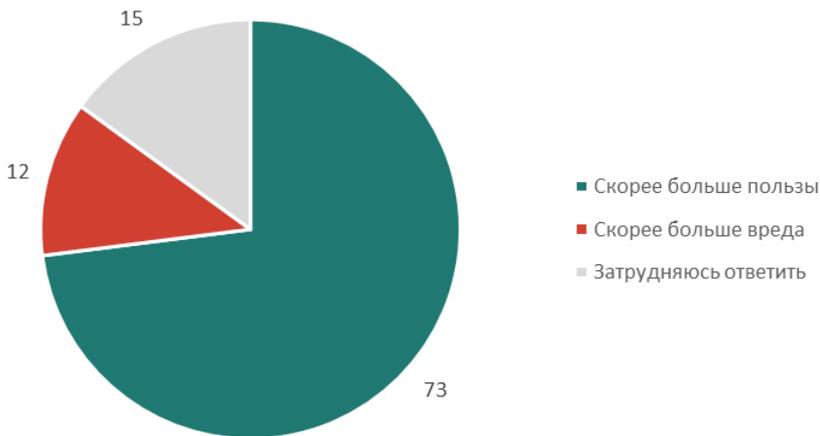

Рис. 2. Как Вы считаете, вхождение Крыма в состав Российской Федерации принесло России больше пользы или больше вреда? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

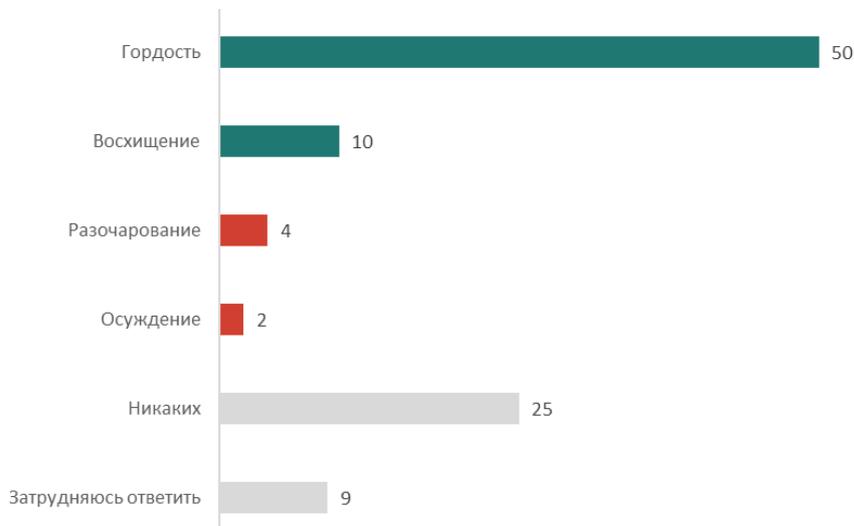
НОВЫЕ РЕГИОНЫ РОССИИ

1 марта 2025 г.

Так называемый крымский сценарий в части устойчивой общественной поддержки и консолидации вокруг воссоединения с новыми регионами повторился. Наиболее ярким индикатором поддержки является преобладание чувства гордости при упоминании этого исторического события (50%).

Большая часть наших сограждан неизменно декларирует положительное отношение к вхождению Донецкой и Луганской Народных Республик и освобожденных районов Херсонской и Запорожской областей в состав России — доля положительных ответов на протяжении двухлетнего мониторинга превышает 70%. Поддержка воссоединения новых регионов с Россией обусловлена мотивами, во многом схожими с теми, что определяли общественное мнение в отношении Крыма. Доминирующий из них апеллирует к истории: россияне отмечают общее прошлое, а также необходимость восстановления исторической справедливости. Прослеживается в ответах и нарратив заботы о будущем, осознание необходимости защиты русскоязычного населения.

Рис. 3. В 2022 г. в Донецкой и Луганской Народных Республиках и освобожденных районах Херсонской и Запорожской областей прошли референдумы о вхождении в состав Российской Федерации. Какое чувство Вы испытываете прежде всего, когда слышите о вхождении этих регионов в состав Российской Федерации? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ЗАВОД В ГОРОДЕ: ЗА И ПРОТИВ 94

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ШКОЛЕ: ДОБРО ИЛИ ЗЛО? 96

ЗАВОД В ГОРОДЕ: ЗА И ПРОТИВ

9 марта 2025 г.

Главным преимуществом присутствия предприятий в городах россияне считают наличие рабочих мест (64%). Можно было бы предположить, что идею о предприятиях как основных работодателях скорее разделяют жители небольших городов, где они часто являются градообразующими. Однако значимых различий среди жителей крупных и небольших городов нет.

Рис. 1. Как Вы считаете, к каким позитивным последствиям приводят эти промышленные предприятия в Вашем населенном пункте или по соседству с ним? (закрытый вопрос; любое число ответов; % ответов тех, в чьих населенных пунктах или по соседству с ними есть крупные промышленные предприятия)

Опрошенные, у кого в населенном пункте или рядом есть промышленные предприятия, выделяют следующий важный эффект от присутствия промышленности: более трети ответов (37%) касаются налоговых поступлений от предприятий в бюджет региона. Чаще других это отмечают представители поколения цифры.

Особую роль играют проекты в рамках политики корпоративной социальной ответственности (КСО), которая приносит взаимную пользу как компаниям, так и населению: позволяет предприятиям развивать HR-бренд и дает жителям более развитую социальную и коммунальную инфраструктуру, варианты досуга, нередко помогает с выстраиванием образовательного и карьерного трека. На такой вклад в развитие социальной сферы на территориях присутствия указывает почти треть респондентов, имеющих промышленные предприятия в своем насе-

ленном пункте или рядом, а еще четверть отмечает в целом благоустройство населенного пункта.

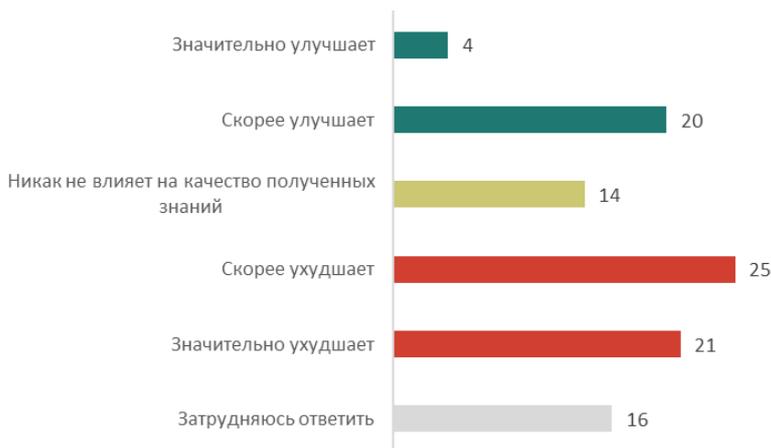
Главный негативный эффект от присутствия предприятий, с точки зрения респондентов, проживающих по соседству с ними, заключается в нанесении вреда экологии (46 %) и, как следствие, ухудшении здоровья местных жителей (17 %).

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ШКОЛЕ: ДОБРО ИЛИ ЗЛО?

31 марта 2025 г.

Почти каждый второй россиянин (46 %) считает, что он не разрешил бы использовать ИИ своему ребенку для учебы в школе при подготовке домашних работ и заданий. Полное одобрение использования ИИ по всем предметам выразили лишь 16 % опрошенных, тогда как частичное (по отдельным дисциплинам) — 30 %. Притом что треть опрошенных допускает частичное применение ИИ в школе, только каждый десятый россиянин (10 %) признался, что его ребенок использует нейросети в процессе обучения. Еще 12 % отмечают подобные факты среди детей родственников, 14 % — среди детей знакомых. Однако 34 % считают, что никто в их окружении не пользуется ИИ.

Рис. 2. **Как Вы считаете, использование школьниками искусственного интеллекта в учебе улучшает или ухудшает качество полученных знаний?**
(закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

Мнения респондентов в отношении влияния ИИ на качество полученных знаний распределились в сторону негативного отношения. Почти половина (46 %) опрошенных отмечает негативное влияние ИИ: скорее или значительно ухудшает качество полученных знаний. Интересно, что среди представителей поколения «цифры» подобные опасения выразили 32 % респондентов, тогда как у более старших респондентов они достигают 51 %.

С другой стороны, четверть (24 %) россиян убеждены, что ИИ значительно или скорее улучшает освоение нового материала. При этом прослеживается та же тенденция зависимости от возраста респондентов. Чем моложе человек, тем больше он склоняется в сторону пользы ИИ для качества образования (43 % в поколении «цифры» против 20 % в поколении «застоя»). Есть и те, кто считает, что ИИ никак не влияет на качество полученных знаний. Такой ответ дали 14 % опрошенных.

При определении новых возможностей, которые ИИ открывает для школьников, респонденты чаще всего упоминают помощь детям с ограниченными возможностями — 34 %; повышенную доступность образования для жителей удаленных

регионов — 29 %; развитие цифровых навыков — 26 %. Многие россияне видят основную пользу ИИ в социальной плоскости: технологии могут помочь сгладить неравенство в доступности и получении качественного образования.

Однако помимо возможностей, которые несет ИИ, у респондентов есть опасения из-за его потенциального использования. В топ-5 рисков, которые, по мнению респондентов, несет ИИ для школьников, вошли: снижение умственной нагрузки, деградация — 36 %; отсутствие «живого» общения — 31 %; снижение мотивации к обучению, лень — 27 %; риск плагиата и списывания — 26 %; ухудшение критического мышления — 25 %.

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ЖИЗНЬ В СТИЛЕ СОЛО.....	98
МАЙСКИЕ ПРАЗДНИКИ И КАК МЫ ИХ ПРОВЕДЕМ.....	100

ЖИЗНЬ В СТИЛЕ СОЛО

6 марта 2025 г.

Тема одиночества в российском обществе не теряет актуальности — россияне по большей части продолжают отмечать вокруг себя рост числа одиноких людей, хотя тенденция проявляется несколько слабее, чем в 2010 г. (40% vs. 48%).

Рис. 1. Как Вам кажется, за последние пять лет одиноких людей в Вашем городе/селе стало больше или меньше? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Несмотря на масштаб проблемы, в российском обществе растет иммунитет к одиночеству: за последние 15 лет доля россиян, не испытывающих страх перед ним, выросла с 54 до 68%. Отсутствие различий в ответах тех, кто уже построил семью, и тех, кто пока находится в поиске второй половинки (67% и 71% соответственно), наталкивает на мысль о переосмыслении замужества и брака, ослаблении связи между семейным положением и чувством защищенности от одиночества.

Согласно полученным результатам, ключевым критерием одиночества в общественном сознании остается отсутствие близких людей — семьи, родственников, друзей, единомышленников. При этом наблюдается существенное снижение внимания к психологическим аспектам одиночества: за последние семь лет точка зрения, согласно которой одинокий человек приравнивается к замкнутому и нелюдимому, утратила свою актуальность. Это может свидетельствовать о частичном

преодолении стигматизации одиночества и понимании того, что оно не всегда является следствием личностных особенностей.

Хотя одиночество чаще ассоциируется у россиян с преклонным возрастом, наиболее уязвимым поколением перед этой «напастью» оказываются зумеры, которые в 1,6 раза чаще россиян в целом испытывают страх одиночества. Этот страх, по-видимому, подкрепляется сложностями в построении личных отношений, ведь процесс поиска партнера зумерам также видится более сложным, чем младшим миллениалам.

МАЙСКИЕ ПРАЗДНИКИ И КАК МЫ ИХ ПРОВЕДЕМ

5 апреля 2025 г.

Дом и дача — незыблемая классика майских праздников для россиян (53% и 30% соответственно). Туристические поездки в майские праздники привлекают немногих; чаще всего это внутренний туризм — поездки в другой населенный пункт (10%), и лишь единицы на длинных выходных планируют отдохнуть на море — в Крыму, на Черноморском побережье Кавказа — и за границей.

Первомайский лозунг «Мир! Труд! Май!» россияне воспринимают буквально: труд (в широком смысле слова) не первый год находится в топе майских активностей. Другими словами, с наибольшей вероятностью в предстоящие длинные праздники россиян можно будет встретить в огороде и на работе (33% и 18% соответственно). Причем женщины и старшее поколение (58+ лет) скорее предпочтут потрудиться на своем участке, а мужчины и молодежь (18—33 лет) — подзаработать.

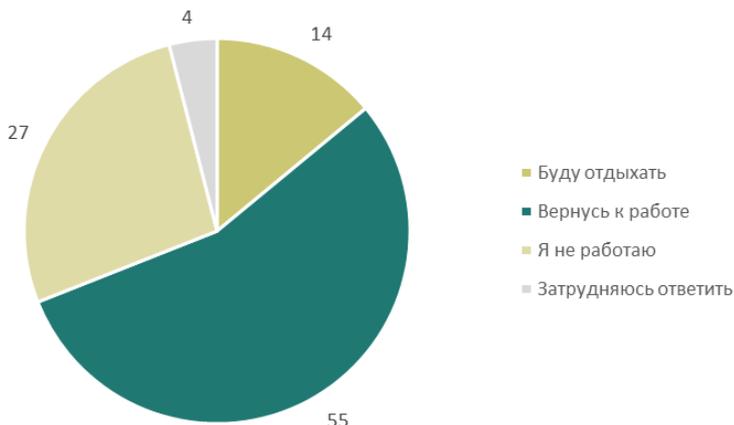
Отдых на природе и с семьей также остается важной составляющей майских планов; сохраняется и потребность в уединении и пассивном времяпрепровождении (просмотр телевизора, сон, чтение и пр.).

Таблица 1. Если Вы или кто-то из членов Вашей семьи планирует отдохнуть на майские каникулы, то сколько денег Вы собираетесь на это потратить?

Назовите, пожалуйста, примерную сумму в рублях на одного отдыхающего члена семьи (открытый вопрос, один ответ, средняя сумма в руб., по ответам тех, кто планирует тратить).

	2021	2023	2024	2025
Среднее, руб.	19 612	18 356	21 028	27 811
Прирост к предшествующему году, %	—	−6,4	14,6	32,3

Рис. 2. Чтобы устроить себе длинные каникулы, многие берут отпуск или отгулы между праздничными днями в начале мая. Скажите, с 5 по 7 мая Вы вернетесь к работе или будете отдыхать? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2653](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2653)**А. В. Демьяненко, О. А. Демидова, Д. В. Громов****ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ
НА УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РОССИЯН ЖИЗНЬЮ****Правильная ссылка на статью:**

Демьяненко А. В., Демидова О. А., Громов Д. В. Влияние региональных государственных расходов на удовлетворенность россиян жизнью // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 101—125. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2653>.

For citation:

Demyanenko A. V., Demidova O. A., Gromov D. V. (2025) The Effect of Regional Government Expenditures on the Life Satisfaction of Russian Citizens. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 101–125. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2653>. (In Russ.)

Получено: 10.07.2024. Принято к публикации: 03.03.2025.

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ НА УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РОССИЯН ЖИЗНЬЮ

ДЕМЬЯНЕНКО Артем Владимирович — старший преподаватель департамента прикладной экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: ademyanenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7443-1338>

ДЕМИДОВА Ольга Анатольевна — доктор экономических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: demidova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5201-3207>

ГРОМОВ Даниил Владиславович — специалист управления инвестиционного анализа и финансовых рисков, ООО «Газпром энергохолдинг», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: daniil_gromov1999@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-1786-6917>

Аннотация. В работе рассматриваются факторы, влияющие на субъективную удовлетворенность россиян жизнью. Исследование отличает использование в качестве объясняющих переменных социально ориентированных расходов консолидированных бюджетов регионов России (расходы на образование, здравоохранение и социальную политику) наряду с традиционными социально-демографическими характеристиками индивидов. Для анализа используются панельные данные, полученные путем объединения результатов общенациональных выборочных обследований индивидов РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2015—2022 гг. и региональной статистики Росстата за 2010—2021 гг. В качестве инструмента эконометрического анализа применяется упорядоченная

THE EFFECT OF REGIONAL GOVERNMENT EXPENDITURES ON THE LIFE SATISFACTION OF RUSSIAN CITIZENS

*Artem V. DEMYANENKO*¹ — Senior Lecturer, Department of Applied Economics
E-MAIL: ademyanenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7443-1338>

*Olga A. DEMIDOVA*¹ — Doc. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Phys. and Math.), Professor
E-MAIL: demidova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5201-3207>

*Daniil V. GROMOV*² — Specialist in Investment Analysis and Financial Risk Management
E-MAIL: daniil_gromov1999@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-1786-6917>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Gazprom Energoholding, Saint Petersburg, Russia

Abstract. This paper examines the factors influencing Russians' subjective life satisfaction. A distinctive feature of the study is the use of socially oriented expenditures of the consolidated budgets of Russian regions (expenses on education, healthcare, and social policy) along with traditional socio-demographic characteristics of individuals as explanatory variables. The analysis uses panel data obtained by combining the results of national sample surveys of individuals in the RLMS of the HSE University for 2015–2022 and regional statistics of Rosstat for 2010–2021. An ordered probit model with random individual effects and fixed time effects for panel data is used as an econometric analysis tool. Due to a possible delay in the return on variable budget expenditures, the authors consider model spec-

пробит-модель со случайными индивидуальными эффектами и фиксированными временными эффектами для панельных данных. В связи с возможной задержкой отдачи от переменных бюджетных расходов авторы рассматривают спецификации модели с различным числом временных лагов данных показателей.

Полученные результаты свидетельствуют, что положительный эффект на удовлетворенность жизнью оказывают расходы на образование (в долгосрочном периоде) и расходы на здравоохранение (в краткосрочном и долгосрочном периоде), при этом для расходов на социальную политику выявлен либо отрицательный краткосрочный эффект, либо его отсутствие в зависимости от спецификации модели.

Ключевые слова: государственные расходы, российские регионы, удовлетворенность жизнью, благосостояние, региональный бюджет

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

Изменения в фискальной политике государства могут оказывать влияние на различные аспекты экономики. Одним из инструментов фискальной политики являются государственные расходы. Их увеличение или уменьшение можно рассматривать исключительно с точки зрения стимулирования или замедления темпа роста экономики, однако изменение бюджетных расходов в контексте социального обеспечения и политической стабильности также представляется нам актуальным. Существует множество научных работ, посвященных изучению влияния различных демографических и социальных факторов, оценочных суждений респондента на субъективную оценку благосостояния человека [Андреевкова, 2010; Тихонова, 2014; Ласточкина, 2012; Соболева, 2020; Wurm, Tomasik, Tesch-Römer, 2008; Röcke, Lachman, 2008], однако политическим или макроэкономическим показателям в них обычно уделяется не так много внимания.

ifications with different numbers of time lags for these indicators.

The results obtained indicate that spending on education (in the long term) and spending on healthcare (in the short and long term) have a positive effect on life satisfaction, while either negative short-term or no significant impact of spending on social policy was identified depending on the model specification.

Keywords: government expenditures, Russian regions, life satisfaction, welfare, regional budget

Acknowledgments. This article is the output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Высокая степень удовлетворенности жизнью среди граждан способствует большому доверию государственным органам [Liu, Gao, Huang, 2020; Clench-Aas, Holte, 2021], в связи с чем правительство заинтересовано в проведении политики, которая бы положительно сказывалась на этом показателе. Об этом свидетельствуют различные стратегии и программы, реализуемые правительством Российской Федерации, которые направлены на повышение благосостояния своих граждан¹. В данной работе мы рассматриваем влияние социальных расходов консолидированных бюджетов российских регионов на субъективную оценку удовлетворенности жизнью граждан, проживающих в этих регионах. Расходы бюджета на образование, здравоохранение и социальную политику по своему определению направлены на повышение благосостояния индивидов, в связи с чем их изменение должно отражаться на результатах опросов, проводимых среди населения.

Распределение бюджетных средств является предметом продолжительных споров для многих государств, в связи с чем регулярно предпринимаются попытки изменить структуру бюджетов с целью достижения максимального экономического эффекта. Несмотря на то что до сих пор не было найдено единого правильного подхода к распределению государственных расходов, разработано множество теоретических моделей и эмпирических исследований, которые исследуют зависимости макро- и микропоказателей от величины и структуры государственных расходов. Например, исследования ряда авторов [Devarajan, Swaroop, Zou, 1996; Балаев, 2018] сосредоточены на классификации бюджетных статей в соответствии с их предназначением и детализацией, что задает новые вопросы и раскрывает новые возможности для дальнейших исследований.

Наша статья представляет эмпирические результаты исследования взаимосвязи между государственными расходами и удовлетворенностью граждан жизнью. Исследование имеет целью помочь определить области, в которых государственная политика может быть улучшена для комплексного удовлетворения потребностей граждан. Более того, изучая влияние государственных расходов на региональном уровне, исследование способно помочь выявить региональные различия в экономическом развитии и социальных показателях в России, которые могут лежать в основе политики регионального развития.

Обзор литературы

В литературе, посвященной изучению уровня и условий жизни населения, используется несколько взаимосвязанных, но все же различающихся понятий: качество жизни, благосостояние, субъективное благополучие, субъективные оценки благосостояния и удовлетворенность жизнью. Несмотря на внешнюю схожесть, эти концепты отражают различные аспекты жизнедеятельности и используются в рамках разных исследовательских подходов.

Существуют два основных подхода к изучению этих понятий: объективистский и субъективистский. Объективистский подход, как правило, применяется для моделирования качества жизни и объективного благосостояния. В его рамках используются интегральные показатели, основанные на объективных соци-

¹ В качестве примера можно привести реализацию национальных проектов. URL: [национальныепроекты.рф](https://na.gov.ru) (дата обращения 21.04.2025).

ально-экономических характеристиках: уровень доходов, ВВП или ВРП на душу населения, уровень безработицы, доступность образования и медицинских услуг и др. Эти показатели варьируются как между странами, так и между регионами внутри одного государства.

В отличие от него, субъективистский подход фокусируется на том, как сами индивиды оценивают свою жизнь. В рамках данного подхода анализируются субъективные оценки благосостояния, то есть личное восприятие людьми своего материального положения, социального статуса и других аспектов, связанных с уровнем жизни. Более широкое понятие — субъективное благополучие, которое включает в себя не только оценки благосостояния, но и общее восприятие человеком своей жизни. Оно состоит из нескольких компонентов, одним из них является когнитивный аспект — удовлетворенность жизнью.

Таким образом, удовлетворенность жизнью представляет собой когнитивный компонент субъективного благополучия, а не синоним ни качества жизни, ни благосостояния. Исследования в рамках субъективистского подхода, как правило, базируются на данных социологических опросов, позволяющих зафиксировать индивидуальные оценки и переживания.

Сложно однозначно ответить на вопрос, какой из двух вышеупомянутых подходов — объективистский или субъективистский предпочтителен. С одной стороны, в российской литературе широкое распространение получили исследования объективной оценки качества жизни, основоположником которых является С. А. Айвазян [Айвазян, 2003; Айвазян, Исакин, 2006; Айвазян, Степанов, Козлова, 2006; Айвазян, 2012; Айвазян, Афанасьев, Кудров, 2016], что, вероятно, связано с историческим наследием советской научной школы, ориентированной на количественные социально-экономические показатели.

С другой стороны, начиная с 2000-х годов в международной и отечественной литературе получили активное развитие исследования, основанные на субъективных оценках удовлетворенности жизнью или счастья. Эти показатели рассматриваются как индикаторы субъективного благополучия, а также применяются в дополнение к объективным характеристикам качества жизни. Так, Р. Вееenhooven приводит убедительные аргументы, основанные на международных опросных данных, в пользу использования субъективной оценки счастья и удовлетворенности жизнью в качестве валидной метрики для оценки эффективности государственной политики [Veenhoven, 2004]. Б. Фрей и А. Штутцер также подчеркивают значимость субъективных индикаторов, поскольку они позволяют напрямую зафиксировать индивидуальное восприятие результатов государственной деятельности, минуя необходимость опираться на модели рационального поведения или иные предпосылки экономической теории [Frey, Stutzer, 2011].

В настоящей работе мы фокусируемся именно на субъективной оценке — оценке удовлетворенности жизнью респондента, в связи с этим рассмотрим исследования, где, как правило, анализируется влияние индивидуальных характеристик индивидов и экономических показателей.

Например, в статье Н. Соболевой используются данные опроса ЦЕССИ, который проводился среди граждан, проживающих в 38 регионах России в 2019 г. Из полученных оценок параметров многоуровневой логит-модели автор сдела-

ла вывод, что эффект на удовлетворенность жизнью от удовлетворенности работой значительно различается в зависимости от региона, пола, типа населенного пункта, уровня образования и семейного положения [Соболева, 2020]. Стоит отметить, что в работе в качестве независимых переменных использовались только индивидуальные характеристики респондентов [там же]. В более раннем исследовании А. Андреевской анализировались факторы, влияющие на удовлетворенность жизнью, с использованием данных опросов, проводимых ЦЕССИ с 1991 по 2006 г. [Андреевская, 2010]. Отличительной особенностью данной статьи является использование в модели субъективных оценок макроэкономических показателей: состояния экономики, правительства и системы здравоохранения. Автор обнаруживает, что подобные переменные значимо влияют на удовлетворенность жизнью респондентов.

Н. Тихонова выявляет факторы, определяющие степень удовлетворенности жизнью, с помощью кластерного анализа. Источником данных выступает опрос Института социологии РАН, проведенный в 2014 г. [Тихонова, 2014]. Автором было показано, что во многом высокий уровень удовлетворенности определяется скорее социальными, а не материальными факторами, такими как хорошие отношения в семье и с друзьями. В свою очередь, материальные или физиологические потребности — хорошее питание, наличие жилья, возможность приобрести одежду и т. п. — влияют на удовлетворенность жизнью только до момента их соответствия некоторому минимальному стандарту [там же].

Отметим исследование А. Бонини, проведенное на данных опроса World Values Survey в разрезе по 80 странам. В базовой модели, учитывающей только случайные эффекты по рассматриваемым странам, автор приходит к выводу, что 81 % дисперсии среднего значения удовлетворенности жизнью в стране вызвано индивидуальными характеристиками респондентов, а 19 % — агрегированными социально-экономическими показателями государства [Bonini, 2008]. При этом наибольшая неоднородность ответов наблюдается на региональном уровне внутри стран. Дополнительно в работе представлены четыре многоуровневые модели, включающие как индивидуальные, так и страновые переменные. Первая модель содержит данные по регионам и индивидуальные показатели, а следующие три последовательно добавляют: ВВП на душу населения, индекс человеческого развития и индекс экологической устойчивости. Анализ этих моделей показал, что регионы объясняют 54 % межстрановых различий в удовлетворенности жизнью. Добавление таких страновых переменных, как ВВП на душу населения и индекс человеческого развития, увеличивает объясненную дисперсию на 10 %, тогда как экологическая устойчивость — лишь на 2 %. На индивидуальном уровне наблюдается, что в странах с более высоким уровнем ВВП, индекса человеческого развития или индекса экологической устойчивости положительное влияние дохода на удовлетворенность жизнью снижается, тогда как негативное влияние безработицы, наоборот, усиливается. Также в этих странах более выражен положительный эффект брака на удовлетворенность жизнью.

Отдельно стоит выделить ряд зарубежных исследований, где рассматривается влияние социально ориентированных бюджетных расходов на субъективную оценку удовлетворенности жизни граждан. К. Котакорпи и Дж. Лааманен объедини-

ли данные опроса об удовлетворенности жизнью населения World Values Survey в Финляндии за 2000 г. и данные по государственным расходам на здравоохранение по муниципалитетам [Kotakorpi, Laamanen, 2010]. В ходе исследования была оценена упорядоченная пробит-модель с традиционным набором индивидуальных характеристик респондентов и дополнительным блоком контрольных переменных, характеризующих экономическое положение муниципалитетов. Полученные оценки подтвердили положительный эффект на удовлетворенность жизнью от увеличения государственных расходов на первичное, но не специальное здравоохранение. Авторы объясняют это тем, что, во-первых, муниципалитеты имеют финансовую автономию именно в области первичных медицинских услуг, а во-вторых, первичная медицинская помощь является наиболее важным аспектом для среднего респондента.

К. Касмауи и О. Бурхаба провели анализ влияния бюджетных расходов на субъективную оценку счастья, используя панельные данные по 132 странам с 2006 по 2015 г. [Kasmaoui, Bourhaba, 2017]. Зависимой переменной выступал усредненный по всей стране ответ респондентов на вопрос о субъективной оценке удовлетворенности жизнью. В качестве объясняющих переменных авторы включили в модель различные общестрановые характеристики, в том числе общий объем государственных расходов и объем расходов на социальную поддержку. Авторы отмечают, что в отличие от предыдущих исследований им удалось найти положительную связь между бюджетными расходами и удовлетворенностью жизнью. Однако необходимо учитывать, что в этом исследовании проводилось усреднение опросных данных индивидуального уровня.

О. Нордхайм и П. Мартинуссен также изучали вопрос влияния различных типов социальных бюджетных расходов на удовлетворенность жизнью [Nordheim, Martinussen, 2020]. При этом используемые данные имели схожую структуру с той, которую мы применяем в настоящей работе. Авторы объединили в панель экономические данные по странам ОЭСР и результаты опросов World Values Survey и Eurobarometer с 1980 по 2012 г. В работе показано, что агрегированные социально ориентированные расходы бюджета не оказывают значимого эффекта на удовлетворенность жизнью респондентов. Как предполагают авторы, подобный результат связан с тем, что отдельные компоненты социальных расходов оказывают разнонаправленный эффект на зависимую переменную. Это предположение подтверждается дальнейшей оценкой модели отдельными категориями социальных государственных расходов. В результатах оценки итоговой модели продемонстрирована положительная связь между субъективной оценкой удовлетворенности жизнью и расходами на здравоохранение и расходами, направленными на уменьшение бедности.

Также стоит отметить работу У. Акара и А. Тиргила, где авторы изучали эффект государственных расходов на душу населения на уровне провинций Турции на удовлетворенность жизнью граждан в 2013 г. [Acar, Tirgil, 2022]. Среди статей бюджетных расходов были выделены три категории: расходы на образование, здравоохранение и отдых (рекреацию). Особенно интересным представляется решение рассматривать величину расходов не в год опроса, а их накопленную сумму за пять лет до года проведения опроса. Авторы аргументируют это тем, что с момента вы-

деления бюджетных инвестиций до их реализации и эффекта на общество проходит более одного года. Одним из недостатков работы называется отсутствие доступа к панельной структуре опросных данных, в связи с чем на кросс-секции были оценены обычная модель линейной регрессии и упорядоченная пробит-модель. Полученные результаты свидетельствуют о положительном влиянии всех рассматриваемых категорий бюджетных расходов на удовлетворенность жизнью граждан Турции.

В отечественной литературе тоже можно найти исследования, посвященные моделированию субъективной удовлетворенности жизнью с использованием региональных данных. Например, в работе Э. Камалова и Э. Понарина анализируется влияние на удовлетворенность жизнью мигрантов экономического благополучия регионов России (валового регионального продукта), социального капитала (среднего уровня доверия и числа мигрантов-соотечественников), институциональной интеграции (членства страны исхода мигранта в Таможенном союзе/ЕАЭС), а также ряда демографических показателей респондентов [Камалов, Понарин, 2020]. Авторы использовали панельные данные Росстата и РМЭЗ НИУ ВШЭ за 1994—2017 гг. В качестве основного метода анализа применялась кросс-классифицированная многоуровневая линейная регрессия. Результаты показывают, что экономическое развитие региона само по себе не влияет значительно на удовлетворенность жизнью мигрантов. Более важную роль играют социальные факторы: средний уровень доверия и присутствие соотечественников в регионе оказывают положительное и статистически значимое влияние.

Очень близким к нашей статье является исследование А. Климовой и К. Чмеля [Климова, Чмель, 2020]. Авторы оценили эффект неравенства на удовлетворенность жизнью в регионах России с учетом возможной компенсации эффекта за счет социальной политики, проводимой в регионах. Под проводимой социальной политикой, как и в нашем исследовании, подразумевались расходы консолидированных бюджетов регионов на образование, здравоохранение и социальную политику. Для проверки своих гипотез авторы использовали байесовский подход к оценке многоуровневой регрессионной модели на данных упомянутого выше опроса населения, проведенного ЦЕССИ, и региональной статистики Росстата за 2018—2019 гг. Полученные результаты свидетельствуют о прямом положительном эффекте региональных расходов на образование и здравоохранение на субъективную оценку удовлетворенности жизни. Хотя в нашем исследовании мы и не затрагиваем вопросы неравенства, предполагаем, что оно может дополнить аспект прямого влияния региональных расходов на субъективную оценку удовлетворенности жизнью за счет использования панельных данных РМЭЗ НИУ ВШЭ. Также в нашей работе будут использоваться величины расходов на душу населения, а не доли расходов по соответствующим статьям в общих расходах региона.

Подводя итог обзора литературы, можно заметить, что ряд факторов, таких как финансовое положение, семейное положение, здоровье и т. п., в той или иной форме упоминается почти во всех работах. При этом государственные расходы в социальной сфере действительно могут быть связаны с ощущением удовлетворенности жизни как напрямую, так и косвенно через индивидуальные показатели, определяющие благополучие граждан.

Подчеркнем: в нашем исследовании мы будем моделировать именно субъективную оценку уровня удовлетворенности жизнью граждан России с использованием опросных данных. Также отметим, что в рассмотренных отечественных исследованиях авторы приходят к выводу, что факторы, на которые правительство может оказывать влияние, действительно связаны с удовлетворенностью жизнью.

Мы планируем проверить следующие гипотезы:

1. Государственные расходы на образование оказывают краткосрочное и долгосрочное положительное влияние на удовлетворенность жизнью.
2. Государственные расходы на здравоохранение оказывают краткосрочное и долгосрочное положительное влияние на удовлетворенность жизнью.
3. Государственные расходы на социальную политику оказывают краткосрочное и долгосрочное положительное влияние на удовлетворенность жизнью.

Данные и модель

Для проверки гипотез в данной работе используется два источника данных: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ) и сборник «Регионы России», ежегодно публикуемый Федеральной службой государственной статистики. Индивидуальный опросник РМЭЗ позволяет получить информацию о демографических характеристиках граждан и их субъективную оценку степени удовлетворенности жизнью, а сборник Росстата — статистику социальных расходов консолидированных бюджетов регионов, в которых проживают индивиды, проходившие опрос РМЭЗ. В результате данные из двух источников были объединены в несбалансированную панель, охватывающую временной период с 2015 по 2022 г. При использовании панельных данных некоторые респонденты будут попадать в итоговую выборку на протяжении нескольких лет, а их индивидуальные характеристики, например уровень образования, тип населенного пункта или количество детей, могут слабо изменяться во времени. За счет этого полученные оценки коэффициентов и предельных эффектов по соответствующим переменным могут быть смещены в пользу индивидов, которые наиболее долго наблюдались в панели. Однако используемые нами бюджетные расходы агрегируются на региональном уровне и их величина одинакова для всех индивидов, проживающих в одном и том же субъекте РФ. Но при этом объем расходов сильно варьируется во времени и от региона к региону, в связи с чем для получения адекватных оценок коэффициентов при интересующих нас переменных государственных расходов желательно учитывать в выборке максимально доступное количество респондентов. Имея в виду опыт упомянутых в обзоре литературы схожих зарубежных исследований [Bonini, 2008; Kotakorpi, Laamanen, 2010; Nordheim, Martinussen, 2020], а также возможность использовать временные лаги бюджетных расходов, в нашей работе мы решили использовать именно панельную структуру данных.

В качестве зависимой мы использовали переменную «удовлетворенность жизнью», измеряемую по шкале от 1 до 5, где 1 соответствует ответу «совсем не удовлетворены», а 5 — ответу «полностью удовлетворены». На рисунке 1 приведены распределения ответов респондентов за каждый рассматриваемый год. Наиболее многочисленную группу представляют индивиды с ответом «скорее удовле-

творен». Также можно выделить некоторый временной тренд к среднему увеличению удовлетворенности жизнью: доля ответов, соответствующая четвертой категории, во все годы остается стабильно высокой при уменьшении доли ответов в категориях 1 и 2.

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?» за 2015—2022 гг.

Примечание: на вертикальной оси указана доля от всех полученных ответов.

Далее приведем описание блока индивидуальных независимых переменных.

Зарботная плата. Непрерывная переменная, отражает ответ на вопрос: «Какой была Ваша среднемесячная зарплата?» Для приведения к виду, сопоставимому как во времени, так и между регионами, заработная плата была скорректирована на инфляцию с помощью индекса потребительских цен, а также по паритету покупательной способности².

Тип населенного пункта. Набор бинарных переменных. В качестве базовой категории используется село, ПГТ (1 соответствует поселку городского типа), Город (1 соответствует городу, кроме областного центра), Региональный центр (1 соответствует столице региона).

Семейное положение. Бинарная переменная, 1 соответствует индивидам, находящимся в браке или проживающим совместно, 0 — иначе.

Дети до 18 лет. Непрерывная переменная, соответствующая количеству детей в возрасте до 18 лет.

² Соответствующие данные были взяты из сборника Росстата «Регионы России». В качестве базового года использован 2014. Коррекция по ППС проводилась путем деления переменной на стоимость потребительской корзины в регионе проживания индивида по отношению к среднероссийской.

Дети старше 18 лет. Непрерывная переменная, соответствующая количеству детей в возрасте старше 18 лет (включительно).

Уровень образования. Набор бинарных переменных. В качестве базовой категории подразумевается наличие любого уровня образования ниже среднего, *Среднее образование* (1 соответствует индивидам, получившим диплом о среднем образовании), *Высшее образование* (1 соответствует индивидам, получившим диплом о высшем образовании).

Пол. Бинарная переменная, 1 соответствует мужчинам, а 0 — женщинам.

Возраст. Непрерывная переменная, отражающая возраст респондента. В построенных моделях также подразумевается квадратичная зависимость удовлетворенности жизнью от возраста.

Оценка состояния здоровья. Бинарная переменная, отражает ответ на вопрос «Как Вы оцениваете Ваше здоровье?». 1 соответствует вариантам ответа «Очень хорошее», «Хорошее», «Среднее, не хорошее, но и не плохое», 0 — вариантам ответа «Плохое» и «Очень плохое».

Теперь приведем описание блока переменных государственных расходов в регионах.

Расходы на образование. Непрерывная переменная, отражающая расходы консолидированного бюджета региона на образование, выраженная в тысячах рублей на душу населения.

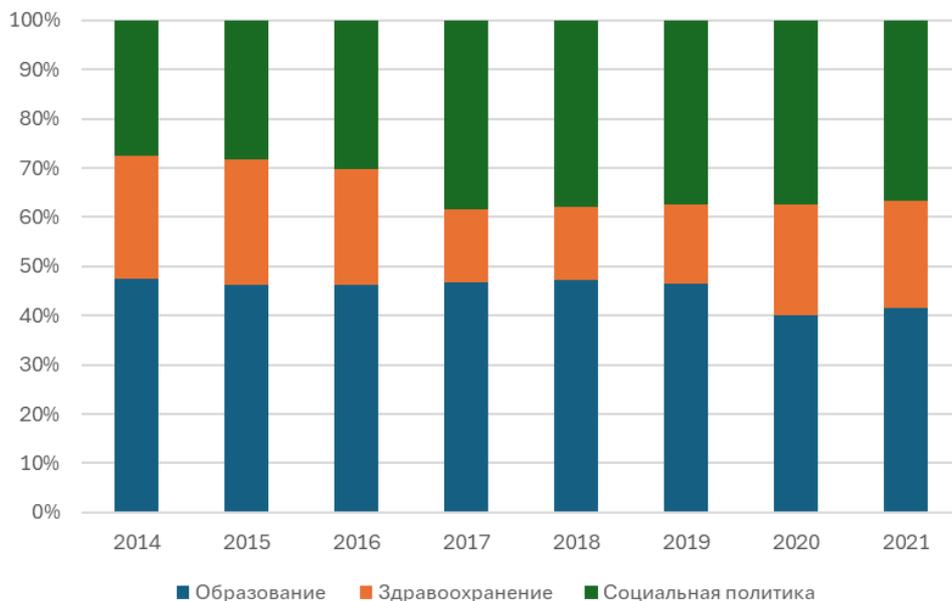
Расходы на здравоохранение. Непрерывная переменная, отражающая расходы консолидированного бюджета региона на здравоохранение, выраженная в тысячах рублей на душу населения. Заметим, что помимо расходов непосредственно на здравоохранение в данной статье бюджетных расходов Росстат дополнительно учитывает расходы на физкультуру и спорт.

Расходы на социальную политику. Непрерывная переменная, отражающая расходы консолидированного бюджета региона на социальную политику, выраженная в тысячах рублей на душу населения.

Для приведения к сопоставимому виду все переменные бюджетных расходов были скорректированы на инфляцию и по паритету покупательной способности (по аналогии с заработной платой респондентов). На рисунке 2 представлена динамика структуры социальных статей бюджетных расходов в среднем по всем субъектам РФ. Можно отметить некоторое сокращение доли расходов на здравоохранение в 2017—2019 гг. за счет увеличения расходов на социальную политику, которое потенциально может быть связано со средним увеличением удовлетворенности жизнью, описанным ранее на рисунке 1. Однако следует уточнить, что российские регионы сильно варьируются как по величине, так и по структуре государственных расходов. Например, в 2021 г. расходы бюджета на образование на душу населения в Волгоградской области составили примерно 15 тыс. рублей, а в Республике Якутия — 87,6 тыс. рублей. Аналогичный разброс можно наблюдать и в расходах на здравоохранение: Ставропольский край — 5,7 тыс. рублей, Магаданская область — почти 58 тыс. рублей. Наименьшее значение расходов на социальную политику на душу населения составило около 13 тыс. рублей в Республике Татарстан, в то время как в Камчатской области оно оказалось равным 50 тыс. рублей. Описательные статистики по всем использованным пе-

ременным представлены, а также вариация средней удовлетворенности жизнью и переменных бюджетных расходов по всем рассматриваемым годам приведены в таблицах 1—2 [Приложения к статье](#).

Рис. 2. Структура расходов консолидированных бюджетов по статьям «образование», «здравоохранение», «социальная политика» в среднем по всем регионам России за 2014—2021 гг.

Поскольку рассматриваемая нами зависимая переменная является категориальной и естественным образом ранжируется по степени удовлетворенности жизнью, для проведения эконометрического анализа будет использоваться упорядоченная пробит-модель [Hsiao, 2014]. Для формальной записи модели, как правило, используется понятие латентной переменной, которая линейно зависит от набора регрессоров и связана с реально наблюдаемыми ответами индивидов на вопрос:

$$y_{it}^* = x_{it}'\beta + \mu_i + \gamma_t + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

$$y_{it}^* = \begin{cases} 1, & y_{it}^* \leq c_1 \\ 2, & c_1 < y_{it}^* \leq c_2 \\ 3, & c_2 < y_{it}^* \leq c_3 \\ 4, & c_3 < y_{it}^* \leq c_4 \\ 5, & c_4 < y_{it}^* \end{cases} \quad (2)$$

где y_{it}^* — значение непрерывной латентной переменной i -го респондента в момент t , которое можно интерпретировать как некоторое общее восприятие действительности, на основе которого индивид принимает решение о своей дискретной оценке степени удовлетворенности жизнью в рамках предложенных вариантов отве-

тов; x'_{it} — вектор значений независимых переменных i -го респондента в момент t ; μ_i — случайные индивидуальные эффекты, независимые и одинаково распределенные, $\mu_i \sim N(0, \sigma_\mu^2)$, γ_t — временной эффект; ε_{it} — случайные ошибки, $\varepsilon_{it} \sim N(0, 1)$ некоррелированные с индивидуальными эффектами. Набор пороговых значений отсеечения c_1, \dots, c_4 определяется при дальнейшей оценке уравнения регрессии. Тогда предлагаемую модель можно записать следующим образом:

$$P(y_{it} > k | c, x_{it}, \mu_i) = \Phi(x'_{it}\beta + \mu_i + \gamma_t - c_k), \quad (3)$$

где y_{it} — наблюдаемый ответ о степени удовлетворенности жизнью i -го респондента в момент t , k — набор возможных значений зависимой переменной от 1 до 5, c — набор пороговых значений для латентной переменной, Φ — кумулятивная функция стандартного нормального распределения. Далее модель оценивалась методом максимального правдоподобия [Scrandal, Rabe-Hesketh, 2004].

Результаты

В первую очередь отметим, что расходы на образование и здравоохранение могут носить долгосрочный инвестиционный характер, о чем также упоминали У. Акар и А. Тиргил и использовали в своем исследовании сумму расходов, накопленную за пять лет [Acar, Tirgil, 2022]. В своей статье М. Колосницина и Ю. Ермолина рассматривали эффект расходов на образование на экономический рост на примере стран ОЭСР [Колосницина, Ермолина, 2021]. Результаты показали, что положительный и значимый эффект данной статьи бюджетных расходов наблюдался с задержкой в пять и десять лет. В связи с этим в нашей работе представлены оценки двух моделей. В первой модели используются переменные расходов с лагом в один год, что отражает их краткосрочный эффект. Во второй же модели мы пытаемся уловить более долгосрочные эффекты государственных расходов и используем лаги более высокого порядка. При этом итоговое количество включенных лагов второй модели подбиралось исходя из здравого смысла и значений информационных критериев Акаике и Шварца. Также в рассматриваемый нами временной интервал попадает шок пандемии COVID-19, в связи с чем каждая модель оценивалась на трех временных периодах: полном с 2015 по 2022 г., предшествующем пандемии с 2015 по 2019 г. и пандемийном с 2020 по 2021 г.

Поскольку мы используем нелинейные модели, для интерпретации полученных результатов необходимо рассчитать предельные эффекты по всем независимым переменным для каждого возможного значения зависимой категориальной переменной. Величины средних предельных эффектов представлены в таблицах 3—5 [Приложения](#). Для расчетов использовался специальный блок команд статистического пакета STATA, одним из преимуществ которого является возможность расчета предельных эффектов для переменных, зависимость от которых имеет нелинейный вид. В нашем случае мы использовали достаточно распространенное предположение о квадратичной зависимости латентной переменной от возраста. Интерпретация предельных эффектов схожа с обычными моделями бинарного выбора: единичное увеличение независимой переменной изменяет вероятность ответа респондента, указанного в столбце «категория», на величину соответствующего предельного эффекта.

В первую очередь обратим внимание на предельные эффекты для основных переменных — расходов региональных бюджетов. Результаты показывают, что предельный эффект по первому лагу расходов на образование в модели с одним лагом и по четвертому лагу расходов на образование в модели с несколькими лагами является отрицательным для вариантов ответов 1—3 и положительным для значений 4—5 (см. табл. 3 [Приложения](#)). Таким образом, можно сделать вывод, что увеличение расходов бюджета на образование снижает вероятность ответов «совсем неудовлетворены», «не очень удовлетворены», «и да, и нет» и повышает вероятность ответов «скорее удовлетворены», «полностью удовлетворены», что подразумевает положительное влияние расходов на образование на зависимую переменную.

В рамках наших моделей под краткосрочным эффектом мы подразумеваем значимые величины предельных эффектов по первому лагу бюджетных расходов. Аналогично под долгосрочным эффектом — значимые предельные эффекты при третьем и четвертом лагах расходов. Тогда можно сказать, что в краткосрочном периоде наблюдается положительный эффект на удовлетворенность россиян жизнью от роста расходов на образование. Однако первый лаг расходов на образование является незначимым, и положительное влияние на зависимую переменную наблюдается только для четвертого лага данной переменной (см. табл. 4 [Приложения](#)). Таким образом, мы можем говорить о долгосрочном эффекте отдачи от расходов на образование.

Используя аналогичные рассуждения относительно знаков предельных эффектов, можно сделать вывод, что первый и третий лаги государственных расходов на здравоохранение положительно влияют на удовлетворенность жизнью. Примечательно, что расходы бюджета на социальную политику либо не оказывают значимого эффекта вовсе, либо наблюдается отрицательный эффект в зависимости от спецификации модели и временного периода.

Дополнительно отметим, что в модели, оцененной на пандемийном временном интервале (2020—2021 гг.), расходы на образование не оказывают значимого эффекта на удовлетворенность жизнью, для расходов на здравоохранение наблюдается только краткосрочный положительный эффект. Также в этой модели возрастает величина предельного эффекта для субъективной оценки состояния здоровья. Это может свидетельствовать о том, что в рассматриваемый период восприятие респондентов в большей степени формировалось под воздействием информационного фона, связанного с мерами по укреплению системы здравоохранения в условиях пандемии, а также личного ощущения хорошего состояния здоровья.

Чтобы детальнее продемонстрировать влияние расходов на образование и здравоохранение, для модели с несколькими лагами государственных расходов (правая часть табл. 3 [Приложения](#)), мы рассчитали усредненные предсказанные вероятности ответов 1—5 на вопрос об удовлетворенности жизнью (напоминаем, что 1 соответствует ответу «совсем не удовлетворены», а 5 — ответу «полностью удовлетворены») при средних, минимальных и максимальных значениях расходов на образование и медицину. Результаты этих расчетов приведены в таблице 1. Интересно отметить, что увеличение расходов на образование в краткосроч-

ном периоде увеличивает вероятность ответов «4» и «5» приблизительно на 2 п. п., а в долгосрочном периоде — приблизительно на 5 п. п. В то же время увеличение расходов на здравоохранение в краткосрочном периоде увеличивает вероятность ответов «4» и «5» приблизительно на 17 п. п., а в долгосрочном периоде — приблизительно на 8 п. п.

Таблица 1. Усредненные прогнозные вероятности для минимальных, средних и максимальных значений переменных расходов в модели с несколькими лагами расходов, оцененной на полном временном периоде

Минимальные, средние и максимальные значения лагов расходов на душу населения в тыс. руб.	Прогнозные вероятности					
	$\hat{P}(Y=1)$	$\hat{P}(Y=2)$	$\hat{P}(Y=3)$	$\hat{P}(Y=4)$	$\hat{P}(Y=5)$	$\hat{P}(Y=4) + \hat{P}(Y=5)$
Расходы на образование (первый лаг) = 15529	0,035	0,138	0,261	0,480	0,085	0,565
Расходы на образование (первый лаг) = 5421	0,037	0,141	0,264	0,476	0,082	0,558
Расходы на образование (первый лаг) = 28336	0,033	0,134	0,258	0,486	0,089	0,575
Расходы на образование (четвертый лаг) = 15529	0,035	0,138	0,262	0,480	0,085	0,565
Расходы на образование (четвертый лаг) = 5421	0,040	0,148	0,269	0,467	0,077	0,544
Расходы на образование (четвертый лаг) = 28336	0,030	0,126	0,252	0,496	0,096	0,592
Расходы на здравоохранение (первый лаг) = 6601	0,035	0,138	0,262	0,480	0,084	0,564
Расходы на здравоохранение (первый лаг) = 151	0,042	0,153	0,273	0,460	0,072	0,532
Расходы на здравоохранение (первый лаг) = 29276	0,015	0,081	0,203	0,545	0,155	0,700
Расходы на здравоохранение (третий лаг) = 6601	0,036	0,139	0,263	0,479	0,084	0,562
Расходы на здравоохранение (третий лаг) = 151	0,039	0,146	0,267	0,469	0,078	0,548
Расходы на здравоохранение (третий лаг) = 29276	0,025	0,111	0,238	0,514	0,112	0,626

Что касается индивидуальных характеристик опрашиваемых индивидов, их влияние на удовлетворенность жизнью практически не различается между моделями. Среди остальных значимых факторов положительный эффект на зависимую переменную оказывает факт состояния в браке или совместное проживание, наличие детей, наличие образования, женский пол, субъективная оценка состояния здоровья. Среди группы переменных, отвечающих за тип населенного пункта, положительное влияние на удовлетворенность жизнью наблюдается только для индивидов, проживающих в поселках городского типа. Также обратим внимание

на переменную «возраст»³. В обеих моделях предельный эффект для вариантов ответа 1—3 положительный, а для ответов 4—5 — отрицательный, то есть удовлетворенность жизнью уменьшается с увеличением возраста.

Таким образом, мы получили частичное подтверждение первой гипотезы: для расходов бюджета на образование наблюдается положительный долгосрочный эффект. Вторая гипотеза подтвердилась, а третья гипотеза не получила эмпирического подтверждения.

В отличие от остальных переменных (процент пропусков по которым составляет менее 1%), по заработной плате присутствует порядка 50% пропущенных ответов. Для проверки устойчивости оценок к пропущенным значениям мы использовали метод *modified zero-order regression*, предложенный У. Грином [Greene, 2017]. Он заключается в создании дамми-переменной, равной 1, для пропущенных наблюдений и 0 — для всех остальных наблюдений, все пропущенные значения в переменной «зарплата» при этом заменяются на 0. Далее по всем наблюдениям оценивается аналогичная модель с включением созданной дамми. Знак и значимость коэффициентов в наших моделях в таком случае сохраняются, из чего можно сделать вывод, что наши оценки устойчивы к пропускам.

В заключение этой части исследования отметим, что в ходе работы был оценен ряд вспомогательных моделей. В нашей выборке присутствуют женщины, находящиеся в декретном отпуске, так как в рамках ответа на вопрос о заработной плате в том числе подразумевается размер выплачиваемого пособия. Эта группа граждан может оказаться более чувствительной к социальным расходам, однако значимый положительный эффект удалось обнаружить только для первого и третьего лагов расходов бюджета на здравоохранение на периоде до пандемии COVID-19. В то же время в нашей выборке не учитываются неработающие пенсионеры, для которых социальная поддержка может оказаться достаточно важной. Для этой категории респондентов мы заменили заработную плату на объем среднемесячной пенсии и оценили аналогичные модели, однако выводы относительно эффектов бюджетных расходов на удовлетворенность жизнью не изменились. В дополнение к этому, поскольку мы оценивали влияние именно региональных бюджетных расходов, особый интерес представляет исследование различий полученных оценок между регионами. Для этого были рассчитаны средние предельные эффекты отдельно по каждому субъекту РФ. Однако полученные оценки варьируются между регионами в пределах стандартной ошибки, то есть можно сказать, что эффект государственных расходов на используемых данных является однородным по регионам России.

Для того чтобы проверить робастность полученных результатов, мы дополнительно оценили многоуровневые модели с фиксированными эффектами для регионов (то есть варьировались свободные члены и коэффициенты наклона при переменных государственных расходов). Поскольку и в этом случае использовалась упорядоченная пробит-модель, для интерпретации полученных результатов были оценены предельные эффекты, приведенные в таблице 2⁴.

³ Во всех моделях в наборе независимых переменных использовались и возраст, и квадрат возраста.

⁴ Из-за естественных ограничений на объем статьи мы приводим только предельные эффекты при переменных государственных расходов.

Таблица 2. Средние предельные эффекты многоуровневой упорядоченной пробит-модели с несколькими лагами государственных расходов

Переменная	Категория	Предельный эффект	Стандартная ошибка	P-value
Расходы на образование (первый лаг)				
	1	-0,0007	0,0006	0,210
	2	-0,0017	0,0012	0,148
	3	-0,0015	0,0009	0,099
	4	0,0021	0,0016	0,184
	5	0,0017	0,0010	0,087
Расходы на образование (четвертый лаг)				
	1	-0,0012	0,0005	0,017
	2	-0,0023	0,0011	0,031
	3	-0,0016	0,0008	0,053
	4	0,0029	0,0014	0,043
	5	0,0021	0,0009	0,023
Расходы на здравоохранение (первый лаг)				
	1	-0,0009	0,0004	0,016
	2	-0,0018	0,0008	0,027
	3	-0,0012	0,0006	0,045
	4	0,0025	0,0011	0,029
	5	0,0015	0,0007	0,029
Расходы на здравоохранение (третий лаг)				
	1	-0,0006	0,0004	0,088
	2	-0,0011	0,0008	0,188
	3	-0,0004	0,0006	0,510
	4	0,0018	0,0011	0,113
	5	0,0004	0,0007	0,609
Расходы на социальную политику (первый лаг)				
	1	0,0013	0,0005	0,013
	2	0,0026	0,0012	0,026
	3	0,0016	0,0009	0,064
	4	-0,0038	0,0016	0,020
	5	-0,0018	0,0010	0,063

Полученные результаты близки к приведенным в таблице 3 **Приложения**, только стали незначимыми средние предельные эффекты для третьего лага расходов на образование у значений зависимой переменной 2—5 (значимость предельного эффекта для $Y=1$ на 10% уровне значимости сохранилась). Это несколько ослабляет вывод о долгосрочном позитивном влиянии расходов на здравоохранение на степень удовлетворенности россиян жизнью.

Наши результаты в целом соотносятся с исследованием А. М. Климовой и К. Ш. Чмеля [Климова, Чмель, 2020]. Мы подтверждаем положительное влияние расходов на образование и здравоохранение на удовлетворенность жизнью. Причем панельная структура данных позволила определить, что расходы на образование оказывают именно долгосрочный эффект. Мы также подтверждаем положительное влияние расходов на здравоохранение в краткосрочном периоде, однако не можем сделать однозначный вывод относительно долгосрочного эффекта данной категории расходов, так как соответствующие предельные эффекты для многоуровневой модели незначимы. Примечательно, что в работе [Климова, Чмель, 2020] авторы показали отсутствие значимого эффекта расходов на социальную политику и отрицательный эффект взаимодействия расходов на социальную политику и восприятие неравенства. Результаты нашего исследования тоже говорят об отсутствии значимого влияния данной статьи бюджетных расходов либо об ее отрицательном влиянии. Также отметим, что предлагаемые нами модели позволяют получить оценки предельных эффектов, которые можно интерпретировать не только качественно, но и количественно. Что касается наших результатов для индивидуальных характеристик респондентов, то они вполне интуитивны и соотносятся, например, с исследованием Н. Э. Соболевой [Соболева, 2020]. Единственное отличие заключается в том, что наши оценки демонстрируют значимый эффект для типа населенного пункта, в котором проживает респондент.

Заключение

Авторы многих зарубежных работ уже приходили к выводу, что государственная политика отражается на субъективном восприятии качества жизни. Однако, на наш взгляд, показатели, которые бы демонстрировали эффекты политики правительства в подобных исследованиях, пока не имеют достаточно широкого освещения в отечественной литературе. В данной статье мы использовали оценку удовлетворенности жизнью, полученную из результатов опроса российских граждан, при этом дополнительно включив в модель показатели государственных расходов. Рассмотренные нами статьи бюджетных расходов «образование», «здравоохранение» и «социальная политика» являются социально ориентированными, в связи с чем было выдвинуто предположение об их непосредственном влиянии на качество и удовлетворенность жизнью граждан России. Наши гипотезы состояли в том, что каждая компонента социально ориентированных государственных расходов будет иметь значимый положительный эффект на удовлетворенность жизнью населения России в краткосрочном и долгосрочном периоде.

Проведенный эконометрический анализ по данным опроса РМЭЗ за 2015—2022 гг. и данным расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ за 2010—2021 гг. с использованием упорядоченных пробит-моделей для панельных данных показал, что:

- чем выше расходы на образование, тем выше степень удовлетворенности россиян жизнью в долгосрочном периоде;
- чем выше расходы на здравоохранение и спорт, тем выше степень удовлетворенности россиян жизнью в краткосрочном периоде, однако относительно долгосрочного периода нам сложно сделать однозначный вывод, так как

в многоуровневой модели мы не видим значимых предельных эффектов при переменной третьего лага расходов на здравоохранение,

- расходы на социальную политику либо не влияют на степень удовлетворенности россиян жизнью, либо влияют отрицательно в краткосрочном периоде.

Полученные результаты мы объясняем следующим образом. Образование играет ключевую роль в формировании жизненных перспектив человека. Оно влияет на карьерные возможности, уровень дохода, социальный статус и качество жизни в целом. Чем выше уровень образования, тем больше возможностей для самореализации, профессионального роста и достижения успеха. Это создает долгосрочную уверенность в будущем и повышает удовлетворенность жизнью. Кроме того, образование способствует развитию критического мышления, культуры и общей осведомленности, что также может повышать субъективную оценку качества жизни. Люди с высоким уровнем образования часто имеют более широкий кругозор, лучше понимают мир вокруг себя и могут находить смысл в своей деятельности.

Здоровье — это основа благополучия человека. Хорошее здоровье позволяет вести активный образ жизни, работать, наслаждаться досугом и поддерживать социальные связи. С одной стороны, влияние здравоохранения на удовлетворенность жизнью обычно имеет кратковременный характер. Если человек сталкивается с болезнью или травмой, медицинские услуги помогают ему восстановить здоровье и вернуться к нормальной жизни. Но после выздоровления этот эффект исчезает, и человек возвращается к своему обычному уровню удовлетворенности. С другой стороны, данная статья расходов подразумевает в том числе долгосрочные инвестиции, связанные с реновацией больниц и поликлиник, обновлением медицинского оборудования, эффект от которых может быть заметен только через какое-то время.

Негативный эффект или его отсутствие от расходов на социальную политику могут быть связаны с тем, что социальное обеспечение включает в себя различные программы поддержки населения, такие как пенсии, пособия по безработице, жилищные субсидии и другие формы социальной помощи. Эти меры направлены на поддержание минимального уровня жизни и предотвращение бедности. Они обеспечивают базовую безопасность, но не всегда способствуют повышению общего уровня удовлетворенности жизнью. Во-первых, социальное обеспечение часто воспринимается как временная мера, необходимая лишь до тех пор, пока человек не сможет самостоятельно обеспечить себе доход. Во-вторых, оно не связано с личностным ростом, профессиональным развитием или достижением целей, что важно для долгосрочной удовлетворенности жизнью. Также стоит отметить, что многие люди могут воспринимать социальное обеспечение как нечто вынужденное, связанное с трудностями или неудачами, и это может даже снижать самооценку и создавать чувство зависимости от государства.

Анализ выявил статистическую связь между более высокой удовлетворенностью жизнью россиян и следующими факторами:

- наличие семьи,
- наличие детей,
- наличие среднего, а еще лучше высшего образования,
- женский пол,

- юный возраст,
- хорошее состояние здоровья (по оценке респондента),
- высокая заработная плата,
- проживание в поселке городского типа, а не в городе, в том числе крупном.

Обсудим некоторые ограничения нашей работы. Несмотря на преимущества лонгитюдных исследований, использование панели может приводить к истощению выборки. Конкретные причины выбывания респондентов из выборки сложно определить и проконтролировать, и в случае данных РМЭЗ НИУ ВШЭ данный эффект может быть неслучайным. Если конкретные группы людей (например, с определенными социально-экономическими, демографическими или поведенческими характеристиками) чаще выбывают из исследования, оставшаяся выборка может стать нерепрезентативной для генеральной совокупности, что может приводить к смещению выборки и исказить результаты анализа. В нашем случае для моделей, оцениваемых на полном временном интервале 2015—2022 гг., один и тот же респондент в среднем участвовал в опросе 3,9 раза (минимум — 1 раз, максимум — 8 раз). В случае моделей, оцениваемых на периоде до пандемии COVID-19, — 3,1 раза (минимум — 1 раз, максимум — 5 раз), а во время пандемии эффект истощения наименее заметен: в среднем респонденты участвовали в опросе 1,7 раза (минимум — 1 раз, максимум — 2 раза). В ходе работы мы частично сглаживаем эту проблему, учитывая в моделях случайные индивидуальные эффекты респондентов.

Необходимо отметить, что опрос РМЭЗ НИУ ВШЭ традиционно фокусируется на регионах с высокой плотностью населения, где проще проводить опросы и где проживает большая часть населения России. Это приводит к тому, что данные лучше отражают ситуацию в центральных и западных регионах, но хуже — в восточных и северных. Именно из-за этой особенности данных мы могли не увидеть статистически значимых различий в результатах расчетов предельных эффектов по отдельным регионам.

Также следует упомянуть, что мы использовали два субъективных показателя: ответ на вопрос об удовлетворенности жизнью и ответ на вопрос об оценке состояния здоровья. Удовлетворенность жизнью — это сложный конструкт, который зависит от текущего эмоционального состояния, культурных норм, ожиданий и контекста. Респонденты могут интерпретировать этот вопрос по-разному. Ответы могут меняться в зависимости от сиюминутных обстоятельств, например плохого дня или недавнего положительного события. В свою очередь, оценка здоровья зависит от индивидуальных представлений о том, что значит «хорошее» или «плохое» здоровье. Например, пожилые люди могут считать свое здоровье удовлетворительным, даже если у них есть хронические заболевания. Также ответы не всегда коррелируют с реальным состоянием здоровья, измеренным медицинскими показателями (например, диагнозами или результатами анализов).

Подводя итог ограничениям работы, мы считаем важным подчеркнуть невозможность учета всего спектра факторов в модели. В особенности контекстных — разнообразных событий, как масштабных, так и менее значительных, происшедших в экономике и обществе в рассматриваемый период и оказывавших влияние на удовлетворенность жизнью. За 2015—2022 гг. Россия испытала как

минимум три социально-экономических шока. Кризис 2014—2015 гг., вызванный падением курса рубля и санкциями, привел к резкому снижению реальных доходов и росту инфляции. В этот период низкий доход мог восприниматься респондентами как катастрофа, что повлияло на их оценки удовлетворенности жизнью и экономического благополучия. Пандемия COVID-19 значительно изменила образ жизни, здоровье и занятость населения: массовый переход на удаленную работу, ограничения и изменения в потребительских привычках (например, сокращение расходов на импортные товары) отразились на данных о потреблении и уровне жизни. Кроме того, пандемия могла усилить субъективные оценки стресса и неудовлетворенности. События 2022 г., включая начало специальной военной операции и новые санкции, вызвали дальнейшие экономические и социальные изменения. Девальвация рубля, рост инфляции и трудности в отдельных отраслях повлияли на уровень доходов и занятости, а социальная напряженность могла изменить субъективные показатели, такие как удовлетворенность жизнью или оценка здоровья. Подобные особенности мы частично сглаживаем, оценивая модели на разных временных интервалах и добавляя в модель фиксированные временные эффекты.

Решения о распределении бюджета принимаются непосредственно правительством, и нам представляется, что предлагаемые нами переменные государственных расходов помогают дать представление об эффекте социальной политики правительства. Основным результатом, полученный в исследовании, состоит в том, что увеличение расходов на здравоохранение и образование увеличивает степень удовлетворенности россиян жизнью в краткосрочном и долгосрочном периоде, поэтому желательно по возможности увеличивать размеры соответствующих расходов, это поможет сделать россиян более удовлетворенными жизнью.

Список литературы (References)

1. Айвазян С. А. К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39. № 3. С. 19—53.
Ayvazian S. A. (2003) Towards a Methodology for Measuring Synthetic Categories of Quality of Life of the Population. *Economics and Mathematical Methods*. Vol. 39. No. 3. P. 19—53. (In Russ.)
2. Айвазян С. А., Исакин М. А. Интегральные индикаторы качества жизни населения региона как критерии эффективности социально-экономической политики, проводимой органами региональной власти // Прикладная эконометрика. 2006. Т. 1. № 1. С. 25—31. URL: <https://ideas.repec.org/a/ris/apltrx/0184.html> (дата обращения: 09.07.2024).
Aivazian S., Isakin M. (2006) Integral Indicators of the Quality of Life of the Region Population as a Criterion of Efficiency of Socio-Economic Policy Conducted by the Region's Administration. *Applied Econometrics*. Vol. 1. No. 1. P. 25—31. URL: <https://ideas.repec.org/a/ris/apltrx/0184.html> (accessed: 09.07.2024). (In Russ.)

3. Айвазян С. А., Степанов В. С., Козлова М. И. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Самарской области и ее муниципальных образований) // Прикладная эконометрика. 2006. Т. 1. № 2. С. 18—84. URL: <https://ideas.repec.org/a/ris/apltrx/0086.html> (дата обращения: 09.07.2024).
Aivazian S., Stepanov V., Kozlova M. (2006) Measuring the Synthetic Categories of Quality of Life in a Region and Identification of Main Trends to Improve the Social and Economic Policy (Samara Region and its Constituent Territories). *Applied Econometrics*. Vol. 1. No. 2. P. 18—84. URL: <https://ideas.repec.org/a/ris/apltrx/0086.html> (accessed: 09.07.2024). (In Russ.)
4. Айвазян С. А. Анализ качества и образа жизни населения эконометрический подход. М.: Наука, 2012.
Ayvazian S. A. (2012) Analysis of Quality and Mode of Life of the Population: Econometric Approach. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Айвазян С. А., Афанасьев М. Ю., Кудров А. В. Модели производственного потенциала и оценки технологической эффективности регионов РФ с учетом структуры производства // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52. № 1. С. 28—44. URL: http://www.cemi.rssi.ru/emm/archive/Ekonom_Mat_metod_2016-1.pdf (дата обращения: 09.07.2024).
Aivazian S. A., Afanasiev M. Yu., Kudrov A. V. (2016) Models of Productive Capacity and Technological Efficiency Evaluations of Regions of the Russian Federation Concerning the Output Structure. *Economics and Mathematical methods*. Vol. 52. No. 1. P. 28—44. URL: http://www.cemi.rssi.ru/emm/archive/Ekonom_Mat_metod_2016-1.pdf (accessed: 09.07.2024). (In Russ.)
6. Андрееenkova А. В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5. С. 189—215.
Andreenkova N. V. (2010) Comparative Analysis of Life Satisfaction and Its Determining Factors. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 189—215. (In Russ.)
7. Балаев А. И. Влияние структуры бюджетных расходов на экономический рост в России // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 8—35. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-8-35>.
Balaev A. I. (2018) The Impact of Public Expenditure Structure on Economic Growth in Russia. *Ekonomicheskaya Politika*. Vol. 13. No. 6. P. 8—35. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-8-35>. (In Russ.)
8. Камалов Э. А., Понарин Э. Д. Субъективное благополучие мигрантов в России: влияние региональных характеристик и миграционного законодательства // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 1. С. 11—43. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2020/01/30/1569359014/ecsoc_t21_n1.pdf#page=11 (дата обращения 22.04.2025).

- Kamalov E., Ponarin E. (2020) Subjective Well-being of Migrants in Russia: Effects of Regional Characteristics and Migration Legislation. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 21. No. 1. P. 11—43. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2020/01/30/1569359014/ecsoc_t21_n1.pdf#page=11 (accessed 22.04.2025). (In Russ.)
9. Климова А. М., Чмель К. Ш. Региональные различия в субъективном благополучии: компенсирует ли социальная политика эффекты неравенства в России? // Мониторинг общественного мнения: экономические социальные перемены. 2020. № 1. С. 143—176. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.07>. Klimova A. M., Chmel K. Sh. (2020) Regional Differences in Subjective Well-being: Does Social Policy Offset the Effects of Inequality in Russia? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 143—176. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.07>.
10. Колосницына М. Г., Ермолина Ю. Е. Государственные расходы на образование и экономический рост: межстрановой анализ // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 3. P. 70—85. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-3-70-85>. Kolosnitsyna M. G., Ermolina Yu. E. (2021) Public Spending on Education and Economic Growth: Cross-Country Analysis. *Voprosy statistiki*. Vol. 28. No. 3. P. 70—85. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-3-70-85>. (In Russ.)
11. Ласточкина М. А. Факторы удовлетворенности жизнью: оценка и эмпирический анализ // Проблемы прогнозирования. 2012. № 5. С. 132—141. URL: <https://ecfor.ru/publication/factory-udovletvorennosti-zhiznyu/> (дата обращения 21.04.2025). Lastochkina M. A. (2012) Factors of Life Satisfaction: Estimation and Empirical Analysis. *Studies on Russian Economic Development*. No. 5. P. 132—141. URL: <https://ecfor.ru/publication/factory-udovletvorennosti-zhiznyu/> (accessed 21.04.2025). (In Russ.)
12. Соболева Н. Э. Факторы, влияющие на вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 368—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.15>. Soboleva N. E. (2020) Determinants and the Interrelationship Between Job Satisfaction and Life Satisfaction in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 368—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.15>.
13. Тихонова Н. Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 19—33. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/qpugakw4m2/175289796> (дата обращения 09.07.2024). Tikhonova N. (2015) Russians' Life Satisfaction: Dynamics and Factors. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*. No. 3. P. 19—33. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/qpugakw4m2/175289796> (accessed 09.07.2024). (In Russ.)

14. Acar Ü., Tırgil A. (2023). Public Expenditures and Life Satisfaction: Evidence from Turkey. *The Developing Economies*. Vol. 61. No. 1. P. 36—56. <https://doi.org/10.1111/deve.12343>.
15. Bjørnskov C., Dreher A., Fischer J. A. V. (2007) The Bigger the Better? Evidence of the Effect of Government Size on Life Satisfaction Around the World. *Public Choice*. No. 130. P. 267—292. <https://doi.org/10.1007/s11127-006-9081-5>.
16. Bonini, A.N. (2008) Cross-National Variation in Individual Life Satisfaction: Effects of National Wealth, Human Development, and Environmental Conditions. *Social Indicators Research*. No. 87. P. 223—236. <https://doi.org/10.1007/s11205-007-9167-6>
17. Clench-Aas J., Holte A. (2021) Political Trust Influences the Relationship Between Income and Life Satisfaction in Europe: Differential Associations with Trust at National, Community, and Individual Level. *Frontiers in Public Health*. Vol. 9. P. 1—14. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2021.629118>.
18. Devarajan S., Swaroop V., Zou H. F. (1996) The Composition of Public Expenditure and Economic Growth. *Journal of Monetary Economics*. Vol. 37. No. 2. P. 313—344. [https://doi.org/10.1016/S0304-3932\(96\)90039-2](https://doi.org/10.1016/S0304-3932(96)90039-2).
19. Frey B. S., Stutzer A. (2012). The Use of Happiness Research for Public Policy. *Social Choice and Welfare*. Vol. 38. No. 4. P. 659—674. <https://doi.org/10.1007/s00355-011-0629-z>.
20. Greene W. H. (2017) *Econometric Analysis*. New York, NY: Pearson.
21. Hsiao C. (2014) *Analysis of Panel Data*. New York, NY: Cambridge university press.
22. Kasmaoui K., Bourhaba O. (2017) Happiness and Public Expenditure: Evidence from a Panel Analysis. *HAL Working Paper*. URL: <https://univ-pau.hal.science/hal-02625987/> (accessed: 23.01.2025).
23. Kotakorpi K., Laamanen J. P. (2010) Welfare State and Life Satisfaction: Evidence from Public Healthcare. *Economica*. Vol. 77. No. 307. P. 565—583. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0335.2008.00769.x>.
24. Liu H., Gao H., Huang Q. (2020) Better Government, Happier Residents? Quality of Government and Life Satisfaction in China. *Social Indicators Research*. Vol. 147. P. 971—990. <https://doi.org/10.1007/s11205-019-02172-2>.
25. Nordheim O., Martinussen P.E. (2020) Happiness and the Role of Social Protection: How Types of Social Spending Affected Individuals' Life Satisfaction in OECD Countries, 1980—2012. *Journal of International and Comparative Social Policy*. Vol. 36. No. 1. P. 1—24. <https://doi.org/10.1080/21699763.2019.1601586>.
26. Röcke C., Lachman M. E. (2008) Perceived Trajectories of Life Satisfaction across Past, Present, and Future: Profiles and Correlates of Subjective Change in Young, Middle-Aged, and Older Adults. *Psychology and Aging*. Vol. 23. No. 4. P. 833—847. <https://doi.org/10.1037/a0013680>

27. Skrondal A., Rabe-Hesketh S. (2004) *Generalized Latent Variable Modeling: Multilevel, Longitudinal, and Structural Equation Models*. Boca Raton, FL: Chapman and Hall/CRC.
28. Veenhoven R. (2004) Happiness as a Public Policy Aim: The Greatest Happiness Principle. In: Linley A., Joseph S. (eds.) *Positive Psychology in Practice*. Hoboken, N. J.: John Wiley and Sons. P. 658—678. <https://doi.org/10.1002/9780470939338.ch39>.
29. Wurm S., Tomasik M.J., Tesch-Römer C. (2008) Serious Health Events and Their Impact on Changes in Subjective Health and Life Satisfaction: The Role of Age and a Positive View on Ageing. *European Journal of Ageing*. Vol. 5. P. 117—127. <https://doi.org/10.1007/s10433-008-0077-5>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2880](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2880)

Д. С. Попов

**ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАРАДАННЫХ
В КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
(НА ПРИМЕРЕ ПОЛУСТРУКТУРИРОВАННЫХ ИНТЕРВЬЮ)**

Правильная ссылка на статью:

Попов Д. С. Потенциал использования параданных в качественных исследованиях (на примере полуструктурированных интервью) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 126—144. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2880>.

For citation:

Popov D. S. (2025) The Potential of Using Paradata in Qualitative Research (On the Example of Semi-Structured Interviews). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 126–144. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2880>. (In Russ.)

Получено: 08.01.2025. Принято к публикации: 12.03.2025.

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАРАДАННЫХ В КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛУСТРУКТУРИРОВАННЫХ ИНТЕРВЬЮ)

*ПОПОВ Денис Сергеевич — стажер-исследователь Лаборатории исследований науки и технологий, студент магистерской программы «Комплексный социальный анализ», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: dspopov@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0006-9292-2994>*

Аннотация. Статья направлена на оценку потенциала использования параданных при проведении качественных исследований на примере полуструктурированных интервью. Основная разница между сбором данных в качественных и количественных исследованиях заключается в степени формализации этого процесса: в качественных исследованиях учитывать весь контекст исследования гораздо сложнее, поскольку он отличается большей вариативностью, а его влияние на результаты исследования сильнее. Использование параданных позволяет формализовать учет контекста конкретного интервью за счет предварительного выделения фиксируемых элементов.

На основе анализа литературы на тему сбора параданных в социологических исследованиях автор выделяет пять типов параданных: наблюдения интервьюера, информация об устройстве, используемом для участия в опросе, данные о поведении в процессе заполнения анкеты, параданные об интервьюерах и усилиях в процессе сбора данных (level-of-effort), вербальные и физиологические параданные. Далее эти типы параданных адаптируются для их сбора при проведении полуструктурированных интервью посредством перевода из количественной парадигмы в качественную. В результате

THE POTENTIAL OF USING PARADATA IN QUALITATIVE RESEARCH (ON THE EXAMPLE OF SEMI-STRUCTURED INTERVIEWS)

*Denis S. POPOV¹ — Research Assistant at the Laboratory for Science and Technology Studies; Master's student in the program "Complex Social Analysis"
E-MAIL: dspopov@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0006-9292-2994>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. This article is aimed at assessing the potential of using paradata in conducting qualitative research using the example of semi-structured interviews. The main difference between data collection in qualitative and quantitative research lies in the degree of formalization of this process: in qualitative research, it is much more difficult to take into account the entire context of the research, since it is more variable, while its impact on research results is greater. The use of paradata makes it possible to formalize the details of the context of a particular interview.

Based on an analysis of the literature on paradata collection in sociological research, the author identifies five types of paradata: observations of the interviewer, information about the device used to participate in the survey, data on behavior during the questionnaire filling process, data on interviewers and efforts in the data collection process (level-of-effort), verbal and physiological data. Further, these types of paradata are adapted to being collected during semi-structured interviews by translating them from a quantitative to a qualitative paradigm. As a result, four types of paradata can be collected in semi-structured interviews: the interviewer's observations about data collection, paradata about interviewers and their efforts in the data collection process, paradata

выделяется четыре типа параданных, которые можно собирать в полуструктурированных интервью: наблюдения интервьюера о процессе сбора данных, параданные об интервьюерах и усилиях в процессе сбора данных, о поведении информанта в ходе интервью и об устройстве, через которое происходит интервью. Приведенные типы сопровождаются примерами параданных из полевого дневника автора и способами их использования в исследовании. Показывается, что включение параданных в метод интервью может позволить подробнее описать контекст сбора данных, что, в свою очередь, повышает валидность полученных результатов. Отмечается, что все перечисленные типы параданных представляют собой формализованную рефлексию интервьюера о различных аспектах проведения конкретного интервью, выраженную посредством заметок в полевом дневнике. Подчеркивается, что применение параданных может оказаться перспективным подходом в качественных исследованиях.

Ключевые слова: параданные, сбор данных, сбор параданных, методология качественных исследований, полуструктурированное интервью

about the informant's behavior during the interview and paradata about the device used for the interview. These types are accompanied by examples of paradata from the author's field diary and by ways of their use in the research. It is shown that the inclusion of paradata in the interview method can allow for a more detailed reflection of the context of data collection, which, in turn, increases the validity of the obtained results. It is noted that all these types of paradata represent a formalized interviewer's reflection on various aspects of a particular interview, expressed through notes in a field diary. It is emphasized that the use of paradata may be a promising approach in qualitative research.

Keywords: paradata, data collection, paradata collection, methodology of qualitative research, semi-structured interview

Введение

За последние десятилетия использование параданных в социологических исследованиях стало довольно распространенной практикой [Лебедев, 2020]. Параданные позволяют получить более подробное понимание того, как происходит сбор данных при проведении исследования. Эти данные могут помочь исследователям построить более цельную картину о поведении как респондентов, так и интервьюеров. В свою очередь, за счет подробного описания процедуры сбора данных повышается валидность результатов исследования. Однако при разговоре о параданных исследователи, как правило, фокусируются на количественных исследованиях: онлайн-опросах [Корытникова, 2018; Корытникова, 2021; Kunz, Hadler, 2020; Henninger et al., 2023], телефонных опросах [Ипатов, 2014; Рогозин, Сапонов, 2014], поквартирных опросах [Рогозин, 2015; Лебедев, 2022] или же нескольких типах опроса сразу [Девятко, Лебедев, 2017; Мавлетова, 2017; Князева, 2021]. Параданные в интервью рассматривают чаще всего в контек-

сте стандартизованного интервью [Ипатова, Рогозин, 2014] или эффекта интервьюера в массовых опросах [Ипатова, 2016; Safir, Black, Steinbach, 2001; Sharma, 2019; Guyer, West, Chang, 2021; Hasanbasri et al., 2024; Purdam et al., 2024]. Попытки адаптации способов сбора параданных к проведению качественных исследований почти не предпринимались, за исключением единичных работ [Raineu et al., 2022]. Это можно объяснить тем, что в качественных исследованиях границу между обычными данными и параданными провести сложнее в связи с их более слабой формализацией. На наш взгляд, добавление параданных в качественную методологию будет полезно для проведения качественных исследований, поскольку поможет подробнее фиксировать контекст проведения исследования, что важно для повышения его качества и большей валидности полученных результатов. Более детальное описание контекста сбора данных может помочь качественным исследователям избежать обвинений в ненаучности через обращение к параданным как к атрибуту более «жесткой» количественной методологии [Батыгин, Девятко, 1994: 37]. Данная статья направлена на то, чтобы продемонстрировать возможности использования параданных в качественных интервью. Далее будет проведена классификация типов параданных, которые могут встретиться при проведении интервью, а также определены возможные способы того, чем эти параданные могут быть полезны для исследователей, работающих в качественной парадигме.

Существует множество разновидностей интервью. Можно выделить неструктурированное, нарративное, когнитивное, экспертное и многие другие типы интервью, каждый из которых имеет свою специфику. Чтобы не делать постоянные оговорки об особенностях каждого из типов интервью, сосредоточимся на использовании параданных в полуструктурированных интервью.

Определение параданных в количественной парадигме

Прежде чем переходить непосредственно к описанию процедур сбора параданных в интервью, разберемся в том, что будет считаться параданными в нашем случае. Параданные в количественных исследованиях, как правило, определяются как «побочные данные о процессе сбора данных, получаемые в результате использования компьютеризированных методов сбора данных» [Souper, 1998; цит. по: Лебедев, 2020: 6]. Впрочем, параданные можно использовать не только в компьютеризированных методах, но и в обычных, например при проведении телефонных, квартирных или уличных опросов, в которых под параданными понимаются в том числе комментарии интервьюеров [Ипатова, 2016]. Стоит отметить, что параданные недоступны до начала сбора данных, кроме случаев лонгитюдных исследований, когда имеются данные предыдущих волн [Терентьев, Мавлетова, Косолапов, 2018]. Параданные собираются на каждом этапе сбора данных, автоматически или вручную, в зависимости от методологии исследования. Важной их характеристикой является нереактивность, то есть параданные не должны исходить напрямую от респондента, тот никак не участвует в сборе этих данных [Лебедев 2020: 9]. В связи с этим еще одна характеристика параданных в количественных исследованиях — незнание респондента о том, что они собираются, незнание факта наблюдения. Исследования показывают, что если в опросах да-

вать респондентам возможность решить, делиться или не делиться отдельно параданными, то они предпочитают не делиться [Henninger et al., 2023]. В количественных исследованиях есть возможность эксплицитно предупредить потенциальных участников исследования о сборе параданных, спросить их разрешения на это [Kunz, Landesvatter, Gummer, 2020].

Необходимо также разграничить параданные и другие типы дополнительных данных. Существуют вспомогательные данные, которые отличаются от параданных тем, что они доступны до сбора данных [Лебедев, 2020]. К вспомогательным можно отнести данные о конкретных респондентах (например, их социально-демографические характеристики), полученные из переписей или иных административных источников [Kunz, Hadler, 2020]. Такие данные могут помочь исследователям понять, какие параданные стоит собирать в процессе сбора данных, чтобы заполнить существующие во вспомогательных данных пробелы. Другой тип данных — это метаданные, то есть данные о данных [Мавлетова, 2017]. К метаданным относятся построение выборки, инструментарий, методы сбора данных и др. [Лебедев, 2020: 9]. Они доступны исключительно для всего массива, их невозможно детализировать до конкретного респондента или интервьюера. Наконец, еще один тип дополнительных данных — пассивные данные, то есть данные о поведении респондента в процессе проведения опроса, но выходящие за его пределы. Это данные геолокации или GPS, об активности респондента на других страницах или в приложениях при прохождении онлайн-опроса и т. п. [Kunz, Hadler, 2020]. Граница между пассивными данными и параданными очень тонкая, однозначного ответа на вопрос об их разграничении в литературе до сих пор нет [McClain et al., 2019]. Например, данные GPS, полученные от интервьюеров при проведении поквартирного опроса с использованием планшетов (CAPI), некоторые исследователи относят к параданным [Лебедев, 2022].

Типы параданных в полуструктурированных интервью

Из проведенного выше анализа становится ясно, что параданные могут быть собраны исключительно в процессе сбора данных. Д. Лебедев в своей обзорной статье выделяет следующие типы параданных [Лебедев, 2020: 11—12]:

- наблюдения интервьюера;
- информация об устройстве, используемом для участия в опросе;
- данные о поведении в процессе заполнения анкеты;
- параданные об интервьюерах и усилиях в процессе сбора данных (level-of-effort);
- вербальные и физиологические параданные.

Как можно понять, данная типология относится к параданным, встречаемым в результате проведения опроса, очного или дистанционного. Дальнейший анализ будет направлен на то, чтобы выяснить, как эти типы параданных могут быть адаптированы к ситуации полуструктурированного интервью.

Для достижения этой цели необходимо разобраться, как устроен процесс сбора данных в интервью. Интервью — это диалог двух людей на общую тему, которая интересна интервьюеру. В полуструктурированном интервью присутствует директивность, то есть контроль со стороны интервьюера относительно предме-

та разговора, но в то же время есть вариативность в порядке обсуждения тем [Квале, 2003: 37]. Как правило, динамика ролей в этом диалоге следующая: есть интервьюер, который имеет вопросы и хочет получить на них ответы, а есть информант, который, собственно, и дает эти ответы. Предметом интервью выступает жизненный мир информанта, интервьюер заинтересован в получении описаний специфических знаний и навыков информанта, а также того смысла, который вкладывается информантом в описание [там же: 38]. Так или иначе, сбор данных в интервью происходит непосредственно в процессе разговора. В связи с этим в ситуации интервью невозможно соблюсти требование нереактивности параданных. Скрывать от информанта сбор каких-либо данных как минимум затруднительно, а как максимум противоречит этическим нормам проведения исследований [Панова, 2025]. Поэтому сбор параданных посредством интервью, как и сбор данных в целом, необходимо вести с ведома информанта. Следовательно, параданные в полуструктурированных интервью можно в общем виде обозначить как данные о контексте его проведения. Важно заранее формализовать учет контекста конкретного интервью, чтобы можно было до начала интервью договориться с информантом о том, какие именно данные будут собираться и в каком виде. Исходя из этих параметров, можно попытаться адаптировать приведенную выше типологию параданных к ситуации полуструктурированного интервью.

Первый тип параданных — наблюдения интервьюера. Под наблюдениями в процессе интервью в данном случае понимаются заметки, сделанные интервьюером касательно хода интервью. В случае, когда исследователь работает в одиночку, ему будет проще вести свои наблюдения в едином формате. В тех случаях, когда работает исследовательский коллектив или для сбора данных приглашаются сторонние интервьюеры, следует уделить особое внимание составлению методики учета контекста интервью. На стадии планирования методологии исследования необходимо определить, будет ли использоваться дополнительная информация, и если да, нужно будет составить для приглашенных интервьюеров подробную структуру аналитической записки, в которых интервьюеры будут описывать контекст интервью [Долгопятова, 2008: 416]. В отличие от формализованных опросов, где комментарии интервьюеров нестандартизированы и требуются скорее для выделения отличающихся от нормы анкет [Ипатова, 2016: 68], в качественных исследованиях контекст каждого отдельного интервью важен и должен быть учтен по единой схеме для последующей систематизации собранных данных [Долгопятова, 2008: 416].

О чем же могут быть наблюдения, сделанные в ходе интервью? При проведении опросов интервьюеры записывают следующие темы: технические комментарии о прохождении опроса, особенности конкретных ответов, описание своих впечатлений от интервью [Ипатова, 2016; Garbarski et al., 2023]. В полуструктурированных интервью все эти темы также могут быть записаны интервьюером как наблюдения. Разница со структурированными интервью будет в том, что качественные исследователи более гибки в своих возможностях и могут регулировать ситуацию интервью по своему усмотрению. Переход с одного блока гайда на другой, пропуск тех или иных вопросов — все эти аспекты интервью осуществляются в процессе. Полезным будет фиксировать каждое такое решение на полях, что-

бы потом при анализе данных не вспоминать о причинах смены хода разговора, а опираться на свои наблюдения. Фиксирование контекста интервью также может быть полезно для последующего анализа. Например, если информант в процессе интервью отвлекается на окружающую обстановку, это может помешать установлению контакта [Здравомыслова и др., 2022: 26]. Подобное наблюдение, сделанное интервьюером в моменте, впоследствии может объяснить низкую вовлеченность информанта в разговор.

Пример параданных из полевого дневника автора:

Информантка отвлеклась от ответа на вопрос, потому что увидела труп своей аквариумной рыбки. Прерывать интервью она не стала, решила, что разберется с этим позже.

Наблюдения интервьюера также могут касаться особенностей его взаимодействия с разными информантами, например, в зависимости от их пола [Khalil, Cowie, 2020] или возраста [Lindsay, 2022; Tomás, Bidet, 2024]. Наконец, при очных интервью детали интерьера в доме информанта, например фотографии на стене, могут становиться параданными в случае, если они важны для контекста интервью, тогда их следует фиксировать в полевом дневнике. Но если детали интерьера становятся частью обсуждения, например информант показывает интервьюеру свои фотографии [Рогозин, 2018: 30, 43], то это будут уже не параданные, а обычные данные, поскольку параданные должны по определению быть нереактивны. Грань между параданными и данными в таком случае можно попытаться провести следующим образом: параданными будут зафиксированные наблюдения интервьюера о ходе разговора, а сам предмет обсуждения будет относиться к обычным данным. Иначе говоря, параданными в полуструктурированных интервью будет весь контекст интервью, который был зафиксирован интервьюером во время или после проведения интервью (при составлении транскрипта), но при этом не был проговорен в самом интервью. Тогда сами обсуждаемые фотографии будут данными, а вот описание контекста их обсуждения, сделанное интервьюером в полевом дневнике, можно отнести к параданным.

Второй тип параданных — информация об устройстве, используемом для участия в опросе. Применительно к ситуации интервью это может быть интерпретировано как информация об устройстве, через которое идет разговор. В данном случае сбор параданных возможен только в ситуации онлайн-интервью, поскольку в ситуации очных интервью между участниками диалога нет устройства-посредника. Онлайн-интервью можно разделить на два типа: синхронные и асинхронные [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2017]. Синхронные онлайн-интервью представляют собой разговор через телефон или любое другое приложение для общения. В таком случае к параданным можно отнести устройство, с которого информант подключился к разговору: компьютер, планшет или телефон. Это важно, поскольку в зависимости от устройства может варьироваться вовлеченность информанта в разговор. Как показывает литература на тему онлайн-интервью, информант более вовлечен в интервью, разговаривая посредством компьютера, а не телефона, а также с использованием видеосвязи [Колозариди, 2014; Archibald et al., 2019; Lindsay, 2022]. Кроме того, при онлайн-интервью есть возможность попро-

силь информанта поделиться своим экраном, если этого требует цель исследования [Сэлф, 2021]. В таком случае параданными будут считаться данные, которые интервьюер увидел на экране информанта. К ним можно отнести, например, открытые на компьютере вкладки или приложения. Эти данные могут дать дополнительный контекст о личности информанта, полезный для исследования [Moran, Caetano, 2022]. Следует отметить, что использование этих данных требует разрешения информанта согласно нормам исследовательской этики [Сэлф, 2021; Newman, Guta, Black, 2021; Maldonado-Castellanos, Barrios, 2023], как и использование любых параданных [Couper, Singer, 2013; Henninger et al., 2023]. В случае асинхронных онлайн-интервью разговор идет через чаты [Чудова, Чернышова, Пироцкая, 2017] или электронную почту [Рождественская, 2016]. По электронной почте можно вычислить, если информант отвечал на письма с разных устройств, изучив автоматическую подпись в конце писем. Если она различается в нескольких письмах, это свидетельствует о подобной ситуации. Это может дать исследователям понимание того, как информант ведет с ними диалог. В частности, пример ниже позволил объяснить возникшую в разговоре паузу, вызванную техническими неполадками, в транскрипте интервью.

Пример параданных из полевого дневника автора:

Видеозвонок прервался из-за плохой связи, пришлось перезванивать информанту. Решили выключить видео, чтобы попытаться улучшить сигнал.

Третий тип параданных — данные о поведении информанта в процессе заполнения анкеты. В количественных исследованиях здесь имеются в виду лог-файлы, собираемые устройством в процессе заполнения анкеты. В случае полуструктурированных интервью можно интерпретировать этот тип как данные о поведении информанта в процессе интервью. К таким параданным относится, например, время, которое информант потратил на ответ исследователю. Более долгая пауза может свидетельствовать о менее спонтанном и более обдуманном ответе [Рождественская, 2016]. В чате есть возможность наблюдать, как собеседник печатает свое сообщение, и если в этот момент находиться в диалоге и фиксировать этот процесс, потом можно сравнить время, затраченное на набор сообщения, с самим сообщением, чтобы выяснить, как долго информант думал над тем, что написать. Впрочем, при интервью через социальные сети информанты склонны отвлекаться на параллельные диалоги, что может быть сложнее отследить [Чудова, Чернышова, Пироцкая, 2017]. Такие параданные могут быть полезны для описания поведения информантов в процессе интервью, чтобы подробнее представить ситуацию конкретного разговора.

Пример параданных из полевого дневника автора:

При ответе на этот вопрос информант задумался, пауза была дольше обычной.

К этому же типу параданных можно добавить вербальные и физиологические параданные, так как в ситуации интервью они по сути имеют единую природу. Д. Лебедев под этим типом параданных понимает все характеристики информанта, от-

носящиеся к его реакциям на ситуацию интервью [Лебедев, 2020: 12]. В качественном интервью такие параметры, как тон голоса, выражение лица или телесные позы информанта во время разговора, фиксируются исследователем для того, чтобы считать его степень напряженности [Рождественская, 2016: 398]. В случае интервью лицом к лицу эти параметры считываются интервьюером чуть ли не автоматически, во время телефонного интервью требуется больше усилий со стороны интервьюера для регистрации настроений информанта и поддержания контакта [Ипатов, Рогозин, 2014]. Фиксирование этих данных может быть полезно для понимания контекста интервью, что может пригодиться в процессе анализа данных. Для этого полезно вести аудио- или видеозапись разговора, чтобы впоследствии была возможность переслушать интервью и отметить характеристики эмоционального состояния информанта, пропущенные непосредственно в процессе интервью [Говорова, 2023]. Следует отметить, что сами аудио- и видеозаписи интервью также относятся к параданным, поскольку они сделаны в процессе сбора данных. Впоследствии записи могут использоваться для восстановления контекста интервью, который не был зафиксирован непосредственно во время разговора.

Пример параданных из полевого дневника автора:

Ближе к концу интервью информант становился более резким и раздраженным в ответах, было видно, что он теряет интерес к разговору. Было принято решение пропустить ряд менее значимых вопросов, чтобы сфокусироваться на важном и закончить интервью быстрее.

Наконец, последний тип параданных — параданные об интервьюерах и усилиях в процессе сбора данных (level-of-effort). В ситуации массовых опросов эти параданные относятся к внешним интервьюерам, чтобы зафиксировать их результативность [Лебедев, 2020: 12]. В полуструктурированных интервью под усилиями интервьюеров будет пониматься их рефлексия по поводу собственного поведения в процессе интервью. Эта рефлексия может быть выражена посредством заметок и комментариев насчет следующих аспектов интервью: взаимодействия с информантом [Омельченко, 2020], эмоциональной работы интервьюера [Гудова, 2019; Рогозин, 2023], позиции самого исследователя относительно предмета интервью [Старцев, 2024] и т. д. Позже эти заметки могут быть использованы для проведения так называемой супервизии со стороны профессионального сообщества, чтобы улучшить дальнейший процесс сбора данных [Кузинер, 2024]. При привлечении приглашенных интервьюеров такие заметки могут быть полезны для оценки их поведения в процессе интервью [Долгопятова, 2008: 416].

Пример параданных из полевого дневника автора:

Этот информант постоянно спрашивал меня, согласен ли я с его мнением. Я не был с ним согласен, но решил не высказывать свое мнение, чтобы не рисковать потерей раппорта.

Если систематизировать проведенный анализ, получается следующая типология параданных в полуструктурированном интервью (см. табл. 1).

Таблица 1. Типология параданных в полуструктурированном интервью

Тип параданных	Описание параданных
Наблюдения интервьюера о сборе данных	Заметки интервьюеров о ходе сбора данных посредством интервью (общий контекст интервьюирования конкретного информанта)
Параданные об интервьюерах и усилиях в процессе сбора данных	Заметки интервьюеров, рефлекслирующие их собственное поведение в процессе сбора данных
Параданные о поведении информанта в ходе интервью	Заметки интервьюеров о поведении информанта в процессе интервью (действия и эмоции информанта, вербальные и физиологические реакции)
Параданные об устройстве, через которое реализуется интервью	Заметки о конкретном устройстве, через которое происходит интервью (тип устройства, его влияние на ход интервью)

В такой трактовке параданные в полуструктурированных интервью можно определить как **побочные данные о контексте проведения конкретного интервью, выраженные с помощью формализованных заметок интервьюера в полевом дневнике**. Под метаданными в этом случае будут пониматься рекомендации по фиксации контекста интервью на стадии до выхода в поле.

Обсуждение и заключение

Приведенная выше типология показывает, как можно вести сбор параданных в полуструктурированном интервью. По сути сбор параданных в таком случае представляет собой формализованное ведение полевого дневника. Примеры систематизации ведения полевых дневников уже встречались в литературе, посвященной качественным методам [Солоненко, 2023: 83—87], как и примеры систематизации отдельных аспектов проведения интервью [Рогозин, 2023]. Использование параданных в полуструктурированных интервью предполагает систематизацию тех элементов контекста интервью, которые должны быть зафиксированы. Разница между параданными и обычными дневниковыми записями будет заключаться в степени формализации: использование параданных подразумевает строгое следование предварительно заданному шаблону в процессе написания дневника. От исследователей не требуется радикально менять свою практику ведения дневника, нужно лишь сделать чек-лист того, что и в каком формате необходимо зафиксировать (по примеру приведенной выше таблицы) до выхода в поле, а в процессе интервью просто ставить галочки и оставлять заметки в заранее отведенных местах. Не обязательно делать таблицу непосредственно во время интервью, если это может помешать установлению контакта с информантами. Фиксировать данные в процессе разговора можно в свободной форме, а перенести в формализованный вид уже после завершения интервью. Может быть, такой подход покажется более привлекательным для исследователей, привыкших работать в количественной методологии, так как будут наблюдаться схожие с этой парадигмой черты [Воронина, 2023: 121—123].

Составление формальных рекомендаций по фиксации контекста интервью посредством параданных может стать перспективным подходом к проектированию

качественных исследований. Качественные исследования во многих своих аспектах становятся более формализованными, можно с уверенностью говорить об этом как о тенденции последних лет. Все чаще используется компьютеризированный анализ данных (CAQDAS), по своей природе требующий единообразной процедуры анализа и системы кодов [Kalpokas, Radivojevic, 2022]. Активно применяются смешанные методы, сочетающие в себе качественные и количественные подходы [Большаков, 2017]. Так или иначе, качественные и количественные методы находят точки сближения в постоянно меняющемся эмпирическом поле [Колотовкина, 2023], граница между ними порой и вовсе стирается [Ипатова, Рогозин, 2014: 25]. Введение параданных в качественные исследования может стать одним из способов подобной формализации. Потенциальным преимуществом может стать включение сбора параданных в информированное согласие при проведении качественных исследований с использованием метода интервью. Это может быть реализовано, например, через предупреждение информантов о том, что в исследовании могут быть использованы не только их цитаты, но и весь контекст интервью в целом. Такой способ будет более честным со стороны исследователя, к тому же позволит обеспечить большую прозрачность сбора данных посредством интервью, что важно как для повышения валидности полученных данных, так и в контексте общей этики исследований [Панова, 2025: 92]. Кроме того, на качественные исследования начинает распространяться практика пререгистрации процедуры проведения исследования с целью повысить валидность полученных результатов [Haven, Van Grootel, 2019]. Включение параданных в план пререгистрации может показать ход развития как отдельных интервью, так и всего исследования в целом. В частности, такое действие поможет отследить, как на стадии сбора данных исследование прошло развитие от первоначального плана до финальной версии исследования [ibid.: 240—241].

Данная работа была сфокусирована на методологии полуструктурированных интервью, чтобы избежать постоянных оговорок об особенностях других типов интервью. Однако нам представляется, что полученную типологию можно без особых сложностей распространить и на другие типы интервью без потери каких-либо важных элементов. Среди перспективных направлений дальнейших исследований можно отметить возможности еще глубже погрузиться в методологию качественных исследований, чтобы выявить возможности использования параданных в других качественных методах, таких как фокус-группы или наблюдение. Механический перенос типологии, основанной на интервью, на другие методы может привести к потере их важных особенностей. Включение параданных в методологию проведения качественных исследований может оказаться перспективной новацией. Задача статьи заключалась именно в том, чтобы продемонстрировать потенциал использования параданных в качественных исследованиях, рассмотрев его на примере полуструктурированных интервью. Время покажет, найдет ли эта практика свое применение.

Список литературы (References)

1. Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28—42.

- Batygin G. S., Deviatko I. F. (1994) The Myth of “Qualitative Sociology”. *Sociological Journal*. No. 2. P. 28—42. (In Russ.)
2. Большаков Н. В. Сочетать, комбинировать, смешивать: качественные и количественные методы в современной исследовательской практике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 21—29. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.03>.
Bolshakov N. V. (2017) Bring Together, Combine and Mix: Qualitative and Quantitative Methods in Modern Research Practices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 21—29. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.03>. (In Russ.)
 3. Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Об основных векторах развития метода интервью // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 44—56. <https://doi.org/10.7868/S0132162517060046>.
Veselkova N. V., Vandyshev M. N., Pryamikova E. V. (2017) On the Main Developments in the Methodology of Interviewing. *Sociological Studies*. No. 6. P. 44—56. <https://doi.org/10.7868/S0132162517060046> (In Russ.)
 4. Воронина Н. С. Опыт кодирования «на бумаге», или Как исследователю с количественным бэкграундом научиться анализировать интервью // Практики анализа качественных данных в социальных науках / отв. ред. Е. В. Полухина. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2023. С. 121—141.
Voronina N. S. (2023) Coding Experience «on Paper», or How a Researcher with a Quantitative Background Can Learn How to Analyze Interviews. In: Polukhina E. V. (eds.) *The Practices of Qualitative Data Analysis in Social Sciences*. Moscow: HSE Publishing House. P. 121—141. (In Russ.)
 5. Говорова А. Д. Обработка данных интервью в NVivo: опыт изучения эмоциональных высказываний в отношении социальной мобильности // Практики анализа качественных данных в социальных науках / отв. ред. Е. В. Полухина. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2023. С. 142—163.
Govorova A. D. (2023) NVivo Interview Data Processing: the Experience of Studying Emotional Statements Regarding Social Mobility. In: Polukhina E. V. (eds.) *The Practices of Qualitative Data Analysis in Social Sciences*. Moscow: HSE Publishing House. P. 142—163. (In Russ.)
 6. Гудова Е. А. О «травме методом» и эмоциональной работе полевого исследователя // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2019. № 48. С. 58—82.
Gudova E. A. (2019) On “Trauma by Method” and Fieldworker’s Emotional Work. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*. No. 48. P. 58—82. (In Russ.)
 7. Девятко И. Ф., Лебедев Д. В. Глазами интервьюера, глазами респондента: контуры нового подхода к оценке когнитивной нагрузки при проведении опроса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 1—19. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.01>.

- Deviatko I. F., Lebedev D. V. (2017) Through the Eyes of the Interviewer, through the Eyes of the Respondent: Outlining a New Approach Towards the Assessment of Cognitive Load During the Interview. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 1—19. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.01>. (In Russ.)
8. Долгопятова Т. Г. Эмпирические обследования предприятий: методы и практика // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 12. № 3. С. 400—432.
Dolgopyatova T. G. (2008) Firm-Level Empirical Surveys: Tools and Practice. *The Higher School of Economics Economic Journal*. Vol. 12. No. 3. P. 400—432. (In Russ.)
9. Здравомыслова Е. А., Ярская-Смирнова Е. Р., Омельченко Е. Л., Штейнберг И. Е. Куда идет качественная методология? Коллективная дискуссия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 1. С. 9—32. <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.1.1>.
Zdravomyslova E. A., Yarskaya-Smirnova E. R., Omelchenko E. L., Shteynberg I. E. (2022) Where Does the Qualitative Methodology Go? Collective Discussion. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 1. P. 9—32. <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.1.1>. (In Russ.)
10. Ипатова А. А. Использование параданных в анализе телефонных опросов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2014. № 6. С. 34—41.
Ipatova A. A. (2014) The Use of Paradata in the Analysis of Telephone Surveys. *Telescope: a Journal of Sociological and Marketing Research*. No. 6. P. 34—41. (In Russ.)
11. Ипатова А. А. Опыт анализа комментариев интервьюеров к телефонным интервью // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 64—76. <http://dx.doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.05>.
Ipatova A. A. (2016) The Experience in the Analysis of the Interviewers Comments to Telephone Interviews. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 64—76. <http://dx.doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.05>. (In Russ.)
12. Ипатова А. А., Рогозин Д. М. Условия коммуникативного успеха в стандартизованном телефонном интервью // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 21—53. <https://doi.org/10.19181/socjour.2014.1.480>.
Ipatova A. A., Rogozin D. M. (2014) A Formula to Communicative Success in the Structured Telephone Interview. *Sociological Journal*. No. 1. P. 21—53. <https://doi.org/10.19181/socjour.2014.1.480>. (In Russ.)
13. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003.
Kvale S. (2003) *Interviews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*. Moscow: Smysl. (In Russ.)
14. Князева Е. В. Response rate — показатель качества опроса или методическая проблема? Как мы считали достижимость респондентов в комбинированном

- исследовании // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 4—22. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1855>.
- Knyazeva E. V. (2021) Response Rate — An Indicator of the Research Quality or a Methodological Problem? How We Estimated the Response Rate in the Mixed Survey. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 4—22. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1855>. (In Russ.)
15. Колозариди П. В. Видеоинтервью с помощью онлайн-приложений: методический опыт // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2014. № 38. С. 96—127.
Kolozaridi P. V. (2014) Video Interview by Means of Online Applications: A Methodological Experience. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*. No. 38. P. 96—127. (In Russ.)
16. Колотовкина А. С. В одной лодке? Дебаты о методе в меняющемся эмпирическом поле // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 4. С. 11—32. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.1>.
Kolotovkina A. S. (2023) In the Same Boat? “Methodological Debate” in a Changing Empirical Field. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 4. P. 11—32. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.1>. (In Russ.)
17. Коротникова Н. В. Параметры проверки и контроля качества онлайн-опроса с использованием параданных // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 65—77. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.04>.
Korytnikova N. V. (2018) Use of Paradata in Quality Control of Online Survey. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 65—77. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.04>. (In Russ.)
18. Коротникова Н. В. Параданные для оценки качества данных онлайн-опроса: опыт классификации // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 111—120. <http://dx.doi.org/10.31857/S013216250010298-0>.
Korytnikova N. V. (2021) Paradata as Indicators of Online Survey Data Quality: Classification Experience. *Sociological Studies*. No 3. P. 111—120. <http://dx.doi.org/10.31857/S013216250010298-0>. (In Russ.)
19. Кузинер Е. Н. Исследование бездомности: методология, эмоциональная вовлеченность и место исследователя в чувствительных полях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 2. С. 69—88. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.4>.
Kuziner E. N. (2024) Homelessness: Methodology, Emotional Involvement and the Researcher’s Role in Sensitive Field. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 2. P. 69—88. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.4>. (In Russ.)
20. Лебедев Д. В. Параданные: определение, типы, сбор и возможное применение // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 4—32. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.915>.

- Lebedev D. V. (2020) Paradata: definition, types, collection, and possible uses. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 4—32. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.915>. (In Russ.)
21. Лебедев Д. В. Возможности использования GPS-параданных для контроля процесса сбора данных: Обзор существующих методов и анализ качества данных // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 4. С. 8—33. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.4.9313>.
Lebedev D. V. (2022) Using GPS-paradata to Control the Data Collection Process: Review of Existing Methods and Analysis of GPS-paradata Quality. *Sociological Journal*. Vol. 28. No. 4. P. 8—33. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.4.9313>. (In Russ.)
22. Мавлетова А. М. Использование параданных в опросах для корректировки и оптимизации полевых работ в адаптивном дизайне // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 105—119. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.07>.
Mavletova A. M. (2017) Using Survey Paradata for the Fieldwork Corrections and Optimization in Adaptive Design. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 105—119. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.07>. (In Russ.)
23. Омельченко Е. Л. «Я ничем вам не помог...»: исследовательская рефлексия вслед неудачному интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 1. С. 81—95. <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.5>.
Omelchenko E. L. (2020) “I Didn’t Help You in Any Way...”: Research Reflection After a Failed Interview. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 1. P. 81—95. <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.5>. (In Russ.)
24. Панова Е. Л. Диалог или господство? Размышление об этике полевых исследований // Пути России. Журнал социальных и этнографических исследований. 2025. Т. 3. № 1. С. 71—99.
Panova E. L. (2025) Dialogue or Domination? Reflection on the Ethics of Field Research. Russia’s Directions. *The Journal of Russian Social Research and Ethnography*. Vol. 3. No. 1. P. 71—99. (In Russ.)
25. Rogozin D. M. По(д)делки в «бумажном» поквартирном опросе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 4. С. 3—35. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.4.01>.
Rogozin D. M. (2015) Fabrication in Paper-and-Pencil Door-to-Door Survey. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 3—35. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.4.01>. (In Russ.)
26. Rogozin D. M. Этнографическое интервью: научная пьеса в двух действиях и способ ее интерпретации // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2018. Т. 10. № 16. С. 26—49. <https://doi.org/10.19181/inter.2018.16.3>.
Rogozin D. M. Ethnographic interview: science play in two acts and interpretation techniques. *Interaction. Interview. Interpretation*. 2018. Vol. 10. No. 16. P. 26—49. <https://doi.org/10.19181/inter.2018.16.3>. (In Russ.)

27. Рогозин Д. М. Протокол завершения интервью // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2023. Т. 15. № 4. С. 115—124. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.6>.
Rogozin D. M. (2023) Interview Completion Protocol. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 4. P. 115—124. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.6>. (In Russ.)
28. Рогозин Д. М., Сапонов Д. И. Корпус ошибок автоматизированного телефонного опроса // *Полития*. 2014. № 4. С. 145—162. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2014-75-4-145-162>.
Rogozin D. M., Saponov D. I. (2014) Corps of Errors in an Automated Telephone Survey. *Politeia*. No. 4. P. 145—162. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2014-75-4-145-162>. (In Russ.)
29. Рождественская Е. Ю. Качественные онлайн-методы // *Онлайн-исследования в России: тенденции и перспективы* / под общ. ред.: А. В. Шашкин, И. Ф. Девятко, С. Г. Давыдов. М.: ООО Онлайн маркет интеллидженс, 2016. С. 391—416.
Rozhdestvenskaya E. Yu. (2016) “Qualitative Online Methods”. In: A. V. Shashkin, I. F. Devyatko, S. G. Davydov. (eds.) *Online Surveys in Russia: Trends and Prospects*. Moscow: Online Market Intelligence LLC. P. 391—416. (In Russ.)
30. Солоненко Е. А. Полевой дневник в исследованиях сельской местности: особенности фиксации и организации данных // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2023. Т. 15. № 3. С. 80—91. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.5>.
Solonenko E. A. (2023) Field Diary in Rural Research: Features of Fixing and Organizing Data. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 3. P. 80—91. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.5>. (In Russ.)
31. Старцев С. В. Анализ установок исследователя в процессе изучения чувствительных тем: опыт интервьюирования участников военных конфликтов // *Социологический журнал*. 2024. Т. 30. № 3. С. 61—75. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.3.3>.
Startsev S. V. (2024) Analysis of the Researcher’s Attitudes in the Process of Studying Sensitive Topics: the Experience of Interviewing Participants of Military Conflicts. *Sociological Journal*. Vol. 30. No. 3. P. 61—75. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.3.3>. (In Russ.)
32. Сэлф Б. Как провести интервью во время и после пандемии COVID-19 / пер. с англ. А. П. Рязанцева // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2021. Т. 13. № 4. С. 9—27. <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.1>.
Self B. (2021) Conducting Interviews During the COVID-19 Pandemic and Beyond / transl. from English: A. P. Ryazantsev. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 4. P. 9—27. <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.1>. (In Russ.)
33. Терентьев Е. А., Мавлетова А. М., Косолапов М. С. Интервьюирование с помощью компьютерных технологий в лонгитюдных обследованиях домохозяйств // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018. № 3. С. 47—64. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.03>.

- Terentyev E. A., Mavletova A. M., Kosolapov A. M. (2018) Computer-Assisted Personal Interviewing for Longitudinal Household Studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 47—64. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.03>. (In Russ.)
34. Чудова И. А., Чернышова Е. А., Пироцкая А. В. Онлайн-интервью в изучении онлайн-общения: методическая рефлексия // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2017. № 44. С. 73—110. Chudova I. A., Chernyshova E. A., Pirotskaya A. V. (2017) Online Interview in Studies of Online Communication: Methodical Reflections. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*. No. 44. P. 73—110. (In Russ.)
35. Archibald M. M., Ambagtsheer R. C., Casey M. G., Lawless M. (2019) Using Zoom Videoconferencing for Qualitative Data Collection: Perceptions and Experiences of Researchers and Participants. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 18. P. 1—8. <https://doi.org/10.1177/1609406919874596>.
36. Couper M. P. (1998) A Measuring Survey Quality in a CASIC Environment. *Proceedings of the Survey Research Methods Section, ASA. Achieving Quality in Surveys*. P. 41—49.
37. Couper M. P., Singer E. (2013) Informed Consent for Web Paradata Use. *Survey Research Methods*. Vol. 7. No. 1. P. 57—67.
38. Garbarski D., Dykema J., Schaeffer N. C., Jones C. P., Neman T. S. Edwards D. F. (2023) Factors Associated with Interviewers' Evaluations of Respondents' Performance in Telephone Interviews: Behavior, Response Quality Indicators, and Characteristics of Respondents and Interviewers. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 87. No. 1. P. 480—506. <https://doi.org/10.1093/poq/nfad028>.
39. Guyer H. M., West B. T., Chang W. (2021) The Interviewer Performance Profile (IPP): A Paradata-Driven Tool for Monitoring and Managing Interviewer Performance. *Survey Methods: Insights from the Field*. <https://doi.org/10.13094/SMIF-2021-00005>.
40. Hasanbasri A., Kilic T., Koolwal G., Moylan H. (2024). Using Paradata to Assess Respondent Burden and Interviewer Effects in Household Surveys: Evidence from Low-and Middle-Income Countries. *Statistical Journal of the IAOS*. Vol. 40. No 2. P. 247—267. <http://dx.doi.org/10.1596/1813-9450-10456>.
41. Haven T. L., Van Grootel L. (2019). Preregistering Qualitative Research. *Accountability in Research*. Vol. 26. No. 3. P. 229—244. <https://doi.org/10.1080/08989621.2019.1580147>.
42. Henninger F., Kieslich P. J., Fernández-Fontelo A., Greven S., Kreuter F. (2023) Privacy Attitudes toward Mouse-Tracking Paradata Collection. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 87. No. S1. P. 602—618. <https://doi.org/10.1093/poq/nfad034>.
43. Kalpokas N., Radivojevic, I. (2022) Bridging the Gap Between Methodology and Qualitative Data Analysis Software: A Practical Guide for Educators and Qualitative

- Researchers. *Sociological Research Online*. Vol. 27. No. 2. P. 313—341. <https://doi.org/10.1177/13607804211003579>.
44. Khalil A., Cowie B. (2020) A research note: Video conferencing interviews. *Waikato Journal of Education*. Vol. 25. No. 1. P. 101—107. <https://doi.org/10.15663/wje.v25i0.778>.
45. Kunz T., Hadler P. (2020) Web Paradata in Survey Research. Mannheim. *GESIS — Leibniz Institute for the Social Sciences (GESIS — Survey Guidelines)*. P. 1—23. https://doi.org/10.15465/gesis-sg_037.
46. Kunz T., Landesvatter C., Gummer T. (2020) Informed Consent for Paradata Use in Web Surveys. *International Journal of Market Research*. Vol. 62. No. 4. P. 396—408. <https://doi.org/10.1177/1470785320931669>.
47. Lindsay S. (2022) A Comparative Analysis of Data Quality in Online Zoom Versus Phone Interviews: An Example of Youth with and Without Disabilities. *Sage Open*. Vol. 12. No. 4. P. 1—11. <https://doi.org/10.1177/21582440221140098>.
48. Maldonado-Castellanos I., Barrios L. M. (2023). Ethical Issues when Using Digital Platforms to Perform Interviews in Qualitative Health Research. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 22. P. 1—10. <https://doi.org/10.1177/16094069231165949>.
49. McClain C. A., Couper M. P., Hupp A. L., Keusch F., Peterson G., Piskorowski A. D., West B. T. (2019) A Typology of Web Survey Paradata for Assessing Total Survey Error. *Social Science Computer Review*. Vol. 37. No. 2. P. 196—213. <https://doi.org/10.1177/0894439318759670>.
50. Moran L., Caetano A. (2022). Biographical Research Through the Looking Glass of Social Distancing: Reflections on Biographical Interviewing and Online Technologies in Pandemic Times. *Irish Journal of Sociology*. Vol. 30. No. 2. P. 209—213. <https://doi.org/10.1177/07916035211022182>.
51. Newman P., Guta A., Black T. (2021) Ethical Considerations for Qualitative Research Methods During the COVID-19 Pandemic and Other Emergency Situations: Navigating the Virtual Field. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 20. No. 1. P. 1—12. <https://doi.org/10.1177/16094069211047823>.
52. Purdam K., Sakshaug J., Bourne M., Bayliss D. (2024) Understanding ‘Don’t Know’ Answers to Survey Questions—an International Comparative Analysis Using Interview Paradata. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. Vol. 37. No 2. P. 219—241. <http://dx.doi.org/10.1080/13511610.2020.1752631>
53. Rainey J., Macfarlane S., Puussaar A., Vlachokyriakos V., Burrows R., Smedinck J. D., Briggs P., Montague K. (2022) Exploring the Role of Paradata in Digitally Supported Qualitative Co-Research. *Proceedings of the 2022 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. P. 1—16. <https://doi.org/10.1145/3491102.3502103>.

54. Safir A., Black T., Steinbach R. (2001) Using Paradata to Examine the Effects of Interviewer Characteristics on Survey Response and Data Quality. In: *Proceedings of the Annual Meeting of the American Statistical Association*. P. 1—6.
55. Sharma S. (2019) Paradata, Interviewing Quality, and Interviewer Effects. Doctoral dissertation. Ann Arbor, MI: University of Michigan.
56. Tomás L., Bidet O. (2024) Conducting Qualitative Interviews via VoIP Technologies: Reflections on Rapport, Technology, Digital Exclusion, and Ethics. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 27. No. 3. P. 275—287. <https://doi.org/10.1080/13645579.2023.2183007>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2672](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2672)

О. Р. Михайлова

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СОЦИОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ И БОЛЕЗНИ В ДИССЕРТАЦИЯХ РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ?

Правильная ссылка на статью:

Михайлова О. Р. Существует ли социология психологического здоровья и болезни в диссертациях российских социологов? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 145—169. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2672>.

For citation:

Mikhaylova O. R. (2025) Does the Sociology of Mental Health and Illness Exist in the Dissertations of Russian Sociologists? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 145–169. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2672>. (In Russ.)

Получено: 13.08.2024. Принято к публикации: 07.03.2025.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СОЦИОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ И БОЛЕЗНИ В ДИССЕРТАЦИЯХ РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ?

*МИХАЙЛОВА Оксана Рудольфовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов департамента социологии факультета социальных наук, научный сотрудник Центра исследований современного детства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: oxanamikhailova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0236-6992>*

Аннотация. Цель статьи — описать состояние такой отрасли, как социология психологического здоровья и болезни в России. Для достижения этой цели были проанализированы авторефераты социологических диссертаций, хранящиеся в онлайн-каталоге Российской государственной библиотеки. Выбор диссертационных исследований для анализа обусловлен тем, что это научные работы, прошедшие процедуру защиты и получившие официальное признание научного сообщества. Это дает возможность относиться к ним как к авторитетным источникам информации о состоянии и развитии социологии психологического здоровья и болезни в России. Авторефераты диссертаций включают сокращенное изложение основных положений диссертации, что дает возможность оперативно ознакомиться с целями, методами и результатами исследования.

Метод анализа — обзор-картирование. Основное внимание уделялось целям и эмпирическим объектам исследования, упоминаемым в авторефератах. Было выявлено, что количество диссертаций по социологии психологического здоровья и болезни за период с 1995 по 2023 г. серьезно не изменилось, а данная тематика составляет менее

DOES THE SOCIOLOGY OF MENTAL HEALTH AND ILLNESS EXIST IN THE DISSERTATIONS OF RUSSIAN SOCIOLOGISTS?

*Oxana R. MIKHAYLOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department for Social Institutions Analysis, School of Sociology; Research Fellow at the Centre for Modern Childhood Research
E-MAIL: oxanamikhailova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0236-6992>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The purpose of the article is to describe the state of such a field as the sociology of mental health and illness in Russia. To achieve this goal, the author analyzes abstracts of sociological dissertations stored in the online catalog of the Russian State Library (RSL). The dissertations were chosen for analysis since these are scientific works that have undergone the defense procedure and received official recognition from the scientific community. This allows to treat them as authoritative sources of information on the state and development of the sociology of mental health and illness in Russia. Dissertation abstracts contain a summary of the main provisions of the dissertation, which makes it possible to quickly familiarize oneself with the goals, methods, and results of the research.

The study employs the mapping review method. The main attention was paid to the goals and empirical objects of the study mentioned in the abstracts. The author finds that the number of dissertations on the sociology of mental health and illness for the period from 1995 to 2023 did not change significantly, and this topic makes up less than 1% of the total number of defended dissertations. The most frequent empirical objects are the following groups of people: individuals, substance users, youth,

1% от общего количества защищенных диссертаций. Самыми частыми эмпирическими объектами выступали следующие группы людей: инвалиды, потребители психоактивных веществ, молодежь и военнослужащие. Сопоставление результатов исследования с англоязычными обзорами демонстрирует, что российские диссертации сходны по своим декларируемым целевым ориентирам и эмпирическим объектам с упомянутыми в англоязычной литературе.

Ключевые слова: картирование, анализ авторефератов диссертаций, психологическое здоровье и болезнь, анализ публикаций, социология психологического здоровья, социология болезни

and military personnel. A comparison of the results of the study with English-language reviews demonstrates that Russian dissertations are similar in their declared target guidelines and empirical objects to those mentioned in the English-language literature.

Keywords: mapping, analysis of dissertation abstracts, mental health and illness, publication analysis, sociology of mental health, sociology of illness

Социология психологического здоровья и болезни как дисциплинарное направление не имеет четкого обозначения в посвященных ему обзорах литературы и выделяется как отдельная область преимущественно только в англоязычных статьях начиная с 1979 г. [Goldstein, 1979; Warner, 2009; Pickersgill, 2010; Huft, 2022]. Более того, нет и терминологического единства, поскольку авторы используют разные обозначения: «sociology of mental health and illness», «sociology of mental health» и «sociology of therapy». Это говорит об отсутствии консенсуса в базовом аспекте научной области — ее названии. В перспективе такая терминологическая вариативность способна затруднить демаркационную работу исследователей в области социологии психологического здоровья и болезни. Когда нет понятного и принятого всеми языка, сложно выстраивать терминологические границы со смежными дисциплинами внутри социологии [Amsterdamska, 2005], например с социологией медицины, с внешними по отношению к социологии дисциплинами — психологией, психиатрией, философией [Liberati, Gorli, Scaratti, 2016], а также с ненаучным знанием [Gieryn, 1983].

Русскоязычные исследователи делают обзоры по социологии психологического здоровья существенно реже [Ардельянова, 2023], но и здесь при переводе перечисленных выше терминов наблюдается вариативность. Одни социологи называют здоровье/благополучие ментальным, другие — психическим, а третьи — психологическим. Я буду придерживаться перевода «психологический» и использовать слова «здоровье» и «болезнь», потому что слово «психический» слишком узкое и отсылает нас к психиатрии, не позволяя затронуть тематику настроения и стресса. В свою очередь, слово «ментальный» я предпочитаю не использовать, чтобы не плодить дополнительные смыслы, так как это калька английского слова, имеющего несколько вариантов перевода, в том числе и «психологический», то есть касающийся психологии человека. Не ограничиваюсь я и понятием благополучия, потому что оно имеет сугубо позитивную коннотацию в отличие от диа-

ды здоровья и болезни, позволяющей рассматривать психологические состояния во всем их многообразии¹.

Несмотря на отсутствие в литературе единого термина для обозначения обсуждаемой дисциплинарной области, анализ обзоров [Goldstein, 1979; Warner, 2009; Pickersgill, 2010; Huft, 2022] показывает, что данное направление в социологии касается социологических подходов к изучению жизни людей с различными формами психологических болезней, а также инфраструктуры обнаружения и реагирования на психологическое здоровье и болезни, распространенные среди населения. Можно предположить, что некоторая неопределенность в конкретном способе выбора термина для названия дисциплины связана с ее молодостью, с тем, что не преодолен порог формализации [Кожанов, 2015: 135]. Первые учебные пособия по данной дисциплине появились только в начале XXI века [Rogers, Pilgrim, 2021], и до сих пор спектр учебников даже на английском языке не столь широк [Aneshensel., Phelan., Bierman., 2013; Furr, 2022; Rogers, Pilgrim, 2021]. Регулярных курсов (не реже чем раз в год) по социологии психологического здоровья и болезни также не так много².

Рассмотрим другие возможные критерии сформированности дисциплинарных областей [Stichweh, 1992]: наличие собственных журналов, ассоциаций и конференций. В первых и вторых квартилях Web of Science (WoS) по социологии пока нет большого числа изданий, специализирующихся на социологии психологического здоровья и болезни. Единственным журналом по теме является «Society and Mental Health», функционирование которого поддерживается Американской социологической ассоциацией. В Международной социологической ассоциации (ISA) есть комитет, посвященный данной области³. Он регулярно, начиная с 2007 г., выпускает бюллетени и организует мероприятия. В Европейской социологической ассоциации (ESA) исследовательской сети, посвященной социологии психологического здоровья и болезни, не обнаружено. Социология психологического здоровья и болезни включена в социологию здоровья и медицины⁴. Аналогичная ситуация и в Российском обществе социологов (РОС), где психологическое здоровье и болезнь относятся к комитету по социологии здоровья и медицины⁵.

¹ Определение здоровья не только через физиологическое состояние человека, но и с учетом социальных факторов — важное достижение современной социологии медицины. Закрепление такого подхода многими исследователями датируется 1990-ми годами XX века [Monaghan, Gabe, 2022]. Сейчас наиболее широкие определения здоровья в социологии предполагают, что это динамическое состояние, возникающее ввиду индивидуальной агентности и воздействия социальных структур [Karadzhev, 2019]. Здоровье не сводится к отсутствию болезней, может быть представлено на континууме между «болезнью» и «здоровьем» и включать способность человека реализовывать свой потенциал, достигать значимых для него жизненных целей в конкретных социально-экономических условиях.

² Sociology of Mental Illness // Indiana University Bloomington. 2019. URL: <https://sociology.indiana.edu/student-portal/undergraduate/courses/spring/sociology-of-mental-illness.html> (дата обращения: 09.05.2024); Sociology of Mental Illness // The State University of New Jersey. 2024. URL: <https://sociology.rutgers.edu/academics/undergraduate/course-descriptions/course-descriptions/358-01920307-sociology-of-mental-illness> (дата обращения: 04.05.2024); Sociology of Mental Health and Illness // University of Alberta. 2024. URL: <https://apps.ualberta.ca/catalogue/course/soc/486> (дата обращения: 04.05.2024).

³ RC49 Sociology of Mental Health and Illness // ISA. 2024. URL: <https://www.isa-sociology.org/en/research-networks/research-committees/rc49-sociology-of-mental-health-and-illness> (accessed: 04.05.2024).

⁴ RN16—Sociology of Health and Medicine // ESA. 2024. URL: <https://www.europeansociology.org/research-networks/rn16-sociology-health-and-medicine> (accessed: 04.05.2024).

⁵ РОС. Социология здоровья и здравоохранения. 2024. URL: https://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=22&id=100 (дата обращения: 05.05.2024).

Чтобы узнать, как обстоят дела с российской научной социологической литературой в области психологического здоровья и болезни, я проанализировала авторефераты диссертаций, представленные в онлайн-каталоге Российской государственной библиотеки (РГБ). Выбор диссертационных исследований для анализа обусловлен тем, что они прошли процедуру защиты и получили официальное признание научного сообщества. Это позволяет рассматривать их как авторитетные источники информации о состоянии и развитии социологии психологического здоровья и болезни в России.

Авторефераты содержат краткое изложение основных положений диссертации, что дает возможность быстро ознакомиться с целями, методами и результатами исследования. Такой подход упрощает процесс отбора и анализа данных для обзорной статьи, которые производятся одним автором без использования дополнительного программного обеспечения для автоматического анализа текстов. Кроме того, в отличие от полных текстов диссертации, авторефераты проще обнаружить в открытом доступе без приобретения специальной подписки, что делает процесс анализа прозрачным и простым для воспроизведения другими исследователями. Однако стоит отметить, что сознательное ограничение данного обзора анализом диссертаций уменьшает возможность обобщения полученных результатов на всю область социологии психологического здоровья и болезни в России. Поскольку диссертации — лишь часть научных работ, анализ только этого типа источников может не дать полной картины. Обзор будет ограничен конкретными темами, методами и результатами исследований, представленными в диссертациях.

Для репрезентации результатов анализа использовался метод картирования [Grant, Booth, 2009]. Обзоры диссертаций и авторефератов, представленные в социологических журналах на русском языке [Кубряк, Кривошей, 2016; Зырянов, 2023], фокусируются преимущественно на картировании тем и анализе продуктивности разных регионов России с учетом временного контекста. Сходным образом в моем исследовании рассматриваются распределения защит диссертаций в связи с годом, учреждением, городом, специальностью, уровнем защиты, а также целями и объектами, декларируемыми в авторефератах.

Что известно о социологии психологического здоровья и болезни из обзоров англоязычной литературы?

Самый первый обзор в рассматриваемой области датируется 1979 г. [Goldstein, 1979]. Его автор М. Гольдштейн собрал теоретические и эмпирические исследования, касающиеся диагностических категорий, симптомов, признаков и состояний, входящих в понятие «психологическая болезнь», согласно мнениям социально санкционированных агентов (терапевтов, инстанций, осуществляющих социальный контроль, и исследователей). Свой подход к определению того, что входит в совокупность исследований по психологическому здоровью и болезни в социологии, он называет прагматическим.

Автор выявил две группы исследователей в области психологического здоровья и болезни: 1) тех, кто критикует существование медицинской модели⁶ пони-

⁶ Гольдштейн утверждает, что в литературе нет четкого определения медицинской модели, поэтому не дает его. Однако он обобщенно описывает, что значит критиковать медицинскую модель в контексте психологического благополучия. Это значит приписывать внутриорганизменную, физиологическую природу всем психологическим расстройствам, хотя в каждом индивидуальном случае это может быть не так.

мания того, что является расстройством психологического спектра, и 2) тех, кто предлагает и реализует социологические подходы к пониманию того, что является психологическим здоровьем, а что — болезнью. Выделяются три социологических подхода: 1) предполагающий альтернативную медицинской и психологической методологию для измерения психологических состояний; 2) критикующий процесс приписывания диагностических категорий — фокусирующийся на вскрытии социальных последствий приобретения диагностической категории индивидом; 3) сосредоточенный на выявлении переменных, которые могут увеличивать частоту психологических болезней (социальный класс, пол, брачный статус, наличие социальной поддержки).

Второй по хронологии обзор был опубликован в 2009 г. [Warner, 2009]. Его автор Дж. Уорнер привлекает внимание читателей к понятийной путанице в области социологических исследований психологического здоровья и болезни. Автор открыто позиционирует свое понимание психологических болезней как социальных конструктов, которые способны принести реальные жизненные тяготы диагностированным людям (критический реализм). Классифицируя подходы к изучению психологического здоровья и болезни, она также выделяет две группы исследователей: 1) социологов, в качестве фокуса исследования выбирающих психологическое здоровье и болезнь, 2) представителей внешних по отношению к социологии дисциплин, которые используют в своих работах социологические теории для объяснения психологического здоровья и болезни. В рамках социологии, как и М. С. Гольдштейн, Д. Уорнер видит три перспективы. Однако эти подходы немного отличаются по содержанию от выделенных Гольдштейном. Итак, Д. Уорнер считает, что существуют следующие группы социологов: 1) те, кто изучают психологические расстройства и здоровье как социальные конструкты, то есть предполагают, что общество создает психологические расстройства; 2) изучающие социальные последствия диагностики психологических расстройств (это перекликается со вторым подходом, выделенным М. С. Гольдштейном); 3) сторонники критического реализма. Последний подход Уорнер считает наиболее перспективным, поскольку он позволяет не отрицать наличие социальных конструктов, при этом не обесценивая переживания людей, имеющих психологические недуги.

Третий обзор был представлен М. Пикерсгиллом в 2010 г. [Pickersgill, 2010]. Этот исследователь подчеркивает значимость своей работы, обращая внимание на изменения в понимании психологического здоровья и болезни, которые произошли за последнее время в представлениях психологов, психиатров и обывателей. М. Пикерсгилл называет представления последних об этих понятиях техносоматическими. Это означает, что люди теперь думают, будто все психологические расстройства проявляются в нашем теле и их можно обнаружить при помощи специальных технических устройств. Поэтому автор рекомендует социологам, занимающимся вопросами психологического здоровья и болезни, обратиться к исследованиям науки и технологий (STS). Рассматривая работы на пересечении STS и социологии психологического здоровья и болезни, автор указывает на существование следующих направлений исследования: появление новых диагностических критериев, активизм сообществ пациентов, терапевтические инновации, взаимодействие между наукой, медициной и правом в области психологического здоровья

и болезней. Важным выводом обзора является обоснование нового названия дисциплины — «Социология производства психиатрического знания и его применения».

Четвертый и, пожалуй, самый свежий на данный момент англоязычный обзор касается истории и будущего социологии терапии [Huft, 2022]. Под социологией терапии Дж. Хуфт понимает применение социологической теории к исследованию вопросов, связанных с психотерапией. В рамках обзора анализируются периоды существования социологии психологического здоровья и болезни. В типологии Дж. Хуфта появляется темпоральный аспект, который отличает ее от предыдущих работ. Автор сообщает, что в рамках первого периода (1880—1960 гг.) социологи анализировали причины возникновения и ход течения расстройств. Затем (1961—1990 гг.) они критиковали подходы к диагностике расстройств. Сейчас же (с 1991 г. по настоящее время), по мнению Дж. Хуфта, ученые фокусируются на изучении подходов к лечению психологических болезней.

Русскоязычный обзор Я. Ардельяновой, характеризующий зарубежную социологию психологического здоровья и болезни, представляет данное направление как анализ психологического здоровья в контексте социальных групп, социальных отношений, институтов и процессов [Ардельянова, 2023]. Автор проводит границу между медицинским и социологическим пониманием психологического здоровья и болезни. Этот подход напоминает начало обзора М. Гольдштейна. Затем Я. Ардельянова приводит перевод главы П. Тоитса [Thoits, 1999], где выделяются три социологические теории к пониманию психологического здоровья и болезни. Первая — теория индивидуального стресса, согласно которой накопление стресса отдельным человеком влечет проблемы с психологическим здоровьем. Вторая — теория структурных деформаций, которая провозглашает, что именно структуры, а не только и не столько связанные с индивидом факторы, влекут накопление стресса. Третьим подходом П. Тоитс называет подход навешивания ярлыков, который представлен практически во всех англоязычных обзорах и заключается в критике универсальных способов диагностики и лечения психологических болезней. Обзора работ на русском языке Я. Ардельянова, к сожалению, не приводит, хотя такие работы были изданы за год и ранее до ее статьи [Жукова и др., 2011; Глухова, 2022].

Опираясь на рассмотренные выше обзоры литературы, можно утверждать, что в англоязычной социологии психологического здоровья и болезни просматриваются следующие ключевые эмпирические направления исследовательского интереса: 1) люди, которые имеют диагностированные психологические болезни, и представления о них различных социальных групп, 2) инструменты и агенты диагностики и устранения, включая лечение психологических болезней.

Цели исследований при этом охватывают анализ: 1) моделей различных форм психологических болезней, методов их устранения и критику медицинской модели со стороны альтернативных моделей, 2) последствий существования в обществе диагностических критериев и приписывания их индивидам, 3) социальных факторов микро- и макроуровня, в комбинации с прочими или отдельно, которые могут приводить к возникновению или осложнению течения психологической болезни. Предположительно именно эти цели и предметы эмпирического интереса могут найти отражение в тех диссертациях на русском языке, анализ авторефератов которых будет представлен далее в статье.

Данные и методология

Для проведения данного обзора были проанализированы авторефераты кандидатских и докторских диссертаций, доступные в базе РГБ. В качестве поискового запроса по текстам работ был использован следующий запрос: «психиатр» AND «психолог» OR «психическое расстройство» «болезнь». Поиск производился с фиксацией временного периода с 1995 по 2023 г. включительно в рамках области наук Высшей аттестационной комиссии (ВАК) «Социология» (учитывались разные номера этой области, которые были представлены в базе).

Чтобы автореферат попал в выборку исследования, он должен был удовлетворять одному или нескольким следующим критериям:

— исследование освещает социальные представления о состояниях психологического здоровья;

— исследование касается теоретических или методических вопросов измерения состояний психологического здоровья;

— исследование связано с анализом специалистов, работающих с людьми в различных психологических состояниях;

— исследование затрагивает корреляты психологического состояния человека, например трудоспособность или включенность в социальные отношения.

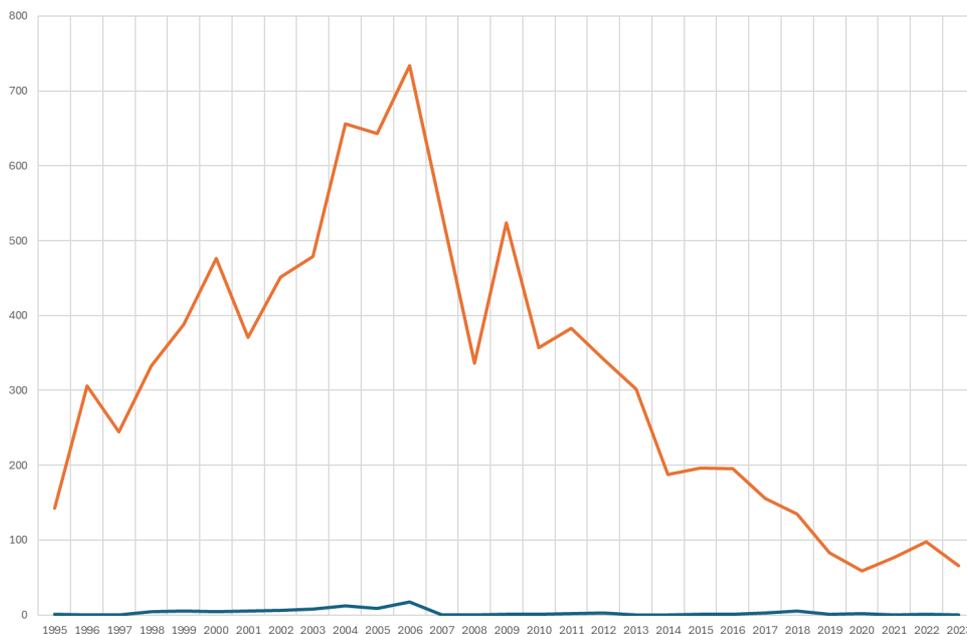
Полученная выборка составила 90 авторефератов диссертаций⁷. Изначально поиск выдавал 346 работ. Далее были удалены дубликаты, а также те работы, которые не соответствовали озвученным выше критериям.

Результаты

Распределение по годам охватывает период с 1995 по 2023 г. (см. рис. 1). Оно позволяет сделать вывод, что небольшой по отношению к общему числу защищенных диссертаций по социологии пик наблюдался в 2006 г. Тогда было защищено 17 диссертаций (менее 1%). Социология психологического здоровья и болезни в данном случае повторила общие тенденции по наибольшему количеству защит по социологии в целом. Нулевое число диссертаций пришлось на периоды 1996—1997, 2007—2008, 2013—2014 и 2021 гг. Следует обратить внимание, что по социологическим наукам в целом в эти годы защищались диссертации на прочие темы, поэтому достаточно трудно объяснить подобную статистику, возможно, она связана с перезагрузкой диссертационных советов. Вместе с тем почти каждый год, за исключением 2004 г., количество защищенных диссертаций по рассмотренной тематике не превышало десяти, то есть составляло от 0 до 4% от всего количества защищенных диссертаций за год. Подобные данные, вероятно, свидетельствуют о том, что социология психологического здоровья и болезни составляет весьма незначительную долю среди диссертаций, которые согласно классификации ВАК считаются социологическими. Однако, возможно, в смежных областях — философии, политологии, экономике и психологии — есть работы, подходящие под область социологии психологического здоровья и болезни по содержанию. Также это может объясняться раздробленностью социологического знания, возможно в других отраслевых социологических направлениях, наблюдается схожая картина.

⁷ Полный перечень работ можно получить, связавшись с автором данной статьи по адресу электронной почты.

Рис. 1. Распределение количества диссертаций по социологии психологического здоровья и по социологии в целом в РФБ

Примечание. Оранжевая линия — диссертации по социологии в целом. Синяя линия — диссертации по социологии психологического здоровья и болезни.

Исходя из обнаруженных авторефератов, можно заметить, что всего десять из них (11 %) относятся к числу подготовленных соискателями степени доктора наук. Остальные 80 (89 %) были защищены кандидатами. В целом подобный результат неудивителен, поскольку докторских диссертаций традиционно в разы меньше, чем кандидатских [Кубряк, Кривошей, 2016; Зырянов, 2023]. Среди городов по числу диссертаций лидером выступает Москва (см. табл. 1). Поскольку в Москве расположено большое количество организаций, в которых возможна защита диссертации, этот город лидирует по числу защит (27 %) не только в рамках социологических наук и по рассматриваемой в данном обзоре теме, но и среди прочих дисциплинарных областей.

Обращение к организациям, в которых защищались диссертации (см. табл. 2), демонстрирует, что лидером среди них по количеству является не московский вуз, а Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. В этом университете было защищено восемь диссертаций. Тематически у него не наблюдается определенной специализации: диссертанты подготовили работы по разным темам: игромания [Галич, 2006], алкоголизм [Назаров, 2006], инвалидность [Соколова, 2003; Григорьева, 2022], наркопотребление [Загребин, 2015], общие вопросы социологии здоровья [Судьин, 2005], потребление и оказание медицинских услуг [Дроздов, 2003; Степанова, 2005]. Любопытно, что более трети советов, в которых производилась защита, уже закрыты либо существенно трансформированы.

Таблица 1. Распределение количества защищенных диссертаций по социологии психологического здоровья и болезни по годам защит

Город защиты диссертации	Всего	% от общего числа защищенных диссертаций по отрасли за все время (90)	1995	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2009	2010	2011	2012	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2022
			Москва	24	27%	1		2	2	1	2	2	6	1	3		1					1	
Санкт-Петербург	9	10%			1	1		2		1	1	3											
Нижний Новгород	9	10%					1		3		2	1				1							1
Уфа	7	8%			1		1	1	1			2		1									
Саратов	6	7%		3						1					1					1			
Казань	5	6%							1	2						2							
Екатеринбург	3	3%									2								1				
Хабаровск	3	3%								1	1									1			
Саранск	2	2%														1				1			
Улан-Удэ	2	2%					1					1											
Белгород	2	2%								1												1	
Ростов-на-Дону	2	2%										2											
Владивосток	2	2%							1									1					
Пермь	2	2%			2																		
Новосибирск	3	3%				2		1															
Новочеркасск	1	1%										1											
Тула	1	1%										1											
Ставрополь	1	1%										1											
Волгоград	1	1%																	1				
Тамбов	1	1%													1								
Краснодар	1	1%										1											
Тюмень	1	1%									1												
Курск	1	1%		1																			
Майкоп	1	1%																			1		

**Таблица 2. Распределение количества диссертаций
в области психологического здоровья и болезни по учреждениям защиты**

Название учреждения	Количество диссертаций	% от общего числа диссертаций (90)
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского	8	9%
Башкирский государственный университет	5	6%
Санкт-Петербургский государственный университет	5	6%
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова	5	6%
Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.	4	4%
Российский государственный университет туризма и сервиса	3	3%
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева	2	2%
Уральский государственный университет им. А. М. Горького	2	2%
Военный университет им. А. Невского	2	2%
Хабаровский государственный технический университет	2	2%
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова	2	2%
Белгородский государственный национальный исследовательский университет	2	2%
Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН	2	2%
Тульский государственный университет	2	2%
Казанский федеральный университет	2	2%
Уфимский государственный авиационный технический университет	2	2%
Казанский государственный энергетический университет	2	2%
Московский педагогический государственный университет	2	2%
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена	2	2%
Российская академия наук	2	2%
Российский государственный социальный университет	1	1%
Волго-Вятская академия государственной службы	1	1%
Волгоградский государственный университет	1	1%
Российский государственный гуманитарный университет	1	1%
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	1	1%
Социологический институт РАН	1	1%
Московский гуманитарный университет	1	1%
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина	1	1%
Южный федеральный университет	1	1%
Дальневосточный государственный технический университет	1	1%

Название учреждения	Количество диссертаций	% от общего числа диссертаций (90)
Казанский национальный исследовательский технологический университет	1	1%
Московский государственный технологический университет «Станкин»	1	1%
Тихоокеанский государственный университет	1	1%
Астраханский государственный технический университет	1	1%
Уральский институт управления РАНХиГС	1	1%
Краснодарский университет МВД России	1	1%
Институт социологии ФНИСЦ РАН	1	1%
Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского	1	1%
Северо-Кавказский государственный технический университет	1	1%
Новосибирский государственный университет экономики и управления	1	1%
Новосибирская государственная медицинская академия	1	1%
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина	1	1%
Пензенский государственный университет	1	1%
Томский государственный университет	1	1%
Пермский Национальный Исследовательский Политехнический Университет	1	1%
Тюменский государственный университет	1	1%
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал РАНХиГС	1	1%
Казанский национальный технологический университет	1	1%
Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации	1	1%
Курский государственный технический университет	1	1%
Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова	1	1%
Адыгейский государственный университет	1	1%
Пермский государственный технический университет	1	1%

Больше всего диссертаций (59) было подготовлено по специальности «Социальная структура, социальные институты и процессы» (см. табл. 3). Меньше всего — по специальностям «Экономическая социология и демография» (1) и «Теория, методология и история социологии» (3). Это показывает, что экономические аспекты оказания услуг психологической или психиатрической помощи почти не обсуждаются социологами-диссертантами. Кроме того, небольшой объем теоретико-методологических и исторических диссертаций, вероятно, указывает на то, что, во-первых, еще не накоплен достаточный объем научных знаний для их обобщения; во-вторых, поскольку теоретические работы немногочисленны, методический аппарат, позволяющий измерить те или иные теоретические замыслы, пока не получил глубокой проработки. Также это может быть связано с тем, что по специаль-

ности «Социальная структура, социальные институты и процессы» больше советов, программ подготовки аспирантур чем по другим специальностям⁸.

**Таблица 3. Распределение количества диссертаций
в области психологического здоровья и болезни по специальностям**

Название специальности	Количество диссертаций	% от общего числа диссертаций (90)
Социальная структура, социальные институты и процессы	59	66 %
Социология культуры	13	14 %
Социология управления	14	16 %
Теория, методология и история социологии	3	3 %
Экономическая социология и демография	1	1 %

В авторефератах диссертаций заявлены преимущественно цели «описательно-го характера» — 72 % (см. табл. 4). Например, «выявить и описать особенности социальной адаптации больных алкоголизмом» [Назаров, 2006: 7] или «выявление основных тенденций и особенностей потребления ПАВ современной учащейся молодежью в региональном разрезе» [Загребин, 2015: 5]. Вторая по распространенности цель — разработка социальных технологий — 47 %: «разработка социальных технологий по оптимизации процесса социализации молодых инвалидов в условиях стационарных учреждений системы социальной защиты» [Кораблев, 2003: 5], «определение социально целесообразных способов оптимизации духовно-реабилитационной деятельности в современной российской армии» [Сметанников, 2000: 5]. Третьей по частоте целью была социологическая концептуализация — 22 %. Примеры такой цели: «концептуальное обоснование культурной социализации несовершеннолетних, характеризующихся пограничными психическими расстройствами, в условиях музыкальной школы» [Доля, 2020: 6], «определение концептуальных подходов к анализу специфики адаптационных стратегий, которые формируются в разных группах потерпевших» [Белова, 2004: 5]. Четвертой по распространенности была разработка методических инструментов (2 %) — «в поиске наиболее перспективных методических приемов и процедур, повышающих достоверность и качество опросных данных» [Григорьева, 2006: 5], «на основе теоретического осмысления сущности социального настроения провести исследование его особенностей в войсках в условиях трансформации российского общества, разработку методики его измерения» [Гоголин, 1999: 5]. Некоторые диссертации преследовали сразу несколько целей, в таком случае они вносились сразу в несколько категоризаций по целям. Преобладание среди диссертаций целей «описательного характера» соотносится с анализом по специальностям и демонстрирует, что выходов на теоретические обобщения крупного характера в области социологии психологического здоровья и болезни пока не так много.

⁸ Диссертационные советы // Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/dc> (дата обращения: 24.04.2025).

**Таблица 4. Распределение количества диссертаций
в области психологического здоровья и болезни по целям**

Цель	Количество диссертаций	% от общего числа диссертаций (90)
Выявление и описание особенностей некоего культурного явления	65	72%
Разработка социальных технологий	42	47%
Социологическая концептуализация	20	22%
Разработка методических инструментов	2	2%

Перечень эмпирических объектов в диссертациях обширен (см. табл. 5). Больше всего внимания уделяется людям с инвалидностью разных возрастов (19%). Авторы рассматривают реализуемые меры поддержки людей с инвалидностью в реализации их жизненных целей [Смирнов, 2006] и разрабатывают новые меры [Сабанов, 2004]. Социология психологического здоровья и болезни в данных работах проявляется в аспектах анализа психологических реакций людей с инвалидностью на этапе интеграции в социальную жизнь общества [Тимуца, 2003]. Также в диссертациях рассматриваются люди с диагностированной ментальной инвалидностью и реакции окружающих на их диагностическую категорию [Агеева, 2006]. Вероятно, основной пласт работ посвящен именно этой группе населения, поскольку документально установленную группу инвалидов проще охватить в ходе социологического исследования. Кроме того, по этой теме имеется не только научная литература, но и юридические нормы, определяющие положение инвалидов в обществе. Также немаловажно наличие обширного числа грантовых поддержек в России для исследований людей с инвалидностью. Например, много грантов на исследования инвалидности выделяют Фонд президентских грантов и Российский научный фонд. Такие программы финансовой поддержки, возможно, делают исследования более привлекательными для диссертантов.

Еще одна крупная группа в исследованиях по социологии психологического здоровья и болезни — потребители психоактивных веществ (17%). Употребление таких веществ, согласно множеству научных исследований, может провоцировать появление психических расстройств, а также предваряться и сопровождаться ими [Raftery et al., 2020]. Поэтому неудивительно, что социологи, изучающие психологическое здоровье и болезнь, написали множество работ по этой группе населения. В диссертациях, если говорить конкретнее, описываются тенденции распространения наркомании и алкоголизма в России [Мантатова, 2006], конкретном регионе или в мире, а также разрабатываются или оцениваются существующие меры по сокращению количества людей, употребляющих психоактивные вещества [Дадаева, 2012].

Диссертации, в которых эмпирическим объектом выступала молодежь, касаются характеристик физического и психологического здоровья молодых людей и факторов, способствующих улучшению здоровья этой категории населения (14%). Важно отметить, что в таких работах психологическое здоровье само по себе

не рассматривается. Оно квалифицируется только как сущность, которая может подвергаться угрозам и мерам профилактики. Например, угрозой называются широкое распространение психоактивных веществ [Загребин, 2015], деятельность тоталитарных сект [Дзяпшипа, 2006] или образ жизни семьи [Шевалдина, 1999]. То есть молодежь изображается как группа, уязвимая к внешним факторам. Без более глубокого погружения в тексты диссертаций сложно оценить, присутствует ли в них моральная паника касательно молодежи [Михайлова, 2020] и прочих практик, способных ухудшить психологическое здоровье молодых людей, или же высказываемые социологами опасения носят обоснованный характер.

Военные, участники локальных военных конфликтов, учащиеся кадетских училищ — еще одна из многочисленных групп, которые изучают социологи, специализирующиеся на психологическом здоровье и болезни (11 %). В диссертациях эта дисциплина появляется в связи с изменениями в психике, которые могут происходить после участия в военном конфликте, и последующей коррекцией у психологов [Денисов, 2006]. Также система подготовки к военной службе требует специальной психологической поддержки [Гоголин, 1999]. Кроме того, диссертации касаются трудностей самореализации военнослужащих в обществе в связи с необходимостью перехода на гражданскую службу [Коржинов, 2000]. Эти работы направлены на описание упомянутых процессов, на предложение мер по более эффективной интеграции военных на разных этапах их профессиональной траектории в мирную общественную жизнь [Паршаков, 2004] и поддержку их функционирования как профессиональных военных [Талынев, 1999].

Есть диссертации, обобщающие научную литературу. Эти работы имеют широкий охват и направлены на формирование теоретического подхода на основе анализа научной литературы. Например, в одной работе автор выстраивает свою теорию девиантного поведения [Шипунова, 2004], а в другой стремится прояснить теоретические основания социологии здоровья [Дмитриева, 2004]. С социологией психологического здоровья и болезни данные диссертации связаны косвенно. Как таковых работ, предметно обсуждающих, что входит в социологию психологического здоровья и болезни, составляет ее теоретико-методологические основы, историю, нет.

Три и менее диссертаций касаются девиантных групп населения, российского общества в целом, населения отдельного региона, пострадавших от чрезвычайных ситуаций, суицидентов, сотрудников международных организаций, работников Дальневосточной железной дороги (ДВЖД), материалов СМИ, консультирующих конфликтологов, людей с диагностированными психическими расстройствами, лиц, идентифицирующих себя как гомосексуалы, мужчин, проживающих в крупных городах, народных целителей, потребителей и продавцов на фармацевтическом рынке, преступников, больных игроманией, российских врачей и пациентов, спасателей, бродяг и попрошаек, новых религиозных организаций. Среди перечисленных объектов можно заметить, что некоторые из них имеют более узкую направленность и касаются сред или состояний, в которых возможно возникновение форм психологического неблагополучия, или работы с людьми, имеющими психические расстройства. Другие исследования охватывают более широкий круг вопросов, связанных со здоровьем людей, проживающих в разных геогра-

фических регионах. Масштаб варьируется от конкретного региона до совокупности населения нескольких стран [Мальчёнкова, 2002]. Как и в случае с целями, некоторые диссертации затрагивают одновременно несколько категорий эмпирических объектов, в этих случаях они заносились при категоризации сразу в несколько категорий.

Таблица 5. Распределение количества диссертаций в области психологического здоровья и болезни по эмпирическим объектам

Эмпирический объект	Количество диссертаций	% от общего числа диссертаций (90)
Инвалиды	17	19 %
Потребители психоактивных веществ	15	17 %
Молодежь	13	14 %
Военнослужащие	10	11 %
Научные публикации	7	8 %
Совокупность населения нескольких стран	3	3 %
Девианты	3	3 %
Российское общество	3	3 %
Население региона	2	2 %
Пострадавшие от чрезвычайных ситуаций	2	2 %
Суициденты	2	2 %
Материалы сми	2	2 %
Сотрудники международных организаций	1	1 %
Работники ДВЖД	1	1 %
Консультирующие конфликтологи	1	1 %
Люди с диагностированными психическими расстройствами	1	1 %
Люди, идентифицирующие себя как гомосексуалы	1	1 %
Мужчины, проживающие в крупных городах	1	1 %
Народные целители	1	1 %
Потребители и продавцы на фармацевтическом рынке	1	1 %
Преступники	1	1 %
Больные игроманией	1	1 %
Российские врачи и пациенты	1	1 %
Спасатели	1	1 %
Бродяги и попрошайки	1	1 %
Новые религиозные организации	1	1 %

Заключение и дискуссия

Представленный обзор показал, что социология психологического здоровья и болезни представлена в авторефератах российских диссертаций. Однако количество защищенных диссертаций по социологии психологического здоровья и болезни на протяжении многих лет серьезно не увеличивалось. В целом оно

составляет менее 1% от общего числа защищенных работ. Динамика изменений количества диссертаций по социологии в целом сходна с динамикой психологического здоровья и болезни. Большинство из них было подготовлено соискателями степени кандидата наук и защищалось в Москве. Среди университетов лидером по числу выпущенных работ стал Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского. Максимальное количество диссертаций было подготовлено по специальности «Социальная структура, социальные институты и процессы». Большинство рассмотренных авторефератов диссертаций декларируют описательные цели. Самые популярные эмпирические объекты — инвалиды, потребители психоактивных веществ, молодежь и военнослужащие.

Если сопоставить результаты с англоязычными обзорами [Goldstein, 1979; Warner, 2009; Pickersgill, 2010; Huft, 2022; Ардельянова, 2023], можно отметить, что и целевые направления, и эмпирические объекты в российских диссертациях похожи на те, что встречаются в англоязычной литературе. Вероятно, сходство целевых ориентиров и эмпирических объектов в российских и англоязычных работах объясняется тем, что авторы первых учитывали достижения зарубежных исследователей. Таким образом, рассмотренный период не показал значительной отстраненности от англоязычной повестки.

Опираясь на текущие тенденции в проведении диссертационных исследований и учитывая социальный контекст, можно предположить, что в будущем количество диссертаций описательного характера снизится. Это произойдет, потому что накопится критическое количество литературы для обобщения. Постепенно будет появляться больше диссертаций по специальности «Теория, методология и история социологии», а не только по направлению «Социальная структура, социальные институты и процессы». Это может произойти поскольку накопится достаточное количество материалов для теоретических обобщений. Однако в целом, значительного роста числа диссертаций по социологии психологического здоровья и болезни в России не будет, поскольку общее количество советов для защит вряд ли увеличится, а причин для роста популярности проблематики психологического здоровья и болезни среди российских социологов пока не наблюдается. На данный момент нет причин для смены лидерства в аспекте города и университета. Однако предположительно лидерство за тематикой инвалидности сохранится из-за напряженной мировой обстановки. Также останется актуальной тематика проблем военнослужащих. Темы, касающиеся потребителей психоактивных веществ и молодежи, возможно, будут подниматься реже.

Что касается будущего дисциплины «Социология психологического здоровья и болезни» в России, то ввиду крайне небольшого прироста диссертаций, содержательно к ней относящихся, быстрый рост ее позиций в российской социологии маловероятен. Хотя не исключено появление тематических журналов и сообществ ученых, занимающихся исключительно ей. Может сформироваться специфический язык такого сообщества и традиции. Исследования, скорее всего, останутся локальными и разрозненными, а формирование полноценной дисциплины произойдет не раньше, чем через полсотни лет. Именно столько времени может понадобиться ученым, чтобы создать соответствующие организации и накопить историю их функционирования.

Ограничения

Преимущество проведенного обзора — фокус на российских диссертациях, которые прежде не рассматривались в контексте социологии психологического здоровья и болезни. Ограничение исследования — невозможность включить в анализ авторефераты диссертаций, по разным причинам не отраженные в онлайн-каталоге Российской государственной библиотеки [Котельникова, 2006]. Кроме того, в нашем случае анализировались только два содержательных аспекта автореферата: цель и эмпирический объект. Возможно, изучение теоретических рамок позволило бы уточнить, действительно ли российские ученые обращаются к зарубежным исследованиям и учитывают их или же процессы, происходящие в России, аналогичны зарубежным, поэтому предметные области и способы их изучения совпадают. В будущем возможен, также, для более глубокой оценки приведенных в обзоре работ, анализ полных текстов диссертаций.

Список литературы (References)

1. Агеева Н. В. Социальные представления о людях с инвалидностью как фактор их интеграции в современное российское общество: дисс. ... канд. соц. наук. Ставрополь: Северо-Кавказский государственный технический университет, 2006.
Ageeva N. V. (2006) Social Representations of People with Disabilities as a Factor of Their Integration into Modern Russian Society. PhD Dissertation in Sociology. Stavropol: North Caucasus State Technical University. (In Russ.)
2. Ардельянова Я. А. Специфика социологического подхода к изучению ментального здоровья // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. Т. 108. № 4. С. 28—31. <http://dx.doi.org/10.24158/spp.2023.4.3>.
Ardelyanova Ya. A. (2023) The Specifics of the Sociological Approach to the Study of Mental Health. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. Vol. 108. No. 4. P. 28—31. <http://dx.doi.org/10.24158/spp.2023.4.3>. (In Russ.)
3. Белова Е. А. Модели социальной адаптации пострадавших от природных катастроф: Региональный аспект: дисс. ... канд. соц. наук. Хабаровск: Хабаровский государственный технический университет, 2004.
Belova E. A. (2004) Models of Social Adaptation of Victims of Natural Disasters: Regional Aspect. PhD Dissertation in Sociology. Khabarovsk: Khabarovsk State Technical University. (In Russ.)
4. Галич С. А. Социологический анализ игровой зависимости как формы культурной девиации: дисс. ... канд. соц. наук. М.: Московский государственный технологический университет «Станкин», 2006.
Galich S. A. (2006) Sociological Analysis of Gambling Addiction as a Form of Cultural Deviation. PhD Dissertation in Sociology. Moscow: Moscow State Technological University «Stankin». (In Russ.)
5. Глухова М. Е. Конструирование депрессии в зарубежном социологическом дискурсе: от «психиатрического объекта» к голосу субъекта // Журнал социо-

- логии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 2. С. 127—157. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.6>.
- Glukhova M. E. (2022) Constructing Depression in Foreign Sociological Discourse: From a “Psychiatric Object” to the Voice of the Subject. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 25. No. 2. P. 127—157. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.6>. (In Russ.)
6. Гоголин Н. А. Социальное настроение в войсках в условиях трансформации российского общества : дисс. ... канд. соц. наук. Пермь : Пермский государственный технический университет, 1999.
Gogolin N. A. (1999) Social Mood in the Troops in the Conditions of Transformation of Russian Society. PhD Dissertation in Sociology. Perm: Perm State Technical University. (In Russ.)
 7. Григорьева М. В. Измерение гомосексуальности в опросных исследованиях : дисс. ... канд. соц. наук. М. : Институт социологии РАН, 2006.
Grigoryeva M. V. (2006) Measuring Homosexuality in Survey Research. PhD Dissertation in Sociology. Moscow: Institute of Sociology RAS. (In Russ.)
 8. Григорьева М. И. Формирование современной реабилитационной среды инвалида в российском регионе : дисс. ... канд. соц. наук. Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2022.
Grigoryeva M. I. (2022) Formation of a Modern Rehabilitation Environment for Disabled People in the Russian Region. PhD Dissertation in Sociology. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. (In Russ.)
 9. Дадаева Ю. В. Социальная профилактика наркотизма в молодежной среде региона: на примере Республики Мордовия : дисс. ... канд. соц. наук. Саранск : Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 2012.
Dadaeva Yu. V. (2012) Social Prevention of Drug Addiction in the Youth Environment of the Region: The Case of the Republic of Mordovia. PhD Dissertation in Sociology. Saransk: Ogarev Mordovia State University. (In Russ.)
 10. Денисов А. А. Социальная реабилитация российских военнослужащих — участников вооруженных конфликтов : дисс. ... канд. соц. наук. Новочеркасск : Южно-Российский государственный технический университет, 2006.
Denisov A. A. (2006) Social Rehabilitation of Russian Military Personnel — Participants in Armed Conflicts. PhD Dissertation in Sociology. Novochoerkassk: South Russian State Technical University. (In Russ.)
 11. Дзяпшипа М. Н. Тоталитарные сектантские организации и их влияние на социальное поведение молодежи : дисс. ... канд. соц. наук. М. : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2006.
Dzyapshipa M. N. (2006) Totalitarian Sectarian Organizations and Their Influence on the Social Behavior of Youth. PhD Dissertation in Sociology. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)

12. Дмитриева Е. В. Теоретико-методологические и методические основы социологии здоровья: дисс. ... канд. соц. наук. М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2004.
Dmitrieva E. V. (2004) *Theoretical, Methodological and Methodical Foundations of Health Sociology*. PhD Dissertation in Sociology. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
13. Доля Р. Ю. Культурная социализация несовершеннолетних с психическими расстройствами в условиях музыкальной школы: социологический анализ: дисс. ... канд. соц. наук. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2020.
Dolya R. Yu. (2020) *Cultural Socialization of Minors with Mental Disorders in a Music School: A Sociological Analysis*. PhD Dissertation in Sociology. Belgorod: Belgorod State National Research University. (In Russ.)
14. Дроздов С. В. Экспектации населения в отношении платных медицинских услуг в период экономических преобразований в России: дисс. ... канд. соц. наук. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2003.
Drozdov S. V. (2003) *Public Expectations Regarding Paid Medical Services During the Period of Economic Transformations in Russia*. PhD Dissertation in Sociology. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. (In Russ.)
15. Жукова О., Карелина Д., Кром И., Барыльник Ю. Медико-социологическая интерпретация психического здоровья // Известия Саратовского Университета. Новая Серия. Серия Социология. Политология. 2011. Т. 11. № 1. С. 30—35.
Zhukova O., Karelina D., Krom I., Barylnik Yu. (2011) *Medical and Sociological Interpretation of Mental Health*. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. Vol. 11. No. 1. P. 30—35. (In Russ.)
16. Загребин В. В. Потребление психоактивных веществ учащейся молодежью: Региональный аспект: дисс. ... канд. соц. наук. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2015.
Zagrebina V. V. (2015) *Consumption of Psychoactive Substances by Students: Regional Aspect*. PhD Dissertation in Sociology. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. (In Russ.)
17. Зырянов В. В. Докторские диссертации по социологии в 2012—2022 гг. В России: тематика, тренды, проблемы // Социологические исследования. 2023. Т. 9. С. 78—88. <https://doi.org/10.31857/S013216250027779-9>.
Zyryanov V. V. (2023) *Doctoral Dissertations in Sociology in 2012—2022 in Russia: Topics, Trends, Problems*. *Sociological Studies*. Vol. 9. P. 78—88. <https://doi.org/10.31857/S013216250027779-9>. (In Russ.)
18. Кожанов А. А. Методология теоретических исследовательских программ: Сравнительные преимущества для анализа динамики научного знания // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2015. Т. 40. С. 114—143.

- Kozhanov A. A. (2015) Methodology of Theoretical Research Programs: Comparative Advantages for Analyzing the Dynamics of Scientific Knowledge. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. Vol. 40. P. 114—143. (In Russ.)
19. Кораблев А. В. Социализация лиц молодого возраста с выраженной задержкой интеллектуального развития в условиях стационарного учреждения: на примере Нижегородской области: дисс. ... канд. соц. наук. Нижний Новгород: Волго-Вятская академия государственной службы, 2003.
Korablev A. V. (2003) Socialization of Young People with Severe Intellectual Developmental Delay in a Residential Institution: The Case of the Nizhny Novgorod Region. PhD Dissertation in Sociology. Nizhny Novgorod: Volga-Vyatka Academy of Public Administration. (In Russ.)
20. Коржииков О. Н. Социальная и психологическая реабилитация военнослужащих — участников конфликтов в постсоветском пространстве: дисс. ... канд. соц. наук. М.: Астраханский государственный технический университет, 2000.
Korzhiikov O. N. (2000) Social and Psychological Rehabilitation of Military Personnel — Participants in Conflicts in the Post-Soviet Space. PhD Dissertation in Sociology. Moscow: Astrakhan State Technical University. (In Russ.)
21. Котельникова, З. В. Тематический обзор авторефератов кандидатских диссертаций по экономической социологии за 2000—2005 гг. // Экономическая социология. Т. 7. № 5. 2006. С. 90—109.
Kotelnikova, Z. V. (2006) Thematic Review of Abstracts of Candidate Dissertations in Economic Sociology for 2000—2005. *Economic Sociology*, Vol. 7. No. 5. P. 90—109. (In Russ.)
22. Кубряк О. В., Кривошей И. В. Анализ научной области на примере обзора диссертационных работ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 52—68. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.04>.
Kubryak O. V., Krivoshey I. V. (2016) Analysis of the Scientific Field on the Example of a Review of Dissertation Works. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 52—68. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.04>. (In Russ.)
23. Мальчёнкова А. Е. Стратификационные особенности суицидального поведения в современном обществе: дисс. ... канд. соц. наук. СПб.: Социологический институт РАН, 2002.
Mal'chonkova A. E. (2002) Stratification Features of Suicidal Behavior in Contemporary Society: PhD Dissertation in Sociology. Saint Petersburg: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
24. Мантатова М. Ш. Наркомания и токсикомания как проявления девиантности в среде подростков и молодежи на современном этапе развития российского общества: на материалах Республики Бурятия: дисс. ... канд. соц. наук. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2006.

- Mantatova M. Sh. (2006) Drug Addiction and Substance Abuse as Manifestations of Deviance Among Adolescents and Youth at the Present Stage of Development of Russian Society: Based on Materials from the Republic of Buryatia. PhD Dissertation in Sociology. Ulan-Ude: Buryat State University. (In Russ.)
25. Михайлова О. Кто использует понятие моральной паники? Библиометрический анализ научных публикаций // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 351—375. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-351-375>.
Mikhailova O. (2020) Who Uses the Concept of Moral Panic? Bibliometric Analysis of Scientific Publications. *Russian Sociological Review*. Vol. 19. No. 3. P. 351—375. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-351-375>. (In Russ.)
26. Назаров О. Ю. Ресурсы и модели социальной адаптации больных алкоголизмом: дисс. ... канд. соц. наук. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2006.
Nazarov O. Yu. (2006) Resources and Models of Social Adaptation of Alcoholics. PhD Dissertation in Sociology. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. (In Russ.)
27. Паршаков В. Ф. Социальная адаптация военнослужащих, уволенных с военной службы: дисс. ... канд. соц. наук. М.: Московский государственный университет сервиса, 2004.
Parshakov V. F. (2004) Social Adaptation of Military Personnel Discharged from Military Service. PhD Dissertation in Sociology. Moscow: Moscow State University of Service. (In Russ.)
28. Сабанов З. М. Социально-профессиональная реабилитация инвалидов: Проблемы и пути решения: на примере Республики Северная Осетия-Алания: дисс. ... канд. соц. наук. М.: Институт социально-политических исследований РАН, 2004.
Sabanov Z. M. (2004) Social and Professional Rehabilitation of Disabled People: Problems and Solutions: The Case of the Republic of North Ossetia-Alania. PhD Dissertation in Sociology. Moscow: Institute of Socio-Political Research RAS. (In Russ.)
29. Сметанников В. В. Духовная реабилитация военнослужащих российской армии: методология, методика и результаты социологического анализа: дисс. ... канд. соц. наук. Новосибирск: Новосибирская государственная медицинская академия, 2000.
Smetannikov V. V. (2000) Spiritual Rehabilitation of Russian Army Servicemen: Methodology, Methods and Results of Sociological Analysis. PhD Dissertation in Sociology. Novosibirsk: Novosibirsk State Medical Academy. (In Russ.)
30. Смирнов С. В. Социокультурные факторы реабилитации инвалидов в современной России: дисс. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный педагогический университет, 2006.
Smirnov S. V. (2006) Sociocultural Factors of Rehabilitation of Disabled People in Modern Russia. PhD Dissertation in Sociology. Rostov-on-Don: Rostov State Pedagogical University. (In Russ.)

31. Соколова О. В. Семья с ребенком-инвалидом — модель медико-социального обслуживания : дисс. ... канд. соц. наук. Нижний Новгород : Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2003.
Sokolova O. V. (2003) Family with a Disabled Child — A Model of Medical and Social Services. PhD Dissertation in Sociology. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. (In Russ.)
32. Степанова Е. В. Концепция внедрения социальной работы в психиатрию: на примере Нижегородской области : дисс. ... канд. соц. наук. Нижний Новгород : Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2005.
Stepanova E. V. (2005) The Concept of Introducing Social Work into Psychiatry: The Case of the Nizhny Novgorod Region. PhD Dissertation in Sociology. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. (In Russ.)
33. Судьин С. А. Соотношение обыденных и научных представлений о психических болезнях : дисс. ... канд. соц. наук. Нижний Новгород : Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2005.
Sudyin S. A. (2005) The Correlation of Everyday and Scientific Concepts of Mental Illnesses. PhD Dissertation in Sociology. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. (In Russ.)
34. Талынев В. Е. Морально-психологическая подготовка военнослужащих как социальный процесс и пути ее оптимизации в современных условиях : дисс. ... канд. соц. наук. М. : Военный университет, 1999.
Talynev V. E. (1999) Moral and Psychological Training of Military Personnel as a Social Process and Ways to Optimize It in Modern Conditions. PhD Dissertation in Sociology. Moscow: Military University. (In Russ.)
35. Тимуца О. В. Процесс социализации личности ребенка-инвалида в современном российском обществе: на материалах Республики Татарстан : дисс. ... канд. соц. наук. Казань : Казанский государственный энергетический университет, 2003.
Timutsa O. V. (2003) The Process of Socialization of the Personality of a Disabled Child in Modern Russian Society: Based on Materials from the Republic of Tatarstan. PhD Dissertation in Sociology. Kazan: Kazan State Power Engineering University. (In Russ.)
36. Шевалдина Е. И. Социально-экологические проблемы здоровья детей : дисс. ... канд. соц. наук. Уфа : Башкирский государственный университет, 1999.
Shevaldina E. I. (1999) Socio-Ecological Problems of Children's Health. PhD Dissertation in Sociology. Ufa: Bashkir State University. (In Russ.)
37. Шипунова Т. В. Опыт построения социологической теории девиантности: Теоретико-методологические проблемы : дисс. ... док. соц. наук. СПб. : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2004.
Shipunova T. V. (2004) Experience in Constructing a Sociological Theory of Deviance: Theoretical and Methodological Problems. Doctoral Dissertation in Sociology. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia. (In Russ.)

38. Amsterdamska O. (2005) Demarcating Epidemiology. *Science, Technology, & Human Values*. Vol. 30. No. 1. P. 17—51. <https://doi.org/10.1177/0162243904270719>.
39. Aneshensel C. S., Phelan J. C., Bierman A. (2013) The Sociology of Mental Health: Surveying the Field. In: Aneshensel C. S., Phelan J. C., Bierman A. (eds.) *Handbook of the Sociology of Mental Health*. Springer Netherlands. P. 1—19.
40. Furr A. (2022) *The Sociology of Mental Health and Illness*. Sage Publications.
41. Monaghan L. F., Gabe J. (eds.) (2022) *Key Concepts in Medical Sociology* (Third Edition). Sage Publications.
42. Gieryn T. F. (1983) Boundary-Work and the Demarcation of Science from Non-Science: Strains and Interests in Professional Ideologies of Scientists. *American Sociological Review*. Vol. 48. No. 6. P. 781—795. <https://doi.org/10.2307/2095325>.
43. Goldstein M. S. (1979) The Sociology of Mental Health and Illness. *Annual Review of Sociology*. Vol. 5. No. 1. P. 381—409. <https://www.jstor.org/stable/2945960>.
44. Grant M. J., Booth A. (2009) A Typology of Reviews: An Analysis of 14 Review Types and Associated Methodologies. *Health Information & Libraries Journal*. Vol. 26. No. 2. P. 91—108. <https://doi.org/10.1111/j.1471-1842.2009.00848.x>.
45. Huft J. (2022) The History and Future of the Sociology of Therapy: A Review and a Research Agenda. *The American Sociologist*. Vol. 53. No. 3. P. 437—464. <https://doi.org/10.1007/s12108-022-09534-3>
46. Karadzhev D. (2021) Explaining Mental Health Recovery in the Context of Structural Disadvantage: The Unrealised Potential of Critical Realism. *Social Theory & Health*. Vol. 19. P. 172—185.
47. Liberati E. G., Gorli M., Scaratti G. (2016) Invisible Walls Within Multidisciplinary Teams: Disciplinary Boundaries and Their Effects on Integrated Care. *Social Science & Medicine*. Vol. 150. P. 31—39. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2015.12.002>.
48. Pickersgill M. D. (2010) Psyche, Soma, and Science Studies: New Directions in the Sociology of Mental Health and Illness. *Journal of Mental Health*. Vol. 19. No. 4. P. 382—392. <https://doi.org/10.3109/09638230903531092>.
49. Raftery D., Kelly P. J., Deane F. P., Baker A. L., Ingram I., Goh M. C., Lubman D. I., Carter G., Turner A., Dean O. M. (2020) Insight in Substance Use Disorder: A Systematic Review of the Literature. *Addictive Behaviors*. Vol. 111. P. 1—9. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2020.106549>.
50. Rogers A., Pilgrim D. (2021) *A Sociology of Mental Health and Illness*. McGraw-Hill Education (UK).
51. Stichweh R. (1992) The Sociology of Scientific Disciplines: On the Genesis and Stability of the Disciplinary Structure of Modern Science. *Science in Context*. Vol. 5. No. 1. P. 3—15. <https://doi.org/10.1017/S0269889700001071>.

52. Thoits P.A. (1999) Sociological Approaches to Mental Illness. In: Horwitz A. V., Scheid T. L. (eds.) *A Handbook for the Study of Mental Health*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 121—138.
53. Warner J. (2009) The Sociology of Mental Health: A Brief Review of Major Approaches. *Sociology Compass*. Vol. 3. No. 4. P. 630—643. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2009.00224.x>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2575](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2575)

С. В. Жучкова, В. Ю. Девятников, А. П. Казун, М. Д. Белов, О. И. Сидорова

ТЕКСТЫ СУДЕБНЫХ ПРИГОВОРОВ КАК ИСТОЧНИК ДАННЫХ ДЛЯ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРАВА В РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Жучкова С. В., Девятников В. Ю., Казун А. П., Белов М. Д., Сидорова О. И. Тексты судебных приговоров как источник данных для эмпирических исследований права в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 170—192. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2575>.

For citation:

Zhuchkova S. V., Devyatnikov V. Y., Kazun A. P., Belov M. D., Sidorova O. I. (2025) Texts of Court Verdicts as a Data Source for Empirical Legal Studies in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 170–192. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2575>. (In Russ.)

Получено: 24.02.2024. Принято к публикации: 19.02.2025.

ТЕКСТЫ СУДЕБНЫХ ПРИГОВОРОВ КАК ИСТОЧНИК ДАННЫХ ДЛЯ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРАВА В РОССИИ

ЖУЧКОВА Светлана Васильевна — кандидат наук об образовании, научный сотрудник, Международный центр изучения институтов и развития, научный сотрудник, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: szhuchkova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4425-725X>

ДЕВЯТНИКОВ Вадим Юрьевич — стажер-исследователь, Международный центр изучения институтов и развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: vdevyatnikov@hse.ru

<https://orcid.org/0009-0009-5278-7232>

КАЗУН Антон Павлович — кандидат социологических наук, директор, Институт анализа предприятий и рынков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: akazun@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0091-5388>

БЕЛОВ Михаил Дмитриевич — PhD-студент, Калифорнийский Университет в Лос-Анджелесе (UCLA), Лос-Анджелес, США

E-MAIL: mikaebelbelov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8848-2726>

СИДОРОВА Ольга Игоревна — стажер-исследователь, Международный центр изучения институтов и развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: oi.sidorova@hse.ru

<https://orcid.org/0009-0003-1733-1471>

TEXTS OF COURT VERDICTS AS A DATA SOURCE FOR EMPIRICAL LEGAL STUDIES IN RUSSIA

Svetlana V. ZHUCHKOVA¹ — PhD in Education, Research Fellow, International Center for the Study of Institutions and Development; Research Fellow, Institute of Education

E-MAIL: szhuchkova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4425-725X>

Vadim Yu. DEVYATNIKOV¹ — Research Assistant, International Center for the Study of Institutions and Development

E-MAIL: vdevyatnikov@hse.ru

<https://orcid.org/0009-0009-5278-7232>

Anton P. KAZUN¹ — Cand. Sci. (Soc.), Director, Institute for Industrial and Market Studies

E-MAIL: akazun@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0091-5388>

Mikhail D. BELOV² — PhD student

E-MAIL: mikaebelbelov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8848-2726>

Olga I. SIDOROVA¹ — Research Assistant, International Center for the Study of Institutions and Development

E-MAIL: oi.sidorova@hse.ru

<https://orcid.org/0009-0003-1733-1471>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² University of California, Los Angeles, Los Angeles, USA

Аннотация. Развитие эмпирических исследований права в России во многом сдерживается дефицитом доступных источников данных о правоприменении. Один из таких источников, до сих пор недостаточно используемый в российских исследованиях, — публикуемые в открытом доступе тексты судебных решений, в частности судебных приговоров. Цель статьи — предложить подход к использованию текстов судебных приговоров как источника данных, который может быть востребован для проведения эмпирических исследований в сфере социологии права, социологии преступности и девиантного поведения в России.

На основе собственного опыта работы с текстами приговоров авторы описывают возможные варианты их сбора, предобработки и анализа с применением техник автоматизированного анализа текстов. В качестве иллюстрации возможностей используется недавнее исследование гендерных различий в сроках наказания за убийство по ст. 105 ч. 1 УК РФ. Обсуждение потенциала использования текстов приговоров дополняется обзором альтернативных источников судебных данных, доступных в России, а также рефлексией о преимуществах и ограничениях текстов приговоров по сравнению с другими источниками правовой информации.

Ключевые слова: веб-скрейпинг, открытые данные, правоприменение, судебная статистика, тексты приговоров, эмпирические исследования права, text mining

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10073 «Разработка и апробация методики автоматизированного анализа текстов приговоров российских судов для социально-правовых исследований (на примере насильственных преступлений)» (см. подробнее: <https://rscf.ru/project/23-78-10073/>).

Abstract. The development of empirical legal studies in Russia is restricted by the lack of sources of disaggregated data on law enforcement available to social researchers. One of the potential sources of such data, which is still insufficiently used in Russian research, is the publicly available texts of court verdicts, in particular court sentences. This article proposes a methodology for using the texts of court verdicts as a possible data source that may be of interest to sociologists conducting empirical research on law and law enforcement in Russia.

Based on their own experience of sentencing research, the authors describe possible options for the collection, preprocessing, and analysis of such texts using text-mining techniques. As an illustration, a recent study of gender differences in sentences for murder under Article 105 Part 1 of the Criminal Code of the Russian Federation is used. The discussion of the potential of using sentencing texts is complemented by an overview of alternative sources of judicial data available in Russia, as well as a reflection on the advantages and limitations of sentencing texts compared to other sources of legal information.

Keywords: web scraping, open data, law enforcement, court statistics, court verdicts, empirical legal studies, text mining

Acknowledgments. The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-78-10073 “Development and approbation of the algorithm for automated analysis of the court decisions texts for socio-legal studies (based on cases of violent crimes)” (see more details: <https://rscf.ru/project/23-78-10073/>).

Введение

Эмпирические исследования права — направление, предполагающее изучение широкого круга вопросов взаимодействия права и общества с обязательной опорой на эмпирические данные [Волков, 2017]. Систематические исследования в этом направлении начались в конце XIX в. в США [Фридман, 2014] и к настоящему времени также широко представлены в Германии, Израиле, Великобритании, Австралии, Канаде¹.

В России развитие эмпирических исследований права сдерживается дефицитом доступных источников дезагрегированных данных, то есть данных, представленных на уровне отдельного юридического кейса, не сгруппированных по каким-либо основаниям. В отличие от западных стран, Россия находится в уникальной ситуации, при которой ведомства собирают большое количество информации о правоприменении, однако ученые почти не имеют к ним доступа [Титаев и др., 2018]. Из этой ситуации есть исключение — публикуемые российскими судами тексты судебных актов, в том числе судебных приговоров, которые в соответствующей академической дискуссии не раз упоминались как потенциальный источник эмпирических данных [Волков, 2017; Волков, Скугаревский, Титаев, 2016; Титаев и др., 2018]. Хотя приговоры в России публикуются уже более десяти лет, а на портале государственной автоматизированной системы «Правосудие» (далее — ГАС «Правосудие») есть доступ к нескольким миллионам приговоров, практика привлечения их как источника информации все еще редка: до сих пор есть лишь несколько примеров исследований, в которых ученые², журналисты или сотрудники НКО³ в своих выводах опираются на анализ текстов приговоров. На наш взгляд, потенциал этого источника данных существенно превышает тот круг задач, который был решен на текущий момент. Более системная работа с информацией, представленной в текстах приговоров, способна дать толчок к развитию эмпирических исследований права в России, позволив ответить на вопросы как о закономерностях совершения преступлений, так и об особенностях принятия решений судьями. В свою очередь, поиск ответов на эти вопросы важен для доказательного совершенствования уголовной политики и повышения качества работы судебной системы в России.

Цель статьи — предложить подход к использованию текстов судебных приговоров в качестве возможного источника данных для эмпирических исследований права в России. Мы хотим на основе собственного опыта 1) рассказать, как собирать тексты приговоров; 2) описать методы и техники, которые можно использовать для предобработки и анализа приговоров; 3) продемонстрировать возможность извлечения из текстов приговоров переменных, которые не доступны в агрегированной статистике; 4) обсудить ограничения, связанные с использованием этих данных. Статья охватывает только приговоры как источник данных —

¹ Перечислены топ-5 стран, кроме США, авторы из которых наиболее часто публикуются в профильном журнале — *Journal of Empirical Legal Studies* (согласно данным базы научного поиска Lens).

² См., например, [Титаев, 2014; Metsker et al., 2019; Zhuchkova, Kazun, 2023].

³ См. проект «Алгоритм света» Консорциума женских НПО, в котором на основе текстов приговоров рассчитана доля убитых в России женщин, погибших от рук партнеров или родственников. URL: <https://algorithmsveta.com/> (дата обращения: 16.12.2024).

иные источники данных о правоприменительной практике, которые также могут быть релевантны для исследователей, упоминаются в обзорной части статьи, однако не являются предметом рассмотрения в настоящей работе. Предлагаемый в статье подход может быть востребован социологами, работающими в сфере социологии права, социологии преступности и девиантного поведения, а также социально-экономического анализа правоприменения.

Статья структурирована следующим образом. Вначале представлен обзор источников данных о правоприменении, использующихся в зарубежных исследованиях и доступных в России. Затем изложены нормативные основания публикации судебных приговоров в России и имеющиеся сведения о реальных практиках публикации приговоров. На примере одного из недавних исследований описаны возможные способы сбора и предобработки приговоров, а также процесс их трансформации в массив количественных данных, пригодных для анализа. Статья завершается методологической рефлексией о преимуществах и ограничениях приговоров как источника эмпирических данных.

Обзор литературы

Ключевые источники эмпирических данных

В эмпирических исследованиях права, посвященных таким вопросам, как детерминанты преступности, традиционно есть два ключевых источника информации: официальная статистика и виктимизационные опросы.

К официальной статистике относятся различные административные записи — от обращений в полицию и государственные ведомства до статистики о судебных решениях и апелляциях. Исследователи К. Лофтин и Д. Макдауэлл выделяют шесть ключевых недостатков официальной статистики [Loftin, McDowall, 2010]. Во-первых, у разных ведомств разные алгоритмы учета, что нередко делает данные несопоставимыми между собой. Во-вторых, жители не всегда обращаются в полицию и другие органы, что оставляет большое количество неучтенных случаев. В-третьих, полиция может регистрировать не все преступления по разным причинам — от перегруженности или ненамеренного игнорирования жалоб до стремления сохранить хорошую статистику, что имеет место и в России [Paneyakh, 2014]. В-четвертых, официальные данные часто содержат пропуски или же не публикуются целиком. В-пятых, многие ведомства не регистрируют важную для ученых информацию, например национальность и образование преступника и жертвы. Наконец, искажения могут быть связаны с тем, что ведомственная статистика — политически важная информация, которая говорит об эффективности работы системы правоприменения. Исследования показывают, что некоторая информация может быть недоступной ученым из-за нежелания ведомств предоставлять ее, даже если официально такая обязанность у них есть [Addington, 2008]. Более того, факт непредоставления ведомством информации не является случайным и может быть связан с качеством правоприменения в том или ином регионе или с организационными факторами работы внутри конкретного ведомства [Nolan III et al., 2007; Paneyakh, 2014].

Виктимизационные опросы в США и Европе начали развиваться в конце 1960-х — начале 1970-х годов как реакция на недостатки официальной статисти-

стики [Rand, 2006]. Базовая идея состояла в том, что, если сравнить с официальной статистикой долю населения, сообщившего в ходе опроса об опыте столкновения с преступлением, можно узнать объем неучтенной преступности. Помимо единичных опросов, репрезентирующих отдельные города или фиксирующих отношение граждан к различным правоохранительным ведомствам, в России до недавнего времени не проводилось виктимизационных опросов [Веркеев и др., 2019]. Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге (далее — ИПП при ЕУ СПб) провел два опроса, соответствующих международным стандартам: в 2018 г. [Кнорре, Титаев, 2018] и в 2021 г. [Серебренников, Титаев, 2022].

Виктимизационные опросы также не лишены недостатков. К их ограничениям относят недоучет некоторых видов преступлений [Schwartz, Vega, 2017], таких как преступления без жертв (употребление наркотиков или проституция) или тех, где жертва умирает. Другие смещения связаны с особенностями выборки социологических опросов, из-за которых некоторые категории граждан (например, бездомные или очень богатые) имеют низкие шансы стать респондентом. Виктимизационные опросы нередко игнорируют тюрьмы и другие закрытые для исследователей учреждения. Наконец, на некоторые вопросы респондентам некомфортно отвечать, особенно если опыт связан с пережитым в прошлом насилием (в таких случаях также имеет место и фактор интервьюера).

Анализ результатов, полученных с использованием официальной статистики и виктимизационных опросов в США за период с 1973 по 2008 г. [Ansari, He, 2015], показывает, что оценки экономических преступлений на основе этих двух источников постепенно сходятся. Это может свидетельствовать о совершенствовании обоих источников данных. В то же время исследователи отмечают потребность в альтернативных источниках данных [Schwartz, Vega, 2017]. К таковым можно отнести данные из СМИ и социальных сетей [Hipp et al., 2019], информацию об интернет-запросах [Ozkan, 2019] и т. п. Впрочем, эти источники данных тоже далеки от совершенства. Например, публикации о преступлениях в СМИ имеют тенденцию давать смещенные оценки в пользу тех или иных типов преступлений или социальных групп [Lundman, 2003]. Кроме того, медиа нередко выступают не столько источником информации, сколько фактором, который влияет на преступность и ее восприятие населением [Pickett et al., 2015].

Другим новым источником данных являются различные юридические тексты. С точки зрения типологии этот источник близок к официальной статистике, в том числе не свободен от некоторых ее недостатков — например, в судебном приговоре не окажется той информации, которую сотрудник суда не посчитал нужным вносить. Однако анализ юридических документов с использованием различных техник автоматизированной обработки текстов предоставляет исследователям дополнительные возможности, такие как извлечение из них новой информации, в том числе такой, которую никто намеренно не фиксировал в качестве официальной статистики [Kovalchuk et al., 2022]. Хотя в настоящем исследовании мы сфокусируемся на текстах судебных приговоров как источнике данных, анализировать с помощью этих техник можно и иные тексты, включая договоры, патенты, законодательные акты, налоговые декларации и пр.

У автоматизированного анализа текстов есть широкий спектр для применения: суммаризация текстов судебных решений [Moens, 2007], классификация [Ashley, Brüninghaus, 2009] и поиск типичных паттернов [Kaur et al., 2019], предсказание судебных решений и анализ их детерминант [Aletas et al., 2016]. С помощью подобных техник можно определить, принимают ли судьи из разных регионов одной страны при прочих равных одинаковые решения [Pina-Sánchez et al., 2019], существует ли дискриминация подзащитных или жертв по полу, расе или по национальности [Pina-Sánchez, Roberts, Sferopoulos, 2019]. Автоматизированный анализ юридических текстов — быстро развивающееся направление, в котором каждый год появляются новые подходы и алгоритмы (см., например, [Shu, Sen, 2023; Prasad, Boughanem, Dkaki, 2024]), в том числе опирающиеся на большие языковые модели.

В **Приложении 1** мы суммируем основные преимущества и недостатки трех рассмотренных нами источников данных: официальной статистики, исследовательских данных (в т. ч. виктимизационных опросов) и текстов судебных приговоров.

Международная практика публикации текстов судебных приговоров

Публикация приговоров — набирающая глобальное распространение практика, которая является частью более обширного движения о доступе к правовой информации FALM⁴ (Free Access to Law Movement). Существует множество организаций, публикующих правовую информацию. Так, на сайте Мирового института правовой информации⁵ можно найти ресурсы с юридическими текстами многих стран мира. Однако публичный доступ к правовой информации включает в себя в первую очередь сами законы и лишь потом судебные решения [Poulin, Mowbray, 2007]. Ситуация с публикацией именно судебных решений, в том числе приговоров, различается от страны к стране. Наиболее близкой к российской представляется ситуация в Китае [Ahl, Sprick, 2018] и США [Cao, Ash, Chen, 2020], где открытый доступ к текстам судебных решений регулируется соответствующими национальными законами и существуют сайты, агрегирующие миллионы судебных актов. В Нидерландах, по оценкам исследователей, лишь 5% судебных решений находятся в открытом доступе [Hartel, van Wegberg, van Staalduijn, 2022]. В Англии тексты судебных решений не публикуются в открытом доступе, однако могут быть получены через обращение к коммерческим базам данных⁶. Вопрос о полноте и несмещенности этих данных остается открытым [Pina-Sanchez et al., 2019]. Кроме России, на постсоветском пространстве национальные базы, содержащие данные о решениях судов различных инстанций, были созданы в Казахстане [Юрченко, Сакалов, 2009] и Украине [Turkanova, 2023].

Существует несколько системных проблем с базами судебных решений и доступом к ним. Во-первых, многие базы данных фокусируются на судах высших инстанций, а решения более низких инстанций либо не присутствуют вовсе, либо собраны лишь частично. Во-вторых, подобную информацию иногда нельзя полу-

⁴ The Free Access to Law Movement — Homepage // FALM. URL: <http://falm.info/> (дата обращения: 18.02.2024).

⁵ World Legal Information Institute — Homepage // WorldLI I. URL: <http://www.worldlii.org> (дата обращения: 18.02.2024).

⁶ Thelawpages — Homepage // Thelawpages. URL: <https://www.thelawpages.com/> (дата обращения: 18.02.2024).

чить бесплатно. В-третьих, многие сайты сделаны на национальных языках, что усложняет работу исследователям. В-четвертых, некоторые базы данных (например, российская ГАС «Правосудие» и казахская «ЕАИАС СО РК») недоступны из других регионов, что усложняет доступ к ним.

Источники судебных данных в России

Важный источник информации о правоприменении в России — отчеты по форме 4-ЕГС, предоставляющие агрегированные данные о состоянии преступности в регионах России. Хотя их актуальная публикация на текущий момент не осуществляется (доступны данные за 2014—2022 гг., в связи с доработкой функциональности на портале размещение новых данных приостановлено), архив остается доступным и может быть полезен для исторических сравнений⁷. Этот источник не имеет аналогов, однако информация в нем остается агрегированной, поэтому ее анализ возможен лишь на уровне региона и типа преступления. Кроме того, стоит упомянуть коммерческие и справочно-правовые системы, такие как базы «Консультант+» и «Гарант», которые в том числе содержат информацию о судебных решениях, а также предоставляют льготный доступ для исследователей и преподавателей. Наконец, есть и ряд полностью коммерческих решений, специализирующихся на арбитражном процессе, например «Casebook» и «Caselook», имеющие API для доступа к данным и встроенные инструменты умного поиска. В отличие от вышеперечисленных систем, описываемый ниже подход основывается на работе с открытыми и непредобработанными данными.

С 2010 г. в России действует Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Закон провозглашает «открытость и доступность информации о деятельности судов»⁸ и «свободу поиска, получения, передачи и распространения информации о деятельности судов»⁹. Перечень данных, подлежащих публикации, содержащийся в 14-й статье 262-ФЗ, достаточно широк и включает различные типы данных: от общих данных судебной статистики до отдельных текстов судебных решений.

Агрегированные данные судебной статистики в России публикуются на сайте Судебного департамента при Верховном суде РФ¹⁰ (далее — Судебный департамент), где представлены сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, а также о состоянии судимости, включая данные о числе привлеченных к уголовной ответственности и их социально-демографических признаках, видах наказания, обстоятельствах преступления. Аналогичная информация на уровне отдельных регионов представлена на сайтах региональных управлений при Судебном департаменте. Официальная статистика публикуется

⁷ Показатели преступности России // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 16.12.2024).

⁸ Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22.12.2008 № 262-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82839/ (дата обращения: 18.02.2024).

⁹ Там же.

¹⁰ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 18.02.2024).

в агрегированном виде (дела группируются по разным основаниям — например, по статье или группе статей УК РФ), что существенно ограничивает возможности для проведения исследований. Кроме того, анализ способов сбора статистических данных о преступности в России [Шклярчук, 2014; Шклярчук и др., 2015] указывает на существенные ограничения для их использования в исследовательских целях ввиду различных искажений, в целом свойственных данному источнику данных и рассмотренных нами выше.

Единственный доступный источник данных о судебной практике в РФ на дезагрегированном уровне — тексты судебных решений, публикация которых также стала обязательной для всех российских судов после вступления в действие 262-ФЗ. Тексты приговоров всех судов России различных уровней собираются в открытой ГАС «Правосудие»¹¹. Исключением является Москва — тексты приговоров московских судов публикуются отдельно на сайте Мосгорсуда¹². Кроме того, тексты арбитражных дел также публикуются в Картотеке арбитражных дел, имеющей свой программный интерфейс (API)¹³, что упрощает доступ исследователей к этим данным. Примером использования данного источника является работа В. В. Волкова, Д. А. Скугаревского, Р. К. Кучакова, в которой анализировались результаты арбитражных споров участников с различным судебным опытом [Volkov, Skougarevskiy, Kuchakov, 2023]. В нашем исследовании мы фокусируемся на анализе текстов приговоров по уголовным делам, хотя используемый нами подход может быть применен и для работы с гражданскими и административными делами.

Несмотря на то что статья 15 262-ФЗ устанавливает конкретные сроки публикации судебных решений (тексты судебных актов — не позднее месяца после дня их принятия, приговоров — не позднее месяца после дня их вступления в силу, судебных актов арбитражных судов — не позднее следующего дня после дня их принятия), на практике суды не всегда соблюдают эти сроки: для гражданских и уголовных дел данное требование не соблюдали 13—15% судов, для административных дел эта доля достигала 45% по состоянию на 2011 г. [Поздняков, 2011b]. Мониторинг, проведенный ИПП при ЕУ СПб годом позднее, показал, что скорость публикации в среднем увеличилась на несколько процентов, однако доля судов, которые в принципе игнорировали требования закона о публикации текстов судебных решений, увеличилась [Поздняков, 2012], при этом зачастую проблема доступа к этой информации заключается в том, что соответствующий раздел сайтов судов просто не работает [Поздняков, 2011a].

Правовые и технические ограничения работы с открытыми текстами приговоров

Прежде чем перейти к вопросу о сборе и предобработке судебных решений, необходимо рассмотреть нормативно-правовые ограничения, предусмотренные частями 3—5 статьи 15 № 262-ФЗ. Из текстов решений изымаются персональные

¹¹ Поиск по делам и судебным актам // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 18.02.2024).

¹² Поиск по судебным делам // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/search> (дата обращения: 18.02.2024).

¹³ Картотека арбитражных дел // Pravo Tech. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 18.02.2024).

данные фигурантов, информация, составляющая медицинскую тайну или тайну личной переписки, а тексты по некоторым категориям дел (например, связанным с государственной тайной, преступлениями против половой неприкосновенности в отношении несовершеннолетних, акты с информацией об усыновлении или удочерении) запрещены к публикации.

Кроме того, существует практика частичной или избыточной деперсонализации приговоров, затрудняющая извлечение части данных, исключение которых не предписывается законом напрямую. По опыту работы с данными мы знаем, что из текстов приговоров может изыматься информация о гражданстве обвиняемого, его образовании и таких специфических особенностях совершения преступления, как, например, марка машины, ставшей причиной ДТП. В редких случаях в текстах может отсутствовать и срок вынесенного приговора.

Таким образом, исследователи должны учитывать ограничения, связанные с правовым регулированием и деперсонализацией текстов. Если часть информации изымается из документов в соответствии с нормами закона, то другая часть — в соответствии с внутренней практикой работы конкретных судов, которая может сильно различаться. Последнее означает, что при построении объяснительных моделей важно принимать во внимание фиксированные эффекты на уровне отдельного суда и региона.

Сбор и предобработка судебных приговоров

Тексты судебных приговоров и другая дополнительная информация по соответствующим уголовным делам могут быть собраны как с отдельных сайтов судов общей юрисдикции, так и с сайтов-агрегаторов судебных дел. Как было упомянуто, официальным агрегатором судебных решений в России выступает ГАС «Правосудие», которая должна быть дополнена официальным порталом судов общей юрисдикции города Москвы (далее — сайт Мосгорсуда). Однако с конца февраля 2024 г. на портале ГАС «Правосудие» перестал работать поиск по делам и текстам приговоров «в связи с модернизацией сайтов судов общей юрисдикции». По этой причине исследователи могут полагаться только на сайты отдельных судов, а также на неофициальные агрегаторы судебных решений (например, интернет-ресурсы «СудАкт»¹⁴ и «СудебныеРешения.рф»¹⁵). Однако, поскольку последние не являются официальными ресурсами, полнота собранных на их основе данных остается под вопросом. Кроме того, рубрикаторы поиска на указанных агрегаторах менее подробны, чем в ГАС «Правосудие» и на сайте Мосгорсуда, из-за чего формирование выборки дел по интересующим исследователя основаниям, например году вынесения приговора, не всегда оказывается возможным. В дальнейшем при описании процесса сбора приговоров мы фокусируемся на решении, предполагающем комбинирование данных из ГАС «Правосудие» (до момента приостановки его работы) и с сайта Мосгорсуда.

Тексты приговоров собираются с помощью техник веб-скрейпинга, поскольку ни один из доступных ресурсов не предоставляет возможности экспорта найден-

¹⁴ Судебные и нормативные акты РФ — Главная страница // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.02.2024).

¹⁵ Судебные решения РФ // Павел Нетулпский ООО «ПИК-пресс». URL: <https://судебныерешения.рф/> (дата обращения: 18.02.2024).

ных документов. В своей деятельности для сбора данных мы создали два алгоритма, для сайта Мосгорсуда и ГАС «Правосудие» соответственно, поиск и сбор дел в которых осуществляются по запросу, включающему статью УК РФ, год вынесения приговора и уровень суда. Программные скрипты для сбора данных опубликованы в открытом доступе¹⁶.

Отметим, что собственный скрейпер для сбора судебных дел по любой статье разработал также проект «Если быть точным»¹⁷. В нем, в отличие от наших алгоритмов, используется не ГАС «Правосудие», а отдельные сайты судов всех уровней, в связи с чем сам сбор данных занимает значительное количество времени и оказывается не чувствителен к фактическому объему подходящих под запрос исследователя данных. Одновременно с этим к преимуществам скрейпера «Если быть точным» можно отнести удобный и простой интерфейс, не требующий от пользователя навыков программирования. В условиях, пока ГАС «Правосудие» находится в процессе модернизации, вышеупомянутый скрейпер является единственным открытым и готовым решением по сбору информации с сайтов судов.

Собраным текстам приговоров требуется предварительная обработка для подготовки к извлечению необходимых характеристик из-за присутствия нестандартных знаков, множественных пробелов и ошибок квалификации. Кроме того, в данных могут попадаться дела с несколькими подсудимыми, а также обвинение может предъявляться сразу по нескольким статьям, что необходимо учитывать для формирования корректных выборок дел и их последующего анализа.

Предобработку текстов можно разбить на несколько этапов. На первом необходимо определить итоговую квалификацию преступления, так как квалификация в карточке дела не всегда соответствует финальной. Для этого требуется найти в тексте приговора его резолютивную часть и определить ту статью, по которой вынесено решение подсудимому, что можно сделать с помощью регулярных выражений (подробнее о них — в следующем разделе). Затем нужно определить количество подсудимых и наличие дополнительного состава преступления. Для этого все встречающиеся в наборе данных пункты и статьи обвинения можно отсортировать по максимальному наказанию, после чего в качестве основного состава выбрать статью с наибольшим потенциальным наказанием, а все остальные пункты обвинения классифицировать как дополнительный состав преступления. Количество подсудимых можно определить по числу фамилий и имен, встречающихся в списке обвиняемых.

На втором этапе предобработки тексты очищаются от сторонних символов (например, знаков html-разметки, используемой в ГАС «Правосудие») и исправляются опечатки (множественные пробелы или, наоборот, отсутствие пробелов до и после использования знаков препинания), которые в дальнейшем могут затруднить корректное извлечение информации из текстов.

Третий этап предобработки опционален и необходим в случае, если в дальнейшем планируется применять методы машинного обучения (подробнее об этом — в следующем разделе). Этот этап предполагает приведение массива текстов к виду

¹⁶ См. подробнее: GAS-Mosgorsud-scrappers. URL: <https://github.com/vydevyatnikov/GAS-Mosgorsud-scrappers> (дата обращения: 18.04.2025).

¹⁷ SUDRF Scraper // Tochno-st. URL: <https://github.com/tochno-st/sudrfscraper> (дата обращения: 18.02.2024).

матрицы «документы-токены» и включает ряд стандартных шагов [Grimmer, Stewart, 2013]: удаление небуквенных символов из текстов, приведение текстов к нижнему регистру, лемматизацию слов (приведение их к словарной форме), а также удаление стоп-слов (часто встречающихся слов, не несущих смысловой нагрузки или слишком распространенных для конкретного эмпирического объекта, например, в случае анализа приговоров это слова «приговор», «российский», «федерация», с которых начинается любой приговор).

Извлечение информации из судебных приговоров

В настоящем разделе мы опишем основные техники извлечения информации из текстов судебных приговоров. В результате этого процесса исходный массив текстов трансформируется в пригодный для анализа массив количественных данных с наблюдениями и характеристиками этих наблюдений (переменными). В зависимости от исследовательского вопроса, целевых переменных и особенностей совершенного преступления (например, числа потерпевших) наблюдениями в итоговом массиве могут выступать разные сущности: само дело (преступление), отдельный обвиняемый, отдельный потерпевший и т. д. В дальнейшем для простоты изложения речь пойдет о ситуации, когда преступление совершено единолично и в нем один потерпевший — в таком случае наблюдением может служить само судебное дело. В качестве иллюстрации к излагаемым подходам мы воспользуемся недавним исследованием гендерных различий в приговорах за убийство по ст. 105 ч. 1 УК РФ в России [Zhuchkova, Kazun, 2023]. В этой работе с помощью описываемых далее подходов из текстов приговоров были извлечены следующие переменные: срок приговора, пол обвиняемого, пол потерпевшего, характер отношений между обвиняемым и потерпевшим (интимные партнеры, родственники, другое), наличие малолетних детей у обвиняемого, степень рецидива, степень признания вины, наличие иных смягчающих иотягчающих обстоятельств. Для анализа были автоматически обработаны тексты 20 531 приговора, а полученные из текстов данные опубликованы в открытом доступе¹⁸.

Необходимая информация из текстов судебных приговоров может извлекаться двумя путями: с помощью поиска релевантных фрагментов текста на основе специальных правил (rule-based approach) и с помощью построения моделей машинного обучения с учителем (machine learning approach). Базовый алгоритм действий по извлечению информации из текста состоит в том, чтобы сначала попробовать подход, основанный на правилах, поскольку он более прозрачный и менее трудозатратный. Если такой алгоритм не сработал, следует использовать машинное обучение. Наконец, техники могут комбинироваться для достижения большей точности извлекаемой информации.

Первая техника, основанная на правилах, применяется в случае, когда определенному значению искомой переменной соответствует конкретный фрагмент текста в приговоре, причем вариантов формулировок, по которым можно найти нужный фрагмент текста, ограниченное количество. С учетом высокой стандар-

¹⁸ См. подробнее: Zhuchkova S., Kazun A. Replication Data for: Exploring Gender Bias in Homicide Sentencing: An Empirical Study of Russian Court Decisions Using Text Mining // Harvard Dataverse. 2023. <https://doi.org/doi:10.7910/DVN/0YEPAA>.

тизированнойности структуры и языка приговоров это основной способ извлечения информации из них.

Правила, по которым ведется поиск релевантного фрагмента текста, могут быть простыми и сложными. Под простыми правилами мы понимаем случаи, когда проверяется наличие или отсутствие определенных формулировок в тексте без введения дополнительных условий. Например, пол обвиняемого может быть определен по наличию в приговоре слов «подсудимый» или «подсудимая» (в разных падежах). С помощью простых правил в рассматриваемом исследовании из текста приговоров была извлечена информация о поле обвиняемого, поле потерпевшего, наличии малолетних детей у обвиняемого.

Под сложными правилами мы понимаем случаи, когда поиск нужного фрагмента текста проходит в несколько этапов, в рамках которых последовательно проверяется несколько условий. Примеры переменных, которые требуют применения сложного правила, — наличие в деле смягчающих или отягчающих обстоятельств, эти переменные используются в качестве контрольных при изучении роли экстралегальных факторов судебных решений. Хотя формулировки, с помощью которых можно обнаружить упоминание таких обстоятельств, стандартны («обстоятельствами, смягчающими/отягчающими наказание...»), в тексте может идти речь о том, что суд их в итоге таковыми не признал. Одно из возможных решений, задействующее сложное правило, может состоять в том, чтобы вначале находить упоминание смягчающих или отягчающих обстоятельств в тексте, а затем проверять, что предложение, в котором они упоминаются, не содержит выражений «судом не признается», «суд не принимает во внимание», «суд не учел» и проч. Срок приговора, степень рецидива, степень признания вины, наличие иных смягчающих и отягчающих обстоятельств — каждая из этих переменных в рассматриваемом исследовании была получена с применением сложных правил. Примеры правил представлены в [Приложении 2](#). Отметим, что всегда речь идет не о поиске статичного, неизменяемого текста, а об использовании регулярных выражений — специальных конструкций, которые наряду с привычным текстом могут содержать и метасимволы, позволяющие учесть возможные вариации в окончаниях, регистре слов, наличие каких-то дополнительных слов или символов между искомыми и т. д.

Вторая техника, основанная на машинном обучении с учителем, применяется для определения значения тех переменных, выделить ограниченный набор формулировок для которых оказывается ресурсозатратно или невозможно, а также в случае, когда для понимания смысла важны не отдельные фрагменты текста, а весь приговор целиком. В исследовании, взятом в качестве иллюстрации, таким образом определялся характер отношений между обвиняемым в убийстве и жертвой: были ли они интимными партнерами, родственниками или между ними были иные отношения. В тексте приговора нужная информация может быть описана разными формулировками: «он сожительствовал с ФИО13», «у него с потерпевшей были приятельские отношения», «с ранее ему не знакомым ФИО1» и т. п. Составить правило, которое бы учитывало все варианты таких фраз, невозможно, а сузить правило до поиска отдельных слов «сожительница», «мать» и проч. было бы ненадежно, поскольку указанные лица могут упоминаться в приговоре в разных ролях и контекстах. Обращение к моделям машинного обучения в дан-

ном случае предполагает, что случайная выборка приговоров должна быть прочитана вручную, значения целевой переменной для этой части приговоров должны быть закодированы человеком — и на этой части приговоров будет обучаться и тестироваться модель. Модель учится обнаруживать закономерности между словами в приговоре и меткой, которую проставил человек, причем эти закономерности могут быть довольно сложными, а итоговое решение строится исходя из содержания всего приговора целиком. Для оставшейся части приговоров — тех, что не были прочитаны человеком — значения переменной определяются с помощью предсказаний построенной модели. Перечень конкретных методов машинного обучения, которые могут применяться для описанной задачи классификации текстов, довольно широк и включает в себя регрессионные модели, деревья решений, ансамблевые методы, нейросети и проч. (см. например, [Gasparetto et al., 2022]). В исследовании, взятом в качестве примера, наиболее высокую точность предсказаний показал градиентный бустинг на деревьях решений. Классический алгоритм действий для выбора конкретного метода включает в себя тестирование разных методов (и параметров внутри каждого метода) и сравнение показателей точности прогнозов с последующим выбором наиболее точной и стабильной (не переобученной) модели.

Кроме методов классического машинного обучения, в последние годы получили широкое распространение и глубокие нейронные сети. Популярные алгоритмы, такие как BERT или GPT-модели, способны эффективно учитывать контекст и многозначность слов, обеспечивая высокое качество классификации и извлечения информации из текстов (см. обзор на эту тему [Казун, 2024]). Эти методы, будучи обученными на размеченных данных, требуют достаточного количества наблюдений (десятки тысяч текстов, если необходима высокая точность), а также тщательного контроля качества разметки и использования метрик оценки (таких как F1-score, точность, полнота). Впрочем, если у исследователей нет задачи добиться 99-процентной точности, может быть достаточно и тысячи размеченных вручную решений. Сопоставимые с этим объемы выборок для обучения моделей использовались и в описанных ранее примерах исследований: 1500 дел было закодировано вручную в исследовании гендерных различий в приговорах за убийство [Zhuchkova, Kazun, 2023], 1710 дел с убийствами женщин использовались для обучения модели определять в деле признаки домашнего насилия в проекте «Алгоритм света»¹⁹.

Две описанных техники — с привлечением правил и моделей машинного обучения — можно комбинировать для достижения высокой эффективности и точности извлечения признаков. Именно таким образом, например, решается задача извлечения информации об участниках судебного процесса, такой как их ФИО и роль в процессе (например, адвокат может выступать на стороне обвиняемого или жертвы). Эта классическая задача извлечения именованных сущностей NER (Named Entity Recognition), дополненная необходимостью вместе с ФИО определить роль участника судебного процесса, в силу высокой структурированности и клишированности текстов приговоров может быть эффективно решена с по-

¹⁹ Алгоритм света // Консорциум женских НПО. URL: <https://algorithmsveta.com/> (дата обращения: 18.02.2024).

мощью предобученной NER-модели Natasha²⁰ и правил. На наших данных точность такого решения составила примерно 94 %. Использование предобученной коммерческой GPT-модели для уточнения результатов позволило увеличить точность до 99 %. Такой подход дает возможность одновременно и сэкономить время на разметку данных, и без больших финансовых затрат получить высокую точность извлечения признаков.

Кроме извлечения непосредственно из текстов приговоров, информация по отдельным переменным может быть получена и с привлечением других источников данных. Так, при сборе информации о приговорах с ГАС «Правосудие» и сайта Мосгорсуда уместно включать в выгрузку не только сами тексты приговоров, но и данные из карточек дел — например, год приговора, регион, суд, ФИО судьи и др. Часть данных может быть использована в исходном виде, часть может послужить основой для определения других характеристик (например, на основе окончания фамилии или отчества судьи можно определить пол судьи). Перечисленные переменные также использовались в регрессии в рассматриваемом исследовании в качестве контрольных (год, регион, пол судьи) и кластерных (суд) переменных.

Выводы и заключение

Настоящую статью следует рассматривать как представление и общую инструкцию к использованию нового источника данных для эмпирических исследований права — текстов судебных приговоров. На основе имеющегося опыта мы описали, как выгрузить, предобработать и трансформировать тексты приговоров в привычный исследователям массив количественных данных, пригодных для анализа. Предложенный подход открывает широкие перспективы для социологических исследований, направленных на изучение взаимосвязи между результатами и качеством правоприменения и различными социальными факторами.

По сравнению с иными доступными данными, данные из судебных приговоров обладают рядом существенных преимуществ. Во-первых, она дезагрегированы. В отличие от данных официальной судебной статистики, которые публикуются в сгруппированном до статьи или группы статей УК РФ виде, данные из приговоров позволяют отвечать на исследовательские вопросы, касающиеся характеристик отдельных дел или участников дел (обвиняемых, потерпевших, судей и т. д.). Среди таких исследовательских вопросов — выявление предвзятости (*bias*) в судебных решениях, типичных обстоятельств совершения тех или иных преступлений, выявление различий между группами преступников (например, женщинами и мужчинами). Во-вторых, это содержательно насыщенные данные: за счет наличия в тексте приговора подробного описания обстоятельств преступления, мотивов и последствий его совершения, показаний свидетелей и следствия из него можно извлекать такие параметры, которые не фиксируются в ведомственной статистике [Kovalchuk et al., 2022] и редко исследуются даже за рубежом, например, характеризующие поведение потерпевшего или обстоятельства, случившиеся задолго до совершения преступления. Кроме того, данные из текстов приговоров можно дополнить данными из сторонних источников, описывающих суд,

²⁰ Natasha // Alexander Kukushkin. URL: <https://github.com/natasha/natasha> (дата обращения: 18.02.2024).

судью, регион, предыдущие или последующие этапы рассмотрения дела, упоминание дела в СМИ и проч., таким образом еще в большей мере расширив пул потенциальных исследовательских вопросов. В-третьих, это данные большого объема, потенциально приближенные к генеральной совокупности, что обеспечивает высокую статистическую мощь последующего анализа и позволяет изучать даже относительно редко встречающиеся феномены (например, детерминанты получения оправдательного приговора или особенности работы судов присяжных).

В России пока нет альтернативных источников данных о преступлениях, которые бы совмещали в себе все перечисленные преимущества и находились бы в открытом доступе. Максимально похожи по своим свойствам оцифрованные данные из судебных карточек, которые использовались в ряде исследований ИПП при ЕУ СПб [Волков, 2014; Четверикова, 2014; Volkov, 2016], однако эти данные были получены исследователями по запросу и тиражирование данной практики затруднительно. Использование похожих по свойствам данных, находящихся в открытом доступе, более эффективно для целей развития в России эмпирических исследований права.

Одновременно с этим при обращении к текстам судебных приговоров необходимо учитывать ограничения, вытекающие из характера этих документов и методов, которые могут быть использованы для их обработки. Во-первых, применение методов автоматизированного анализа текстов не гарантирует 100-процентную точность получаемых на выходе данных [Alcántara Francia, Nunez-del-Prado, Alatrística-Salas, 2022]. При использовании подхода, основанного на правилах, можно не учесть отдельные формулировки и из-за этого некорректно определить значения переменных, а модели машинного обучения, если они не переобучены, то есть не подогнаны под обучающую выборку, в социальных исследованиях в принципе не способны дать абсолютно точного прогноза. Тем не менее наш опыт применения методов автоматизированного анализа текстов позволяет говорить о возможности добиться достаточно высокой точности извлечения данных из судебных приговоров — на уровне не менее 90 %, что существенно превышает средние метрики при использовании других источников текстовых данных в социальных науках.

Во-вторых, при всей насыщенности текстов приговоров некоторые, в том числе базовые, характеристики извлечь из них в полном объеме невозможно, что актуализирует проблему пропусков в данных [Wu et al., 2022]. Публикуемые российские судебные акты должны быть деперсонализированы, то есть персональные данные подсудимых должны быть либо изъяты, либо заменены. На практике это требование исполняется неоднозначно: некоторые суды удаляют информацию избыточно, из-за чего теряются важные детали, необходимые для анализа; некоторые же суды публикуют тексты почти без искажений²¹ [Поздняков, 2011b; Поздняков, 2012]. Это ограничение, например, не позволяет включить в анализ одну из важнейших характеристик обвиняемого — его возраст. Зарубежные исследователи предлагают решать проблему с отсутствием необходимых социально-демографических характеристик, опираясь на прокси-переменные, доступные

²¹ В том числе вовсе не выполняя требование о деперсонализации данных, что можно заметить в том числе по приведенным в приложении примерам.

в текстах, например, этничность подсудимого можно с определить по имени, если оно не изъято из приговора [Pina-Sánchez, Roberts, Sferopoulos, 2019], однако такой подход не может полностью решить проблему с пропусками в данных. В российском контексте кроме требования изъятия персональных данных из приговоров проблему пропусков усугубляет возможность рассмотрения дела в особом порядке, то есть без проведения судебного разбирательства. Приговоры по таким делам существенно менее информативны, чем дела, рассматриваемые в общем порядке: в случае обвинительных приговоров тексты не будут содержать доказательств, на которых основано решение суда [Четверикова, Титаев, 2019], и именно из этой части приговора можно извлечь информацию об экстралегальных факторах. Кроме того, как отмечено ранее, отдельные дела запрещены к публикации.

В-третьих, открытым остается вопрос о том, все ли приговоры, которые должны быть опубликованы согласно закону, действительно публикуются, — и если нет, то существуют ли какие-то систематические различия между опубликованными и неопубликованными приговорами, которые должны быть учтены при интерпретации получаемых результатов. Имеющиеся сведения о потенциальной смещенности опубликованных приговоров фрагментарны и не могут быть признаны актуальными с учетом периода проведения соответствующих исследований. Так, в исследовании 2012 г. установлено, что более активная публикация приговоров свойственна районным судам, нежели областным, а также судам из административных центров по сравнению с судами из более отдаленных локаций [Поздняков, 2012].

Наконец, не вся представленная в судебном приговоре информация может быть достоверной, поскольку показания многих участников судебного процесса могут быть искажены в пользу собственной выгоды или из-за естественных ограничений человеческой памяти. Кроме того, отсутствие упоминания каких-либо интересующих исследователя характеристик в приговоре вовсе не означает, что и в реальности они не имели места. На наш взгляд, актуальность перечисленных ограничений во многом зависит от поставленных исследовательских вопросов, при этом многие из вопросов могут быть решены с использованием более однозначных переменных, вероятность искажения которых невелика. Часть из этих ограничений может быть преодолена в том числе за счет отказа от использования методов автоматизированной обработки приговоров и перехода к их ручному контент-анализу — такой подход хотя и требует больших ресурсов и сокращает потенциальный объем выборки, вполне уместен для изучения тех характеристик, которые проблематично извлечь из текстов автоматически.

Список литературы (References)

1. Веркеев А. М., Волков В. В., Дмитриева А. В., Кнорре А. В., Кудрявцев В. Е., Кузнецова Д. А., Кучаков Р. К., Титаев К. Д., Ходжаева Е. А. Как изучать жертв преступлений? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 4—31. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.01>.
Verkeev A. M., Volkov V. V., Dzmityriyeva A. V., Knorre A. V., Kudryavtsev V. E., Kuznetsova D. A., Kuchakov R. K., Titaev K. D., Khodzhaeva E. A. (2019) How to Study Vic-

- tims of a Crime? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 4—31. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.01>.
2. Волков В. В. Влияние социального статуса подсудимого на решение суда // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 4. С. 62—85. Volkov V. V. (2014) The Influence of Socio-Economic Status of Defendants on Court Decisions. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 17. No. 4. P. 62—85. (In Russ.)
 3. Волков В. В. Эмпирическая социология права в условиях междисциплинарного синтеза // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 34—42. Volkov V. V. (2017) The Empirical Sociology of Law in the Context of Interdisciplinary Synthesis. *Sociological Studies*. No. 4. P. 34—42. (In Russ.)
 4. Волков В. В., Скугаревский Д. А., Титаев К. Д. Проблемы и перспективы исследований на основе Big Data (на примере социологии права) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 48—58. Volkov V. V., Skougarevskiy D. A., Titaev K. D. (2016) Problems and Prospects for Studies Based on Big Data (the Case of Sociology of Law). *Sociological Studies*. No. 1. P. 48—58. (In Russ.)
 5. Казун А. П. Может ли искусственный интеллект прогнозировать решения суда? Систематический обзор международных исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 5. С. 100—122. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.5.2580>. Kazun A. P. (2024) Can Artificial Intelligence Predict Court Decisions? A Systematic Review of International Research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 100—122. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.5.2580>. (In Russ.)
 6. Кнорре А. В., Титаев К. Д. Преступность и виктимизация в России. Результаты всероссийского виктимизационного опроса (Аналитический обзор). СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2018. Knorre A., Titaev K. (2018) Crime and Victimization in Russia. The Results of the All-Russian Victimization Survey (Analytical Review). St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)
 7. Поздняков М. Л. Доступ к судебным актам судов общей юрисдикции: мониторинг применения Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2011а. Pozdnyakov M. (2011a) Access to Judicial Acts of Courts of General Jurisdiction: Monitoring the Application of Federal Law No. 262-FZ Dated December 22, 2008 “On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation”. St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)
 8. Поздняков М. Л. Мониторинг открытости правосудия. СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2011б. Pozdnyakov M. (2011b) Monitoring the Openness of Justice. St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

9. Поздняков М. Л. Организационные и структурные ограничения при доступе к судебным актам судов общей юрисдикции. СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2012.
Pozdnyakov M. (2012) *Organizational and Structural Restrictions on Access to Judicial Acts of Courts of General Jurisdiction*. St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)
10. Серебренников Д., Титаев К. Д. Динамика преступности и виктимизации в России 2018—2021 гг. Результаты второго виктимизационного опроса: аналитический обзор. СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2022.
Serebrennikov D., Titaev K. (2022) *The Dynamics of Crime and Victimization in Russia 2018—2021. The Results of the Second Victimization Survey: An Analytical Review*. St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)
11. Титаев К. Д. Предварительное заключение в российской уголовной юстиции: социологический анализ вероятности предварительного заключения и его влияния на решение суда // *Экономическая социология*. 2014. Т. 15. № 3. С. 88—113.
Titaev K. D. (2014) *Pretrial Detention in Russian Criminal Justice: Sociological Analysis of the Probability of Pretrial Detention and its Influence on Court Decisions*. *Economic Sociology*. Vol. 15. No. 3. P. 88—113. (In Russ.)
12. Титаев К. Д., Скугаревский Д. А., Кнорре А. В., Кудрявцев В. Е., Шклярук М. С. Манифест новой количественной криминологии «Уголовная политика с опорой на данные» // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2018. Т. 9. № 1. С. 91—101. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.107>.
Titaev K. D., Skougarevskiy D. A., Knorre A. V., Kudryavtsev V. E., Shklyaruk M. S. (2018) *A New Quantitative Criminology Manifesto: Evidence Based Criminal Justice Policymaking*. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. Vol. 9. No. 1. P. 91—101. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.107>.
13. Фридман Л. М. Взросление: исследования права и общества вступают в эксклюзивный клуб // *Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов / под ред. Э. Л. Панеях*. М.: Статут, 2014. С. 184—200.
Friedman L. M. (2014) *Coming of Age: Law and Society Enters an Exclusive Club*. In: Paneyakh E. (ed.) *Law And Application of Law in the Mirror of Social Sciences: Digest of Modern Texts*. Moscow: Statut. P. 184—200. (In Russ.)
14. Четверикова И. В. Роль семьи, профессиональной карьеры и пола подсудимых при вынесении приговоров российскими судьями // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014. Т. 17. № 4. С. 101—123.
Chetverikova I. V. (2014) *The Impact of Family, Professional Status and Gender of Defendants on Sentencing Decisions by Russian Judges*. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 17. No. 4. P. 101—123. (In Russ.)
15. Четверикова И. В., Титаев К. Д. Социологический анализ оптимального правоприменения: типичные случаи избыточной криминализации экономической деятельности в России // *Вопросы экономики*. 2019. № 3. С. 142—158. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-3-142-158>.

- Chetverikova I. V., Titaev K. D. (2019) Sociological Perspective on the Optimal Law Enforcement: Typical Cases of Overcriminalization of Economic Activity in Russia. *Voprosy Ekonomiki*. No. 3. P. 142—158. (In Russ.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-3-142-158>.
16. Шклярук М. С. Правовая статистика: системный конфликт между знанием о преступности и учетом ведомственной работы. СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2014.
Shklyaruk M. S. (2014) Legal Statistics: A Systemic Conflict between Knowledge about Crime and Accounting for Departmental Work. St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)
 17. Шклярук М., Скугаревский Д., Дмитриева А., Скифский И., Бегтин И. Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования: исследовательский отчет. СПб.; М.: Норма, Центр независимых социальных исследований и образования, 2015.
Shklyaruk M., Skougarevskiy D., Dzmityrieva A., Skifsky I., Begtin I. (2015) Criminal Statistics: Mechanisms of Formation, Causes of Distortion, Ways of Reform: Research Report. St. Petersburg; Moscow: Norma, Center for Independent Social Research and Education.
 18. Юрченко Р. Н., Сакалов Б. З. О применении новых технологий в системе правосудия // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2009. Т. 2. № 14. С. 89—95.
Yurchenko R., Sakalov B. (2009) On the Application of New Technologies in the Justice System. *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*. Vol. 2. No. 14. P. 89—95.
 19. Addington L. A. (2008) Assessing the Extent of Nonresponse Bias on NIBRS Estimates of Violent Crime. *Journal of Contemporary Criminal Justice*. Vol. 24. No. 1. P. 32—49. <https://doi.org/10.1177/1043986207312936>.
 20. Ahl B., Sprick D. (2018) Towards Judicial Transparency in China: The New Public Access Aatabase for Court Decisions. *China Information*. Vol. 32. No. 1. P. 3—22, <https://doi.org/10.1177/0920203X17744544>.
 21. Alcántara Francia O. A., Nunez-del-Prado M., Alatrística-Salas H. (2022) Survey of Text Mining Techniques Applied to Judicial Decisions Prediction. *Applied Sciences*. Vol. 12. No. 20. P. 10200. <https://doi.org/10.3390/app122010200>.
 22. Aletras N., Tsarapatsanis D., Preoŧiuc-Pietro D., Lampos V. (2016) Predicting Judicial Decisions of the European Court of Human Rights: A Natural Language Processing Perspective. *PeerJ Computer Science*. Vol. 2. P. e93. <https://doi.org/10.7717/peerj-cs.93>.
 23. Ansari S., He N. (2015) Convergence Revisited: A Multi-Definition, Multi-Method Analysis of the UCR and the NCVS Crime Series (1973—2008). *Justice Quarterly*. Vol. 32. No. 1. P. 1—31. <https://doi.org/10.1080/07418825.2012.718355>.
 24. Ashley K. D., Brüninghaus S. (2009) Automatically Classifying Case Texts and Predicting Outcomes. *Artificial Intelligence and Law*. Vol. 17. No. 2. P. 125—165. <https://doi.org/10.1007/s10506-009-9077-9>.

25. Cao Y., Ash E., Chen D. L. (2020) Automated Fact-Value Distinction in Court Opinions. *European Journal of Law and Economics*. Vol. 50. No. 3. P. 451—467. <https://doi.org/10.1007/s10657-020-09645-7>.
26. Gasparetto A., Marcuzzo M., Zangari A., Albarelli A. (2022) A Survey on Text Classification Algorithms: From Text to Predictions. *Information*, Vol. 13, No. 2,; 83. <https://doi.org/10.3390/info13020083>
27. Grimmer J., Stewart B. M. (2013) Text as Data: The Promise and Pitfalls of Automatic Content Analysis Methods for Political Texts. *Political Analysis*. Vol. 21. No. 3. P. 267—297. <https://doi.org/10.1093/pan/mps028>.
28. Hartel P., van Wegberg R., van Staalduinen M. (2023) Investigating Sentence Severity with Judicial Open Data: A Case Study on Sentencing High-Tech Crime in the Dutch Criminal Justice System. *European Journal on Criminal Policy and Research*. Vol. 29. No. 4. P. 579—599. <https://doi.org/10.1007/s10610-021-09503-5>.
29. Hipp J. R., Bates C., Lichman M., Smyth P. (2019) Using Social Media to Measure Temporal Ambient Population: Does it Help Explain Local Crime Rates? *Justice Quarterly*. Vol. 36. No. 4. P. 718—748. <https://doi.org/10.1080/07418825.2018.1445276>.
30. Kaur H., Choudhury T., Singh T. P., Shamoan M. (2019) Crime Analysis using Text Mining. In: *2019 International Conference on Contemporary Computing and Informatics (IC3I)*. Singapore: IEEE. P. 283—288. <https://doi.org/10.1109/IC3I46837.2019.9055606>.
31. Kovalchuk O., Banakh S., Masonkova M., Berezka K., Mokhun S., Fedchyshyn O. (2022) Text Mining for the Analysis of Legal Texts. In: *2022 12th International Conference on Advanced Computer Information Technologies (ACIT)*. Ruzomberok: IEEE. P. 502—505. <https://doi.org/10.1109/ACIT54803.2022.9913169>.
32. Loftin C., McDowall D. (2010) The Use of Official Records to Measure Crime and Delinquency. *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 26. No. 4. P. 527—532. <https://doi.org/10.1007/s10940-010-9120-8>.
33. Lundman R. J. (2003) The Newsworthiness and Selection Bias in News About Murder: Comparative and Relative Effects of Novelty and Race and Gender Typifications on Newspaper Coverage of Homicide. *Sociological Forum*. Vol. 18. No. 3. P. 357—386. <https://doi.org/10.1023/A:1025713518156>.
34. Metsker O., Trofimov E., Petrov M., Butakov N. (2019) Russian Court Decisions Data Analysis Using Distributed Computing and Machine Learning to Improve Lawmaking and Law Enforcement. *Procedia Computer Science*. Vol. 156. P. 264—273. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2019.08.202>.
35. Moens M.-F. (2007) Summarizing Court Decisions. *Information Processing & Management*. Vol. 43. No. 6. P. 1748—1764. <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2007.01.005>.

36. Nolan III J. J., McDevitt J., Cronin S., Farrell A. (2004) Learning to See Hate Crimes: A Framework for Understanding and Clarifying Ambiguities in Bias Crime Classification. *Criminal Justice Studies*. Vol. 17. No. 1. P. 91—105. <https://doi.org/10.1080/08884310420001679361>.
37. Ozkan T. (2019) Criminology in the Age of Data Explosion: New Directions. *The Social Science Journal*. Vol. 56. No. 2. P. 208—219. <https://doi.org/10.1016/j.soscij.2018.10.010>.
38. Paneyakh E. (2014) Faking Performance Together: Systems of Performance Evaluation in Russian Enforcement Agencies and Production of Bias and Privilege. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. No. 2—3. P. 115—136. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2013.858525>.
39. Pickett J. T., Mancini C., Mears D. P., Gertz M. (2015) Public (Mis)Understanding of Crime Policy: The Effects of Criminal Justice Experience and Media Reliance. *Criminal Justice Policy Review*. Vol. 26. No. 5. P. 500—522. <https://doi.org/10.1177/0887403414526228>.
40. Pina-Sánchez J., Grech D., Brunton-Smith I., Sferopoulos D. (2019) Exploring the Origin of Sentencing Disparities in the Crown Court: Using Text Mining Techniques to Differentiate between Court and Judge Disparities. *Social Science Research*. Vol. 84. Art. 102343. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2019.102343>.
41. Pina-Sánchez J., Roberts J. V., Sferopoulos D. (2019) Does the Crown Court Discriminate Against Muslim-named Offenders? A Novel Investigation Based on Text Mining Techniques. *The British Journal of Criminology*. Vol. 59. No. 3. P. 718—736. <https://doi.org/10.1093/bjc/azy062>.
42. Poulin D., Mowbray A. (2007) Free Access to Law and Open Source Software. In: St. Amant K., Still B. (eds.). *Handbook of Research on Open Source Software*. Hershey, PA: IGI Global. P. 373—381. <https://doi.org/10.4018/978-1-59140-999-1.ch029>.
43. Prasad N., Boughanem M., Dkaki T. (2024) Exploring Large Language Models and Hierarchical Frameworks for Classification of Large Unstructured Legal Documents. Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-56060-6_15.
44. Rand M. (2006) The National Crime Victimization Survey: 34 Years of Measuring Crime in the United States. *Statistical Journal of the United Nations Economic Commission for Europe*. Vol. 23. No. 4. P. 289—301. <https://doi.org/10.3233/SJU-2006-23406>.
45. Schwartz J., Vega A. (2017) Sources of Crime Data. In: Teasdale B., Bradley M. S. (eds.) *Preventing Crime and Violence*. Cham: Springer International Publishing. P. 155—167. https://doi.org/10.1007/978-3-319-44124-5_14.
46. Shu D., Sen S. (2023) Analyzing Hong Kong's Legal Judgments from a Computational Linguistics point-of-view. arXiv. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2305.02558> (accessed: 28.04.2025).

47. Turkanova V. (2023) Prospects for the Use of Artificial Intelligence and Machine Learning Algorithms for Effective Resolution of Civil Disputes. *Access to Justice in Eastern Europe*. Vol. 6. No. 2. P. 232—241. <https://doi.org/10.33327/AJEE-18-6.2-n000224>.
48. Volkov V. (2016) Legal and Extralegal Origins of Sentencing Disparities: Evidence from Russia's Criminal Courts. *Journal of Empirical Legal Studies*. Vol. 13. No. 4. P. 637—665. <https://doi.org/10.1111/jels.12128>.
49. Volkov V., Skougarevskiy D., Kuchakov R. (2023) Whither Repeat Players? Litigation Experience and Success in Court: Evidence from Russian Commercial Courts. *Social Science Research*. Vol. 112. P. 102875. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2023.102875>.
50. Wu X., Roberts M. E., Stern R. E., Liebman B. L., Gupta A., Sanford L. (2022) Augmenting Serialized Bureaucratic Data: The Case of Chinese Courts. *21st Century China Center Research Paper No. 2022—11*. URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.4124433>.
51. Zhuchkova S., Kazun A. (2023) Exploring Gender Bias in Homicide Sentencing: An Empirical Study of Russian Court Decisions Using Text Mining. *Homicide Studies*. <https://doi.org/10.1177/10887679231217159>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2765](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2765)

O. L. Chernozub, L. Yu. Shuraeva

ARE IMPLICIT ATTITUDES “IMPLICIT” FOR THEIR HOLDERS? TESTING GATA CONSTRUCT VALIDITY

For citation:

Chernozub O. L., Shuraeva L. Y. (2025) Are Implicit Attitudes “Implicit” for their Holders? Testing GATA Construct Validity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 193–211. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2765>.

Правильная ссылка на статью:

Чернозуб О. Л., Шураева Л. Ю. Действительно ли «неосознаваемые» установки не осознаются их носителями? Тестирование конструктивной валидности ГАТО // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 193—211. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2765>. (In Eng.)

Получено: 09.10.2024. Принято к публикации: 11.03.2025.

ARE IMPLICIT ATTITUDES “IMPLICIT” FOR THEIR HOLDERS? TESTING GATA CONSTRUCT VALIDITY

Oleg L. CHERNOZUB¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Head of the Information and Analytical Unit of the Rosatom Communications Center*
E-MAIL: 9166908616@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5689-8719>

Larisa Yu. SHURAEVA² — *Cand. Sci. (Psych.), Associate Professor at the Department of Sociology, Psychology of Management and History*
E-MAIL: larisashuraeva@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3994-9884>

¹ Rosatom, Moscow, Russia

² State University of Management, Moscow, Russia

Abstract. This article examines the construct validity of the “Graphical Associative Test of Attitudes” (GATA). Presumably, its measurand is implicit attitude or implicit fraction (or implicit component) of holistic attitude, which depends on a theoretical conceptualization. A commonly accepted characteristic of implicit phenomena of the mind is their inaccessibility, or at least difficulty, to introspection. Some later studies have claimed that respondents are able to predict their results on the Implicit Associations Test, which in this case means that implicit content is accessible. Leaving aside the discussion about the degree of accessibility of implicit phenomena, we used the general theoretical assumption and operational design of some of our colleagues to test the construct validity of our own “indirect” measurement method. Would our respondents be able to predict their personal scores on GATA? The results of the experiment have shown — no, they would not. The respondents’ predictions could be explained far more reliably by their explicit attitudes and by their expectations about the attitudes of the social environment. Thus, we

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ «НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ» УСТАНОВКИ НЕ ОСОЗНАЮТСЯ ИХ НОСИТЕЛЯМИ? ТЕСТИРОВАНИЕ КОНСТРУКТИВНОЙ ВАЛИДНОСТИ ГАТО

ЧЕРНОЗУБ Олег Леонидович — кандидат социологических наук, руководитель информационно-аналитического блока Центра коммуникаций, Росатом, Москва, Россия
E-MAIL: 9166908616@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5689-8719>

ШУРАЕВА Лариса Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии, психологии управления и истории, Государственный университет управления, Москва, Россия
E-MAIL: larisashuraeva@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3994-9884>

Аннотация. В статье рассматривается конструктивная валидность Графического ассоциативного теста отношения (ГАТО). Предположительно, предметом его измерения является имплицитная (неосознаваемая) установка или же имплицитная фракция/компонента целостной установки (здесь имеются разные теоретической концептуализации). Общепринятая характеристика имплицитных феноменов — их относительная недоступность для осознания. Вместе с тем некоторые последние исследования показали, что респонденты способны предсказать свои результаты Теста имплицитных ассоциаций (ИАТ), то есть в данном случае имплицитный контент оказался осознаваемым. Оставив в стороне дискуссию о степени доступности имплицитных явлений для осознания, мы использовали общие теоретические допущения наших коллег и предложенную ими операционализацию, чтобы проверить конструктивную валидность нашего собственного «косвенного» метода измерения имплицитной установки. Способны ли наши респонденты предсказать свои резуль-

have not found any refutation of the initial assumption that the GATA measurand is an implicit fraction of attitudes. This allows us to focus our further research on the problem of the accuracy of the GATA measure.

таты ГАТО? Результаты эксперимента показали: нет, не способны. Прогнозы респондентов с большей степенью достоверности объясняются их эксплицитными (осознанными) установками, но прежде всего — их представлениями об установках социального окружения. Таким образом, мы не обнаружили никаких свидетельств, позволяющих проблематизировать наши первоначальные предположения в отношении предмета измерения ГАТО как некой имплицитной фракции социальной установки. Это позволяет сфокусировать дальнейшие исследования на проблеме точности измерений ГАТО.

Keywords: social measurements, social attitude, construct validity, direct measurements, indirect measurements, explicit attitudes, implicit attitudes, introspection, self-report, GATA

Ключевые слова: социальные измерения, социальная установка, конструктивная валидность, прямые измерения, косвенные измерения, эксплицитная установка, имплицитная установка, метод самоотчета, интроспекция, ГАТО

The aim and scope of this contribution

The main purpose of this paper is to assess the congruence of the Graphical Association Test of Attitudes (GATA) measurand with its theoretically postulated construct, which is the “implicit” fraction or component of social attitudes. The final methodological impact of the expected conclusions should be additional data to support (or problematise) the construct validity of GATA.

In general, attitudes are thought to compel people to behave in accordance with them. A positive or negative attitude towards an object [Fazio, 2007] leads to internal or external actions of approaching or avoiding that object [Chen, Bargh, 1999]. Therefore, in order to predict people’s behaviour, it is important to measure their attitudes [Likert, 1932]. The structure of an attitude is considered to be divided into several independent components. They are “cognitive”, “affective” and “conative” in classical models [Smith, Bruner, White, 1956; Katz, 1960] or “explicit” and “implicit” in later theories [Evans, 2008; Fazio, 1990, 2007; Kahneman, Frederick, 2002; Kahneman, 2011; Gilovich, Griffin, 2002; Strack, Deutsch, 2004]. Depending on the preferences of the authors of a particular theory, these phenomena may be regarded either as components (fractions) of a single, more or less consistent attitude, or as two separate but somehow interacting attitudes (for a review, see [Perugini, 2005]). In this article we use all these terms interchangeably.

The “explicit” (overt, conscious) fractions of attitude are quite conscious phenomena that are relatively easily accessible to introspection, whereas the “implicit” (hidden, subconscious) fractions are relatively less accessible to direct probing

and may remain unrecognised not only by the researcher but also by the respondents themselves.

The existence of implicit attitudes is well established. [Rosenberg, 1956; Rosenberg, et al., 1960], and their influence on behaviour has been demonstrated in numerous studies. [Metcalfe, Mischel, 1999; Strack, Neumann, 2000; Greenwald et al., 2009; Perugini, 2005; Perugini, Richetin, Zogmaister, 2010; Roccoato, Zogmaister, 2010; Chernozub, 2022a, 2022b, 2023, 2024].

In practice, the acceptance of the theoretical and practical importance of the implicit component of attitudes leads to the problem of its correct measurement. Due to the peculiarities of implicit attitudes, the technique of “direct” questions is naturally inappropriate, as it faces a number of difficulties [Chernozub, 2022b]. For example, self-report methods, which currently dominate social research, have a major drawback: respondents may not be able to recognise and express their implicit attitudes [Gawronski, Hahn, 2019]. One possible way to overcome these difficulties is to complement or even replace “direct” self-report indicators with “indirect” ones. [Perugini et al., 2010].

Measurement is considered ‘indirect’ if it avoids the process of self-assessment of attitudes, or either self-assessment or self-translation of attitudes [De Houwer, Moors, 2007]. Usually, the attitude object is presented, but the researcher does not ask participants to report their attitudes or preferences towards this object. In some cases, the researcher will even ask participants to try not to be affected. Nevertheless, there is a reasonable expectation that spontaneous preferences will influence some relevant aspects of behaviour, which in turn will be measured by an “indirect” instrument. There are currently a number of instruments that can be used to measure attitudes “indirectly” (Appendix A).

The qualifying criterion for “indirect” measurement is the ability to reflect “mental content” regardless of the respondent’s intentions to express it, and even their efforts to conceal it. Thus, the possibility of overcoming the disadvantages of “direct” measurement is created when the formation of measurement results is unintentional and uncontrollable by respondents [Gawronski, Hahn, 2019].

The purpose of this paper is therefore to assess the extent of the “implicit” nature of the GATA measure. Since its introduction in 2015, GATA has been incorporated into numerous predictive models of electoral, consumer, and communication behaviour and has proven its effectiveness as an incremental factor in predictive accuracy (for an overview of forecasting practice, see: [Chernozub, 2023], meta-analysis of 64 cases: [Chernozub, 2024]). However, despite its widespread and fairly successful use in practice, GATA still suffers from a lack of formal validation.

Thus, this article seeks to clarify some theoretical and methodological issues concerning the use of GATA as a producer of “indirect” measures of attitudes. Namely, we intend to test its construct validity. We are not testing any particular technical features of GATA, and we don’t expect any direct instrumental implications from this paper.

In the following sections, we present the main results of an experiment designed to test the actual “implicit” status of the GATA measurand, which is assumed to be the implicit fraction of attitudes towards evaluating objects. The GATA procedure is described in Appendix B.

Theoretical model, hypotheses and operationalisation

A few years ago it was demonstrated that respondents are able to predict the patterns of their scores on the Implicit Association Test (IAT), one of the most popular methods of “indirect” measurement of the (supposedly) implicit component of attitudes [Hahn et al., 2014]. Later, several other research groups conducted conceptual replications that demonstrated the generalisability of Hahn et al.’s findings to other attitudinal domains [Goedderz, Hahn, 2023; Morris, Kurdi, 2022; Rahmani Azad, Goedderz, Hahn, 2022]. These findings dramatically problematised the traditional conceptualisation of implicit attitudes as generally inaccessible to the introspection of attitude holders [Greenwald, Banaji, 2017; Lai, Hoffman, Nosek, 2013; McConnell et al., 2011; Nosek, 2005]. At the same time, they provide substantial support for some other dual-process models, which assume that implicit evaluations are in principle introspectively accessible [Fazio, 2007; Gawronski, LeBel, 2008; Gawronski, Bodenhausen, 2006, 2011]. In addition to the implications for the discussion of the introspective accessibility of implicit attitudes, these experiments have provided valuable insights for testing the claims of specific measures to assess implicit content.

Technically, in the original study by Hahn and colleagues [Hahn et al., 2014], the consistency between practical performance and theoretical concept was measured by assessing the accuracy of the respondent’s prediction of his or her personal results over several attempts to complete the IAT test. After completing the IAT, respondents were informed of its purpose and instructed to make the prediction of their personal score for each of several attempts. An intra-subject correlation was then calculated, reflecting the strength of the association between two derivative variables: “predicted IAT scores” and “actual IAT scores”. In this way, each correlation coefficient represented the respondent’s personal accuracy in predicting his or her IAT scores. In turn, this accuracy was conceptualised as a degree of personal ability to introspect implicit attitudes. Assuming the validity of the IAT, the higher correlation was taken as an indicator of the accessibility of implicit attitudes for both the IAT and the respondent’s introspection, the lower as an indicator of this introspection difficulty.

Background discussions about the conceptualisation of the implicit effects ontology and specifics are neutral to our goals, but the core of the theoretical model and its operationalisation seem perfectly suited to them.

Following Hahn and his colleagues [Hahn et al., 2014], we assume that the more unpredictable for subjects their personal “indirect” measurement results are, the more distant the “indirect” method being tested is from a given measurand that is simultaneously accessible to the respondent’s introspection. This distance can be explained either by the invalidity of the test instrument (respondents are naturally unable to predict random errors), or by the ontology of the instrument’s “true” measurand (it is naturally inconsistent with the one respondents were trying to predict). If we are sure that the respondent’s prediction is at some level of explicit nature, and if we assume that the instrument does not produce the straight random error, we will have to explain this mismatch by the opposite nature of the measurands. The extent to which the instrument’s measure is implicit will remain an open question, but the existence of some corresponding effects will be reliably demonstrated.

This approach does not challenge any of the background theories about the degree of ‘porosity’ of explicit/implicit boundaries. Each of the potential results of our study should be considered as a specific feature of GATA, first of all — its instrumental ability to assess implicit fractions of attitudes. The relevance of this task is supported by the fact that not every method is able to demonstrate this ability to the full extent. For example, some of the problems faced by the IAT in this area have been mentioned in various publications. [Mitchell, Tetlock, 2017; Machery, 2021, 2022] In our practice, we tested the mutual consistency of “direct” vs. IAT vs. GATA measurements for the same attitudinal objects and found that IAT results are relatively closer to direct measurement, while GATA results keep dramatic distance from both [Chernozub, Shuraeva, 2023].

Within this framework, the main hypothesis of our study was formulated as follows: “GATA output does not represent the true implicit fractions of attitudes, but instead measures the same explicit fractions that are well accessible to the introspection of individuals”. Technical hypotheses are (for interpretation of association strength, see Appendix C):

while **(H01)** “The average correlation coefficient for the pair of variables ‘prediction of GATA personal output’ and ‘actual direct measurement output’ will be moderate or weaker (Spearman $\rho \leq 0,499$)” and

while **(H02)** “The average correlation coefficient for the pair of variables ‘prediction of GATA personal output’ and ‘prediction of GATA group output’ will be moderate or weaker (Spearman $\rho \leq 0,499$)”,

(H03) “The average correlation coefficient for the pair of variables ‘prediction of GATA personal output’ and ‘actual GATA output’ will be very strong or better (Spearman $\rho \geq 0,700$)”.

If **(H01)** is true, it means that respondents are able to predict some outcomes that differ from their explicit *personal* attitudes.

If **(H02)** is true, it means that respondents are able to predict some results which are not projections of their cultural stereotypes.

If **(H03)** is true, it means that respondents are able to introspect their implicitly — guided results, problematising the implicit status of these drivers.

According to this design, we operationalised the study as a complex of interrelated variables.

AI — actual results of “indirect” measurement (GATA) collected according to the procedure of Appendix B for 7 attitudinal objects; 7-point scale.

AD — actual results of “direct” measurement, collected on each of the same 7 attitudinal objects, scaled with semantic differential “good” — “bad”; 7-point scale.

PG — predicted average group GATA output for each of the same attitudinal objects; 7-point scale.

PP — prediction of the respondent’s personal GATA output for each of the same attitude objects; 7-point scale.

As objects of attitudes we used: “Love”, “Pain”, “Family”, “Friends”, “Work”, “Leisure”, “Most preferable academic subject”, “Least preferable academic subject”.

Thus, for intro-subject analysis we had four variables with 7 observations each.

Data collecting and data yield

The fieldwork took the form of face-to-face interviews with 147 students at the State University of Management (Moscow) between 12 May and 24 June 2024. The sample is of “convenience” type and does not claim to represent any general population. All interviews were accepted and formed the bulk of the data for further analysis. The general overview of the data is presented in Table 1.

Table 1. **Descriptive statistics for the actual output data**

	Mean	Mean s. e.	SD	Assym.	Exsess
<i>Actual “indirect” (AI)</i>					
Love	5,823	0,104	1,259	-1,143	0,745
Pain	3,592	0,152	1,839	0,217	-1,038
Family	5,327	0,136	1,643	-0,922	0,133
Friends	5,204	0,125	1,517	-0,495	-0,693
Work	4,687	0,132	1,604	-0,446	-0,392
Leasure	5,184	0,137	1,659	-0,571	-0,735
Least preferred	5,145	0,142	1,712	-0,658	-0,649
Most preferred	4,172	0,154	1,853	-0,077	-0,964
<i>Actual “direct” (AD)</i>					
Love	5,932	0,151	1,831	-0,618	-0,643
Pain	4,483	0,161	1,953	-0,287	-1,170
Family	5,728	0,155	1,875	-0,483	-0,781
Friends	5,816	0,144	1,748	-0,549	-0,611
Work	5,650	0,097	1,175	-0,691	0,058
Leasure	6,080	0,100	1,208	-1,648	2,952
Least preferred	5,560	0,117	1,414	-0,906	0,230
Most preferred	3,870	0,142	1,715	-0,045	-0,703
Actual “indirect” (AI), avg.	4,892	0,135	1,636	-0,512	-0,449
Actual “direct” (AD), avg.	5,390	0,133	1,615	-0,653	-0,084

Table 2. *Descriptive statistics for the prediction data*

	Mean	Mean s. e.	SD	Assym.	Exsess
<i>Prediction for group (PG)</i>					
Love	5,570	0,104	1,195	-0,901	1,288
Pain	2,540	0,112	1,294	0,845	0,269
Family	5,550	0,090	1,041	-0,931	1,122
Friends	5,760	0,090	1,038	-1,068	1,669
Work	4,290	0,111	1,278	-0,125	-0,184
Leisure	5,720	0,102	1,176	-0,688	-0,316
Least preferred	5,000	0,127	1,462	-0,680	0,214
Most preferred	3,260	0,149	1,722	0,464	-0,641
<i>Prediction personal (PP)</i>					
Love	5,860	0,090	1,043	-1,027	1,597
Pain	2,830	0,118	1,361	0,726	0,413
Family	5,770	0,103	1,191	-0,809	-0,137
Friends	5,700	0,114	1,314	-1,114	0,619
Work	4,910	0,114	1,317	-0,215	-0,244
Leisure	5,420	0,112	1,286	-0,722	0,318
Least preferred	5,270	0,128	1,478	-0,879	0,272
Most preferred	3,550	0,141	1,626	0,341	-0,578
Prediction for group (PG), avg.	4,711	0,111	1,276	-0,386	0,428
Prediction personal (PP), avg.	4,914	0,115	1,327	-0,462	0,283

As the data in Tables 1 and 2 show, there are no obvious anomalies in the data collected. Predictably, “love”, “leisure” and “friends” received the most favourable scores, while “pain” and “least favourite” received the worst scores. Some of the distributions look concentric (AD “Leisure” — SD=1,208, Excess=2,952), others more variable (AD “Pain” — SD=1,953, Excess=-1,170). There is no direct evidence that different types of variables reproduce the main features of the distribution describing the same attitude object. For example, “Pain” has the lowest means for PP (2,830)

and AI (3,592), but is relatively high for AD (4,483). In contrast, the means for “love” are almost the same (AD — 5,932, AI — 5,823, PP — 5,860). For “family” the PP mean (5,770) is closer to the AD mean (5,728) than to the AI mean (5,327), while for “work” there is an inverse relationship (PP — 4,910, AI — 4,687, but AD — 5,650).

All these observations suggest that, on the one hand, our variables can produce meaningful results: each “direct” and “indirect” variable differentiates specific attitudinal objects and can potentially lead to unequal scores for the same objects when considered in pairs. On the other hand, there is no evidence of any kind of systematic associations between any pair of DM—IM, DM—IP, IM—IP. This means that the analysis at the group level is not sufficient to accomplish our tasks.

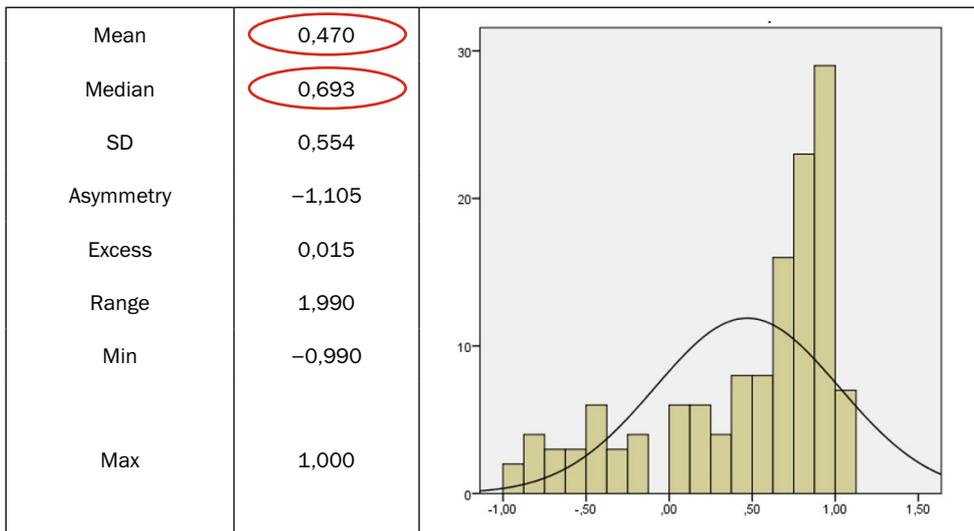
Thus, the collected data set can be accepted as valid for further analysis, and then the personal (inter-subject) level of analysis seems to be obligatory for further investigation.

Data analysis and main findings

The main results of the processing of the data obtained are presented in Tables 3—5. Each table contains basic descriptive statistics of the distribution of the correlation coefficients for each of the tested pairs of variables. The corresponding histogram illustrates the shape of the distribution.

None of the distributions can be considered normal. For the Shapiro-Wilk test, $p = 0,000$ in all three cases. Therefore, both mean and median indicators are used to interpret the central tendency. We do not use mode statistics because our variables are interval and even the most common values on the scale have few observations [Kruskal, 1958].

Table 3. Descriptive statistics of the Spearman ρ distributions for the pair of variables “prediction of GATA personal performance” and “actual direct measurement performance”

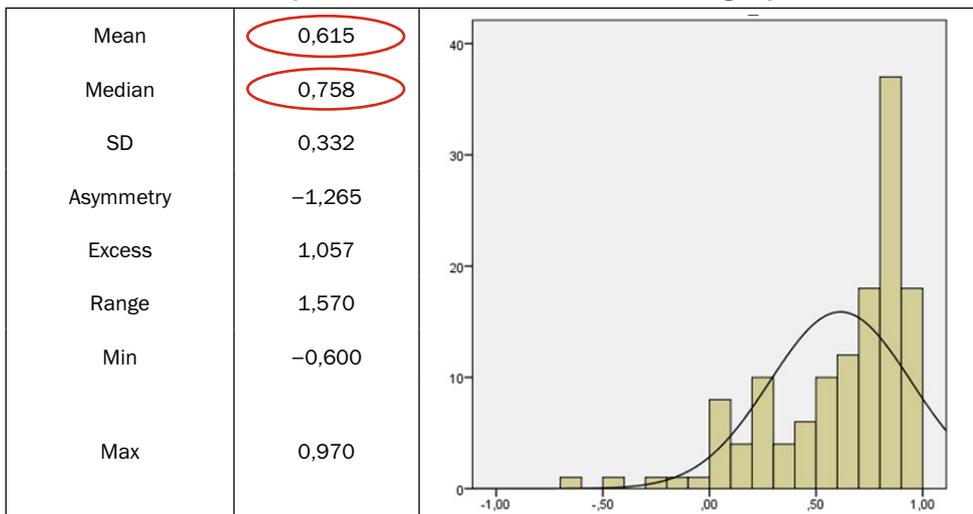

As the data in Table 4 show, the distribution of Spearman ρ for the potential range from $-1,000$ to $1,000$ is significantly skewed towards high values. Mean = $0,470$ (strong association), median = $0,693$ (strong association). The interpretation of the strength of the association is given by C. Dancey and J. Reidy (Appendix C).

Supporting statistics and graphical analysis suggest that this central tendency is systematic in nature and cannot be explained by random error effects.

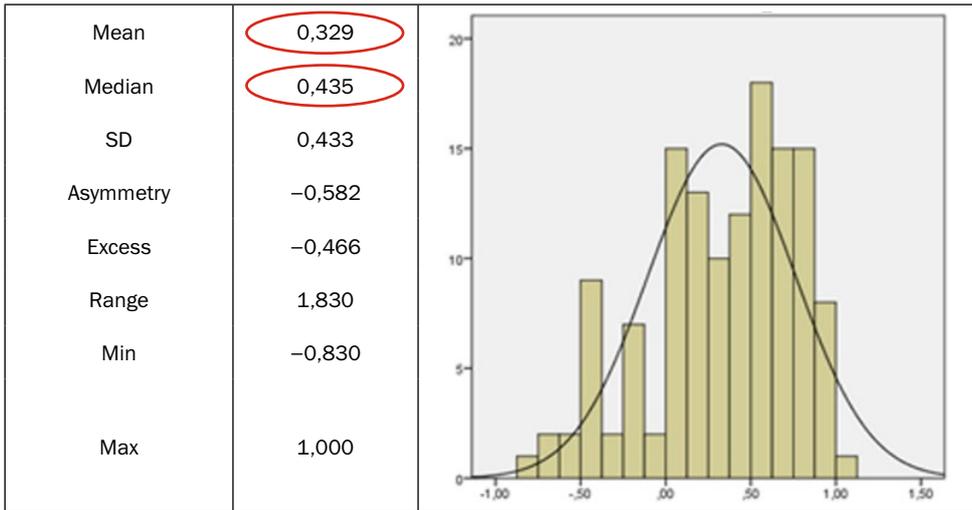
Thus, our **(H01)**: “The average correlation coefficient for pair of the variables “prediction of GATA personal output” and “actual direct measurement output” will be moderate or weaker (Spearman $\rho \leq 0,499$)” should be rejected. There is evidence of a fairly strong relationship between these variables. Since respondents first gave “direct” ratings of their attitudes and then tried to predict the results of their “indirect” test scores, there is reason to believe that the former may have biased the latter, but not vice versa. If this is the case, it can be concluded that the process of predicting the ‘indirect’ results of the measures was influenced by the “explicit” fractions of personal attitudes.

Table 4. **Descriptive statistics of the Spearman ρ distribution for the pair of variables “Prediction of GATA personal outcome” and “Prediction of GATA group outcome”**

The shift of the central tendency towards the higher values is even more pronounced, as shown in Table 4. Spearman ρ mean = $0,615$ (strong relationship), median = $0,758$ (very strong relationship). This enable us to reject our **(H02)**: “The average correlation coefficient for pair of the variables “prediction of GATA personal output” and “prediction of GATA group output” will be moderate or weaker (Spearman $\rho \leq 0,499$)”. This means that our respondents’ personal “indirect” output predictions are (at least — partially) affected by their beliefs about the state of the mind of their social environment.

Table 5. **Descriptive statistics of the Spearman ρ distributions for the pair of variables “prediction of GATA personal output” and “actual GATA output”**

Finally, Table 5 describes the distribution of correlation coefficients for the core pair of our variables: personal predictions and actual results of ‘indirect’ measures. According to the data presented, this correlation is relatively weak. Mean = 0,329 (moderate relationship), median = 0,435 (strong relationship). These values mean that a certain relationship between the variables in question cannot be denied, but the strength of the relationship is too weak to explain the results of the other variables. Thus, our **(H03)**: “The average correlation coefficient for pair of the variables “prediction of GATA personal output” and “actual GATA output” will be very strong or better (Spearman $\rho \geq 0,700$)” should be rejected. Table 6 presents average *personal* Spearman ρ means for the percentiles. We regard these data as a supporting evidence for our assessments.

Table 6. **Percentiles of the Spearman ρ distributions (reverse cumulative scores)**

Prediction of personal output and...	Direct actual output	Prediction of the group output	Indirect actual output
90%	-0,486	0,084	-0,386
80%	0,000	0,290	0,000
70%	0,273	0,520	0,095
60%	0,567	0,669	0,245
50%	0,693	0,758	0,435
40%	0,810	0,804	0,552
30%	0,870	0,842	0,623
20%	0,923	0,878	0,731
10%	0,985	0,918	0,841

As the data in Table 6 show, a “very strong” relationship ($\rho \geq 0,700$) characterised about 50% of respondents for “indirect personal predictions” vs. “direct actual output” and vs. “Indirect group predictions”, but only about 20% for “Indirect personal predictions” vs. “Indirect actual outputs”. These data in the other form support the conclusions drawn earlier.

Discussion

Thus, all three of our hypotheses were rejected as not supported by the empirical research material. This means that our respondents who attempted to “guess” their results from the “indirect” tests were largely (at least 80%) unable to do so, retranslating their social stereotypes into their predictions or projecting their own explicit judgments.

The reason for this phenomenon can be seen in the fact that when they tried to predict their results, they were not guided by the results of introspection on their implicit attitude, but by the results of reflection on the mood of the social environment (primarily) and on their own explicit attitude (to a lesser extent). Consequently, the data from our “indirect” measurement with GATA can be considered as largely emancipated from those fractions of attitudes that are “explicit” in nature.

As we noted above, this independence of the GATA results can be explained either by a dependence on other (presumably implicit) attitude fractions, or by the fact that these results represent a set of random errors.

The second option should probably be rejected. For now, GATA have shown that some peculiarities are incompatible with the assumption that their output is a random error:

1. GATA demonstrates its retrospective criterion validity by being reliably explained by larger sets of attitudes [Chernozub, 2023].

2. It shows good perspective criterion validity being incorporated into behaviour prediction models based on independent theoretical grounds of Theory of Reasoned Action / Theory of Planned Behaviour (TRA/TPB) and Two-Dimensional Model (D2) [Chernozub, 2022b].

3. GATA observed variables are reliably associated with some latent variable that, in turn is clearly orthogonal to “directly” measured variables [Chernozub, Shuraeva, 2023].

4. GATA reliably meets the requirements of criterion validity in models of prediction of actual behaviour [Chernozub, 2024].

5. GATA has satisfactory test-retest reliability, good for short periods of one or two weeks, but declining considerably over longer periods. [Chernozub, 2023].

All this gives us grounds for rejecting the assumption of random error as the source of the distribution of GATA's output data. The only option left is to accept the general hypothesis that GATA's measurand is some implicit fraction of attitudes. For our current experiment, this character is directly supported by the inability of most respondents to introspect the state of GATA's measurand, whatever it may be.

In the context of our knowledge of other peculiarities of implicit attitudes, we can look at the corresponding peculiarities of GATA. For example, it is known that the GATA has a relatively high test-retest reliability for short time periods (one or two weeks), but this reliability decreases sharply for longer time periods (four weeks and more) [Chernozub, 2024]. According to the literature, this is typical of “indirect” instruments that claim to measure implicit attitudes. Some authors suggest accepting this as a natural characteris-

tic of indirect measurements, the negative effects of which can potentially be eliminated by averaging the results of several consecutive measurements [Greenwald et al., 2021].

So far, the assumption that GATA measures the implicit component of attitudes has not been disproved once. In circumstances where the assumption of random error as a source of diversity in the GATA results should also be rejected, the explanation of these results by measuring the 'true' implicit component of attitudes should be regarded as the most satisfactory.

Conclusions

Taking a broad view, one might conclude that our experiment has effectively achieved its basic objectives. We have collected a reliable dataset that provides all the necessary means to assess the construct validity of GATA.

Analysis of the empirical data collected led to the rejection of all three of our hypotheses. The main conclusion is that we did not find any evidence to problematise the initial assumption that the GATA measure is the implicit fraction of attitudes. Since we have a solid data base supporting the orthogonality of the GATA measurand to all others accessible to "direct" methods, there is little doubt that it (at least in its core) is not related to explicit attitudes or their fractions or components.

Nevertheless, the validation of the method is a never-ending story. Thus, the focus of prospective studies could be shifted to the problem of random error within the overall composition of GATA output. Reducing this factor allows us in theory — to define the measurand of the method more precisely, in practice — to predict human social behaviour far more accurately.

Remarkable goals for further researches and researchers.

References

1. Chen M., Bargh J. (1999) Consequences of Automatic Evaluation: Immediate Behavioral Predispositions to Approach or Avoid the Stimulus. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 25. No. 2. P. 215–224. <https://doi.org/10.1177/0146167299025002007>.
2. Chernozub O. (2022a) The Two-Component Model of Behavior Factors: Evidences of Orthogonality of Explicit and Implicit factors. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 22 No. 1. P. 70–83. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-1-70-83>.
3. Chernozub O. (2022b) Theory of (Un)Planned Behavior? How our Behavioral Predictions Suffer from "Unplanned" Actions. *The Russian Sociological Review*. Vol. 21. No. 4. P. 82–105. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-4-82-105>.
4. Chernozub O. (2023) Graphic Associative Test of Attitudes as a Convenient Implicit Measurement Tool for Mass Polls. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 23. No. 1. P. 122–141. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-122-141>.
5. Chernozub O. (2024) Do Data on Implicit Attitudes Improve Predictions? Evaluating the Criterion Validity of the GATA. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 24 No. 4. P. 241–256. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-1-241-258>.

6. Chernozub O. L., Shuraeva L. Y. (2023) Orthogonality of IAT and GATA Results: The Worse, the Better? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 132–151. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2478>. (In Russ.) Чернозуб О. Л., Шураева Л. Ю. Ортогональность результатов IAT и ГАТО: чем хуже, тем лучше? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 218—237. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2478>.
7. Chernozub O. L. (2023) GATA: Test – Retest Reliability of Measurement Outcomes. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No. 57. P. 112–137. <https://doi.org/10.19181/4m.2023.32.2.4>.
8. Dancey C., Reidy J. (2020) *Statistics Without Maths for Psychology*. London: Pearson.
9. De Houwer J., Moors A. (2007) How to Define and Examine the Implicitness of Implicit measures. In: Wittenbrink B., Schwartz N. (ed.) *Implicit Measures of Attitudes: Procedures and Controversies*. New York, NY: Guilford Press. P. 179–194.
10. De Vaus D. (2002) *Surveys in Social Research*. London: Routledge.
11. Evans J. (2008) Dual-Processing Accounts of Reasoning, Judgment, and Social Cognition. *Annual Review of Psychology*. No. 59. P. 255–278.
12. Fazio R. (1990) The Role of Attitudes in Memory-Based Decision Making. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 59. No. 4. P. 614–22. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.4.614>.
13. Fazio R. (2007) Attitudes as Object-Evaluation Associations of Varying Strength. *Social Cognition*. Vol. 25. No. 5. P. 603–637. <https://doi.org/10.1521/soco.2007.25.5.603>.
14. Gawronski B., Bodenhausen G. V. (2006) Associative and Propositional Processes in Evaluation: An Integrative Review of Implicit and Explicit Attitude Change. *Psychological Bulletin*. Vol. 132. No. 5. P. 692–731. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.132.5.692>.
15. Gawronski B., Bodenhausen, G. V. (2011) The Associative-Propositional Evaluation Model: Theory, Evidence, and Open Questions. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 44. P. 59–127. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-385522-0.00002-0>.
16. Gawronski B., LeBel E. P. (2008) Understanding Patterns of Attitude Change: When Implicit Measures Show Change, but Explicit Measures Do Not. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 44. No. 5. P. 1355–1361. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2008.04.005>.
17. Gawronski B., Hahn A. (2019) Implicit Measures: Procedures, Use, and Interpretation. In: Blanton H., LaCroix J. M., Webster G. D. (eds.) *Measurement in Social Psychology*. New York, NY: Routledge P. 29–55. <https://doi.org/10.4324/9780429452925-2>.

18. Gilovich T., Griffin D. (2002) Introduction — Heuristics and Biases: Then and Now. In: Gilovich T., Griffin D., Kahneman D. (eds.) *Heuristic and Biases: The Psychology of Intuitive Judgment*. New York, NY: Cambridge University Press. P. 1–18.
19. Goedderz A., Hahn A. (2024) Awareness and Calibration: The Role of Descriptive Norms and Social Desirability in Accurate IAT Score Predictions of Food Items vs. Social Groups. *Personality and Social Psychology Bulletin*. <https://doi.org/10.1177/01461672241254447>.
20. Greenwald A., Smith C., Sriram N., Bar-Anan Y., Nosek B. (2009) Implicit Race Attitudes Predicted Vote in the 2008 U. S. Presidential Election. *Analyses of Social Issues and Public Policy*. Vol. 9. No. 1. P. 241–253. <https://doi.org/10.1111/j.1530-2415.2009.01195.x>.
21. Greenwald A. G., Banaji M. R. (2017) The Implicit Revolution: Reconceiving the Relation Between Conscious and Unconscious. *American Psychologist*. Vol. 72. P. 861–871.
22. Greenwald A., Brendl M., Cai H. et al. (2021) Best Research Practices for Using the Implicit Association Test. *Behavior Research Methods*. Vol. 54. P. 1161–1180. <https://doi.org/10.3758/s13428-021-01624-3>.
23. Hahn A., Judd C. M., Hirsh H. K., Blair I. V. (2014) Awareness of Implicit Attitudes. *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 143. No. 3. P. 1369–1392. <https://doi.org/10.1037/a0035028>.
24. Kahneman D., Frederick S. (2002) Representativeness Revisited: Attribute Substitution in Intuitive Judgment. In: Gilovich T., Griffin D., Kahneman D. (eds.) *Heuristic and Biases: The Psychology of Intuitive Judgment*. New York, NY: Cambridge University Press. P. 49–81.
25. Kahneman D. (2011) *Thinking, Fast and Slow*. New York, NY: Farrar, Straus and Giroux.
26. Katz D. (1960) The Functional Approach to the Study of Attitudes. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 24. No. 2. P. 163–204. <https://doi.org/10.1086/266945>.
27. Kruskal W. (1958) Ordinal Measures of Association. *Journal of the American Statistical Association*. Vol. 53. No. 284. P. 814–861. <https://doi.org/10.1080/01621459.1958.10501481>.
28. Lai C. K., Hoffman K. M., Nosek B. A. (2013) Reducing Implicit Prejudice. *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 7. No. 5. P. 315–330. <https://doi.org/10.1111/spc3.12023>.
29. Likert R. (1932) Technique for the Measurement of Attitudes. *Archives of Psychology*. Vol. 22. No. 140. P. 5–55. URL: https://legacy.voteview.com/pdf/Likert_1932.pdf (accessed: 23.04.2025).
30. Machery E. (2021) Anomalies in Implicit Attitudes Research. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*. Vol. 13. No. 1. Art. e1569. <https://doi.org/10.1002/wcs.1569>.

31. Machery E. (2022) Anomalies in Implicit Attitudes Research: not so Easily Dismissed. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*. Vol. 13. No. 3. Art. e1591. <https://doi.org/10.1002/wcs.1591>.
32. McConnell A. R., Dunn E. W., Austin S. N., Rawn C. D. (2011) Blind Spots in the Search for Happiness: Implicit Attitudes and Nonverbal Leakage Predict Affective Forecasting Errors. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 47. No. 3. P. 628–634. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2010.12.018>.
33. Metcalfe J., Mischel W. (1999) A Hot/Cool-System Analysis of Delay of Gratification: Dynamics of Willpower. *Psychological Review*. Vol. 106. No. 1. P. 3–19. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.106.1.3>.
34. Mitchell G., Tetlock P. (2017) Popularity as a Poor Proxy for Utility: The Case of Implicit Prejudice. In: Lilienfeld S., Waldman I. (eds.) *Psychological Science under Scrutiny: Recent Challenges and Proposed Solutions*. New York, NY: Wiley. P. 164–195.
35. Morris A., Kurdi B. (2022) Awareness of Implicit Attitudes: Large-Scale Investigations of Mechanism and Scope. *PsyArXiv Preprints*. <https://doi.org/10.31234/osf.io/dmjfq>.
36. Nosek B. A. (2005) Moderators of the Relationship Between Implicit and Explicit Evaluation. *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 134. No. 4. P. 565–584. <https://doi.org/10.1037/0096-3445.134.4.565>.
37. Perugini M. (2005) Predictive Models of Implicit and Explicit Attitudes. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 44. No. 1. P. 29–45. <https://doi.org/10.1348/014466604X23491>.
38. Perugini M., Richetin J., Zogmaister C. (2010) Prediction of Behavior. In: Gawronski B., Payne B. (eds.) *Handbook of Implicit Social Cognition: Measurement, Theory, and Applications*. New York, NY: Guilford Press. P. 255–277.
39. Rahmani Azad Z., Goedderz A., Hahn A. (2022) Self-Awareness and Stereotypes: Accurate Prediction of Implicit Gender Stereotyping. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 49. No. 12. P. 1695–1708. <https://doi.org/10.1177/01461672221120703>.
40. Roccato M., Zogmaister C. (2010) Predicting the Vote Through Implicit and Explicit attitudes: A Field Research. *Political Psychology*. Vol. 31. No. 2. P. 249–274. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2009.00751.x>.
41. Rosenberg M. J. (1956) Cognitive Structure and Attitudinal Affect. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 53. No. 3. P. 367–372. <https://doi.org/10.1037/h0044579>.
42. Rosenberg M. J., Hovland C. I., McGuire W. J., Abelson R. P., Brehm J. W. (1960) *Attitude Organization and Change: An Analysis of Consistency Among Attitude Components*. Oxford: Yale University Press.

43. Smith M., Bruner J., White R. (1956) *Opinions and Personality*. New York, NY: John Wiley & Sons.
44. Strack F., Deutsch R. (2004) Reflective and Impulsive Determinants of Social Behavior. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 8. No. 3. P. 220—247. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0803_1.
45. Strack F., Neumann R. (2000) Furrowing the Brow May Undermine Perceived Fame: The Role of Facial Feedback in Judgments of Celebrity. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 26. No. 7. P. 762—768. <https://doi.org/10.1177/0146167200269002>.

Appendix A.

Instruments of indirect measurements and their principal developers

1. Name Letter Task (J. Nuttin).
2. Evaluative Priming Task (R. H. Fazio, J. R. Jackson, B. C. Dunton, C. J. Williams).
3. Linguistic Intergroup Bias (A. Maasset).
4. Implicit Association Test (A. G. Greenwald, D. E. McGhee, J.L.K. Schwartz).
5. Approach-Avoidance Tasks (M. Chen, J. A. Bargh).
6. Go/No-Go Association Task (B. A. Nosek).
7. Weapon Paradigm (B. K. Payne).
8. Extrinsic Affective Simon Task (J. De Houwer).
9. Personalized IAT (M. A. Olson, R. H. Fazio).
10. Affect Misattribution Procedure (B. K. Payne).
11. Evaluative Movement Assessment (C. M. Brendl, A. B. Markman, C. Messner).
12. Implicit Association Procedure (K. Schnabel, J. B. Asendorpf, A. G. Greenwald).
13. Single Category IAT (A. Karpinski, R. B. Steinman).
14. Identification Extrinsic Affective Simon Task (J. De Houwer, E. De Bruycker).
15. Single Block IAT (S. Teige-Mocigemba, K. C. Klauer, K. Rothermund).
16. Brief IAT (N. Sriram, F. Greenwald).
17. Recoding Free IAT (K. Rothermund, A. Gast).
18. Sorting Paired Features Task (Y. Bar-Anan, B. A. Nosek, M. Vianello).
19. Action Interference Paradigm (R. Banse, B. Gawronski, C. Rebetez, H. J. Gutt, B. Morton).
20. Implicit Relational Assessment Procedure (D. Barnes-Holmes, Y. Barnes-Holmes, P. Power, E. Hayden, R. Milne, I. Stewart).

Appendix B.

GATA procedure

The Graphical Association Test of Attitudes (GATA) intentionally avoids respondents' direct assessment of their attitudes towards the objects under investigation and can therefore be classified as a fundamentally "indirect" instrument. GATA was introduced as a supplementary measurement technique to complement the common self-report method. Focusing on the well-known problems of the self-reporting, we hypothesise

that the accuracy of behavioural prediction models based on it could be improved by incorporating the “indirect” measurement of attitudes. Incremental effects should result from a comprehensive consideration of “directly” and “indirectly” measured attitudes which will add and correct each other.

To accomplish this task effectively, GATA uses the chain of two sequential associative procedures.

In the first step, a respondent is presented with a primary stimulus representing an object of interest, followed by a set of target stimuli represented by a set of abstract graphical shapes. (Figure 1.) To mask the object of the researcher’s real interest, the primary stimulus is presented within a series of masking stimuli. The output of the first step is the graphical shape(s) that the respondent associates with the object under study.

Then we take the “diverting pause” of exposure to uncorrelated stimuli. Typically, these are common self-report questions from non-GATA sections of the questionnaire.

In the second step, the phrase containing the verbal markers of the approach — avoidance tendency is presented as the primary stimulus. Typically, the phrase uses wording such as “would like to look at”, “would be nice to have around”, “would like to touch” and so on. The presentation of the stimulus phrase is followed by the same set of graphic shapes.

At both stages, the respondent’s task is to select from the target stimuli the graphical shapes that are perceived by respondents as “similar” or “close to” to the primary stimulus. In this way GATA is supposed to be able to produce “indirect” measurement outcome.

Technically, the method’s procedure is structured as follows:

a. The respondent familiarises himself with the studied object, which is presented in the form of a verbal concept on the screen of a CAPI device. The set of graphic shapes is presented to a respondent on the screen of a CAPI device and the respondent associates the graphic shapes with the test object.

b. The respondent’s attention is diverted to other questions in the survey, preferably not related to the subject under study.

c. The respondent reacts to the approach — avoidance phrase ranking graphic shapes from most to least preferable for longer contact.

d. An “individual scale” of preferences for graphic shapes is created, based on the ranking from phase “c”.

e. The implicit preference score according to the “individual scale” is assigned to the studied object based on the association from phase “a”.

As a result, each tested object receives a score on an ordinal scale, regardless of which particular shape each individual respondent may prefer or dislike, due to their psychological, cultural, mental, physical or other similar factors.

Figure 1. An example of the GATA set of graphical shapes

Thus, methodologically, GATA claims to be an “indirect” measurement technique capable of producing some additive or even orthogonal results to “direct” measurements.

Appendix C. Correlation interpretation

Table 1. Correlation interpretation by De Vaus

Pearson r	Correlation Strength
0,00	No Correlation
0,01—0,09	Non-significant Correlation
0,10—0,29	Weak Correlation
0,30—0,49	Moderate Correlation
0,50—0,69	Strong Correlation
0,70—0,89	Very Strong Correlation
> 0,9	Almost Perfect Correlation

Adopted: [De Vaus, 2002].

Table 2. Correlation interpretation by Dancey and Reidy

Spearman's ρ	Correlation
0,01—0,19	No or negligible relationship
0,2—0,29	Weak relationship
0,3—0,39	Moderate relationship
0,4—0,69	Strong relationship
$\geq 0,70$	Very strong relationship

Adopted: [Dancey, Reidy, 2020].

DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2775](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2775)

А. В. Гаврилов, С. В. Львов, Е. Н. Минченко, Е. В. Стулова, В. В. Федоров

ЧЕТЫРЕ РОССИИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ПРОВЕРКИ ЭКСПЕРТНОЙ МОДЕЛИ СЕГМЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ АУДИТОРИЙ В КОНТЕКСТЕ СВО

Правильная ссылка на статью:

Гаврилов А. В., Львов С. В., Минченко Е. Н., Стулова Е. В., Федоров В. В. Четыре России: опыт эмпирической проверки экспертной модели сегментации политических аудиторий в контексте СВО // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 212—242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2775>.

For citation:

Gavrilov A. V., Lvov S. V., Minchenko E. N., Stulova E. V., Fedorov V. V. (2025) The Four Russias: An Empirical Verification of the Expert Model of Segmentation of Political Audiences in the Context of the SMO. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 212–242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2775>. (In Russ.)

Получено: 25.10.2024. Принято к публикации: 20.03.2025.

ЧЕТЫРЕ РОССИИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ПРОВЕРКИ ЭКСПЕРТНОЙ МОДЕЛИ СЕГМЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ АУДИТОРИЙ В КОНТЕКСТЕ СВО

ГАВРИЛОВ Александр Васильевич — руководитель исследовательских проектов, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия
 E-MAIL: gavrilov_a@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0003-0718-3615>

ЛЬВОВ Степан Васильевич — кандидат социологических наук, директор по стратегическому развитию, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия
 E-MAIL: lvov@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0003-0482-099X>

МИНЧЕНКО Евгений Николаевич — директор Центра исследований политических элит Института международных исследований, МГИМО МИД России, Москва, Россия
 E-MAIL: minchenkomgimo@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1755-2162>

СТУЛОВА Евгения Владимировна — исполнительный директор, Коммуникационный холдинг «Минченко консалтинг», Москва, Россия
 E-MAIL: chair1707@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0002-8170-0836>

ФЕДОРОВ Валерий Валерьевич — кандидат политических наук, генеральный директор, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия; профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
 E-MAIL: fedorov@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0002-0749-4475>

THE FOUR RUSSIAS: AN EMPIRICAL VERIFICATION OF THE EXPERT MODEL OF SEGMENTATION OF POLITICAL AUDIENCES IN THE CONTEXT OF THE SMO

*Aleksandr V. GAVRILOV*¹ — Head of Research Projects
 E-MAIL: gavrilov_a@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0003-0718-3615>

*Stepan V. LVOV*¹ — Cand. Sci. (Soc.), Director for Strategic Development
 E-MAIL: lvov@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0003-0482-099X>

*Evgeniy N. MINCHENKO*² — Director of the Center for the Study of Political Elites of the Institute of International Studies
 E-MAIL: minchenkomgimo@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1755-2162>

*Evgenia V. STULOVA*³ — Executive Director
 E-MAIL: chair1707@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0002-8170-0836>

Valery V. FEDOROV^{1,4,5} — Cand. Sci. (Polit.), CEO; Professor; Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications
 E-MAIL: fedorov@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0002-0749-4475>

¹ Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Moscow, Russia

² MGIMO University, Moscow, Russia

³ Communications Holding «Minchenko Consulting», Moscow, Russia

⁴ HSE University, Moscow, Russia

⁵ Financial University, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена разработке и апробации модели сегментации политической аудитории в контексте влияния на российское общество специальной военной операции России на Украине (СВО). В качестве теоретической основы авторы обращаются к концепциям сегментации в социальных науках, рассматривают факторы социальной дифференциации и предлагают применять экспертную модель сегментации аудитории «Четыре России» (авторы Е. В. Стулова и Е. Н. Минченко), основанную на таких критериях, как отношение к СВО, миграционное поведение, эмоциональное состояние, ценностные установки и материальное положение. Авторы описывают методологию операционализации критериев экспертной модели и проверяют их на данных двух волн всероссийского онлайн-опроса 2023 и 2024 гг. ($N = 1,6$ тыс. респондентов в каждом случае), конструируя «мягкую» и «жесткую» модели сегментации.

Эмпирические расчеты показывают четыре относительно устойчивых сегмента, которые названы «Россия уехавшая», «Россия столичная», «Россия глубинная» и «Россия воюющая». Представлены подробные социальные портреты этих сегментов, демонстрирующие наличие значительной поляризации по возрасту, типам поселений, моделям медиапотребления, ценностям и эмоциональной оценке СВО. Анализ восприятия СВО с использованием кластерного анализа выявил сложность и многогранность отношения к ней, выходящую за рамки простого одобрения или неодобрения. Авторы подчеркивают практическую ценность сегментации аудиторий для разработки эффективных стратегий политической коммуникации в условиях высокой поляризации мнений. Предложенный подход позволяет учитывать специфику каждой выделенной группы при взаимодействии в коммуникативном пространстве.

Abstract. The article is devoted to the development and testing of a model for segmenting a political audience in the context of the influence of Russia's special military operation in Ukraine (SVO) on Russian society. As a theoretical basis, the authors turn to segmentation concepts in the social sciences, consider the factors of social differentiation, and propose to apply the expert model of audience segmentation named «The Four Russias» by Evgenia Stulova and Evgeniy Minchenko. This model is based on such criteria as attitude towards SMO, migration behavior, emotional state, perceived values, and individual financial situation. The authors describe the methodology for operationalizing the criteria of the expert model and test them on the data of two waves of the all-Russian online survey held in 2023 and 2024 ($N = 1.6$ thousand respondents in each case), constructing soft and hard segmentation models.

Empirical findings show four relatively stable segments, which are named «Departed Russia», «Metropolitan Russia», «Deep Russia», and «Warring Russia». The authors present detailed social portraits of these segments and demonstrate significant polarization across them by age, types of settlements, models of media consumption, values, and emotional assessment of the SVO. At that, cluster analysis of the perception of the SVO revealed the complexity and multifaceted attitude towards it, going beyond simple approval or disapproval. The authors emphasize the practical value of audience segmentation for developing effective political communication strategies in conditions of high polarization of opinions. The proposed approach allows accounting for the specifics of each selected group when interacting in the communicative space.

Ключевые слова: специальная военная операция (СВО), сегментация политических аудиторий, эмпирическая проверка модели, модели сегментации, идеологическая поляризация

Keywords: Special Military Operation (SMO), political audience segmentation, empirical verification of the model, segmentation models, ideological polarization

Введение

Политическая коммуникация в России, ее содержание, субъекты и аудитории активно трансформируются под влиянием внутривнутриполитических и геополитических событий, а также обусловленных ими социально-экономических и культурных изменений в обществе. Однако фундированных научных работ, посвященных влиянию одного из важнейших событий последних лет — специальной военной операции (далее — СВО) — на массовое сознание и социальное поведение россиян, пока нет. На момент подготовки статьи среди публикаций по теме СВО, основанных на результатах массовых опросов населения, преобладали материалы экспертно-аналитического характера¹. Научных же публикаций, в которых бы проводился анализ динамики общественного мнения и социальных процессов, вызванных СВО, к концу третьего года ее проведения в российских источниках обнаружено немного.

В целом можно сказать, что научный дискурс по этому направлению формируется вокруг исследования трех сюжетов:

а) динамики социально-психологического статуса населения [Нестик, 2023; Радаев, 2024];

б) поведенческих стратегий в условиях идеологического противостояния с Западом [Тихонова, 2024];

в) социально-экономического самочувствия и потребительских практик в сложившихся условиях [Звоновский, Ходыкин, 2023а; Радаев, 2023].

Отдельные авторы поднимают вопросы консолидации, моральной и идеологической дифференциации, а также динамики общественного мнения [Звоновский, Ходыкин, 2023б, 2023с; Андреев, Андреев, Слободенюк, 2024; Цветкова, 2023; Мерзликин, Иванов, 2022]. В то же время примеров прикладных исследований, авторы которых пытались оценить значимость отношения к СВО как критерия социальной дифференциации (стратификации), пока единицы².

Низкая исследовательская активность в изучении влияния СВО на социальные процессы обусловлена рядом факторов, к которым можно отнести:

— неполноту теоретической рамки — отсутствие концепций, описывающих групповое сознание и поведение в условиях военного времени и рестрикций со стороны ряда государств;

— осторожность исследователей, не решающихся включиться в изучение повестки из-за самоцензуры или возможности цензуры;

¹ См., например: Социодиггер. 2023. Т. 4. № 9 (28). URL: <https://sociodigger.ru/releases/release/obshchestvo-vo-vremena-svo> (дата обращения: 16.04.2025); Социодиггер. 2023. Т. 4. № 10 (29). URL: <https://sociodigger.ru/releases/release/instituty-vo-vremena-svo-1> (дата обращения: 16.04.2025).

² См., например: Странники и противники СВО: социальные портреты // Russian Field. 2023. URL: <https://russianfield.com/portrets> (дата обращения: 16.04.2025); Странники, противники, нейтралы: отношение россиян к «военной операции» // Russian Field. 2023. URL: <https://russianfield.com/segmentation> (дата обращения: 16.04.2025).

- этическую дилемму — некоторые исследователи считают, что изучение темы СВО связано с моральными компромиссами и непреодолимой сенситивностью;
- умозрительность при выдвижении гипотез — риск формулировки неверифицируемых предположений;
- недостаток аналитических моделей, способных задать методологический импульс исследованиям данной темы.

Тезис о том, что СВО выступает значимым фактором социальной дифференциации, который определяет динамику раскола или консолидации групп в российском обществе, мы считаем не требующим доказательства. Однако при решении практических задач в сфере управления, воздействия и взаимодействия в коммуникативном пространстве простой диагностики линий раскола и измерения объемов групп по объективным показателям (отношение к СВО в целом и ее отдельным событиям) оказывается недостаточно. Здесь на первый план выходят поведенческие и ценностные аспекты, появляется необходимость более комплексного изучения различных групп.

В статье Н. Е. Тихоновой [Тихонова, 2024], на данный момент наиболее заметной из числа тех, что затрагивают вопрос идеологической поляризации в российском обществе в условиях геополитической конфронтации, ключевой демаркационной линией, соответствующей текущему политическому контексту, является отношение к Западу. Четкое разделение на «идеологическое большинство» и «меньшинство», а также их внутренняя дифференциация (ядро/периферия, критики/лояльные) позволило систематизировать сложные социальные процессы. Именно это исследование дало нам возможность обратить внимание на проблемные моменты, которые необходимо преодолеть при построении сегментации общества. Так, автор сводит сложные идеологические воззрения к бинарным оппозициям («государство vs права человека», «Запад vs самобытность»). Однако этот подход игнорирует не только возможность синкретизма взглядов (например, сочетание патриотизма с критикой власти), но и возможность дифференцирования по критериям, не относящимся к одному элементу системы, то есть требующим анализа комбинаций неочевидных параметров.

Спорным выглядит и утверждение о «внутренней непротиворечивости» взглядов большинства. На наш взгляд, таких противоречий достаточно много. Они обусловлены множественностью индивидуальных социальных ролей; распространённостью «неклассической логики обывателя», под которой понимаются особенности мышления, обуславливающие отклонение от рационального подхода под влиянием разнообразных контекстов, культурных установок и когнитивных искажений; потоками коммуникаций, нарушающих автономию личности; вынужденным и часто неразрешимым совмещением этих противоречий. Их выявление может стать самостоятельной аналитической задачей. Кроме того, в работе Н. Е. Тихоновой не были определены и операционализированы некоторые термины, например «западно-ориентированный путь» или «цивилизационная специфика России»; не указано, что именно подразумевается под «западными ценностями». Хотя автор упоминает связь критики власти с «неблагополучным социально-экономическим положением», этот аспект также остался нераскрытым. Наконец, неясно, как экономические трудности взаимодействуют с идеологиче-

скими установками, ведь, например, недовольство уровнем жизни может не коррелировать с поддержкой Запада.

В рамках другого эмпирического исследования — основанной на опросных данных работы Russian Field³ — для определения групп населения, различающихся отношением к «военной операции», используется трехэтапная сегментация по ответам на несколько ключевых вопросов.

I этап: разделение респондентов на сторонников продолжения СВО и сторонников перехода к мирным переговорам. Выделяются кластеры «Голуби» (выбравшие мирные переговоры) и группа тех, кто выбрал продолжение операции, а также «Затруднившиеся» (не смогли определиться или отказались отвечать).

II этап: среди тех, кто высказался за продолжение СВО, определяется их отношение к гипотетическому мирному соглашению, подписанному В. Путиным. Выделяются кластеры «Лоялисты» (поддержали бы мирное решение Путина) и «Ястребы» (не поддержали бы или затруднились / отказались ответить).

III этап: анализ ответов на открытый вопрос о том, каким должно быть мирное соглашение между Россией и Украиной, чтобы респондент его поддержал. Этот этап проводится отдельно для кластеров «Ястребы», «Лоялисты» и «Голуби».

После кодирования 28 наиболее распространенных вариантов ответов на открытый вопрос⁴ проведен двухэтапный кластерный анализ для каждого из названных выше кластеров («Ястребы», «Лоялисты», «Голуби»). Он позволил выделить подкластеры (от трех до пяти в каждом случае), часть из которых впоследствии были объединены для удобства интерпретации. К достоинствам сегментации Russian Field следует отнести то, что ее модель не является чисто эмпирической, то есть она построена на гипотетических допущениях, детально описывающих несколько уровней возможных мотивов и позиций по условиям заключения мира или продолжения СВО. Но даже это условие не позволяет преодолеть или хотя бы снизить влияние объективных ограничений, возникающих при кластеризации в связи с чувствительностью модели к начальным условиям, возможными ошибками в первоначальном числе кластеров и проблемами масштабирования критериев. Кроме этого, первый вопрос, примененный в этой модели сегментирования, задает жесткий выбор: «перейти к мирным переговорам» или «продолжить военную операцию», — не давая возможности выразить промежуточные позиции и нюансы.

Наконец, еще в одном эмпирическом исследовании, реализованном в рамках проекта «Хроники»⁵, не заявлена типологизация или сегментация, но проведена группировка «последовательных сторонников войны» и «сторонников скорейшего завершения войны». Согласно этому источнику, к первым относят респондентов, которые одновременно отвечают следующим критериям: высказываются в поддержку СВО, не поддерживают гипотетическое решение В. Путина вывести войска и начать мирные переговоры без достижения целей операции и считают, что

³ Отношение россиян к «военной операции»: сегментация опрошенных // Russian Field. 2024. URL: <https://russianfield.com/segmentation2024> (дата обращения: 09.03.2025).

⁴ Эти варианты называли от 1 до 8% респондентов, и для проведения дальнейшего анализа они были представлены в виде бинарных переменных.

⁵ Хроники 11. За войну меньше россиян, чем против. URL: <https://www.chronicles.report/chapter11> (сайт «Хроники. Медиа» заблокирован решением Роскомнадзора с января 2023 г.).

приоритетом государственных расходов должна быть армия. Сильной стороной этой модели является использование набора из трех вопросов для определения группы. Это позволяет получить более комплексное понимание позиции респондентов по сравнению с единственным вопросом о поддержке СВО. Однако интерпретация ответов все равно вызывает сложности. Например, респондент может не поддерживать вывод войск без достижения целей СВО не потому, что является сторонником войны, а из-за опасений относительно последствий такого решения. Мнение о приоритетности расходов на армию также может быть интерпретировано по-разному: некоторые респонденты могут считать это необходимым в текущей ситуации, даже не будучи убежденными сторонниками продолжения войны в долгосрочной перспективе.

Таким образом, предложенные в литературе модели сегментации, хотя и дают возможность выделения групп людей с различными точками зрения, обладают рядом существенных ограничений. Цель настоящей статьи — представить и валидировать еще одну модель, опирающуюся на более разнообразный набор критериев, определяющих различные аудитории для политических коммуникаций в современной России.

Научное и практическое значение сегментации

Практическая ценность сегментирования (процедуры) и сегментации (результата) заключается в том, что в дальнейшем они становятся основой для разработки стратегий коммуникации, учитывающих специфику каждой группы. То есть сегментация в данном случае ориентирована прежде всего на практику политической коммуникации. В то же время дефицит инструментов сегментации аудитории в условиях высокой поляризации и неопределенности затрудняет как разработку коммуникационных стратегий, так и общий анализ социальной ситуации. Поиску возможностей преодоления этой ситуации был посвящен стрим по проблемам сегментации секции «Методическая дискуссия» Научного совета ВЦИОМ⁶.

Проведенные в рамках этого стрима дискуссии показали, что социально-демографическая сегментация, долгое время считавшаяся основой анализа, сегодня подвергается критике за свою ограниченность. По мнению их модератора Степана Львова, «поиск универсальных дифференцирующих признаков (таких как возраст, пол, доход) становится заведомо нерешаемой задачей в условиях усложнения социальных структур». Эти параметры не объясняют, почему люди действуют по-разному, что ставит под сомнение их практическую ценность. Ключевым принципом могла бы стать ориентация на методологический индивидуализм: сегментация должна раскрывать мотивы действий, а не просто классифицировать статические группы.

⁶ Было проведено три заседания Научного совета ВЦИОМ на эту тему: 1) «Сегментационные основания — 1: эвристичность vs/соп воспроизводимость» (17.08.2023). URL: <https://wciom.ru/prof-conversation/material/zasedanie-nauchnogo-soveta-wciom-sekcija-metodicheskaja-diskussija-segmentacionnye-osnovanija-ehvristichnost-vs-con-voisproizvodimost>; 2) «Сегментационные основания — 2: универсальность vs/соп практичность» (31.08.2023). URL: <https://wciom.ru/prof-conversation/material/zasedanie-nauchnogo-soveta-wciom-sekcija-metodicheskaja-diskussija-segmentacionnye-osnovanija-2-ehvristichnost-vs-con-voisproizvodimost>; 3) «Сегментационные основания — 3: чувствительность vs/соп емкость» (28.09.2023). URL: <https://wciom.ru/prof-conversation/material/zasedanie-nauchnogo-soveta-wciom-sekcija-metodicheskaja-diskussija-segmentacionnye-osnovanija-3-chuvstvitel'nost-vs-con-embkost> (дата обращения: 09.03.2025).

Важно признать, что сегментация — это инструмент *ad hoc*, создаваемый под конкретные задачи. Универсальные модели, применимые в любом контексте, — иллюзия. Например, подход, эффективный для анализа потребительских предпочтений, может оказаться бесполезным в изучении политического поведения. Поэтому решение задачи по разработке сегментации требует от исследователей четкой постановки цели и отказа от шаблонных решений.

Начальным этапом должен стать поисковый анализ, выявляющий скрытые паттерны, а не навязывание заданных категорий. Следующий этап — это переход к простым критериям, делающим сегменты понятными для пользователей. Усложнение моделей, скорее всего, будет контрпродуктивно: сегментация призвана упрощать реальность, а не запутывать.

Эффективная сегментация рождается из гипотез, проверяемых эмпирически, а не из догм. При этом избыток предварительных знаний может исказить восприятие данных. Критически важным становится включение анализа повседневного языка и контекстов в процедуру сегментирования. Нельзя игнорировать иррациональность человеческого поведения в некоторых сферах: например, решения в такой сфере, как досуг и развлечения, часто эмоциональны, что требует сегментации по психологическим или ценностным критериям.

Кроме этого, сегментационная модель должна учитывать ситуационные факторы. Это хорошо иллюстрируют электоральные опросы, результаты которых могут искажаться из-за смещений выборки или временной динамики (под влиянием скандалов, кризисов). Социальные группы сегодня быстро формируются и распадаются, поэтому статичные типологии устаревают.

Попытки использовать классические политические идеологии как основу для сегментации также проваливаются, так как игнорируют социокультурные особенности и личные интересы. Альтернативой становятся «эвристические методы» (кластерный анализ), выявляющие естественные группы, а не навязывающие категории. Однако и здесь важен баланс: факторный анализ, например, помогает выделить значимые признаки, но интерпретация результатов остается субъективной.

По мнению экспертов — участников стрима Научного совета ВЦИОМ, будущее сегментаций — в конструировании гибких, но в то же время эмпирически обоснованных моделей, которые учитывают многослойность человеческой мотивации, динамику контекста и прагматику задач. Как отметили участники дискуссий, исследователям стоит чаще обращаться к повседневному дискурсу, не включенному в институциональные рамки, проверять гипотезы в поле и помнить, что сегменты — это не «ярлыки», а инструменты для действия. Только тогда они смогут ответить на вызовы быстро меняющегося общества.

Теоретическое обоснование для разработки сегментации политических аудиторий в современной России (с 2022 г.) для анализа социальных настроений и поведения может быть построено на основе нескольких ключевых концепций, представленных в разных источниках. В целом концепция *сегментации* не является лидирующей среди подходов к классификации, уступая место *типологизации*, и рассматривается в социальных науках прежде всего как способ *понимания* дифференциации в обществе. Хотя большинство источников фокусируются преимущественно на экономической (маркетинговой) и индустриальной сегментации, сама идея

разделения общества на отличные друг от друга группы с различными характеристиками применима и к политической аудитории [Clairmont, Apostle, Kreckel, 1983].

Релевантной задачей нашего исследования представляется работа В. Лорвина о «сегментированном плюрализме» [Lorwin, 1971], в которой рассматривается, как общества разделяются на идеологические блоки (например, религиозные и политические), которые, в свою очередь, распространяют свое влияние и принципы самоорганизации на различные социальные слои и группы населения, проникая в разнообразные социальные среды, формируя партийные системы и добровольные ассоциации. В контексте России после 2022 г. можно предположить существование идеологических блоков (например, государственно-патриотического, либерально-оппозиционного, социально ориентированного), которые могли бы служить основой для сегментации политической аудитории.

Выдвигая идею о том, что идеологии являются «открытыми и изменчивыми соревнованиями» за контроль над политическим языком, М. Фриден подчеркивает: понимание того, какие смыслы доминируют в политическом дискурсе каждого сегмента, критически важно для анализа настроений и поведения [Freedon, 2020]. Э. Леман анализирует политическое вовлечение в контексте «перекрестного давления» (*cross-pressure*) — воздействия противоречивых сил, возникающих из множественности и несовместимости индивидуальных позиций, но проявляющихся на коллективном уровне, и указывает на разобщение (*separation*) между экономической и общественной сферами жизни, которое проявляется в ослаблении или разрыве связей между сферой работы и сообществом, представителем которого является индивид [Lehman, 1985]. Сегментация политической аудитории может позволить выявить, какие группы населения в России испытывают подобное «перекрестное давление» и как это влияет на их политическую активность.

Еще один важный фактор дифференциации возникает в исследованиях этнической и социальной сегментации, хотя они и не имеют прямого отношения к анализу политической коммуникации. Так, Х. Эссер полагает, что этническая сегментация — непреднамеренный результат рациональных решений индивидов, обусловленных социальными связями и меняющейся структурой возможностей [Esser, 1985]. Предлагаемая автором модель не относится напрямую к политике, однако демонстрирует, как социальная дифференциация и выборочное взаимодействие могут приводить к формированию устойчивых сегментов общества с различными моделями поведения. Аналогично политические предпочтения и поведение могут быть связаны с другими типами социальной сегментации (например, социально-экономической, региональной, ценностно-идеологической, возрастной). Исследование Р. Хорника и С. Рамирез демонстрирует, как сегментация аудитории по расовым/этническим признакам и восприятию может выявить значительные различия в намерениях и отношении к определенным вопросам [Hornik, Ramirez, 2006]. Это показывает практическую ценность сегментации для понимания и различных реакций на политические и социальные явления.

Опираясь на приведенный обзор, мы допускаем, что сегментация является частным случаем классификации, но без онтологических оснований. Классификацией, в свою очередь, признается типология, которая «описана еще и в терминах какой-либо другой системы признаков, относящихся к данному явлению,

то есть устанавливает в явной форме теоретические связи между различными сторонами изучаемой системы» [Миркин, 1980: 13]. Таким образом, для перехода от практической сегментации к полноценной типологии необходимо предпринять ряд шагов, направленных на повышение эпистемологического статуса сегментации. Этот шаг остается за рамками представленной работы, в которой мы фокусируемся именно на сегментации аудитории.

Методология исследования

Представленная в этой статье сегментация политической аудитории современной России разработана для осмысления социальных настроений и социального поведения в последние годы, после начала СВО. Дизайн исследования предполагает:

а) описание и анализ возможностей сегментации на базе относительно слабо проработанной и редко применяемой в практике процедуры экспертного моделирования;
б) операционализацию и эмпирическую проверку предложенной модели сегментации;

в) оценку размеров и описание полученных сегментов: социально-демографического портрета сегментов и их дополнительных характеристик, не предусмотренных экспертной моделью.

В основу экспертной модели легли результаты тренинговых упражнений, в которых участвовали представители политической элиты, региональные депутаты, чиновники, политконсультанты и общественные деятели (общий охват — более 700 человек; число участников тренингов варьировалось от 15 до 70 человек). Тренинги проводились в период с октября 2022 г. по декабрь 2023 г. Участникам предлагалось смоделировать идейно-политическое пространство «с нуля» в игровом формате: игра состояла в проработке гипотетической ситуации, в которой все партии в России запрещаются до момента окончания СВО, а после ее завершения они создаются заново. В процессе деловых игр выкристаллизовались сегменты, различающиеся в позиционировании по отношению к СВО. Качественный анализ материалов состоявшихся дискуссий, наблюдение авторов за процессом формирования идеологий и последующая верификация результатов в ходе повторных тренингов позволили выделить ряд устойчивых шаблонных представлений, которые неизменно воспроизводились в разных аудиториях. Ключевым дифференцирующим фактором стало отношение россиян к СВО, на которое оказывают влияние географические, социально-демографические и ценностные характеристики.

На основе этих наблюдений Е. В. Стулова и Е. Н. Минченко предложили логику сегментации аудиторий, получившую название «Четыре России»⁷. Ее авторы использовали следующий набор сегментирующих признаков, принципы применения которых описаны в таблицах 1 и 2:

⁷ Стоит отметить, что подобный подход является типовым приемом описания социологических феноменов. Первым свои «четыре России» предложил В. Шляпентох (который описывал их через разные социальные уклады) [Шляпентох, 1997]. Затем Н. Зубаревич выступила с идеей классификации нескольких России по социально-экономическому принципу (см. Зубаревич Н. Четыре России // Ведомости. 2011. 30 декабря. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii (дата обращения: 17.04.2025)). В 2016 г. А. Аузан предложил деление на «две России», разделяя их по оси «коллективизм — индивидуализм» (см. А. Аузан. Культурные коды экономики: почему в России существуют две разные страны // Forbes. 2021. 4 ноября. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/443291-kul-turnye-kody-ekonomiki-pocemu-v-rossii-susestvuut-dve-raznye-strany> (дата обращения: 17.04.2025)).

- 1) отношение к СВО (поддерживают / не поддерживают);
- 2) миграционное поведение после начала СВО (уехал из страны / планирует или думает о переезде / остался в стране);
- 3) эмоциональное состояние (признаки так называемой внутренней миграции, проявляющейся в изоляции и увеличении социальной дистанции с окружающими);
- 4) ценностные установки (идейное западничество / ценность суверенитета);
- 5) материальное положение и изменения в нем после начала СВО (улучшили материальное положение благодаря СВО / утратили преимущества, существовавшие до СВО).

На основе описанных критериев было предложено выделять четыре аудитории (см. табл. 1):

- 1) «Россия столичная»: жители мегаполисов, ориентированные на комфорт и приватность, демонстрирующие нейтралитет к СВО;
- 2) «Россия глубинная»: население малых городов и сел, принимающее СВО как неизбежность и фокусирующееся на экономическом выживании;
- 3) «Россия воюющая»: участники СВО, их семьи и идейные сторонники, для которых ключевыми ценностями являются победа и национальная безопасность;
- 4) «Россия уехавшая»: эмигранты (физические или идейные), отвергающие СВО и стремящиеся к интеграции в глобальный контекст.

Таблица 1. **Описание экспертной модели «Четыре России»**

Название группы	Отношение к СВО	Кто и где	Ценности	Стратегия
1. «Россия уехавшая»	Категорическое неприятие.	— Премиальный класс; — люди, включенные в политические, бюрократические, корпоративные, академические, общественные глобальные структуры.	— Идейное западничество; — быть частью глобального мира.	— Дождаться в эмиграции (внешней или внутренней) краха режима; — публичная борьба против режима; — использование критики режима для адаптации во внешнем мире.
2. «Россия столичная»	— Игнорирование; — отстраненность.	— Бенефициары прежнего порядка; — премиальный класс; — жители крупных городов.	— Комфорт; — мир; — безопасность; — частная жизнь.	— Переждать; — уйти в решение своих бытовых вопросов.
3. «Россия глубинная»	— Принятие как неизбежности; — солидарность со своими.	Преимущественно жители малых и средних городов, сел.	— Выживание; — заработок; — страна и суверенитет как ценность.	Использование СВО для улучшения своего материального положения: — получение выплат и преференций от государства; — работа на ВПК.
4. «Россия воюющая»	Поддержка и активное участие.	— Участники СВО и члены их семей; — жители приграничных регионов; — идейные сторонники СВО; — волонтеры.	— Мечь; — победа; — устранение смертельной опасности.	— Личная вовлеченность в СВО в той или иной степени; — карьера через «Донбасс».

Предложенная модель сегментации подтверждается отдельными примерами из публичного дискурса. Так, риторика либеральной оппозиции соответствует «России уехавшей», социальные программы государства адресованы «России глубинной», а коммуникация военных блогеров — «России воюющей». Успешные кейсы, такие как избирательная кампания В. Даванкова на выборах президента России в 2024 г., демонстрируют эффективность таргетирования конкретных сегментов («столичная» и «уехавшая» аудитории).

Наша следующая задача — проверить устойчивость экспертной модели на эмпирическом материале и выяснить, сможет ли она выступить в качестве стартовой гипотезы или базового допущения (presupposition) для более глубокого анализа ситуации. Для этого на первом этапе проверки экспертной модели был проведен анализ критериев описания социальных типов, доступных для измерения в рамках количественного опроса населения. Для каждого типа мы сформировали набор основных и дополнительных, уточняющих границы группы, критериев (см. табл. 2).

Таблица 2. Критерии отнесения респондентов к сегментам

	Основной критерий	Дополнительные критерии
1. «Россия уехавшая»	Эмиграция (внешняя или внутренняя)	— Идею западничество; — категорическое неприятие СВО
2. «Россия столичная»	Отстраненность	Бенефициары прежнего порядка (предполагается, что текущий порядок не создает для них преимуществ)
3. «Россия глубинная»	Улучшили материальное положение на фоне СВО	Суверенитет как ценность
4. «Россия воюющая»	Вовлеченность в СВО (участие в боевых действиях лично или участвуют родственники; проживание в приграничных регионах)	Поддержка СВО

На втором шаге операционализирован каждый критерий: в соответствие критерию был поставлен применяемый в массовых опросах населения ВЦИОМ вопрос, оценивающий наличие, отсутствие или выраженность конкретного критерия у респондента. Дополнительно проводилась процедура исключения респондентов с нетипичными для данного сегмента критериями (ценности, паттерны поведения), для получения максимально выраженных по характеристикам групп. Подробное описание критериев и логики формирования групп приведено в таблице 3.

Эмпирическая апробация предложенной сегментации проводилась на данных всероссийского опроса населения России в возрасте от 18 лет, реализованного по вероятностной интернет-панели «ВЦИОМ-Онлайн». Две волны опроса прошли с 15 по 17 декабря 2023 г. (Волна 1) и с 5 по 7 апреля 2024 г. (Волна 2). В каждой из них было опрошено по 1,6 тыс. респондентов. Выборки опроса репрезентируют интернет-пользователей по полу, возрасту, типу населенного пункта и федеральному округу⁸.

⁸ Интернет-панель ВЦИОМ включает около 90 тыс. участников, рекрутированных случайным образом из классической вероятностной выборки телефонного опроса. Подробное описание панели ВЦИОМ-онлайн: <https://ok.wciom.ru/research/online-panel> (дата обращения: 16.04.2025).

**Таблица 3. Соответствие критериев формирования сегментов
вопросам выборочных обследований населения**

Группа	Предложенные критерии	Вопрос анкеты	Учитываемое значение	
1. «Россия уехавшая»	Внешняя эмиграция	<p>После начала специальной военной операции Вы думали о переезде в другую страну на постоянное жительство или на длительный период или нет?</p> <p>Варианты ответа:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Я уже переехал. 2. Я уезжал, но вернулся. 3. Думаю, строю серьезные планы. 4. Думаю, но не строю серьезных планов. 	Выбравшие любой из вариантов 1—4.	
	«Внутренняя эмиграция»	<p>Отметьте все утверждения, с которыми Вы согласны. После начала специальной военной операции я стал(а)...?</p> <p>Варианты ответа:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Меньше интересоваться общественной жизнью. 2. Меньше участвовать в общественных мероприятиях. 3. Реже выражать свою точку зрения по общественным вопросам. 4. Чаще чувствовать, что моя позиция не находит поддержку окружающих. 5. Реже хотеть что-то изменить в обществе. 6. Чаще ощущать давление со стороны мнения большинства. 7. У меня стало меньше желания поддерживать позицию российских властей. 8. Мой круг общения значительно сузился. 	Отметившие три или более из вариантов 1—8.	
	Категорическое неприятие СВО		<p>А. Как Вы в целом относитесь к специальной военной операции на Украине?</p> <p>Варианты ответа:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Скорее положительно. 2. Скорее отрицательно. 3. Скорее безразлично 99. Затрудняюсь ответить. 	Любые комбинации вопросов А и Б, кроме: вариант 2 в вопросе А («скорее отрицательно») и варианты 3—4 в вопросе Б («скорее» или «определенно поддержали бы»), а также вариант 99 в вопросе Б («затрудняюсь ответить») и варианта 3, 99 в вопросе А («скорее безразлично», «затрудняюсь ответить»)
			<p>Б. Если бы У Вас была возможность вернуться в прошлое и отменить или поддержать начало специальной военной операции на Украине, Вы бы ее...?</p> <p>Варианты ответа:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Определенно отменили. 2. Скорее отменили. 3. Скорее поддержали. 4. Определенно поддержали. 99. Затрудняюсь ответить. 	
	Идейное западничество*	Пожалуйста, выберите пять наиболее важных для Вас ценностей (список ценностей приведен в Приложении).	Исключены респонденты, разделяющие нетипичные для этой группы ценности**. Эти ценности выделены на этапе анализа данных.	

Группа	Предложенные критерии	Вопрос анкеты	Учитываемое значение
2. «Россия столичная»	Отстраненность	А. Как Вы в целом относитесь к специальной военной операции на Украине? Варианты ответа см. выше.	Выбравшие вариант 3 («скорее безразлично»).
		Б. Если бы у Вас была возможность вернуться в прошлое и отменить или поддержать начало специальной военной операции на Украине, Вы бы ее...? Варианты ответа см. выше.	Выбравшие вариант 2 («скорее отменили»).
	Бенефициары прежнего порядка	Как за последние 1—2 года изменились следующие аспекты Вашей жизни? Перечень сфер: 1. Уровень дохода Ваш и Вашей семьи. 2. Карьерные перспективы. 3. Бытовые условия места, в котором Вы живете. 4. Перспективы развития сферы, в которой Вы работаете.	Выбравшие варианты 3 («скорее ухудшились») или 4 («сильно ухудшились») в любой из четырех предложенных сфер.
	Умеренные проявления «внутренней эмиграции»	Отметьте все утверждения, с которыми Вы согласны. После начала специальной военной операции я стал(а)...? Варианты ответа см. выше.	Отметившие 1—2 пункта из вариантов 1—8.
3. «Россия глубинная»	Улучшение своего материального положения	Как за последние 1—2 года изменились следующие аспекты Вашей жизни? Перечень сфер см. выше.	Выбравшие варианты 1 («сильно улучшились») или 2 («скорее улучшились») в любой из четырех предложенных сфер.
	Суверенитет как ценность	Пожалуйста, выберите пять наиболее важных для Вас ценностей (список ценностей приведен в Приложении).	Выбравшие ценности: патриотизм, любовь к Родине; самоотверженность, жертвенность.
	Принятие СВО как неизбежности	А. Как Вы в целом относитесь к специальной военной операции на Украине? Варианты ответа см. выше.	Любые комбинации, кроме: вариант 2 в вопросе А («скорее отрицательно») и варианты 3—4 в вопросе Б («скорее» или «определенно поддержали бы»); вариант 3 в вопросе А («скорее безразлично») и затруднения с ответом в вопросе Б; одновременное затруднение с ответом с ответом в вопросах А и Б.
		Б. Если бы у Вас была возможность вернуться в прошлое и отменить или поддержать начало специальной военной операции на Украине, Вы бы ее...? Варианты ответа см. выше.	
Неучастие в СВО (дополнительный критерий)	Вы сами или кто-то из Ваших родственников, близких друзей, знакомых принимает участие в специальной военной операции или нет? Варианты ответа: 1. Я сам принимал или принимаю участие в СВО. 2. Принимали или принимают участие родственники. 3. Принимали или принимают участие близкие друзья. 4. Принимали или принимают участие знакомые. 97. Нет, не принимают. 99. Затрудняюсь ответить.	Выбравшие один из вариантов: вариант 3 (близкие друзья), вариант 4 (знакомые), а также ответившие «нет» или заруднившиеся с ответом.	

Группа	Предложенные критерии	Вопрос анкеты	Учитываемое значение
4. «Россия воюющая»	Проживание в приграничных регионах	В какой области, крае, республике Вы постоянно проживаете? (открытый вопрос)	Проживающие в Белгородской, Брянской или Курской областях.
	Вовлеченность в СВО (личная или членов семьи)	Вы сами или кто-то из Ваших родственников, близких друзей, знакомых принимает участие в специальной военной операции или нет? Варианты ответа см. выше.	Выбравшие варианты 1 или 2.
	Поддержка СВО	А. Как Вы в целом относитесь к специальной военной операции на Украине? Варианты ответа см. выше.	Любые комбинации, кроме: вариант 2 в вопросе А («скорее отрицательно») и варианты 3–4 в вопросе Б («скорее» или «определенно поддержали бы»).
		Б. Если бы У Вас была возможность вернуться в прошлое и отменить или поддержать начало специальной военной операции на Украине, Вы бы ее...? Варианты ответа см. выше.	
Идейные сторонники	Пожалуйста, выберите до десяти характеристик, которые, на Ваш взгляд, лучше подходят для описания специальной военной операции (список характеристик приведен в Приложении).	Выбравшие характеристики: необходимая; способствующая развитию.	

* Критерий включен на этапе эмпирического анализа для лучшей различимости групп «Россия уехавшая» и «Россия столичная».

** Патриотизм, любовь к Родине; осознание себя гражданином своей страны; служение Отечеству; историческая память и преемственность поколений; единство народов России; защита национальной безопасности России.

Конструирование сегментов: «мягкая» и «жесткая» модели

Сегментирование было проведено в три этапа на основе описанных в таблице 3 критериев. Результатом двух первых этапов сегментирования стало построение «мягкой» модели, представленной четырьмя сегментами, охватывающими в сумме 74 и 68% по результатам первой и второй волн соответственно, а также пятым сегментом неклассифицированных респондентов. В результате третьего этапа построена «жесткая» модель, в которой неклассифицированные респонденты в соответствии с критериями, с более высокой вероятностью относящими их в тот или иной сегмент, были распределены между четырьмя базовыми сегментами.

Оба названных подхода имеют практический смысл. «Мягкая» модель обладает более высоким диагностическим потенциалом и отвечает задачам описания характеристик целевых аудиторий. «Жесткая» модель способствует более эффективному решению задач проектирования коммуникационных сигналов и кампаний, поскольку охватывает все население в возрасте от 18 лет.

«Мягкая» модель

Первый этап — отбор по критериям. Респонденты объединялись в группы на основе критериев, разработанных при операционализации экспертной модели «Четыре России» (см. табл. 3). После первичного распределения часть респондентов не были отнесены ни к одной группе (26% в первой волне, 32% — во второй), другие были отнесены сразу к нескольким группам (5 и 3% соответственно; см. табл. 4). Это потребовало дополнительных шагов для уточнения размеров групп.

Второй этап — перераспределение пересекающихся групп. Респонденты, отнесенные к нескольким группам, были перераспределены следующим образом: при пересечении близких групп (1—2 и 3—4) приоритет отдавался крайним группам (1 и 4) как имеющим более строгие критерии. Например, во второй волне:

- 2% респондентов из группы 2 перешли в группу 1;
- 1% из группы 3 — в группу 4;
- 1% из группы 2 — в группу 3 (на основе авторской гипотезы о большей значимости адаптации к ситуации).

По итогам двух названных этапов в выборке опроса населения выделены две большие группы: сегмент «России глубинной» и группа неклассифицированных респондентов — примерно треть (32—33%) респондентов в каждой. Кроме этого, сконструированы три ядерных сегмента примерно одинакового объема: «Россия уехавшая», «Россия столичная» и «Россия воюющая» (от 10 до 14% каждый; см. табл. 4).

При этом если три последних сегмента оказываются устойчивыми и характеризуются выраженной позицией, то в отношении «России глубинной» возникает вопрос: не следует ли ее считать аморфной конструкцией, не обладающей признаками самостоятельной целевой аудитории? Дополнительно мы предполагаем, что при ужесточении модели произойдет лишь небольшой рост сегментов с так называемыми «действующими» позициями, то есть крайних сегментов «уехавших» и «воюющих», а сегменты «глубинной» и «столичной» России вберут большее число пассивных и наблюдающих граждан — так называемой «периферии».

Таблица 4. Объем сегментов «мягкой» модели,
% от числа респондентов в каждой из волн (по строке)

1. «Россия уехавшая»					
	Задумываются о переезде в другую страну ИЛИ Выраженно настроены на «внутреннюю» эмиграцию	Исключены: Выражают лояльность СВО	Исключены: Разделяют патриотические ценности	Корректировка с учетом пересечения групп (на втором этапе)	Итого
Волна 1	21	16	14		14
Волна 2	21	15	12		12
2. «Россия столичная»					
	Не следят за СВО ИЛИ Безразлично относятся к СВО	Исключены: Материальное положение улучшилось	Исключены: Есть выраженная «внутренняя» эмиграция	Корректировка с учетом пересечения групп (на втором этапе)	Итого
Волна 1	34	20	15	–5	10
Волна 2	31	17	13	–3	10

3. «Россия глубинная»					
	Улучшили материальное положение ИЛИ Разделяют ценности патриотизма и жертвенности	Исключены: Имеют родственников, участвующих в СВО	Исключены: Критикуют СВО	Корректировка с учетом пересечения групп (на втором этапе)	Итого
Волна 1	60	48	38		37
Волна 2	59	44	34		33
4. «Россия воюющая»					
	Сами или родственники участвуют в СВО ИЛИ Живут в приграничных регионах	Исключены: Не считают СВО необходимой или способствующей развитию	Исключены: Критикуют СВО	Корректировка с учетом пересечения групп (на втором этапе)	Итого
Волна 1	21	14	14		14
Волна 2	23	14	13		13
Итого: включенные в сегменты					
Волна 1	74				
Волна 2	68				
Неклассифицированные					
Волна 1	26				
Волна 2	32				

Анализ социально-демографических профилей сегментов, рассчитанных для «мягкой» модели (см. табл. 5), фиксирует ряд важных различий между ними.

Во-первых, мы наблюдаем значительную возрастную дифференциацию. В сегменте «России уехавшей» доминирует молодежь в возрасте до 35 лет, в «России столичной» молодые и более возрастные респонденты представлены примерно в равной степени, а в сегментах России «глубинной» и «воюющей» значительно выше доля респондентов в возрасте от 45 лет. Обращает на себя внимание и высокая доля возрастных респондентов среди неклассифицированных.

Во-вторых, проявляются различия по ценностному профилю. «Россия уехавшая» демонстрирует высокую приверженность правам человека и ценностям справедливости и неприкосновенности человеческой жизни. В максимально далекой от нее группе «России воюющей» аналогичного ригоризма или максимализма мы не наблюдаем: в этом сегменте нет ярко выраженных ценностных ориентиров.

При этом сегменты России «глубинной» и «воюющей» слабо различаются с точки зрения распределения ответов на вопрос о поддержке или неприятии СВО — соотношение радикальных и умеренных сторонников в двух группах практически одинаковое. Выделяется лишь небольшая (11%) доля латентных противников в «России глубинной».

Таблица 5. Сравнение социальных профилей сегментов «мягкой» модели, % по столбцу*

		1. «Россия уехавшая»	2. «Россия столичная»	3. Россия «глубинная»	4. Россия «воюющая»	Не классифицированы
		(А)	(В)	(С)	(D)	(Е)
	<i>Доля группы</i>	12	10	33	13	32
Возраст	18—34	57 BCDE	36 CDE	17	14	22
	35—44	15	23	21	25	20
	45+	28	40	62 AB	61 AB	58 AB
Пожалуйста, выберите пять наиболее важных для Вас ценностей (до 5 ответов; приведены ценности, которые лучше подчеркивают различия между группами)	Неприкосновенность человеческой жизни	72 BCDE	36 CD	16	15	28 CD
	Человеческое достоинство	56 CDE	42 CD	28	25	37 CD
	Права и свободы человека	93 BCDE	57 CD	24	26	45 CD
	Гуманизм	59 BCDE	15 CD	4	5	11 C
	Справедливость	72 CDE	72 CD	47	44	61 CD
	Историческая память и преемственность поколений	0	19	34 B	42 BE	31 B
	Защита национальной безопасности России	0	23	39 B	35	34 B
	Суверенитет, независимость России	0	21	52 BDE	41 B	40 B
Как Вы в целом относитесь к СВО на Украине? (один ответ)	Радикальные сторонники	0	4	51 BE	56 BE	27 B
	Умеренные сторонники	0	5	25 BE	23 BE	14 B
	Латентные сторонники	0	8	13 E	12	8
	Латентные противники	0	19 DE	11 D	4	10 D
	Противники	100	19	0 ¹	0 ¹	25
	Безразличные	0	44 DE	0 ¹	5	16 D
Как за последние 1—2 года изменились следующие аспекты Вашей жизни? (один ответ, доля ответивших «сильно/скорее улучшилось» по каждому варианту)	Уровень дохода Вас и Вашей семьи	15 B	5	41 ABE	31 ABE	11
	Карьерные перспективы	14	5	24 ABE	21 BE	10
	Бытовые условия места, в котором Вы живете	8	8	36 ABDE	22 ABE	9
	Перспективы развития сферы, в которой Вы работаете	11	13	50 ABDE	29 ABE	11

* Результаты основаны на двусторонней z-статистике. Уровень значимости для букв верхнего регистра (А, В, С, D, E): 0,05. Критерии скорректированы для всех парных сравнений в строке каждой внутренней подтаблицы при помощи поправки Бонферрони. Пропорции, равные 0 или 1, не используются в сравнениях.

«Жесткая» модель

Дальнейшее углубление и распределение неклассифицированных респондентов между сегментами может вызывать сомнения с методологической точки зрения, однако, с нашей точки зрения, имеет практическую значимость. Возможно, часть этих людей в определенных условиях, например при наличии привлекательной идеи, могли бы сформировать пятый сегмент («пятую Россию» в этой модели). Однако на этапах экспертного обсуждения факторов, которые могли бы объединить всех или часть этих людей в отдельный сегмент, найдено не было. Не обнаруживаются эти признаки и в ходе анализа результатов опроса.

В связи с этим *третий этап сегментирования, предполагающий распределение неклассифицированных респондентов по базовым сегментам*, был реализован с применением дополнительных критериев (см. табл. 6). Его результатом стала «жесткая» модель сегментации, в которой выделенные ранее группы выступают в качестве «ядра», а неклассифицированные респонденты могут быть отнесены к «периферии» групп 2 («столичная») и 3 («глубинная») на основе анализа демографических показателей и ответов на некоторые вопросы. В качестве ключевых признаков в данном случае мы рассматривали динамику материального положения (близкую к группам 1—2), ценностный профиль (близкий к группам 3—4), а также основные критерии отнесения (например, для групп 1 и 4) либо дополнительные критерии — более слабые, но содержательно близкие к исходным.

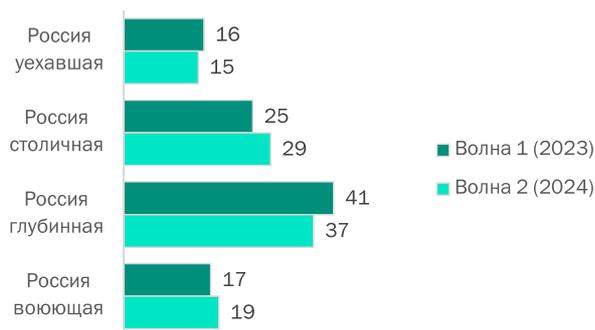
Таблица 6. **Перераспределение неклассифицированных респондентов**

	1. «Россия уехавшая»	2. «Россия столичная»	3. «Россия глубинная»	4. «Россия воюющая»
Критерии отнесения к группе	Задумываются о переезде в другую страну	— Не получили никаких материальных выгод; — разделяют ценности неприкосновенности человеческой жизни и прав и свобод человека; — с безразличием относятся к СВО или являются ее выраженными противниками*.	Не являются ни выраженными сторонниками, ни выраженными противниками, ни безразличными по отношению к СВО.	Являются выраженными сторонниками СВО**.
Доли перешедших в группы				
Волна 1	2	16	4	3
Волна 2	3	19	4	6

* Одновременно относятся негативно и уверены, что не начали бы снова, если был бы выбор.

** Одновременно относятся позитивно и уверены, что начали бы снова, если был бы выбор.

В результате трех шагов — первичного расчета групп на основе выделенных критериев отнесения, перераспределения респондентов, попавших более чем в одну группу, и перераспределения тех, кто не попал ни в одну из групп, — рассчитана итоговая оценка объема каждого из четырех сегментов «жесткой» модели в двух волнах опроса (см. рис. 1).

Рис. 1. Оценки объема четырех сегментов «жесткой» модели⁹

Полученные оценки размеров сегментов оказываются устойчивыми: все группы, рассчитанные на данных первой волны, воспроизведены во второй; объемы групп в двух волнах опроса сопоставимы, различия в них не превышают 4 п. п. Большую устойчивость демонстрируют полярные группы: противники СВО («Россия уехавшая») и вовлеченные сторонники («Россия воюющая»); различия в размерах этих групп между двумя замерами статистически незначимы.

Более выражена и статистически значима динамика в «средних» группах: произошло перераспределение из группы «Россия глубинная» в группу «Россия столичная». Данное изменение, вероятно, связано, с одной стороны, с небольшим снижением доли отмечающих улучшение материального положения, а с другой — с незначительным ростом доли «безразличных» по отношению к СВО. Две указанные тенденции, будучи сами по себе слабовыраженными, создали наблюдаемую динамику в объемах групп.

Портрет сегментов модели «Четыре России»¹⁰

Демографический профиль

Ключевые демографические различия между сегментами «жесткой» модели касаются возраста и места проживания. В сегменте «России уехавшей» доминирует молодежь от 18 до 34 лет (55%), в сегментах России «глубинной» и «воюющей» — люди старше 45 лет (62% и 66% соответственно). Сегмент «России столичной» является промежуточным с точки зрения возрастной структуры: в нем все еще высока доля молодежи (28%), но почти половину составляют люди 45 лет и старше (49%). В сегменте «России уехавшей» почти каждый второй (47%) проживает в городах с населением более 500 тыс. жителей, а в полярном сегменте «России воюющей» этот показатель составляет только 22%. Кроме того, последний сегмент выделяется высокой долей жителей сел — 37%.

С учетом описанных возрастных различий в сегменте «России уехавшей» ожидается выше доля студентов (15% против 5% в сегменте «России воюющей») и работающих (59% против 42% соответственно). Среди представителей России «воюющей»

⁹ Изменения в группах «Россия столичная» и «Россия глубинная» статистически значимы на уровне $p=0,05$ (z-тест для независимых выборок).

¹⁰ Здесь и далее в тексте описаны основные статистически значимые различия между группами «жесткой» модели.

щей» и «глубинной» значительно выше доля пенсионеров (41% против 17% в сегменте «России уехавшей»). В «России столичной» обращает на себя внимание более высокая доля людей трудоспособного возраста, не имеющих работу — находящихся в декрете или отпуске по уходу за ребенком или временно безработных (13%).

Наконец, между сегментами нет существенных различий по типу организаций, в которых работают респонденты. Исключение — «Россия уехавшая», среди представителей которой выше доля работников коммерческой сферы. Также обращает на себя внимание, что в сегменте «России столичной» — одной из групп, критично относящихся к СВО, — доля работников бюджетной сферы не ниже, чем в лояльных сегментах.

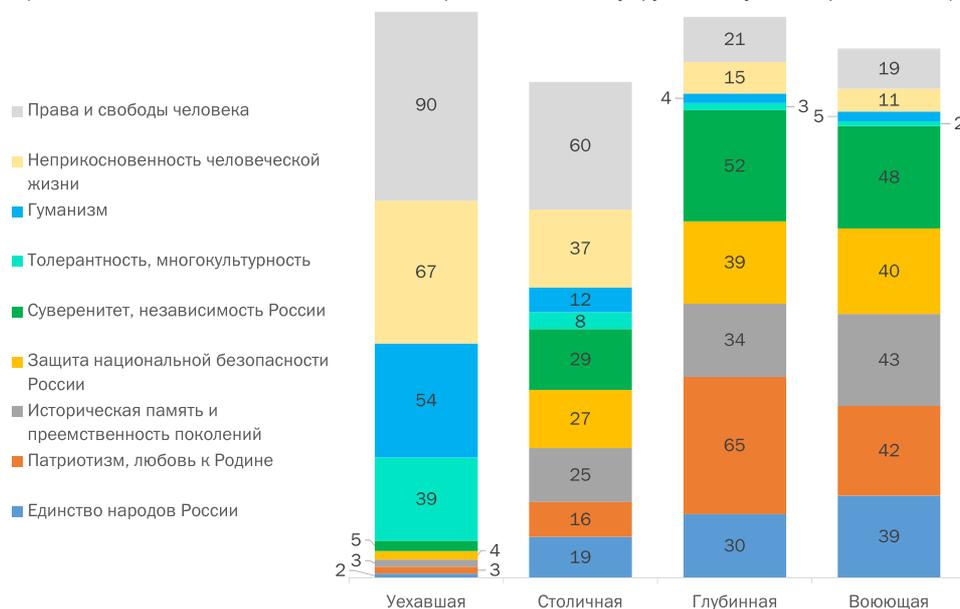
Телесмотрение

Сегменты существенно различаются по уровню телесмотрения. Показатели ежедневного телесмотрения максимальны среди представителей «России воюющей», минимальны — среди представителей «России уехавшей» (61% и 14% соответственно). Частично эти различия объясняются возрастными диспропорциями.

Ценностный профиль

Наиболее яркое различие между сегментами фиксируется в ценностных ориентациях.

Рис. 2. Распределение в сегментах по важным ценностям (выделены ценности с наиболее сильными различиями между группами, сумма не равна 100%)

Для представителей России «уехавшей» и «столичной» значительно выше значимость либеральных ценностей, таких как права и свободы человека, неприкос-

новенность человеческой жизни, гуманизм и толерантность. Для представителей России «глубинной» и «воюющей», напротив, более важны ценности, которые мы условно отнесли к патриотическим: суверенитет, национальная безопасность, историческая память, патриотизм и единство народов России. Важно отметить высокую поляризацию ценностных профилей сегментов, хорошо видную на рисунке 2. Обращает на себя внимание также выраженное различие между профилями двух соседних сегментов — России «уехавшей» и «столичной», тогда как между «Россией глубинной» и «Россией воюющей» различия несущественны.

Общественно-политические установки

Общественно-политические установки представителей групп также существенно различаются. Наиболее критически настроена «Россия уехавшая»: в ней большинство не доверяют Владимиру Путину (89 % против 8 % в сегменте «России воюющей»), а также считают, что российское общество устроено несправедливо (96 % против 45 % в сегменте «России воюющей») ¹¹, и полагают, что СВО усиливает несправедливость в обществе ¹² (74 % против 2 % в сегменте «России воюющей»). Эти установки поддерживает часть респондентов, включенных в сегмент «Россия столичная», однако преобладают в нем все же позитивные или нейтральные позиции: 62 % декларируют доверие В. Путину, 65 % не могут определить характер влияния СВО на справедливость российского общества.

При этом во всех сегментах большая или значительная часть респондентов считают российское общество несправедливым. В этом вопросе позиции представителей всех сегментов близки. В то же время оценки того, как СВО влияет на справедливость, расходятся: большинство представителей «глубинной» и «воюющей» России считают, что СВО повышает справедливость, в то время как представители других групп либо полагают, что СВО снижает справедливость («Россия уехавшая»), либо не могут оценить влияние или считают, что его нет («Россия столичная»).

Отношение к СВО

Отношение к СВО выступает одним из ключевых оснований для выделения сегментов в рамках предложенной в этой работе экспертной модели. Ожидаемо, что сформированные сегменты существенно различаются по декларируемому отношению к СВО: практически все представители «России уехавшей» — ее непримиримые противники (90 %), в то время как в России «воюющей» большинство составляют «радикальные сторонники» (69 %).

Изучение образа СВО позволило преодолеть ограничения, накладываемые рамкой дихотомии «одобрение — неодобрение», и описать отношение групп к СВО более объемно. Сегментационная модель продуктивна для анализа данных, в том числе полученных при применении типологий и классификаций. Ниже мы приводим пример анализа эмоциональных характеристик события (СВО). В одном из вопросов респондентам предлагался набор прилагательных, из которых они могли выбрать те, которые, на их взгляд, лучше описывают СВО (см. варианты от-

¹¹ По данным первой волны опроса (декабрь 2023 г.), во второй волне два этих вопроса не задавались.

¹² По данным второй волны опроса (апрель 2024 г.).

вета на вопрос: «Пожалуйста, выберите до десяти характеристик, которые, на Ваш взгляд, лучше подходят для описания СВО» — в Приложении). Полученные ответы затем были проанализированы с использованием кластерного анализа методом *k*-средних. Метод кластеризации и число кластеров выбраны на основе сравнения наполненности кластеров, устойчивости и интерпретируемости результатов применения трех видов кластерного анализа: иерархического, метод Уорда; иерархического, метод внутригрупповой связи; метод *k*-средних. Тестировалось различное количество кластеров — от трех до шести. Нашей целью была минимизация стандартного отклонения размера кластеров как показателя их равной наполненности. При этом предпочтение отдавалось решению с большим количеством кластеров, как содержащим больше информации. Устойчивость решений к изменению порядка включения наблюдений в анализ тестировалась методом сортировки наблюдений и пересечения первого и второго решений. Наконец, проверка на интерпретируемость подразумевала возможность содержательного описания особенностей кластера по основе исходной переменной. Выбранное в результате такого отбора решение включает пять кластеров, представленных в таблице 7.

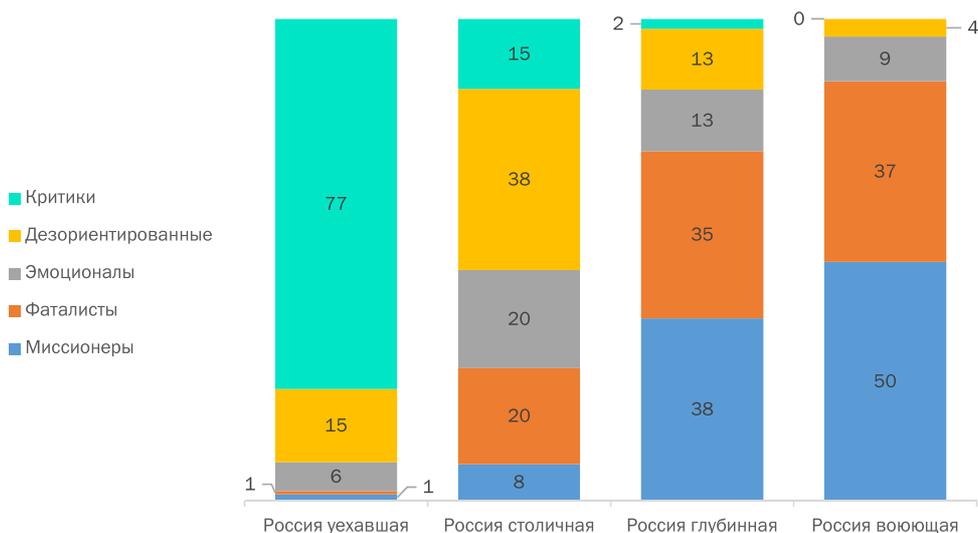
Таблица 7. Описание кластеров, выделенных на основе анализа восприятия СВО

Название кластера	Описание кластера	Доля кластера	Типичные эпитеты
«Критики»	Акцент на утверждении бессмысленности и неоправданности СВО	16%	Разрушительная, бессмысленная, жестокая, ненужная
«Дезориентированные»	Не имеют сложившегося образа СВО, называют ее непонятной, значительная часть в принципе затруднилась с ответом на этот вопрос	19%	Непонятная, бессмысленная, плохо организованная; затруднившиеся с ответом
«Эмоционалы»	Чаще выбирают эмоциональные характеристики	13%	Разрушительная, пугающая, жестокая, жертвенная
«Фаталисты»	Чаще называли характеристики, подчеркивающие вынужденный характер СВО	26%	Вынужденная, необходимая, навязанная
«Миссионеры»	Акцентируют внимание на позитивных характеристиках СВО, ее объединяющей функции	26%	Справедливая, необходимая, народная, спасительная, историческая

Результаты анализа позволяют выдвинуть гипотезу о сложном восприятии СВО, которое не сводится к одобрению или неодобрению. Возможно, само одобрение является грубой аппроксимацией более естественных настроений — страха, ощущения неизбежности, поиска личной выгоды или ощущения историчности момента.

Эти кластеры логично представлены в выделенных ранее сегментах. Так, в сегменте «России уехавшей» большинство относятся к кластеру «критики», в сегменте «России столичной» выше доля «дезорientированных» и «эмоционалов». «Миссионеры» преобладают в сегментах «глубинной» и «воющей» России.

Рис. 3. Структура сегментов экспертной модели «Четыре России» по кластерам, выделенным на основе восприятия СВО, %

Говоря о соотношении образа и оценок СВО, следует упомянуть еще один момент: часть ее сторонников представляют скорее негативный образ СВО, например, критически отзываюся о ней, считая ее «плохо организованной», «дорогой» или «несвоевременной». В выборке доля этой группы составляет 15 %, а среди радикальных или умеренных сторонников СВО — 29 %.

Заключение

Исследование оставляет открытым для дискуссии вопрос выбора между эмпирическими методами сегментации (прежде всего — кластерного анализа), способными выявить «естественные» группы, и противопоставляемым им эвристическим подходом (в том числе методологии, опирающейся на экспертную модель), а также вопрос о целесообразности и валидности каждого из них. Можно отметить высокую ценность первой группы методов для поиска теоретических выводов и объяснений при условии рационального подхода к редукции и отказа от поиска универсальных признаков дифференциации.

Исходная экспертная модель «Четыре России», которая лежит в основе этой статьи, не содержит типобразующих признаков в явном виде, а значит, можно предположить, что на теоретическом уровне «пространство свойств» [Lazarsfeld, 1962] не было задано априори. Здесь сыграло роль качественное описание групп. В подобных случаях П. Лазарсфельд [Lazarsfeld, Barton, 1951] предлагал использовать операцию субстракции, предполагающую «восстановление» пространства свойств и типобразующих признаков на основе какой-либо существующей типологии. «Пространство свойств», в котором находятся описываемые сегменты, многомерно, что затрудняет его представление в наглядной форме, например в виде кросс-таблицы, из-за чего возникают трудности при выделении конкретных типов.

Для преодоления данного ограничения с целью сокращения пространства свойств был использован метод редукции произвольного и отчасти прагматического типа (в терминах П. Лазарсфельда).

Для решения практических задач, в том числе оперативной диагностики, более ценным представляется эвристический подход. Его основное преимущество состоит в верификации наблюдаемых мотивов действий и отказе от классификации ради классификации. Подвергать эмпирической проверке каждую экспертную модель невозможно, но и необязательно. С нашей точки зрения, данное исследование позволило обосновать применимость модели через ее эвристическую способность. Дополнение модели вторичными переменными, такими как результаты типологизации или кластеризации (выявление пяти образов СВО или анализ ценностей), не ослабило, а, напротив, усилило эвристический потенциал предложенного подхода.

Некоторые из критериев для выделения сегментов в рамках экспертной модели «Четыре России» не исключают друг друга, что предполагает возможность наложения периферии этих групп. Из-за этого возникают некоторые частные «отклонения» от типического портрета сегмента, и они допустимы при условии, что такие отклонения остаются исключительными, редкими случаями для сегмента. Это может быть проверено эмпирическим путем.

Главная ценность предложенного в работе подхода видится в том, что использование полученной сегментации при разработке коммуникационных стратегий позволит учитывать важное обстоятельство: поддержка или неприятие СВО не являются монолитными и могут сопровождаться различными эмоциональными и рациональными оценками.

В качестве перспектив развития предложенной сегментационной модели следует рассмотреть возможность развития моделей с учетом факторов, оказывающих влияние на качественные характеристики и содержание социального взаимодействия. Б. Глейзер и А. Стросс [Glazer, Strauss, 1964] подчеркивали значение «контекстов осведомленности» (awareness contexts) в социальных взаимодействиях: различные сегменты аудитории могут обладать разными уровнями и типами осведомленности о политических событиях, что будет влиять на их интерпретацию ситуации и реакции.

Развитие эффективной сегментации политических аудиторий в современной России (после 2022 г.) с целью анализа социальных настроений и поведения предполагает:

- определение ключевых идеологических блоков в логике концепции В. Лорвина, существующих в российском обществе, а также анализ того, как эти блоки проникают в различные социальные группы (профессиональные, региональные, возрастные и т. д.);
- исследование политического языка и доминирующих нарративов внутри каждого сегмента, в том числе с целью эффективного использования метафор не только для обозначения сегментов, но и для формулирования основных и вспомогательных гипотез при анализе данных;
- выявление других значимых оснований для социальной сегментации, которые могут быть связаны с политическими предпочтениями;

— учет факторов, влияющих на политическое вовлечение и создающих потенциальное «перекрестное давление»;

— анализ различных «контекстов осведомленности» о политической ситуации среди разных групп населения.

Применение этих теоретических и методологических положений позволит составить более детализированную характеристику политических аудиторий в России, что, в свою очередь, повысит точность анализа социальных настроений и прогнозирования политического поведения в конкретный период. Важно отметить, что, поскольку не все источники фокусируются конкретно на России, предложенное обоснование требует дополнительной эмпирической проверки и адаптации к российскому контексту.

Список литературы

1. Андреев А. Л., Андреев И. А., Слободенюк Е. Д. Размежевание и консолидация в российском обществе в контексте СВО // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 104—119. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.08>. Andreyev A. L., Andreev I. A., Slobodenyuk E. D. (2024) Division and Consolidation in Russian Society Resulting from the Russian Special Military Operation. *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 104—119. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.08>.
2. Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Восприятие российским общественным мнением экономических изменений после начала российско-украинского конфликта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023а. № 4. С. 3—29. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372>. Zvonovsky V. B., Khodykin A. V. (2023a) Perception of Economic Changes during the Special Military Operation in Russian Public Opinion. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 3—29. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372>. (In Russ.)
3. Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Восприятие россиянами конфликта с Украиной: проверка гипотезы «спирали молчания» // Социологические исследования. 2023б. № 11. С. 38—50. <https://doi.org/10.31857/S013216250028531-7>. Zvonovskiy V. B., Khodykin A. V. (2023b) Russians' Perception of the Conflict with Ukraine: Testing the “Spiral of Silence” Hypothesis. *Sociological Studies*. No. 11. P. 38—50. <https://doi.org/10.31857/S013216250028531-7>. (In Russ.)
4. Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в ее условиях (на примере жителей Самарской области) // Социологический журнал. 2023с. Т. 29. № 1. С. 8—35. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.1>. Zvonovsky V. B., Khodykin A. V. (2023c) Adaptation Strategies of Opponents and Supporters of the Special Military Operation to the Current Situation (Based on Residents of Samara Region). *Sociological Journal*. Vol. 29. No. 1. P. 8—35. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.1>. (In Russ.)

5. Мерзликин Н. В., Иванов А. В. Социальная консолидация в контексте специальной военной операции (экспертная оценка) // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 4. С. 85—96. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.7>.
Merzlikin N. V., Ivanov A. V. (2022) Social Consolidation in the Context of a Special Military Operation (Expert Assessment). *Science. Culture. Society*. Vol. 28. No 4. P. 85—96. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.7>. (In Russ.)
6. Миркин Б. Г. Анализ качественных признаков и структур. М.: Статистика, 1980.
Mirkin B. G. (1980) Analysis of Qualitative Attitudes and Structures. Moscow: Statistika. (In Russ.)
7. Нестик Т. А. Социальный оптимизм россиян в условиях кризиса: результаты лонгитюдного исследования // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 3. С. 5—17. <https://doi.org/10.31857/S020595920026152-3>.
Nestik T. A. (2023) Social Optimism of Russians in a Crisis: Results of a Longitudinal Study. *Psychological Journal*. Vol. 44. No. 3. P. 5—17. <https://doi.org/10.31857/S020595920026152-3>. (In Russ.)
8. Радаев В. В. Эмоционально нагруженное потребление в современной России. Часть вторая: эмпирические оценки особенностей, факторов и финансовых последствий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 17—34. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2501>.
Radaev V. V. (2023) Emotionally Loaded Consumption in Contemporary Russia: Specific Features, Main Factors and Financial Consequences. Part 2: Empirical Estimates. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 17—34. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2501>. (In Russ.)
9. Радаев В. В. Психологические стрессы в современной России: общий уровень, более уязвимые группы и способы совладания // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 52—74. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2643>.
Radaev V. V. (2024) Psychological Stresses in the Contemporary Russia: General Level, More Vulnerable Groups and Coping Strategies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 52—74. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2643>. (In Russ.)
10. Тихонова Н. Е. Идеологическая сегментация массовых слоев населения в условиях обострения конфронтации с Западом (опыт эмпирического анализа) // Полис. Политические исследования. 2024. № 5. С. 136—153. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.09>.
Tikhonova N. E. (2024) Ideological Segmentation of Mass Strata of the Population Under Conditions of Aggravated Confrontation with the West (Empirical Analysis). *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 136—153. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.09>. (In Russ.)
11. Цветкова Г. А. Россияне в условиях специальной военной операции // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 4. С. 111—120. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-4-111-120>.

- Tsvetkova G. A. (2023) Russians in a Special Military Operation Situation. *RSUH/ RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. No. 4. P. 111—120. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-4-111-120>. (In Russ.)
12. Шляпентох В. Э. Многослойное общество: «антисистемный» взгляд на современную Россию // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 5—21. URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/396> (дата обращения: 17.04.2025).
Shlapentokh V. E. (1997) Multi-Layer Society: "Anti-systemic" View on Contemporary Russia. *Sociological Journal*. No. 4. P. 5—21. URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/396> (accessed: 17.04.2025).
 13. Clairmont D., Apostle R., Kreckel R. (1983) The Segmentation Perspective as a Middle-Range Conceptualization in Sociology. *The Canadian Journal of Sociology*. Vol. 8. No. 3. P. 245—271. <https://doi.org/10.2307/3340105>.
 14. Esser H. (1985) Soziale Differenzierung als ungeplante Folge absichtsvollen Handelns: Der Fall der ethnischen Segmentation. *Zeitschrift für Soziologie*. Vol. 14. No. 6. P. 435—449. <https://doi.org/10.1515/zfsoz-1985-0602>.
 15. Freedon M. A. (2020) A New Ideological Era. *RSA Journal*. Vol. 165. No. 4. P. 22—27.
 16. Glaser B. G., Strauss A. L. (1964) Awareness Contexts and Social Interaction. *American Sociological Review*. Vol. 29. No. 5. P. 669—679. <https://doi.org/10.2307/2091417>.
 17. Hornik R. C., Ramirez S. (2006) Racial/Ethnic Disparities and Segmentation in Communication Campaigns. *American Behavioral Scientist*. Vol. 49 No. 6. P. 868—884. <https://doi.org/10.1177/0002764205283806>.
 18. Lazarsfeld P. F., Barton A. H. (1951) Qualitative Measurement in the Social Sciences. Classification, Typologies, and Indices. In: Lerner D., Lasswell. H. (eds.) *The Policy Sciences*. Stanford, CA: Stanford University Press. P. 155—192.
 19. Lazarsfeld P. (1962) Philosophy of Science and Empirical Social Research. In: Nagel E., Suppes P., Tarski A. (eds.) *Logic, methodology and philosophy of science*. Stanford, CA: Stanford University Press. P. 463—473.
 20. Lehman E. W. (1985) Cross Pressures Revisited: A Macrosociological Approach to Anomalies in Contemporary Political Involvement. *Journal of Political & Military Sociology*. Vol. 13. No. 1. P. 1—16.
 21. Lorwin V. R. (1971) Segmented Pluralism: Ideological Cleavages and Political Cohesion in the Smaller European Democracies. *Comparative Politics*. Vol. 3. No. 2. P. 141—175. <https://doi.org/10.2307/421297>.

Приложение.**Распределение ответов представителей групп
и статистическая значимость различий между ними¹³**

		1. «Россия уехавшая»	2. «Россия столичная»	3. «Россия глубинная»	4. «Россия воюющая»
		(A)	(B)	(C)	(D)
		15	29	37	19
Возраст, лет	18—34	55 B C D	28 C D	17	12
	35—44	16	23	21	22
	45 и старше	29	49 A	62 A B	66 A B
Тип населенного пункта проживания	Города с населением более 500 тыс. жителей	47 B C D	34 D	31 D	22
	Города с населением менее 500 тыс. жителей	38	44	43	42
	Села	15	22	26 A	37 A B C
Основной вид деятельности	Пенсионеры	17	31 A	41 A B	41 A
	Студенты	15 C D	9 C	4	5
	Неработающие	7	13 C	6	9
	Работающие по найму	42	36	34	37
	Бизнесмены	17 B D	8	12	7
Укажите, пожалуйста, смотрите ли Вы телевизор или нет? Если смотрите, то как часто?	Ежедневно	14	35 A	53 A B	61 A B
	Несколько раз в неделю	9	18 A	19 A	19 A
	Несколько раз в месяц или реже	26 C D	23 C D	13	11
	Не смотрю	51 B C D	25 C D	15	9

¹³ Результаты основаны на двусторонней z-статистике. Уровень значимости для букв верхнего регистра (A, B, C, D, E): 0,05. Статистики скорректированы для всех парных сравнений в строке каждой внутренней подтаблицы при помощи поправки Бонферрони. Пропорции, равные 0 или 1, не используются в сравнениях.

		1. «Россия уехавшая»	2. «Россия столичная»	3. «Россия глубинная»	4. «Россия воюющая»
		(A)	(B)	(C)	(D)
		15	29	37	19
Поговорим о другом. Пожалуйста, выберите пять наиболее важных для Вас ценностей	Права и свободы человека	90 B C D	60 C D	21	19
	Справедливость	70 C D	65 C D	49	47
	Неприкосновенность человеческой жизни	67 B C D	37 C D	15	11
	Гуманизм	54 B C D	12 C D	4	5
	Человеческое достоинство	52 B C D	40 C D	28	29
	Толерантность, многокультурность	39 B C D	8 C D	3	2
	Суверенитет, независимость России	5	29 A	52 A B	48 A B
	Защита национальной безопасности России	4	27 A	39 A B	40 A B
	Историческая память и преемственность поколений	3	25 A	34 A B	43 A B
	Патриотизм, любовь к Родине	3	16 A	65 A B D	42 A B
	Единство народов России	2	19 A	30 A B	39 A B
	Взаимопомощь и взаимоуважение	42	41 D	36	31
	Крепкая семья	25	57 A	64 A	68 A B
	Милосердие	16	16	11	16
	Осознание себя гражданином своей страны	4	7	10 A	19 A B C
	Коллективизм	3	4	4	4
	Самоотверженность, жертвенность	1	0	3 B	3 B
	Служение Отечеству	1	5 A	14 A B	13 A B
	Другое	2	1	1	3 B
Затрудняюсь ответить	0	2	0	0	
Отношение к СВО	Радикальные сторонники	0	13 A	45 A B	69 A B C
	Умеренные сторонники	1	10 A	28 A B D	16 A B
	Латентные сторонники	2	7	15 A B	9 A
	Латентные противники	5	11 D	13 A D	3
	Противники	90 B	28	0	0
	Безразличные	1	32 A D	0	3

		1. «Россия уехавшая»	2. «Россия столичная»	3. «Россия глубинная»	4. «Россия воюющая»
		(A)	(B)	(C)	(D)
		15	29	37	19
Пожалуйста, выберите до десяти характеристик, которые, на Ваш взгляд, лучше подходят для описания СВО	Справедливая	2	15 A	55 AB	67 ABC
	Необходимая	1	34 A	71 AB	89 ABC
	Спасительная	2	12 A	45 AB	57 ABC
	Вынужденная	6	52 A	77 AB	80 AB
	Желанная	1	1	3	4 B
	Народная, общая	2	12 A	44 AB	55 ABC
	Способствующая развитию	2	5	14 AB	23 ABC
	Жертвенная	24	27 C	20	21
	Близкая	1	4	4	10 ABC
	Навязанная	30	23	26	21
	Непонятная	50 BCD	28 CD	9 D	4
	Жестокая	72 BCD	30 CD	17	11
	Историческая	5	22 A	47 AB	59 ABC
	Ненужная	76 BCD	16 CD	1	2
	Пугающая	58 BCD	30 CD	13	9
	Бессмысленная	78 BCD	19 CD	3 D	0
	Разрушительная	81 BCD	35 CD	16	12
	Бесчеловечная	67 BCD	20 CD	5 D	1
	Аморальная	55 BC	8 C	0	01
	Разобщающая	55 BCD	19 CD	7	4
	Несвоевременная	11 D	10 D	6 D	1
	Дорогая	50 BCD	27 CD	19	16
	Плохо продуманная, неорганизованная	50 BCD	30 CD	23	19
Не подходит ничего из перечисленного	01	0	0	01	
Другое (укажите, какая именно)	4	3	2	2	
Затрудняюсь ответить	2	9 ACD	3	1	

DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2757](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2757)**О. А. Оберемко, Т. С. Смак**

**ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОПРОСЫ ПО КОМБИНИРОВАННЫМ
ВЫБОРКАМ: ДИЗАЙН И АНАЛИЗ.
РЕЦ. НА КН.: SCHOUTEN B., VAN DEN BRAKEL J.,
BUELENS B., GIESEN D., LUITEN A., MEERTENS V. (2022)
MIXED-MODE OFFICIAL SURVEYS: DESIGN AND ANALYSIS.
BOCA RANTON, FL: CRC PRESS**

Правильная ссылка на статью:

Оберемко О. А., Смак Т. С. Официальные опросы по комбинированным выборкам: дизайн и анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 243—251. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2757>. Рец. на кн.: Schouten B., van den Brakel J., Buelens B., Giesen D., Luiten A., Meertens V. (2022) Mixed-Mode Official Surveys: Design and Analysis. Boca Ranton, FL: CRC Press.

For citation:

Oberemko O. A., Smak T. S. (2025) Mixed-Mode Official Surveys: Design and Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 243–251. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2757>. Book Review: Schouten B., van den Brakel J., Buelens B., Giesen D., Luiten A., Meertens V. (2022) Mixed-Mode Official Surveys: Design and Analysis. Boca Ranton, FL: CRC Press. (In Russ.)

Получено: 04.10.2024. Принято к публикации: 03.04.2025.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОПРОСЫ ПО КОМБИНИРОВАННЫМ ВЫБОРКАМ: ДИЗАЙН И АНАЛИЗ. РЕЦ. НА КН.: SCHOUTEN B., VAN DEN BRAKEL J., BUELENS B., GIESEN D., LUITEN A., MEERTENS V. (2022) MIXED-MODE OFFICIAL SURVEYS: DESIGN AND ANALYSIS. BOCA RANTON, FL: CRC PRESS

ОБЕРЕМКО Олег Алексеевич — кандидат социологических наук, руководитель методической лаборатории, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия
E-MAIL: oberemko_o@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0002-7967-2533>

СМАК Татьяна Сергеевна — кандидат социологических наук, ведущий специалист методической лаборатории, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия
E-MAIL: smaktanya@wciom.com
<https://orcid.org/0009-0001-2002-1111>

Аннотация. В статье представлена рецензия на книгу, авторы которой обобщают опыт проектирования и реализации исследований в стратегии комбинированной (смешанной) методологии на основе практических примеров Национального статистического управления Нидерландов (NSO). Осмысляя этот опыт, авторы книги предлагают свой взгляд на эту тему, рассматривают основные концепции, проблемы и будущее разработок исследований смешанного типа.

Ключевые слова: комбинированные опросы, ошибки измерения, ошибки репрезентации, методы опросов населения

Благодарность. Авторы рецензии благодарны Барри Шаутену, Яну ван ден Бракелю, Барту Бюленсу, Дейдрре Гизен, Аннемике Лёйтен, Вивиан Меертенс за любезно предоставленный в дар экземпляр книги.

MIXED-MODE OFFICIAL SURVEYS: DESIGN AND ANALYSIS. BOOK REVIEW: SCHOUTEN B., VAN DEN BRAKEL J., BUELENS B., GIESEN D., LUITEN A., MEERTENS V. (2022) MIXED-MODE OFFICIAL SURVEYS: DESIGN AND ANALYSIS. BOCA RANTON, FL: CRC PRESS

*Oleg A. OBEREMKO*¹ — Cand. Sci. (Soc.), Head of Methodological Laboratory
E-MAIL: oberemko_o@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0002-7967-2533>

*Tatiana S. SMAK*¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading specialist, Methodological Laboratory
E-MAIL: smaktanya@wciom.com
<https://orcid.org/0009-0001-2002-1111>

¹ Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Moscow, Russia

Abstract. The article presents a review of the book, the authors of which summarize the experience of designing and implementing research in the strategy of combined (mixed) methodology based on practical examples of the National Statistics Office of the Netherlands (NSO). Reflecting on this experience, the authors of the book offer their views on this topic, consider the main concepts, problems and future of mixed-method research developments.

Keywords: combined surveys, survey errors, representation errors, population survey methods

Acknowledgments. The authors of the review are grateful to Barry Schouten, Jan van den Brakel, Bart Buelens, Deirdre Giesen, Annemieke Luiten, and Vivian Meertens for kindly providing a copy of their book as a gift.

Комбинированные опросы становятся все более востребованным инструментом в современной социологической практике, объединяя преимущества разных методов сбора данных. Книга, посвященная этой теме, предлагает глубокий теоретический и прикладной анализ того, как эффективно сочетать онлайн, телефонные, почтовые и очные форматы в условиях падения достижимости опросов. Поначалу причину взрывного в последние годы интереса к комбинированию выборок авторы подают упрощенно: «онлайн-опрос — дешевый и быстрый модус, однако по уровню отклика он уступает традиционным методам интервью и анкетирования [по почте]. Поэтому комбинирование модусов было и остается естественным способом повысить низкие показатели отклика, особенно в масштабных официальных опросах» [Schouten et al., 2022: xi]. В авторском видении обращают на себя внимание два момента: 1) традиционными затратными методами восполняется низкий отклик дешевого онлайн-опроса, а не наоборот — дыры в «хороших выборках» не затыкаются дешевыми субститутами; 2) в этом контексте даже «дешевый» онлайн-опрос заведомо имеет полный охват случайным отбором генеральной совокупности; в противном случае декларация о диахронной и синхронной сравнимости опросных статистик [ibid.: xi] окажется пустым звуком.

Более фундаментально интерес к мультимодальным дизайнам подсвечивается в самом начале главы 4: «В большинстве ситуаций нет какого-то одного модуса, который охватывает всю генеральную совокупность. Как мы увидим в этой главе, не у всех есть зарегистрированный телефон, не у всех есть подключение к интернету, СAPI иногда невозможно из-за закрытых ворот или других барьеров, а конверт с анкетой может не попасть в отобранное в выборку домохозяйство. Проблемы охвата одним модусом можно обойти, комбинируя его с другими модусами» [ibid.: 57].

Мы полагаем, что разумный интерес к комбинированию выборок исчерпывается преодолением этих двух сугубо практических трудностей, с которыми сталкивается опросная индустрия в разных странах мира: низкого отклика и неполного охвата генеральных совокупностей.

Представляемая книга нидерландских методологов выборочных опросов, чье профессиональное становление связано с Национальным статистическим управлением Нидерландов (National Statistics Office of the Netherlands), адресована и разработчикам опросов, и пользователям опросных данных [ibid.: 4]. Из «духа» книги можно понять: первым она нужна, чтобы при проектировании опросов научиться минимизировать и статистически оценивать недостатки комбинированных выборок, вторым — чтобы понимать, насколько можно доверять комбинированным данным. Как пишут авторы, читать книгу могут специалисты с самой разной подготовкой и извлекать большую или меньшую пользу для себя из разных глав, одни из которых в большей степени психологические, другие — методологические, третьи — статистические [ibid.].

Цель книги — «всесторонне представить комбинирование на всех методологических этапах опроса, начиная от разработки дизайна и завершая анализом и оценкой [собранных данных]» [ibid.: xi], и все это — на материале «официальных выборочных опросов», как следует из заголовка. То есть речь идет о «масштабных официальных» опросах, «зачастую регулярных и охватывающих население стра-

ны или крупные целевые группы», «с относительно высоким бюджетом на единицу выборки», «с упором на полный охват генеральной совокупности и повышенное внимание к сравнимости статистик во времени и между релевантными группами населения» [ibid.]. Здесь вполне прозрачные намеки: *официальный статус* опросов предполагает опору на них при разработке государственных политик, для чего требуются данные, позволяющие надеяться на *несмещенные* оценки; а синхронные межгрупповые и диахронные сравнения требуют от оценок еще и *точности*. Выходит, что книга обещает разговор о производстве выборочных опросов с минимальным смещением и максимальной точностью оценок, что возможно только при обеспеченности полстеров необходимой статистической информацией о генеральной совокупности. Таким образом, тем, кто не ставит в своих опросах задачу статистически представить генеральную совокупность, книга покажется чересчур академичной.

Предметную структуру книги исчерпывающе отражает абзац: «Во всяком выборочном опросе выделяют четыре этапа: установление контакта, оценка принадлежности к генеральной совокупности, получение согласия на участие, получение ответов на вопросы. Через призму четырех этапов описываются четыре самых распространенных в настоящее время модуса (modes) сбора опросных данных: почтовый, онлайн, телефонный и личный опрос» [ibid.: 4]¹.

Формально книга делится на пять частей. Вводная часть I состоит из двух глав. В главе 1 раскрываются назначение и план книги; в главе 2 поясняются ключевые термины, кратко описаны типы смешанных дизайнов и сформулированы принципиальные вопросы, которые методологу приходится решать при выборе дизайна.

Часть II открывается главой 3 — о влиянии *модуса общения* на результаты измерения. В каждом модусе общения авторы видят специфический канал коммуникации со свойственными ему средствами стимулирования органов чувств; у каждого модуса — свои особенности, и для их системной характеристики авторы предложили шесть критериев:

- 1) близость общения (*intimacy*): степень, в которой общение затрагивает личные обстоятельства и повседневную жизнь;
- 2) интерактивность (*interaction*): степень, в которой общение является интерактивным и напоминает обычный двусторонний разговор между людьми;
- 3) поддержка в общении (*assistance*): степень, в которой респонденты могут получать помощь в понимании хода разговора;
- 4) скорость, или темп речи (*speed-pace*): скорость, с которой обычно происходит общение в данном модусе;
- 5) форма представления (*presentation*): аудиальная или визуальная форма, в которой вопросы и варианты ответов представляются респондентам;
- 6) рамки (*timing*): степень свободы, с которой респонденты могут выбирать место и время для проведения опроса [ibid.: 35—36].

Оценки по перечисленным шести критериям сведены авторами в таблицу 1.

¹ В русскоязычной традиции для описания этих и других видов опроса обычно применяется слишком многозначный термин «метод». Для различения методов почтового, онлайн-, телефонного опросов и личного интервью в данной рецензии мы используем кальку «модус».

Таблица 1. Особенности четырех модусов общения
(опросы: онлайн, почтовый, телефонный и личный)

Критерии различий	Модусы опросов / общения с респондентом			
	Онлайн-	Почтовый	Телефонный	Личный
Близость общения	Некоторая	Малая	Умеренная	Сильная
Интерактивность	Нет	Нет	Некоторая	Сильная
Поддержка в общении	Некоторая	Нет	Есть	Есть
Скорость, или темп речи	Не зависит	Не зависит	В среднем 15 сек	В среднем 18 сек
Форма представления вопросов	Визуальная	Визуальная	На слух	В основном на слух
Рамки	Любое время	Любое время	День и ранний вечер	День и ранний вечер

По сути, все особенности модусов суть производные от канала коммуникации с респондентом (представлением вопросов визуально и/или на слух) и автономностью респондента, предоставляемой отсутствием интервьюера. Здесь читатель найдет общие сравнительные характеристики модусов [ibid.: 36—42], сведения об их влиянии на поведение (на формирование и стили ответов) респондента [ibid.: 42—49] и о том, как измеряют вероятность ошибки измерения в зависимости от модуса [ibid.: 49—55]. Приведенные в главе 3 характеристики модусов общения с респондентами могут быть полезны всем интересующимся опросами, в том числе и студентам бакалаврских программ.

Глава 4 повествует о том, как модус общения влияет на репрезентативность опроса. Влияние модуса раскрывается через степень охвата генеральной совокупности и величины коэффициентов ответа, показывающие готовность к участию в опросах в разных стратах (и странах). Неполнота охвата модусом обусловлена тем, что «не у каждого [члена генеральной совокупности] есть телефон, не каждый подключен к интернету, личное интервью иногда невозможно провести из-за калиток на запоре и тому подобных преград, а письмо могут не прочитать в отобранном домохозяйстве»; а еще «неполный охват случается, если основа выборки содержит не все элементы генеральной совокупности» [ibid.: 57]. Статистические данные о телефонизации и интернетизации в странах Европы (без Беларуси, Молдовы, России и Украины, но с Турцией) за 2010—2017 гг. простимулируют читателя к поиску новых данных, а несистематические ссылки на редкие источники об охвате генеральной совокупности почтой и персональными контактами [ibid.: 58—68] заставят пережить неловкость от того, как по-прежнему мало методологи знают об обществах, в которых живут.

Особый интерес представляет заключительный параграф (4.4) главы, в котором среди метааналитического обзора сравнительной эффективности комбинаций четырех модусов на этапах рекрута и получения данных читатель найдет абзац об источнике основ выборок официальных выборочных опросов в Нидерландах:

«Основой выборки для лиц и домохозяйств в Нидерландах является (муниципальный) регистр населения. Регистр содержит информацию о ряде демографических характеристик каждого жителя: возраст, пол и этническое происхождение. Эта информация позволяет сравнивать характеристики респондентов и неотвечивших» [ibid.: 71]. И еще в этом абзаце сказано, что для сравнительного анализа эффективности модусов статистикам доступна информация о средних доходах и уровне урбанизации в почтовых участках, которым присвоены почтовые индексы и для которых доступны детальные карты «на уровне улиц или даже подробнее» [ibid.: 71]. И вся эта информация об участках обнаруживает тесную связь с показателями отклика их жителей на адресные приглашения к опросам.

Как минимум сказанное означает, что планирующий опрос нидерландский статистик находится в удивительно выгодных условиях: в его распоряжении основа выборки, по которой можно строить адресную выборку, репрезентирующую целевую территорию, формировать списки случайно отобранных в выборку респондентов по стратам, а потом делать статистические выводы о сравнительной эффективности всех четырех модусов общения на этапах рекрута, получения согласия и успеха. Нидерландский статистик, сформировав выборку из надежной основы, заранее знает, сколько респондентов с нужными типическими характеристиками ему предстоит опросить, и с некоторой уверенностью знает, где и как с ними легче вступить в контакт. Остается воплотить знания в опросную практику, чтобы поэкспериментировать со взвешиванием собранных данных. Конечно, гладко только на бумаге. И потом ошибочно полагать, что в таких условиях статистики работают во всех странах, которые авторы отнесли к европейским.

В открывающей Часть III главе 5 о смешанных дизайнах сбора данных мы находим замечание о том, что выбор смешанного дизайна сильно зависит от стоящих задач: либо минимизировать общую ошибку исследования (то есть максимизировать точность измерения), либо минимизировать издержки, либо сократить сроки сбора данных; кроме того, на выбор дизайна влияют «доступность основы выборки для конкретных модусов опроса, желание минимизировать разрывы во временных рядах, особенности и традиции проектов; однако также указано, что дизайн даже в повторяющихся опросах может меняться в результате постепенного изменения в охвате генеральной совокупности определенным модусом, в показателях отклика и затрат на опросы» [ibid.: 83]. Эти соображения приводят к выводу, что нет формулы идеального комбинированного дизайна на все случаи жизни. Таблица 1 неизменно служит отправной точкой для поиска оптимального решения с учетом задач исследования и достижимости генеральной совокупности. И понятно, что в исследованиях высокого качества в дизайне вряд ли допустимо включать модус, для которого у исследователей нет основы выборки.

Отсутствие оптимального на все случаи жизни дизайна оборачивается бедностью универсальных рекомендаций, выведенных из метаанализа большого числа кейсов и обзоров. Для примера дадим реферативное изложение ключевых тезисов из выбранных наугад полутора страниц: если в смешанном проекте сбор данных начинать с дешевого модуса, бюджет будет сэкономлен, однако при невозможности регулярно посылать напоминания мы рискуем получить низкий отклик; по сравнению с последовательным одновременное применение модусов

существенно усложняет координацию сбора данных; онлайн-модус требует титанических усилий на разработку простых и понятных инструкций, чтобы ненароком не отбить у респондентов охоту к участию; вывести общее правило, как влияют материальные и нематериальные стимулы на отклик, в принципе невозможно [ibid.: 120—121].

Увлекательная глава 6 о формировании вопросников для комбинированных опросов заслуживает преподавания на соцфаках просто потому, что изложение одного и того же материала в мультимодальном контексте выглядит гораздо менее бессмысленно и скучно. Правда, выводы и рекомендации снова смотрятся бледно: «смешанный дизайн ставит специфические трудности на каждом этапе разработки вопросника... даже крошечное различие между опросниками для модусов может привести к разнице в результатах... вносить надо только те специфические изменения в вопросник для модуса, не вносить которые никак нельзя» [ibid.: 145—146].

Часть IV называется «Анализ», в нее входят: глава 7 «Полевые пробы и внедрение смешанных обследований», глава 8 «Дизайн корректировки влияний модуса опроса в повторных экспериментах» и глава 9 «Анализ данных в смешанных обследованиях». Метаанализ смешанных и одномодальных опросов обнаружил, что в одномодальных опросах ошибки измерения зачастую выпадают из поля зрения и фактически игнорируются, тогда как в смешанных опросах специфические влияния каждого модуса проявляются в разнице результатов, которую нельзя игнорировать и которая требует корректировки.

В главе 7 представлены методы количественной оценки влияния модуса: встроенные в сбор данных эксперименты и методы анализа временных рядов при повторяющихся выборках. По мнению авторов, рандомизированные эксперименты предпочтительны для выявления влияний и имеют меньшие риски ошибок, но более затратны, в то время как анализ временных рядов дешевле, но таит высокие риски ошибок. При проектировании экспериментов важно четко определить цели и гипотезы, рассчитать необходимый минимальный размер выборки, выбрать подходящий тип эксперимента и учитывать специфику полевых работ — как иначе?

Повторные эксперименты (глава 8) позволяют количественно «разложить» влияние модуса (отклик и количество неответов, результаты измерения и пр.), что вкупе с качественными данными повторного интервью помогает построить оптимальную модель взвешивания для коррекции при анализе данных эксперимента.

Одно из достоинств книги (ярко представленное в главе 9) — подробная иллюстрация расчетов с указанием и пояснением применяемых формул и переменных. Читателю понадобятся знания основ статистического анализа для понимания математических основ комбинирования. В числе других достоинств отметим изобилие кейсов с демонстрацией методов анализа, выявляющих эффекты модусов.

Полезны будут и рекомендации об использовании специализированного программного обеспечения для анализа результатов рандомизированных экспериментов, встроенных в вероятностные выборки, а также анализа временных рядов (например, пакет X-tool, встроенный в программный комплекс Blaise; STAMP; OxMetrics в сочетании с подпрограммами SsfPack 3.0; в R доступны пакеты KFAS и DLM).

Ключевой посыл части IV: комбинирование требует постоянного методологического сопровождения, ресурсов для экспериментирования и особенно базы

для проведения эталонного опроса. При этом нет единой, уникальной «формулы комбинирования» — каждый раз это уникальное решение, требующее свежего взгляда и новых расчетов.

Заключительная часть V книги посвящена будущему смешанных (комбинированных) опросов. Авторы предвидят неизбежную трансформацию опросных технологий на фоне цифровизации повседневной жизни человека. В первую очередь речь идет об использовании в *умных обследованиях* (*smart surveys*) сведений из персональных устройств (ноутбуков, компьютеров, смартфонов, часов и пр.). Эти сведения могут дополнять данные, собранные в других модулях, и помогать контролировать принадлежность респондентов к генеральной совокупности. *Умные обследования* позволяют предлагать респонденту альтернативу: отвечать на вопросы или делиться готовыми данными из персонального устройства. Авторы различают два типа онлайн-данных: общедоступные (публичные) и персональные. Публичные онлайн-данные доступны с любого онлайн-устройства, тогда как доступ к персональным данным на онлайн-устройстве можно получить только с разрешения владельца данных. К публичным относятся данные, добровольно предоставляемые лицами или домохозяйствами ради общего блага, например данные установленных на домах наружных датчиков качества воздуха².

Рассуждая о комбинировании в *умных обследованиях* данных из разных источников, авторы подчеркивают, что всякие новации несут в себе риски новых ошибок измерения и репрезентативности, имеющих совершенно иную природу, нежели в традиционных опросах. Комбинирование опросных данных, например, с данными датчиков потребует разработки не только новой *архитектуры и инфраструктуры* опросов, но и новых методологических подходов к оценке качества данных, инструментов их обработки и анализа. Очевидно, что такое комбинирование потребует временных и финансовых ресурсов, в том числе с учетом выгоды владеющих данными респондентов. Сохранит важность и проблема достижимости: высокий охват населения мобильными устройствами сам по себе не гарантирует поголовного участия в наблюдениях.

Смешанные опросы уже кардинально изменились за последние десятилетия, и, скорее всего, их ждут дальнейшие трансформации, а растущее разнообразие данных, способов их сбора и анализа стимулирует внедрение гибких дизайнов опросов. Многолетний рост затрат на один заполненный вопросник из-за снижения достижимости дает сильнейший стимул к поиску бюджетных дизайнов. Подчеркнем, что в книге речь идет не о доступе к каким угодно любым респондентам по удобным, потоковым или стихийным выборкам, а о получении согласия на передачу данных от уже известных и заранее случайно отобранных респондентов. Только такие данные подлежат комбинированию в научном исследовании.

Авторы видят шесть направлений для приложения методологии к смешанным опросам [ibid.: 275—277]:

- 1) влияние устройств (размера экрана, типа навигации и др.) на качество измерения;
- 2) оценка и корректировка влияния модуля опроса;

² См. URL: <https://sensor.community/en> (дата обращения: 03.04.2025).

3) разработка технологий интегрирования во временные ряды данных опросов, данных, хранящихся онлайн (разного рода данные сенсорных систем), административных и больших данных;

4) влияние современных интерактивных функций опроса (геймификация, чат-боты для ответов на вопросы) и дизайна интерфейсов на поведение респондентов;

5) разработка методологии модульных анкет (когда разные блоки одной анкеты показываются разным респондентам в случайном порядке) ради сокращения длительности опросов на мобильных устройствах;

6) разработка методологии *умных обследований*, куда входит создание удобных интерфейсов, эффективных стратегий рекрута и мотивации респондентов, а также разработка методов оценки влияния комбинаций активного и пассивного сбора данных на их надежность и точность.

По мысли авторов, мы являемся свидетелями конвергенции (взаимного сближения) опросов с большими данными, которая будет порождать все новые и новые гибридные формы сбора данных, но респондент по-прежнему останется ключевой фигурой.

В целом книга представляет собой полезный источник сведений о настоящем и будущем комбинирования выборок в проведении рандомных выборочных опросов. Судя по авторским справкам [ibid.: Xv–xvi], содержащим сведения об образовании и профессиональном опыте авторов, комбинирование выборок требует постоянного упражнения в компетенциях, относящихся к двум областям: 1) статистическое представление особенностей восприятия вопросников респондентами разных типов в разных модусах и с использованием разных устройств, 2) продвинутые методы статистического анализа данных.

Список литературы (References)

Schouten B., van den Brakel J., Buelens B., Giesen D., Luiten A., Meertens V. (2022) *Mixed-Mode Official Surveys: Design and Analysis*. Boca Ranton, FL: CRC Press.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2776](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2776)**И. В. Павлюткин**

**ОТ ФУНДАМЕНТА К ОБЛИЦОВОЧНОМУ КАМНЮ. О СУДЬБЕ
ХРИСТИАНСКОГО БРАКА В РАЗГОВОРАХ С МОЛОДЫМИ ЛЮДЬМИ.
РЕЦ. НА КН.: REGNERUS M. (2020) THE FUTURE OF CHRISTIAN
MARRIAGE. OXFORD: OXFORD UNIVERSITY PRESS**

Правильная ссылка на статью:

Павлюткин И. В. От фундамента к облицовочному камню. О судьбе христианского брака в разговорах с молодыми людьми // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 252—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2776>. Рец. на кн.: Regnerus M. (2020) *The Future of Christian Marriage*. Oxford: Oxford University Press.

For citation:

Pavlyutkin I. V. (2025) From the Foundation to the Capstone. On the Fate of Christian Marriage in Conversations with Young People. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 252–265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2776>. Book Review: Regnerus M. (2020) *The Future of Christian Marriage*. Oxford: Oxford University Press. (In Russ.)

Получено: 28.10.2024. Принято к публикации: 17.02.2025.

ОТ ФУНДАМЕНТА К ОБЛИЦОВОЧНОМУ КАМНЮ. О СУДЬБЕ ХРИСТИАНСКОГО БРАКА В РАЗГОВОРАХ С МОЛОДЫМИ ЛЮДЬМИ. РЕЦ. НА КН.: REGNERUS M. (2020) THE FUTURE OF CHRISTIAN MARRIAGE. OXFORD: OXFORD UNIVERSITY PRESS

*ПАВЛЮТКИН Иван Владимирович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Социология религии», Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
E-MAIL: ipavlutkin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1077-6377>*

Аннотация. Обсуждается книга социолога М. Регнеруса «О будущем христианского брака». Она стала результатом сравнительного социологического исследования об отношении к браку молодых христиан в семи странах мира, включая католиков, протестантов и православных. С одной стороны, книга вторит результатам множества других работ, фиксирующих деинституционализацию и девальвацию брака в современном мире. Обращаясь к исследованию не «среднего гражданина», а людей, которые по своим установкам и ценностям располагаются ближе к религиозному ядру, автор книги показывает, что модель восприятия христианского брака начинает мимикрировать под «светское большинство». С другой стороны, ключевой тезис книги состоит в том, что в сознании практикующих молодых христиан брак не перестал обладать ценностью. Наоборот, вместе с высокой ценностью брака возросла и цена решения о вступлении в него — ожидаемый страх развода, неопределенность двойной занятости, несоответствие ожиданий между мужчиной и женщиной и т. п. М. Регнерус называет эту трансформацию значения брака переходом «от фундамента к облицовочному камню», когда брак стал восприниматься как завершение процесса самореализации и результат самодостаточности.

FROM THE FOUNDATION TO THE CAPSTONE. ON THE FATE OF CHRISTIAN MARRIAGE IN CONVERSATIONS WITH YOUNG PEOPLE. BOOK REVIEW: REGNERUS M. (2020) THE FUTURE OF CHRISTIAN MARRIAGE. OXFORD: OXFORD UNIVERSITY PRESS

*Ivan V. PAVLYUTKIN¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow at the “Sociology of Religion” Laboratory
E-MAIL: ipavlutkin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1077-6377>*

¹ Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the book by sociologist M. Regnerus “On the Future of Christian Marriage”. It presents the results of a comparative sociological study on the attitudes of young Christians to marriage in seven countries, including Catholics, Protestants, and Orthodox. On the one hand, the book echoes the results of many other studies discussing the deinstitutionalization and devaluation of marriage in the modern world. Turning to the study not of the “average citizens”, but of the so-called “religious youth”, who are closer by values to the religious core, the author shows that their perceptions of Christian marriage start to mimic the “secular majority”. On the other hand, the main thesis of Regnerus' book is that in the minds of young Christians, marriage has not ceased to have value. On the contrary, along with the high value of marriage, the decision price has also increased – the expected fear of divorce, the uncertainty of double employment, asymmetric expectations between men and women, etc. He calls this transformation of the meaning of marriage the transition “from the foundation to the capstone”, when marriage is perceived as the completion of the process of self-realization and the result of self-sufficiency.

Автор книги не скрывает, что является «поклонником» брака, поэтому на основании результатов своего исследования он предлагает восемь советов по реанимации христианского брака в разных странах мира, в том числе и в России. Несмотря на решение обсуждать будущее христианского брака на базе вариативности стран и конфессий, выбранные страны слишком разные для построения какой-то общей и одновременной релевантной для каждой из них модели.

Ключевые слова: брак, религиозность, христианство, молодежь, социология религии, сравнительное исследование

Благодарность. Автор выражает благодарность фонду «Живая традиция», поддержавшему проект «Осознание жизни в браке молодыми супругами. Анализ трех волн интервью в перспективе социологии отношений».

The author of the book does not hide that he is a “fan” of marriage, therefore, based on the results of his research, he offers eight tips for reanimating Christian marriage in different countries of the world, including in Russia. Despite the decision to discuss the future of Christian marriage based on the variability of countries and denominations, the selected countries are too different to build some kind of common and simultaneously relevant model for each of them.

Keywords: marriage, religiosity, Christianity, youth, sociology of religion, comparative research

Acknowledgments. The author expresses gratitude to the Active Tradition Foundation, which supported the project “Awareness of family life by young couples. An analysis of three waves of interviews from the perspective of relational sociology”.

Несколько лет назад в издательстве Оксфордского университета вышла книга с интригующим названием «Будущее христианского брака». В ее основе лежит социологическое исследование, реализованное в семи странах разных регионов мира: России, Польше, США, Нигерии, Ливане, Испании и Мексике. Ее автор, американский социолог Марк Регнерус, подчеркивает, что занимается животрепещущей, но не очень популярной темой: «Добавьте к браку христианство, и вы получите Грааль немодных пар терминов в научном мире» [Regnerus, 2020: 5]. В России книга пока не нашла своего рецензента и осталась незамеченной. Вместе с тем она безусловно является знаковой для понимания трансформации, происходящей сегодня во взаимосвязи религии и брака западных странах. Предложенная в книге аргументация этой трансформации отличается от сформулированной в рамках теории «ценностных сдвигов» или второго демографического перехода¹. Последняя использует тезис о секуляризации для объяснения девальвации института брака в целом. В представленном же исследовании автор пишет об изменениях,

¹ «Отличие второго демографического перехода от первого заключается в том, что все помыслы человека сосредоточены на самореализации, свободе выбора, личном развитии, индивидуальном стиле жизни, эмансипации, и это находит отражение в формировании семьи, установках в отношении регулирования рождений и мотивах родительства. Растущие доходы, экономическая и политическая защищенность, которые демократические государства всеобщего благосостояния предлагают своему населению, сыграли роль спускового крючка для „тихой революции“, сдвига в направлении „постматериализма по Маслоу“, при котором индивидуальные сексуальные предпочтения принимаются такими, как они есть, и решения о совместной жизни, разводе, аборте, стерилизации и добровольной бездетности остаются на усмотрение индивидов и семейных пар» [van de Kaa, 1996: 425].

затрагивающих те слои населения, которые приближаются к ядру, а не периферии религиозного населения, тех, кого принято считать практикующими верующими. Если кратко охарактеризовать происходящие изменения, то они заключаются в мимикрии религиозной модели представлений о браке, которая еще в XX веке была определяющей для большинства христианского населения западных стран под новую модель. Однако признаки этой новой модели говорят вовсе не об упадке ценности брака как такового, а скорее о повышении для молодых людей цены решения о вступлении в брак. Автор книги обсуждает причины этих изменений и предлагает рецепты реанимации брака в сознании молодых людей.

Название книги может ввести в заблуждение. Речь не идет об изменениях в христианском учении о браке. Под христианским браком автор понимает брак среди тех, кто так или иначе определяет себя как христианина, а также вовлечен в регулярную церковную жизнь. Для М. Регнеруса не так важно обсуждение различий, связанных с православным, католическим или евангелическим учениями о браке. Как пишет сам автор, «Это книга о том, как в современном мире, который пренебрегает браком, христиане, почитающие брак, ищут себе пару... Хотя я и касаюсь библейской и теологической истории брака, я делаю это только для того, чтобы помочь читателю подготовиться к достижению цели книги — понять проблемы, с которыми сталкиваются христиане на современном „брачном рынке“» [ibid.: 2]².

С первых страниц М. Регнерус дает читателю понять, что его лично беспокоит судьба института брака, который переживает радикальные изменения в разных частях света. Несмотря на то что в большинстве стран мира христианское население так или иначе ценит брак, ему приходится конкурировать с другими жизненными приоритетами людей. В первой главе (введение) на данных статистики и опросов автор показывает, как в разных регионах мира снижается уровень брачности, повышается возраст вступления в брак, растет доля населения, никогда не вступавшего в брак, а также доля добрачных сожительства. Ссылаясь на эти данные, М. Регнерус утверждает, что брак на Западе переживает упадок. Причины этих изменений для молодых христиан, по его мнению, могут быть самые разные — от плохого равновесия между численностью мужчин и женщин в приходах или местных сообществах, ненадежной занятости и финансового спада до распространения новых идеологий «коротких отношений» и «смены партнеров».

Зафиксировав общие тренды, связанные с браком в разных странах христианского мира, М. Регнерус задается несколькими исследовательскими вопросами об институциональной связи семьи и религии, которые имеют важное значение для будущего христианского брака. Первый тип вопросов имеет большее отношение к теологии: влияет ли растущее в западных обществах «бегство» от брака на практику христианской жизни? Насколько в принципе брак важен для христианства? Второй тип вопросов имеет отношение к социологии. Как христиане в разных странах говорят о рецессии брака? Каким образом христиане понима-

² Терминология, которую использует автор книги, в частности «рыночная терминология», свойственна исследователям американской религиозности, где нет одной доминирующей конфессии, присутствует большое количество различных церквей и сект, а также распространен переход из одной в другую, что делает релевантным обсуждение экономики религии, спроса, конкуренции между приходами и т. п.

ют смысл и цели брака сегодня? Каковы ожидания от брака со стороны молодых христиан? Можно ли выделить так называемые лучшие практики в сфере брака со стороны конкретных общин или семей, как и обратные неудачные практики? Не все ответы на данные вопросы мы находим в его книге, хотя сама постановка вопросов также имеет значение для понимания установок самого автора.

Книга опирается на результаты эмпирического исследования, в котором М. Регнерус совмещает анализ вторичных данных, преимущественно данных Всемирного исследования ценностей, с анализом глубинных интервью, собранных в семи странах с молодыми людьми, регулярно посещающими церковь и считающих себя христианами. Всего исследовательской группой под его руководством взято 190 интервью. Автор книги также проводил интервью и приезжал на супервизию своих интервьюеров. Дополнительно им самим были взяты интервью с лидерами религиозных общин в нескольких странах. М. Регнерус предлагает объяснение выбора стран, а также специфицирует их для общей картины, представленной в книге. Его объяснение обусловлено желанием охватить разнообразие христианских конфессий и течений. США составляет ядро евангелического христианства, а также является главным экспортером культурных ценностей по всему миру. Мексика — традиционалистская страна с огромным влиянием католичества на местную культуру, высоким уровнем бедности и исходящей миграции. Испания долгое время считалась центром распространения католической традиции в другие страны, в том числе и религиозного отношения к браку. Сегодня Испания также отличается более высоким на фоне других стран уровнем безработицы и экономической неустойчивости. Польша — страна, пережившая как советский период силовой секуляризации, так и «религиозное возрождение» в 1990-е и 2000-е. Доля практикующих верующих, регулярно посещающих богослужения, составляет в Польше около 50—60%, в том числе среди молодых людей. Россия отличается доминированием православного населения, а также активной защитой традиционных ценностей, несмотря на высокий уровень как браков, так и разводов. Ливан — пример страны с древней традицией веры, но при этом с христианским меньшинством на Ближнем Востоке. Наконец, Нигерия — пример страны, в которой можно встретить всех возможных представителей как христианства, так и ислама, где враждебно воспринимаются культурные течения западных обществ в вопросах сексуальности. Как показывает автор книги, выбранные им страны различаются по соотношению браков и разводов, а также по уровню религиозности среди молодых людей. «Общая картина такова: в большинстве стран как мужчины, так и женщины активно участвуют в церковных делах, связанных с заключением брака, но в одних странах у верующих больше шансов вступить в брак, чем в других. Со временем, конечно, разрыв в браке между более религиозными и менее религиозными людьми увеличивается» [ibid.: 16].

С одной стороны, автор действительно охватил очень разнообразные страны. С другой стороны, можно задуматься о том, является ли это преимуществом исследования, где автор пытается нарисовать общую картину так называемого христианского мира. Страны, которые автор включил в выборку, слишком разные! Их население различается по уровню и динамике религиозности за последние сто лет, институциональным и культурным трансформациям, уровню жизни и ба-

зовым экономическим показателям. Для адекватного сравнения стран, отобранных для сбора интервью, не хватает описания осевых переменных. Если такой переменной выступает институциональная религия, то заметно смещение в сторону в большей степени католических стран, а если религиозное разнообразие, то большинство стран скорее будут считаться религиозными монополиями. Поскольку отношение к браку молодых людей зависит, по мнению автора, не только от религиозного контекста, но и от экономических факторов (таких как безработица и бедность), а также институтов, организующих жизненные траектории молодых людей (образование, занятость), то стоило бы представить специфику стран и в этом отношении. В конечном счете социальное значение брака в каждой стране может быть описано как результат сочетания нематериальных и материальных факторов.

Вместе с этой критикой стоит отметить, что структура изложения в книге не выстроена относительно стран или конфессий, в которых проводилось исследование. Ее логика строится вокруг самих факторов, становящихся социальными триггерами при обсуждении брака и семейной жизни. Эти факторами иллюстрируют более или менее яркие примеры, характеризующие свои страны.

Вторая глава книги «От фундамента к облицовочному камню» посвящена анализу связи институциональной формы брака, которая существует в разных регионах мира, и субъективного восприятия брака в среде молодежи, идентифицирующей себя как христианской. М. Регнерус выделяет смысловое значение брака, сформулированное в иудаизме, христианстве, а также изменения, связанные с гражданским значением брака. Автор затрагивает тему различия между пониманием брака в структуре еврейских родственных групп, христианским пониманием брака как Таинства, а также как завета (covenant), более распространенного среди протестантских течений. Он сталкивает смысловой уровень, оформленный в институте, то есть в законной форме брака, с теми его определениями, которые формулируют молодые люди. Удивительным образом его респонденты из разных стран в собственных определениях брака демонстрируют гораздо больше единства, чем различий. Вместе с тем М. Регнерус показывает, что, несмотря на единство определений, отношение к браку изменилось. Речь идет не только о том, что ценность брака снизилась или появились альтернативы ему. Автор книги считает, что брак до сих пор является ценностью для молодых христиан. Однако он перестал восприниматься как естественный жизненный переход, который проходят молодые люди вне зависимости от изменения внешних условий. «Брак как фундамент» означал повсеместное вступление в брак в более раннем возрасте, практическую значимость и объективные преимущества семейной жизни для достижения целей. Но он перестал считаться фундаментом (foundation), основанием для взрослой жизни. Вместо этого он, оставаясь ценным, воспринимается скорее как «облицовка» (capstone) или «трофей», который можно получить после того, как удастся реализовать в других сферах жизни — образовании, занятости, то есть в сферах, отвечающих за социальную мобильность. Брак стал признаком достижения статуса, и поэтому он недоступен для молодых людей. Объективно это выражается в меньшем количестве браков и более позднем возрасте вступления в брак. Акцент смещается в сторону психологического удовлетворения от супру-

жеской жизни. М. Регнерус обсуждает этот сдвиг на примере нарративов молодых людей, объясняющих приемлемый возраст вступления в брак, условия для супружеской жизни в разных странах.

Третья глава книги «Мужчины и женщины» посвящена так называемой новой нормальности, то есть новым ожиданиям, которые предъявляют друг к другу молодые мужчины и женщины — практикующие христиане, ориентированные на вступление в брак. Как показывает автор, эти ожидания все время повышаются, что создает у молодых людей ощущение «брачного пессимизма». Один из примеров «новой нормальности», обсуждаемый в среде информантов, — обязательная вовлеченность в оплачиваемую занятость обоих супругов. В качестве аргументов говорится о невозможности обеспечения всей семьи одним человеком, а также о важности публичного признания женщины в качестве профессионала. Как пишет М. Регнерус, опираясь на собранные интервью, «это сейчас типично для среднестатистического христианина, посещающего церковь во всех семи странах» [ibid.: 54]. Такую норму считают не идеальной, но необходимой. Элементом новой нормальности становится также «конкуренция полов», наиболее явно заметная в образовании и построении карьеры. Как следствие, по мнению автора книги, сильно повышается уровень требований при принятии решения о браке прежде всего девушками, а молодые люди не чувствуют себя способными оправдать растущие ожидания. Итогом становится общее снижение уровня брачности. С одной стороны, М. Регнерус критикует исследователей семьи за их зацикленность на вопросах дохода и занятости, когда речь заходит о семье. С другой стороны, он сам показывает, что молодые христиане стали чаще брать на вооружение экономические аргументы, хотя отдельные исследования показывают, что в вопросах рождения детей религиозные люди более равнодушны к финансовым вопросам.

В третьей главе М. Регнерус предлагает описание «наблюдаемой модели брака» (an observed model of marriage), которая выкристаллизовалась по результатам его долгих наблюдений. «Христианский брак можно рассматривать как набор ожиданий (специфичных для каждой традиции), добавленных к базовой линии брака (в целом), то есть формальной/юридической связи и контекста для создания и передачи ресурсов между мужчиной и женщиной в процессе поддержания их союза» [ibid.: 76]. Он предлагает рассматривать брак как обмен (а не проявление эмоций или привязанности), а также как набор ожиданий, связанных с этим обменом. Что это за ожидания? Во-первых, это ожидание целостности, то есть стремление к абсолютному доверию и взаимности, которые становятся фундаментом отношений. Во-вторых, это ожидание детей, которые, как правило, обсуждаются и планируются, ожидаются, даже в отдаленной перспективе и даже если не получается их зачать. В-третьих, это ожидание постоянства. Редко можно встретить тех, кто на этапе подготовки и вступления в брак начинает думать о ближайшем разводе. В-четвертых, это верность. М. Регнерус утверждает, что среди религиозных людей есть четкое восприятие измены как греха, но эта норма распространяется далеко за пределы религиозного мира. Среди атеистов также признается ценность верности и моногамии, в том числе осознаются эмоциональные, экономические и юридические последствия измены. Эту модель автор считает более или менее универсальной для христианского мира, однако именно она подвержена различным вызовам.

Четвертая глава книги посвящена отношениям полов. В ней М. Регнерус обращает внимание читателя на российский исторический контекст, определяющий как восприятие брака, так и брачное поведение в нашей стране, а именно на те эксперименты в области религии и семейной политики, которые проводились в советский период. После революции 1917 г. церковь, которая долгое время выступала источником учения о семье и браке, была отстранена как от регулирования вопросов вступления в брак, так и от участия в воспитании детей. Первое десятилетие советской власти проходило под знаменем «свободы» и «равенства», что означало отсутствие на официальном уровне каких-либо норм, в том числе касающихся сексуальных отношений. На официальном уровне была упрощена судебная процедура развода, уравнен статус регистрируемого брака и гражданского сожительства, легализованы аборты. М. Регнерус приводит суждение российского социолога Питирима Сорокина, уехавшего в США, о том, что официальная советская теория в первые дни революции рассматривала секс как «стакан воды»: «Если человек испытывает жажду, такова была партийная линия, то не имеет значения, какой стакан он использует, утоляя жажду» [ibid.: 88]. Он подчеркивает, что так называемая сексуальная революция, которая во всем мире ассоциируется с радикальным моральным сдвигом на Западе, произошла на пятьдесят лет раньше в СССР. Итогом первых десятилетий этого эксперимента стал всплеск разводов, абортов, внебрачных и бездомных детей. Значительное сокращение населения и рост социальных проблем заставили советское (сталинское) руководство в 1930-х годах остановить действие этих экспериментов и в целом изменить модель семейной политики, основные программы которой заработали уже после окончания Второй мировой войны. С одной стороны, новая модель политики создавала возможность поддержки многодетности и ужесточала процедуру развода, а с другой стороны, она происходила на фоне войны и ее последствий, а также репрессий.

М. Регнерус считает, что случай советских экспериментов с браком и сексуальностью показателен, поскольку то, что когда-то сделала искусственно советская власть, теперь стало привычным в большинстве западных стран. Как говорят его информанты в разных странах, воздержание воспринимается как что-то архаичное и исключительное, сексуальные отношения стали доступными и «дешевыми». Он приводит цитату из интервью с одним из православных священников в России: «Я могу сказать, что большая проблема для этих молодых людей — быть целомудренными до брака. Потому что в наши дни девушки подходят ко мне и говорят, что они познакомились с молодым человеком, но есть проблема — он затаскивает ее в постель. Он говорит, что так это делается, и, если они не будут спать друг с другом, никто не будет с ними разговаривать. Молодые люди тоже подходят ко мне. Они говорят, что все движется к сексуальным отношениям — что в наши дни девушки таковы, и, если ты этого не сделаешь, никто не будет с тобой разговаривать. Даже девушки и парни, посещающие церковь, убеждены, что это какой-то необходимый шаг, который необходимо предпринять, несмотря на то что церковь против этого, просто потому что теперь без этого нельзя вступать в брак. [Как вы на это реагируете?] Как священнослужитель, я стараюсь общаться с ними в духе Евангелия. Понятно, что мы не можем приветствовать такие отношения. Эти отно-

шения незаконны, как ни крути, по той простой причине, что это воровство. Каждый должен нести ответственность за другого человека» [ibid.: 94].

Опираясь на интервью с информантами в разных странах, М. Регнерус утверждает, что доступность сексуальных отношений становится одним из главных препятствий на пути брака, поскольку брак не воспринимается молодыми людьми как что-то «дешевое» [Regnerus, 2017]. Возвышенность брака делает его недоступным в сознании молодых людей, вовлеченных в «открытые отношения».

Еще одно препятствие связано с трудностями поиска подходящего партнера, что накладывает на неравное соотношение полов. Как правило, в христианских церквях девушек больше, чем молодых людей. С этой точки зрения у молодых людей появляется возможность выбора, а у девушек обостряется вопрос выхода замуж. По мнению одной из респонденток, это может стимулировать девушек к «неправильным поступкам». Один из выводов М. Регнеруса заключается в том, что проблема вступления в брак состоит не в нехватке мужчин как таковых, а в нехватке мужчин, которые разделяют женское целомудренное отношение к браку. Имея определенную власть в решении «брачного вопроса», мужчины пользуются ею, отказываясь от своих обязательств. М. Регнерус показывает распространенность сожительства в странах, где собирались интервью. Какие-то из сожительств изначально были нацелены на вступление в брак, но оно не произошло. Автор показывает, как информанты, с одной стороны, открыто говорят о сексуальных отношениях, но на вопросы о возможном браке со своими партнерами затрудняются сказать что-то однозначное, не загадывая больше чем на полгода вперед. Одним из эффектов такого всплеска сожительства стало массовое распространение контрацепции и так называемого контрацептивного мышления, которое определяет и отношение к рождению детей. М. Регнерус также связывает это с распространением среди называющих себя христианами концепции «планируемого родительства»: «Христиане, посещающие церковь, используют формулировки о браке, которые не только подразумевают вероятность и желательность рождения детей, но и включают график, требующий и предполагающий стабильный контроль над рождаемостью» [ibid.: 110]. В католических странах возникает церковная проблема. С одной стороны, Католическая церковь считает, что контрацепция скорее унижает женщин, чем расширяет их возможности, поощряет мужчин рассматривать женщин как объект удовольствия, снижает ответственность, поощряет утилитарный подход к человеческим отношениям и рассматривает детей как проблемы, которых следует избегать, а не как дар, который следует ценить. С другой стороны, многие католики перестали, по его мнению, пользоваться формулировкой «на все воля Божья».

Пятая глава книги называется «Неопределенность». М. Регнерус показывает, что нарративы его информантов, проживающих в разных странах и принадлежащих к разным христианским конфессиям, насыщены обсуждением разного рода неопределенностей, когда речь заходит о вступлении в брак. Молодые люди говорят о финансовой неопределенности, неопределенности планов образования или неопределенности занятости, то есть факторах, которые усиливают неуверенность в своевременности брака. Но вместе с тем они говорят и о неопределенности в процессе поиска супруга или супруги, о проблеме недоверия, о том,

как сложно решиться на брак. По мнению автора, неопределенность стала одной из ядерных категорий при обсуждении решения о браке. Побуждение к разговорам о неопределенности может иметь разные причины, хотя религиозные люди в целом менее склонны указывать их в качестве аргументов. Автор приводит несколько трендов, которые культивируют разговоры о неопределенности: безработица и рост precarious занятости, расширение опыта негативных семейных отношений, массовое вовлечение в социальные медиа и платформы знакомств. Неопределенность, по мнению М. Регнеруса, — фактор, стимулирующий рост числа сожительств, которые препятствуют переходу в брак.

Высокая ценность брака часто ассоциируется с высокими материальными ожиданиями от семейной жизни, поэтому молодые люди не чувствуют уверенности в том, что им это по силам. Как показывает М. Регнерус, молодые христиане в своих нарративах сопротивляются сожительству, которое противоречит их установкам на семейную жизнь. Вместе с тем это осложняет поиск человека для вступления в брак. В связи с этим автор уделяет внимание развитию технологических платформ, призванных упростить поиск пары. С одной стороны, такие платформы создают ощущение малого мира, в котором можно найти, оценить, выбрать или отказаться от выбора другого человека: «Теперь мы знаем о жизни и обыденных мыслях других людей столько же, сколько о людях, с которыми мы живем, а иногда и больше» [ibid.: 193]. В целом технологии могут усиливать интенсивность социальных обменов. С другой стороны, платформы способствуют быстрому взаимному отбору и оцениванию физической привлекательности, что не всегда обеспечивает успех в отношениях. Например, мужчины и женщины используют их по-разному. Мужчины обращаются к платформам реже, но чаще для поиска новых отношений, в то время как женщины сообщают, что используют их чаще, но для поддержания постоянных связей. Платформы стимулируют к тому, что в социальных науках называют «невыбором», то есть бесконечному перебиранию альтернатив без какого-либо решения: «Когда я женился, я не говорил „нет“ никому другому — только „да“ одной конкретной женщине» [ibid.: 195]. Несмотря на всплеск в США популярности платформ для знакомств, в том числе христианских сервисов (Christian Mingle, Catholic Match), М. Регнерус не считает, что они способствуют укреплению брака, а скорее создают возможности для негативного взаимного выбора, поскольку в христианской среде все позитивные выборы уже случились через личное общение.

Шестая глава книги выходит за рамки академического описания представлений о браке среди молодых людей в разных странах мира. В ней М. Регнерус рассматривает перспективу возрождения христианского брака — «Я хочу зажечь свечу, а не проклинать темноту» [ibid.: 162] — и дает восемь общих советов, которые вытекают из реализованного исследования. По его мнению, они могли бы в целом улучшить ситуацию с браком.

Первый совет — рассказывайте показательные вдохновляющие истории о браке. Молодые люди по мере своего взросления слышат о браке преимущественно негативные истории — развод, измена, насилие, мачизм и т. п. Такие истории часто становятся публичными, в том числе происходят с известными людьми, лидерами мнений. В итоге у них не остается образа брака, за который можно было бы «зацепиться» при построении своей семейной жизни, особенно если он накла-

дывается на негативный опыт родительской семьи. Трогательные и вдохновляющие истории, по мнению М. Регнеруса, могут как мотивировать людей, так и придавать смысл их жизненному опыту, отсылая к известной теореме Томаса: «Если люди считают ситуации реальными, значит, они реальны и по своим последствиям».

Второй совет — создавайте или восстанавливайте субкультуры, благоприятствующие браку. Христианскому браку, укорененному в местной культуре, угрожает стандартизированная монокультура, которая приходит вместе с глобализацией. Здесь М. Регнерус отсылает к идее христианской контркультуры, сформулированной в популярной книге американского журналиста Рода Дреера «Выбор Бенедикта» [Dreher, 2018]. «Новый капитализм» ставит в центр индивидуализированные ценности, вытесняя семейную и коллективную жизнь на периферию общественного развития. Сопротивление этому движению возможно, по мнению М. Регнеруса, через вхождение и поддержку сообществ, восстанавливающих «культуру брака». Такие сообщества уже создаются внутри христианских конфессий в разных организационных формах — молодежных клубов по интересам (искусство, музыка, походы, наука), семейных групп и школ и т. п. Важно, чтобы они не просто имитировали христианскую культуру, но создавали ее, жили христианской жизнью.

Третий совет — сделай свой дом тихой гаванью (в бессердечном мире). М. Регнерус утверждает, что молодые христиане воспринимают брак не как естественное событие на жизненном пути взрослого человека, а как некое достижение, «облицовку» своей жизни, которая направляется материальными и карьерными ожиданиями. Работа вышла за свои границы и стала конкурентом домашней жизни. В «дом» превратились рабочие места, на которых люди проводят большую часть своего времени, получая задания, награды, достижения, а домашняя жизнь — трудоемкая и нудная. Автор книги предлагает противостоять силам, разрушающим дом, и снова сделать его убежищем в бессердечном мире. «Простые советы» предлагают перераспределить количество и «качество» времени на домашнюю жизнь — никаких смартфонов, больше общения с семьей, больше чтения вслух, совместного музицирования, больше совместной молитвы. Важно не забывать и о том, что семья неизбежно вписана в местное соседское сообщество, общение в котором также стоит поддерживать.

Четвертый совет М. Регнеруса заключается в необходимости подготовки молодых людей к браку. Он предлагает включить в нее и постоянное наставничество, хотя признает, что сегодня в принципе отсутствует культура супружеской помощи. Этот совет может найти и своих критиков, утверждающих, что переход к супружеской жизни должен быть «естественным». С другой стороны, информанты сами подчеркивают необходимость такой подготовки, чтобы избежать ненужных ожиданий и конфликтов, а также сориентироваться в вопросах семейной жизни. Автор приводит пример уже действующих инициатив, когда более опытные супружеские пары становятся наставниками у молодых пар. Одной из таких инициатив в одном американском штате удалось снизить долю разводов после вступления в брак на 24 %. В целом существует большое количество локальных инициатив, призванных поддержать молодых людей, вступающих в брак, хотя участие в них может иметь и обратные эффекты — молодые люди решаются прекратить отношения, осознавая, что имеют принципиально разные взгляды на семейную жизнь.

Пятый совет — помогайте другим справляться с вызовами в браке. Очень важно, по мнению автора книги, что в христианстве существует свой язык, позволяющий молодым людям и опытным супругам помогать своему браку: прощение, грех, исповедь, смирение, милосердие. Проблема дисбаланса по тем или иным вопросам все время присутствует в брачном союзе, но христианство отвечает на это образом несения своего креста в жизнь вечную. Вместе с тем этот язык не всегда доступен. М. Регнерус приводит пример брака, который не дожил до своего тридцатилетия, хотя, казалось бы, на это не было веских причин. Даже желание друзей направить одного из супругов в сторону сохранения этого брака не дало результата. Автор книги дает три совета тем, кто хочет искренне помочь в сохранении брачного союза. Во-первых, будьте осторожны и не принимайте чью-либо сторону. Во-вторых, будьте сдержаны в критике. Хвалите те аспекты браков других людей, которые этого заслуживают. В-третьих, будьте смелыми и мужественными, если считаете, что действительно имеет смысл поддержать брак [ibid.: 178—179].

Шестой совет — родители, будьте внимательны к советам, которые вы даете. В интервью с молодыми людьми, которые анализировал М. Регнерус, регулярно поднималась тема родительских советов о супружеской жизни, которые были обращены к собственным детям. Одни молодые люди были благодарны своим родителям, а другие — нет. Родители, как правило, предупреждают о рисках в браке, просят не спешить и потерпеть. Этот совет приводит к более поздним бракам или их отсутствию. С другой стороны, многие родители, имеющие что-то сказать, по разным причинам не делают этого. Некоторые респонденты считают, что неучастие родителей в вопросах семейной жизни их детей приводит к ошибкам. Родители иногда лучше чувствуют, кто подходит их детям.

Седьмой совет — подумайте о том, чтобы разрешить взрослым детям жить дома до вступления в брак в разумных пределах. В ряде стран, которые изучает автор книги, существует негласное правило — надо пожить самостоятельной, независимой от родительской семьи жизнью до вступления в брак. Сначала надо научиться самому заботиться о себе, чтобы потом заботиться о других. На практике это означает, что после наступления возраста совершеннолетия молодые люди уходят из родительского дома, в том числе рассчитывая создать свою семью. М. Регнерус утверждает, что такая практика неоднозначна и, как показывают исследования, не всегда обеспечивает ожидаемый результат. Его информанты говорят о привыкании ко комфорту от одинокой жизни и начале сожителств, что приводит к откладыванию брака на потом. Автор задается вопросом: почему бы детям не жить вместе с родителями до создания собственной семьи, как это распространено, например, в Ливане, Мексике, Польше и Испании? Родительский дом — отличное место, чтобы начать заботиться и о себе, и о ближайших к тебе людях, в том числе финансово. Вместе с тем, по мнению М. Регнеруса, для американского слуха такое предложение звучит как «ересь».

Восьмой совет — поэкспериментируйте с разумными, целенаправленными государственными инвестициями в брак. Этот совет выглядит гораздо более абстрактным, чем остальные. Он заключается в том, чтобы экспериментировать с программами государственной поддержки брака, воспринимая это как инвестицию, снижающую последующие издержки от разводов и неблагополучных семей.

В качестве заключительных размышлений М. Регнерус указывает, что, несмотря на тысячелетия экономических и политических изменений, брак все еще остается одним из устойчивых идеалов в христианской культуре. Это проявляется в понимании того, что такое жертвенная любовь, и в желании познавать другого. Оставаясь идеалом, брак вместе с тем подвержен расколу, и это не может не отражаться на других сферах человеческих отношений: «Почему мы должны удивляться тому, что целые сообщества и страны фрагментируются и распадаются, в то время как общий опыт супружества в них становится все более редким?» [ibid.: 216]. Брак, по мнению автора, не просто объединение двух людей, а объединение семей, в нем важно учиться преодолевать естественные различия.

Специфика данной книги состоит в том, что она не проблематизирует «исходный импульс» по отношению к браку, а обсуждает повышение ставок и возрастающую стоимость вступления в брак. Авторский стиль изложения, словарь «рыночных терминов», расставленные акценты и приводимые примеры говорят о том, что книга адресована скорее западному читателю. Опросы религиозного населения в США и ряде европейских стран в последние 20 лет показывают, что формальные признаки религиозности, такие как принадлежность к практикующим верующим, раньше активно использовались в качестве предикторов объяснения гомогенности установок и семейных ценностей в сравнении с нерелигиозным населением. Однако они постепенно утрачивают свое значение. Различные группы внутри религиозного населения демонстрируют вариативность установок, когда ставятся вопросы об отношении к браку и рождению детей³. Вариативность показывают и результаты исследований связи религиозности и установок на брак в России [Алексеева, 2023].

Пример развития исследований брака в западных обществах, да и в России, говорит о невозможности «нейтрального» отношения к этой теме со стороны ученых. Дистанция к объекту, регистрация наблюдений и критическое восприятие их результатов так или иначе наталкиваются на установки самого исследователя, рефлексию его собственного опыта и мировоззрения. В социальных науках это обычно проявляется в том, как люди интерпретируют изменения, связанные с институтом семьи, за последние сто лет: как упадок, деградацию, регресс или как естественный процесс адаптации, модификации, дифференциации и т. п. За прошедшие десять лет вышло немало книг, которые по-разному объясняют упадок института брака (например, [Illouz, 2019; Ильин и др., 2020]). Реализованное М. Регнерусом исследование продиктовано желанием увидеть варианты будущего для семьи, имеющей христианские корни и переживающей процесс секуляризации в западных обществах.

Список литературы (References)

1. Алексеева (Калиновская) П. А. Связь религиозности и ценностно-нормативных представлений о браке: взгляд российской брачной молодежи // Мир России. 2023. Т. 32. № 3. С. 119—144. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-3-119-144>.

³ Kim P., Minkin R. Public Has Mixed Views on the Modern American Family // Pew Research Center. 2023. September 14. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2023/09/14/public-has-mixed-views-on-the-modern-american-family/> (дата обращения: 22.03.2025).

- Alekseeva (Kalinovskaya) P. A. (2023) The Link between Religiosity and Marriage Values and Norms: Examining the Perspectives of Married Russian Youth. *Universe of Russia*. Vol. 32. No. 3. P. 119—144. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-3-119-144>. (In Russ.)
2. Ильин В. И., Афанасьева Ю. А., Башмакова М. А., Евдокимова А. А., Орловская А. В., Романенко С. А., Скиданова О. А., Сырбо А. В. Двое в обществе: интимная пара в современном мире. М.: ВЦИОМ, 2020.
Ilyin V. I., Afanasyeva Yu. A., Bashmakova M. A., Evdokimova A. A., Orlovskaya A. V., Romanenko S. A., Skidanova O. A., Syrbo A. V. (2020) Two in Society: An Intimate Couple in the Modern World. Moscow: VCIOM. (In Russ.)
 3. Dreher R. (2018) *The Benedict Option: A Strategy for Christians in a Post-Christian Nation*. New York, NY: Sentinel.
 4. Illouz E. (2019) *The End of Love: A Sociology of Negative Relations*. New York, NY: Oxford University Press.
 5. Regnerus M. (2017) *Cheap Sex: The Transformation of Men, Marriage, and Monogamy*. New York, NY: Oxford University Press.
 6. Regnerus M. (2020) *The Future of Christian Marriage*. New York, NY: Oxford University Press.
 7. van de Kaa D. (1996) Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility. *Population Studies*. Vol. 50. No. 3. P. 389—432.

